

НАСТОЯЩИЙ ДЕТЕКТИВ

Мелена
Михалкова

Манускрипт дьявола

Annotation

В начале двадцатого века в итальянском монастыре была найдена зашифрованная средневековая рукопись с необычными рисунками. Тайна ее не раскрыта до сих пор.

Наталья Куликова пытается расшифровать загадочный текст, известный как манускрипт Войнич. Связано ли похищение девушки с тем, что она подошла слишком близко к отгадке?

Максим Арефьев – успешный охотник за кладами. Вот и сейчас он близок к самой большой удаче в своей жизни. Но есть люди, готовые на все, чтобы остановить его в шаге от цели.

Эдвард Келли, авантюрист и придворный алхимик, жаждет славы и богатства. Но королевский двор полон интриг и не благосклонен к чужаку. И тогда Эдвард выбирает иной путь... Таинственная рукопись поможет ему достичь желаемого. Но какова будет цена?

Три линии сплетаются в новом детективном романе Елены Михалковой. Любовь. Предательство. Вражда. Все герои романа оказываются вовлечены в водоворот, перемешавший события средневековья и нашего времени.

Кому откроет свою тайну манускрипт дьявола?

- [Елена Михалкова](#)

- - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
-

Елена Михалкова

Манускрипт дьявола

Рукопись Войнича (англ. Voynich Manuscript) – таинственная книга, написанная около 500 лет назад неизвестным автором на неизвестном языке с использованием неизвестного алфавита.

Рукопись Войнича пытались расшифровать множество раз, но до сих пор без всякого успеха.

Единственный вывод, который сделали специалисты, – текст написан на искусственном языке, имеющем четкую логическую структуру.

Книга стала «Святым Граалем» криптографии...

Большая советская энциклопедия

Книга лежит передо мной. Тонкая, не толще дюйма, и очень легкая. Я нес ее, закутав в плащ, и пару раз по дороге останавливался, чтобы проверить: не выпала ли она, не исчезла ли. Ночь тяжело дышала за моим плечом, и я оборачивался через каждые десять шагов, пока не понял, что слышу собственное дыхание.

Двери... Засовы... Скрипучая лестница – по ней давно уже не ходит никто, кроме меня... Узкое распахнутое окно, в которое врывается предутренний ветер, пробирающий до костей. Я дрожу от холода и от того, что шел по ночному городу без плаща, а вовсе не от того, что на моих руках кровь.

Я сказал – кровь? О нет! Руки мои чисты. Лезвие испачкалось, быть может, – но мне не впервой оттирать его. Нет ничего позорнее для хорошего клинка, чем не послужить по назначению своему хозяину, хотя прежде я преодолевал препятствия иными путями.

До сегодняшней ночи.

Черт возьми, надо бы выкинуть произошедшее из головы и думать о том, что ждет меня завтра... Книга лежит передо мной на столе у приоткрытого окна, по карнизу которого уже топчутся голуби, готовясь встречать рассвет.

На обложке ее ни названия, ни рисунка, ни даты. Я видал книги,

украшенные столь богато, что блеск их камней затмевал блеск заключенной в них мысли. Я видел книгу, которую несли на спинах четыре мавра, и капли пота катились по лбу каждого, как если бы их ноша была каменной плитой. Я видел книгу, страницы которой были ржавыми от пролитой над ней крови.

Но не было ни одной, при взгляде на которую мое чутье шепнуло бы: «Эдвард, если она станет твоей, то изменит твою жизнь!» А моему чутью можно верить.

Первый раз в жизни, как ни смешно, я ощущаю что-то вроде благоговения. Вскоре мне придется отдать ее; вскоре чужие руки прикоснутся к тонкому пергаменту и чей-то жадный взгляд будет изучать рисунки и слова, на первый взгляд, не имеющие никакого смысла... Но пока – я ее хозяин! И хотя власть моя подобна власти обладателя запертого сундука с драгоценностями, от которого у него нет ключа, и скоро ей придет конец, – я все равно чувствую, что где-то в невидимых сферах ангелы обернулись ко мне и милостиво взирают сверху вниз, готовясь осыпать меня благами земными. А все лишь потому, что эта книга попала в мои руки.

Она изменит мою судьбу.

Глава 1

Бежать в сторону реки было ошибкой. Максим понял это слишком поздно – когда черная полоса леса осталась далеко за его спиной. Обернувшись, он увидел две одинаковые фигуры: они отделились от деревьев и пересекли дорогу, разграничивающую лес и поле. «Догонят. Как пить дать догонят».

Земля размокла после дождя, и вязкая грязь чавкала под его ногами. Когда двадцать минут назад Макс выскользнул из жарко натопленной комнаты в темную прихожую, времени искать кроссовки не оставалось, и он схватил первое, что подвернулось под руку, – огромные резиновые сапоги. Теперь они хлюпали при каждом шаге, мешали, и он давно сбросил бы их, если бы не понимал, что босиком далеко не убежит: распорот ногу о какую-нибудь корягу на берегу – и, считай, все, пропал Максим Арефьев.

Почему, почему он не рванул в деревню?! Постеснялся, дурак! В самом деле, смешно: здоровый парень выскакивает из избы и начинает голосить что есть силы: «Спасите! Помогите!» Макс никогда не боялся быть смешным, но в этот раз что-то остановило его.

Может быть, то, что он не до конца был уверен в намерениях человека, сидевшего напротив него за столом?

По правде говоря, даже сейчас, проваливаясь в грязь и оборачиваясь через каждые пять шагов лишь затем, чтобы убедиться: дистанция между ним и преследователями быстро сокращается, – Макс все равно не мог поверить окончательно. Ничто не предвещало, что из человека, которого он знал много лет, в один прекрасный вечер высунется чудовище и глянет на Макса проникновенными глазами. «Я совсем забыл: как ты расшифровываешь эту бумажку?»

До этой фразы все шло нормально или почти нормально. Конечно, Максим удивился, когда в двенадцать ночи раздался телефонный звонок, а час спустя в его развалюху ввалились трое, двоих из которых он видел впервые. Но объяснение «решил заглянуть к тебе с приятелями», сказанное самым беззаботным тоном, его устроило. Правда, приятели были странноватые – молчаливые, с задумчивыми взглядами, – но Макс повидал в своей жизни немало спортсменов и делал скидку на особенности их поведения.

– Это – Сеня, а это – Гарик! – бодро представил их гость. – Бокс и гребля.

Имена тут же вылетели у Макса из головы, и мысленно он стал называть этих двоих: «Бокс» и «Гребля». Бокс расположился на диванчике, извлек из кармана колоду и принялся неумело перекидывать карты, то и дело роняя их на пол. Гребля занял старое плешивое кресло, согнав с него такую же старую плешивую кошку, и сидел молча, наблюдая за упражнениями приятеля и лишь изредка поглядывая на Макса.

Из холодильника извлекли водку и трехлитровую банку соленых огурцов, плававших в мутном рассоле, а в морозилке нашелся желтоватый кусок копченого сала. Макс не был любителем выпивки, но приехавшие хором объявили, что грех не отметить встречу, и он не стал возражать.

– Значит, ты все-таки его нашел! – сказал гость, отодвинув пустую рюмку. – Ну что, рассказывай!

– Почти нашел, – поправил его довольный Максим. – Завтра собираюсь туда наведаться, как станет светло.

– Почему не сейчас?

– Долго объяснять... Завтра, завтра. Гость покачал головой, усмехнулся:

– Темнишь! Тайнственности нагоняешь... Говори уж, здесь все свои.

Они по-прежнему сидели за столом вдвоем. Над их головами тихонько раскачивалась лампочка, вокруг которой вилась одинокая молчаливая муха. Она не жужжала, и от этого Макс отчего-то было не по себе.

– Может, ты Гарика с Сеней стесняешься? – догадался гость. – Они свои люди! Если стесняешься, скажи мне на ухо – я никому не передам. Или не доверяешь?

– Да при чем здесь... Хватит ерунду говорить! Доверяешь, не доверяешь... Ты же знаешь: мы – народ на всю голову сдвинутый, делимся только тогда, когда все уже в руки пришло! – Максим усмехнулся, показывая, что шутит, что все не всерьез.

Собеседник откинулся на спинку стула и безнадежно махнул рукой:

– Черт с тобой! Ну хоть про клад тогда ребятам расскажи. Я им по дороге начал твои истории повторять – и сбился. А Сене с Гариком интересно.

Бокс и Гребля дружно посмотрели на Максима, изобразив на лицах интерес.

– Да что там такого... Ну, легенда. В каждой деревушке такие есть.

Он все-таки начал рассказывать, сперва неохотно, но постепенно увлекся. Его обычная молчаливость исчезла, сменившись заново переживаемым азартом поиска, непередаваемым ощущением близости к *тайне*, ради которого он и шел каждый раз в поход. Сидевший напротив

человек время от времени прерывал Макса словами «за это надо выпить!», и они выпивали, закусывая теплыми и оттого противными огурцами, а затем он снова возвращался к своей истории, которую, кажется, рассказывал уже самому себе, а не троим визитерам.

Его собеседник слушал внимательно, и глаза у него горели. Он перебил Максима лишь один раз:

– Откуда ты знаешь, во сколько оценили ожерелье?

– Потом, потом, это неважно! – раздраженно отмахнулся Макс. – Ты пойми: я все поле перерыл, весь лес исходил, у меня вон монет старинных полный мешок набрался... – Он небрежно кивнул в сторону комода, на котором были разложены тусклые кругляши. – Но чувствовал, что все не то, не то! Не успела бы она зарыть украшение. Значит, спрятала в господском доме, правильно? Но в том-то и дело, что его тоже обшарили перед тем, как сжечь! Все нашли – кроме ожерелья! По кирпичикам разобрали – так мне местный дед-краевед рассказывал, Онищев. Ходил я, ходил – все без толку! А потом понял.

Макс замолчал, вспоминая, как это было. Он действительно ходил по комнате – и вдруг *увидел*, как все произошло тогда, чуть меньше века назад. Единственное объяснение, ставящее все на свои места.

Он бросился бы к Онищеву немедленно, но тот, как назло, уехал до следующего утра, а врываться в дом к старику, ломая дверь, Макс счел неоправданной глупостью и полным мальчишеством. В конце концов, можно и подождать одну ночь.

– И тогда ты мне позвонил... – подытожил гость, дослушав рассказ.

– Кому ж еще? – рассмеялся Макс, чувствуя, что его охватывают легкость и кураж. – Кто больше всех надо мной смеялся, а? Кто мне не верил? Завтра убедишься, что я был прав!

– А если тебе ночью кирпич на голову упадет? – пробурчал Гарик, придвинувший свое кресло вплотную к столу. – В смысле, балка? Или, там, сердчишко прихватит...

– О, тут ты в точку попал, Гарь! – расхохотался собеседник Макса. – Но на этот случай наш великий кладоискатель так подстраховался, что ему ничего не страшно. Макс, признайся, ты до сих пор самому себе записочки пишешь? Точно, пишет!

– Пишу, конечно.

Видя, что на него устремлены непонимающие взгляды, Максим пожал плечами и улыбнулся:

– Я же говорю, у всех свои бзики. У искателей ходит байка о парне, который нашел клад Степана Разина.

Это, если кто не знает, легендарный клад, и многие в него верят.

– А ты?

– Даже не знаю... Пожалуй, верю. Но только не в один клад, а в несколько, которые схоронены в разных местах. Посуди сам: нелогично все яйца в одну корзину складывать.

– Давай про Разина, – не выдержал Гарик. – Нашел тот парень деньги – и что?

– Не деньги, а вход в подземелье. Искатели, которые серьезно занимаются кладом Разина, говорят, что все его схроны сделаны по берегам рек в подземельях или пещерах. Тот парень наткнулся на подземелье, вернулся к своей палатке и поехал на машине за подмогой в ближайшее село. А там по дурацкой случайности ему попались агрессивные местные подростки, которые стукнули беднягу по голове, снаряжение отобрали, а его самого бросили валяться в кустах. Очнулся он в больнице и два месяца даже имени своего вспомнить не мог.

– Потом-то вспомнил?

– Потом – да. А вот про то, где нашел вход в подземелье, начисто забыл. Так и не вспомнил.

– Да ну, лажа какая-то... – фыркнул второй спортсмен. – Что, чуваку не под силу было снова вернуться на то место и найти вход в эту свою пещеру, или чего там Разин нарыл?

– Ты представляешь себе расстояние, которое искатель может пройти за сутки? – вопросом на вопрос ответил Макс, морщась от выпитой водки, вовремя подлитой кем-то из сидевших за столом. – Если он по всему берегу искал это подземелье, а вход, например, завален камнем, то потом хоть общись – не найдешь его. Я и не говорю, что эта история правдива. Просто когда я ее услышал, то выводы для себя сделал.

– И ты все-все записываешь, что в голову придет? – уточнил гость. – И шифруешь?

– Нет, конечно! Для повседневных заметок у меня есть дневник, в нем я никакими шифрами не пользуюсь. Но если что-то важное, как сегодня, то пишу самому себе письмо. На случай, если меня тоже по башке стукнут, как Витьку... Чтобы не было мучительно больно за бесцельно пройденные километры.

Он засмеялся и подумал как-то мимолетно, что совершенно опьянел. Ничего, сегодня разрешается. В конце концов, осталось подождать совсем немного, а потом он пойдет к старику, и... А вот врать насчет шифра не стоило! Не боялся он, что его стукнут, никогда и не думал об этом. Просто у всех копателей свои традиции, иногда дурацкие, иногда смешные.

Суеверия, нужные словечки... Макс давно придумал свой ритуал: если после долгих поисков догадывался, в каком месте спрятан клад, тут же останавливался, доставал бумагу и ручку и записывал свою догадку, а потом подкидывал над листочком золотую монету времен Николая Второго. Была у него одна такая... тоже непростая, счастливая. Если монета падала орлом вниз, значит, ошибся он с местом и его ждет неудача – можно смело начинать поиски по новой. Но чаще всего орел оказывался сверху, и тогда Максим поздравлял себя, еще не видя самого клада, но уже зная, что доберется до него.

Признаваться в эдаких танцах с бубном было неловко – вот он и выдумал прагматичную причину. Еще и Витьку приплел...

– Можно хоть посмотреть на твой шифр, а? Ты же знаешь: я в жизни его не разберу.

Максим вздрогнул, поднял осоловевшие глаза на собеседника.

– А правда, дай взглянуть? – поддержал того один из спортсменов – кажется, Гребля. Пли Бокс. Макс уже успел забыть, кто из них кто, и от этого ему снова стало смешно.

– Па-ачему бы и не посмотреть? – проговорил он, усмехаясь и чувствуя, что язык заплетается. Определенно, последняя рюмка была лишней. Когда он рассказывал про клад, хмель не успел так ударить в голову, но вот сейчас...

Мысль Макса вернулась к бумажке, которая лежала в его нагрудном кармане. Он вытащил ее, театрально развернул, удивляясь самому себе – что это на него нашло? – и припечатал широкой ладонью к столу.

Три человека склонились над его запиской, затем отодвинулись.

Хочешь сказать: здесь написано, где твой клад? – усомнился Гарик.

Именно так.

А ты не боишься, что тебе так двинут по башке, что ты и шифр забудешь? – хмыкнул второй.

Макс развел руками:

– Если так, значит не судьба! Кроме меня этот текст может расшифровать только один человек. Да и то не факт.

Он сощурился на бутылку, думая, что все идет просто замечательно, и ребята эти нормальные, зря он счел их туповатыми, и хорошо, что они так славно сидят все вместе, а еще лучше, что скоро рассветет и можно будет пойти к Онищеву...

– Кстати, совсем забыл, – протянул гость, глядя на Макса и улыбаясь, но словно не ему, а кому-то за его спиной. – Как ты расшифровываешь эту бумажку?

В наступившей тишине вдруг громко зажужжала молчаливая муха. Спортсмены сидели почти неподвижно, но один из них тасовал колоду с бешеной скоростью, словно и не ронял неуклюже карты на пол каких-то три часа назад. Максим поднял глаза на человека, задавшего ему этот вопрос, и вдруг все понял.

Он протрезвел моментально. Все, что должно было произойти с ним в ближайшее время, читалось в глазах троих людей, ожидавших его ответа, но отчетливее всего – во взгляде того, кто задал ему простой вопрос.

На секунду время остановилось, и даже звуки растянулись: быстрый шелест карт превратился в одно долгое замедленное «ш-ш-ш-ш...». Под этот длинный однообразный аккомпанемент кто-то произнес у Максима в голове одно слово. «Бежать».

– Расшифровываю... – пробормотал Макс. – Элементарно я ее расшиф... шевро... фро... ваю...

Он встал, обвел глазами комнату и прижал ладонь ко рту. Постоял, покачиваясь, а потом издал булькающий горловой звук. Судя по брезгливому выражению лица собеседника, вышло у него вполне натурально.

– Щас... – выдавил Макс. – Вернусь – расскажу! Шатаюсь, он вывалился из двери в темное холодное помещение, услышав презрительно брошенное вслед: «Готов!» Сказавшему что-то ответили, но Максим плотно прикрыл за собой дверь, и обрывок фразы пропал.

За дверью все его мнимое опьянение как рукой сняло. Он схватил с вешалки куртку, сунул ноги в первое, что попало вниз, – это оказались резиновые сапоги хозяина, сдавшего Максиму свою хибару на две недели, – и, стараясь ступать бесшумно, пошел к входной двери.

Майская ночь после пролившегося накануне дождя окатила его свежей весенней сыростью и холодком. Он нырнул в эту сырость, торопливо застегивая куртку до самого подбородка, и, подняв воротник, шагнул за калитку. Спустя минуту деревня осталась за спиной.

Обернувшись, Макс увидел, что огни горят в единственном доме – там, где ждали его гости. Он сглотнул и ускорил шаг. Деревня, за деревней лес, за лесом поле, за полем река... Он повторял это про себя как стишок до тех пор, пока крыши домов не скрылись за поворотом.

Он всегда был немножко тугодумом, и Тошка посмеивалась над ним за это. Но решение идти к реке Максим принял быстро: там, в зарослях неподалеку от обрыва, один из местных рыбаков всегда оставлял свою лодчонку. На ней он и собирался перебраться на другую сторону, где в паре километров от берега раскинулось большое село.

«Найду где переночевать, утром вернусь – и сразу к деду. Днем, при деревенских, они не посмеют...»

На этой мысли Макс споткнулся о корень, переползающий лесную дорогу, и едва удержался на ногах, схватившись за мокрую сосновую ветку. Длинные иголки впились ему в ладонь.

«А если я ошибся?»

До сих пор он действовал, не раздумывая, но теперь гнетущее сомнение охватило его. Вдруг он все придумал? Слишком много выпил, опьянел, из подсознания полезли страхи... Подумаешь, люди приехали к нему в гости, любопытно им стало посмотреть на человека, который ищет клады! Тем более, что он сам позвонил, на радостях выложил, что, кажется, понял, где спрятаны драгоценности Провординой. Ему хотелось поделиться хоть с кем-то, а Тошкин телефон противным голосом извещал его, что она недоступна или находится вне зоны действия сети. Черт знает что такое! Это он в своей тьмутаракани должен находиться вне зоны действия сети, а не Тошка, сидящая себе в московской квартире и рисующая на стенах крылатых бегемотов.

И тогда он позвонил человеку, чей номер был записан следом за ее. Тому, кто сидел сейчас в домишке на окраине деревни и, наверное, недоумевал, куда же делся Максим. Пройдет еще пять минут, и он выйдет на улицу, обеспокоенный, и станет искать его – сперва в саду, – а не найдя, скорее всего, поднимет тревогу...

Чем дольше Максим стоял, тем больше убеждался, что сглупил, нафантазировал бог знает чего и теперь выставил себя в самом постыдном свете. В конце концов он вздохнул и повернулся, собираясь возвращаться и думая, как бы поизящнее объяснить свою внезапную ночную прогулку.

Дорога в бледном лунном свете просматривалась почти до самой деревни – волнистая желтая лента, густо заштрихованная с обеих сторон ветвями. И в самом начале этой ленты стояли два графически четких силуэта, похожие на вырезанных из бумаги человечков.

Макс дернулся и застыл на месте, но было поздно – его заметили. Человечки синхронно сдвинулись с места по направлению к нему и побежали, наращивая темп.

Именно их скорость убедила Максима в том, что преследователи мчатся за ним вовсе не затем, чтобы поинтересоваться его самочувствием. Отступив на шаг назад, он запнулся о тот же самый корень, вздрогнул и со всех ног бросился в сторону поля.

Они догнали его на самом краю откоса, где он задержался на

несколько секунд: слишком уж страшно было прыгать вниз с такой высоты, а до пологого песчаного спуска он не успел добраться. Первый сбил его с ног с таким расчетом, чтобы Макс оказался как можно дальше от обрыва, второй ударил упавшего под дых. Толстая куртка смягчила удар, но у Макса все равно пресекло дыхание, и старая травма позвоночника дала себя знать глухой болью.

– Умный ты какой... – деловито сообщил один из спортсменов, наклоняясь над Максом и рывком поднимая его на ноги. – Давай, двигай! Топай обратно, тебя заждались!

Второй ударил снова, но на этот раз Макс успел собраться и перехватил удар.

Они не ожидали от него отпора, хотя могли бы – как-никак, он вовсе не выглядел офисным хлюпиком. Макс дернул нападавшего за руку, уклонился в сторону – и тот грохнулся на землю, проехав носом по подстилке из сосновых колючек. Обернувшись ко второму, Максим приготовился отразить нападение, но опоздал. Все-таки он имел дело с профессионалом.

Град коротких, но жестоких ударов обрушился на него со всех сторон. Макс не успевал закрываться от них, и в конце концов упал, стараясь защитить живот и лицо. К боксеру присоединился его поднявшийся приятель, и они принялись пинать Макса вдвоем, утомившись только тогда, когда он перестал шевелиться и замер, скрючившись на холодной земле.

– Сука! – злобно сплюнул в его сторону первый. – Поднимай его, Гарик. Потацили этого уроды.

Макса грубо перевернули. Тот, кто стоял, наклонившись над ним, помолчал, сопя, потом сказал с неохотой:

Слышь, Сень, по ходу, ты его сделал. Щас коньки отбросит.

Да и... с ним! – огрызнулся второй. – Все равно не жилец. Хоть так, хоть эдак.

Зря... Как без него-то? Кто теперь этот его... шифр прочитает?

Кто-нибудь да разберет. Это фигня, а вот как нам его обратно дотащить? Давай ты обратно за машиной, а я здесь подожду.

Когда стихли удаляющиеся шаги, Макс поднял голову и застонал. Тотчас же сильный удар ногой отбросил его на шаг назад, ближе к обрыву.

– Повякай мне еще, тварь!

Макс попытался что-то сказать, но разбитые губы не слушались, и изо рта вместо слов вылетало неразборчивое шипение. Сделав колоссальное усилие, он приподнялся и провел ладонью по лицу. На ладони остался

темный след – кровь пополам с землей. «Все равно не жилец. Хоть так, хоть эдак», – бесстрастно повторил у него в голове тот же голос, который часом ранее приказал ему бежать.

– Шифр... – выдавил Макс.

– Чего?

– Скажу... шифр...

Ему удалось сесть на колени, опираясь ладонями о землю. Один сапог свалился с него в драке, второй слетел, когда Макс упал и его начали бить. Парень в кожаной куртке стоял над ним, слегка расставив ноги, в такой позе, словно собирался помочиться на Макса.

– Скажу! – прохрипел Максим громче. – Только не убивай!

– На хрена мне твой шифр?! Где клад спрятан? А?

– Я покажу, – заторопился Макс. – Вот... Здесь отмечено...

Он с трудом стянул куртку, разложил перед собой и принялся рыться в одном из внутренних карманов, стиснув зубы от боли – похоже, указательный вывихнут, а то и сломан. Спортсмен присел на корточки, заинтересованно глядя на него.

– Правда, что ль, покажешь? Ну, давай. Чего там у тебя? План, да?

– Вот. Возьми.

Ему и в самом деле было тяжело разгибать руку, чтобы протянуть зажатую в кулаке бумагу. Поэтому его охраннику пришлось наклониться, и тогда Максим со всей силы ударил его ребром ладони чуть ниже затылка. Вскочил, не чувствуя онемевшего тела, преодолел три шага, отделявшие его от обрыва, оттолкнулся – и полетел вниз, в темноту.

Черная вода под ним разошлась, а затем сомкнулась, будто сдвинулись ледяные челюсти и начали методично перемалывать попавшую в них добычу. Макса закрутило сначала в одну сторону, потом в другую, и он уже не мог сообразить, куда плыть, чтобы выбраться на поверхность. Обжигающий холод сковал его так, что он остекленел и еле шевелил руками и ногами. Мелькнула мысль, что идея сбросить сапоги и куртку могла казаться дельной лишь на берегу, когда он еще не знал, что его ждет. А здесь, в реке, неважно, что именно поможет ему быстрее утонуть.

Утонуть... Но ему нельзя тонуть! От того, выживет он или нет, теперь зависит жизнь еще одного человека!

«Тошка! – позвал Максим, пробиваясь туда, где вода казалась чуть светлее, и ощущая непреодолимое желание вдохнуть всей грудью. – Спасайся! Беги, Тошка!»

В голове ударил ледяной звон и разбился на тысячи осколков.

– Что он тебе дал? Ну?!

– Бумагу туалетную сунул... – сквозь зубы проговорил Семен. – Я думал...

– Кретин! Ты кретин, а не он! Оба вы кретины! Я вам что сказал?! Поймать и привести обратно! А вы что сделали?! Завтра его труп выловят, и что тогда?

– Так это... решат, что с деревенскими подрался. Он же сам рассказывал про того парня, которому башку проломили... – несмело протянул Гарик.

– Какими деревенскими?! Ты видел, сколько домов в этой деревне? Здесь два с половиной инвалида на сорок квадратных километров!

– Может, решат, что кто-то хотел у него про клад выпытать... – предположил Семен. – Поэтому и...

Он осекся, поймав выразительный взгляд.

– Вот именно! И этот «кто-то» – мы. Черт, черт, черт!

Человек, очень много поставивший на карту в игре с Максимом Арефьевым, отошел на край берега, втягивая воздух подрагивающими от бешенства ноздрями. Он сорвался из Москвы, проделал такой путь с этими двумя идиотами, почти разговорил Макса, напоив его, – и чем все закончилось?! Тем, что он остался с запиской, которую не может прочесть.

Конечно, можно обратиться к специалистам по дешифровке, но кто знает, что записал Макс своим хитрым кодом... К тому же вполне может статься, что его шифр окажется слишком сложен для них. Не зря же они с Тошкой последние десять лет только тем и занимались, что... Стоп. Как там сказал Макс? «Кроме меня, этот текст может расшифровать...» Минуточку!

Он обернулся, и, заметив улыбку на его лице, оба помощника подались назад.

– Вот что, придурки, – ласково сказал он. – Живо в машину, гоним к дому и убираем все так, чтобы ни одного следа не осталось. А потом – обратно в город. И номер грязью заляпайте, идиоты.

– Ты что придумал-то? – осторожно поинтересовался Гарик.

– По дороге расскажу. Пес с ним, с Максом. Есть один человечек, который расшифрует все его каракули.

Из Ланкастера пришлось удирать, бросив все имущество на паршивом постоялом дворе, хозяин которого – заросший щетиной толстяк со свирепыми маленькими глазками – каждый раз недобро косился на меня при встрече. Уж не знаю, что ему во мне не нравилось, но, не желая разочаровывать этого славного человека, я оприходовал его женушку в том самом подвале, куда он спускался, чтобы достать постояльцам вина. Препаршивого, надо сказать. За одно вино он заслуживает, чтобы черти в аду нашпиговали его салом и прокрутили на вертеле пять тысяч раз.

Сперва это маленькое дельце выглядело весьма заманчиво: молодой лорд Сибли просил провести сеанс оживления его дядюшки, скончавшегося от апоплексического удара и преданного земле три дня назад. Да что там просил! – умолял, обещая в награду треть от клада, местонахождение которого мы и должны были выпытать у покойника. Сибли-старший славился на всю округу сварливым характером и не раз заявлял, что припрятал свое богатство в укромном месте. У меня было свое мнение насчет того, куда делись денежки старика, но я, понятное дело, не спешил ни с кем им делиться.

«Клад кладом, но вдруг покойный лорд после смерти стал еще неуступчивей и не пожелает раскрывать своих секретов?» – спросил я, изобразив озабоченность. На этот случай мы с молодым дураком обговорили мое вознаграждение в монетах, которыми могут расплатиться живые, а не мертвые. «Деньги вперед – таково мое правило!» – сказал я ему, надувая щеки и выпячивая живот. На тощих заморышей вроде Сибли это всегда производит впечатление: будучи лишены полноценных телес, они с почтением относятся к тем, у кого имеется их избыток.

Получив увесистый мешочек, я припрятал его за пояс и расспросил юнца о подробностях всей затеи. Ничего сложного, как выяснилось. Кладбищенский сторож глух и полуслеп – он не станет помехой. Выкопать лорда, перевезти его в заброшенный сарай (повозка будет ждать у кладбищенской ограды) и оживить, используя заклинания и связи с духами-некромантами, – несложное дело, поверьте! Правда прежде мне не приходилось заниматься возвращением мертвецов к жизни, но нужно же с чего-то начинать... Я не сноб и полагаю, что лорд подходит для этого ничуть не хуже конюха.

Ночь была хороша: луна светила ровно, но не слишком ярко. Мы с моим помощником Жоржем с трудом вытащили тяжелый гроб, проклиная трусливого Сибли-младшего, – тот заявил, что будет ждать нас в сарае, ибо опасается ходить на кладбище по ночам, – и сняли крышку.

Лорд и при жизни не отличался изысканной внешностью, а удар и трое

суток в гробу не добавили ему красоты. Мой помощник, по виду и рекомендациям – прожженный мерзавец и прохиндей, сам отправивший немало людей на тот свет, скрючился за надгробием, издавая приглушенные звуки. Я окликнул его злым шепотом, и он присоединился ко мне, стараясь не смотреть на лицо покойника. Вместе с Жоржем мы приподняли лорда, собираясь перехватить его поудобнее, чтобы переложить на плетеные носилки, и я уже считал, что треть дела сделана... Как вдруг послышались шаги, и из-за могильных плит показался сутулый кладбищенский сторож, освещающий себе дорогу фонарем.

Чтоб ему после смерти коптиться на одном вертеле с хозяином постоянного двора! Мой помощник, быстро оценив положение дел, тут же нырнул за ближайший куст, и я остался один с Сибли-старшим, навалившимся на меня всем телом.

Положение осложнялось тем, что сторож, вопреки представлениям о нем, оказался не благообразным подслеповатым старичком, а здоровенным мужланом, не уступавшим по виду моему головорезу, в эту минуту постыдно прятавшемуся в жимолости. И оба его глаза были на месте – вполне зрячие!

Что ж, мне не оставалось ничего иного, как, прикрываясь тучным лордом, поднять его руку и помахать окаменевшему сторожу. Тот сделал шаг навстречу, и я уже подумал, что идея моя не будет иметь успеха, как этот бравый мужчина покачнулся и без единого вскрика свалился на землю.

Всю жизнь иметь дело с покойниками – и так испугаться обыкновенного трупа, проявившего учтивость... Я был разочарован! Но сокрушаться о малодушии сторожа времени не было, и, пинками выгнав Жоржа из кустов, я приказал ему снова приняться за дело. Когда мы водрузили лорда со всеми подобающими почестями на носилки, я подобрал фонарь, выпавший из рук сторожа, и повесил его на ветку растущего рядом тиса – так высоко, как только смог дотянуться. Несколько следов, оставленных в рыхлой почве, – и теперь любому интересующемуся стало бы ясно, что здесь произошло.

Лорду надоело лежать в гробу, он выбрался из могилы и отправился на прогулку. Следы недвусмысленно указывали направление – дом миссис Крэйби, вдовы, к которой Сибли и при жизни частенько заходил (именно у нее, я полагаю, осела немалая часть его состояния). Фонарь же лорд предусмотрительно повесил на дерево, ибо задерживаться надолго у вдовы не собирался, а возвращаться в свою могилку в темноте не желал, опасаясь ошибиться адресом.

Ну, не убедительно ли? По-моему, вполне. За сторожа я мог быть

спокоен.

Вторая сложность возникла, когда мы собирались доставить покойника на место встречи с его племянником. Уж не знаю, что пришлось не по нраву каурой лошадке, запряженной в повозку, но только она громко возражала против того, чтобы везти куда бы то ни было лорда Сибли. Кучер едва уговорил ее, да и то всю дорогу я ожидал, что проклятая кляча вот-вот что-нибудь выкинет. Однако же обошлось.

В сарае все было приготовлено согласно моим распоряжениям, и бледный, как недозревшее яблоко, племянничек ждал нас у дверей, разве что не шатаясь от волнения.

– Что так долго?! Я думал, все сорвалось!

– Вы имеете дело с Эдвардом Келли, – со значением ответил я. – У меня ничего не срывается, даже если возникают препятствия.

– П-п-препятствия?! Господи, какие препятствия?!

– Забудьте. Пора проводить обряд.

Мертвеца уложили на пол в окружении пентаграммы из свечей, каждую из которых я собственноручно зажег, бормоча себе под нос заклинания. Затем, когда в сарае остались лишь мы с племянником, я извлек из кармана магический кристалл и приступил к обряду.

Вторая пентаграмма, знаки Вельзевула на полу, запах благовоний, которые должны были заглушить дух, исходящий от трупа... Тени метались по стенам, я размахивал магическим кристаллом, внутри которого разгоралось алое пламя, и хриплым голосом выкрикивал заклинания, вызывающие демонов нижнего мира. Невидимых, конечно же.

Должен признаться, оживление покойников пришлось мне по вкусу. Когда, введя себя в транс, я склонился над неподвижным лордом и принялся трясти его за плечо, завывая: «Восстань и говори! Восстань и говори!», – его племянник попятился к стене. Судя по вытаращенным глазам этого замухрышки, транс мне удался. Дело оставалось лишь за лордом Сибли. И лорд не подвел.

Сперва он воздел одну толстую руку, затем вторую, и вдруг резко сел. Из угла, где жался к стене его племянник, раздался приглушенный горловой звук, но я не мог отвлекаться на мелочи.

– Лорд Сибли! – приказал я громовым голосом. – Будете ли вы отвечать на наши вопросы?

Мертвец кивнул.

– Сообщите, где вы зарыли клад, и мы больше не потревожим ни ваш дух, ни ваше тело!

– С одним условием... – тихо, но отчетливо проскрипел покойник.

Звук из угла повторился.

– Каким же?

– Все деньги достанутся моему племяннику Ричарду. Не позволю ценностям нашего рода попасть в чужие руки!

– Э-э, нет! Так не пойдет! – Я отшатнулся и покачал головой.

– Келли! – раздался шепот за моей спиной. – Келли! Обернувшись, я увидел, что племянник, выпучив глаза, делает мне какие-то знаки.

– Отпускаю вашего дядюшку в мир мертвых, – грубо заявил я. – Не было такого уговора про клад!

– Келли, клянусь вам, – просипел Ричард, – вы получите все, что хотите! Не из клада! Из моих... Моих собственных!

– Нет уж, дудки! Вы меня обманете, и что я буду делать?

– Даю слово! – в голосе племянника звучало отчаяние. – Хотите, деньги будут у вас к рассвету?! Только пусть дядя скажет, где зарыл клад!

– К рассвету? – переспросил я, колеблясь.

– Да, да! Ну же, быстрее, спрашивайте его! Я вновь обернулся к лорду.

– Мы согласны! – торжественно объявил я ему. – Весь клад достанется вашему племяннику.

Покойник сделал мне знак наклониться, и я прижал ухо к его губам. Он затрясся, словно в ознобе, и некоторое время я стоял, не двигаясь. Затем кивнул, помог лорду лечь и скрестил ему руки на груди.

– Прочь, демоны! – крикнул я, поднимая над головой магический кристалл. – Здесь больше нет в вас нужды!

Свечи вспыхнули ярче – и разом погасли. На время сарай погрузился в полную темноту.

Когда я зажег фонарь, из темноты на меня выплыла бледная маска. Будь я так же впечатлителен, как кладбищенский сторож, – тут же и свалился бы в обморок: до того жутко она выглядела...

– Ч-черт, Ричард! Это вы!

Племянник опустился на колени возле меня, глядя вытаращенными глазами. Положи его сейчас рядом с телом его дядюшки – и не скажешь сразу, кто из них двоих покойник.

– Келли... Келли... Он сказал! – твердил этот молодчик, стуча зубами. – Он вам сказал!

– Сказал... Но сперва вспомните наш уговор!

– Да, да... Сейчас... Что-то нужно делать...

Все-таки он был не в себе. Мне пришлось встать, поднять его за плечи и вывести из смрада сарая на свежий воздух.

– Ваш дядя указал место, где зарыл клад, – сказал я. – Между прочим,

скоро рассветет!

Тут он вздрогнул, поняв намек.

– Сперва нам нужно вернуть дядю на его... место! – выдавил он. – А затем вы получите обещанное. Скажите же, умоляю, где зарыт клад?!

– Только после того, как получу свое! Ну, где ваш слуга?

Хоть я изображал суровость, но внутри позволил себе расслабиться. Этот слизняк сделает все, что я скажу, но нужно ковать горячее железо. Сейчас мальчишка потрясен, но стоит нам избавиться от его дяди, вернув труп в могилу, и алчность возьмет в нем верх над страхом.

– Решайтесь! – поторопил я его. – Тайник, указанный лордом, могут раскопать другие, и тогда оставаться вам без денежек...

Моя угроза решила дело: юный Сибли дернулся, бросил взгляд в темноту сарая, где белело накрытое холстиной тело, и согласно кивнул.

– Отправляйтесь к себе, я буду ждать вас здесь, – распорядился я. – Привезете мне столько же, сколько уже заплатили. Это куда меньше, чем треть клада! – пояснил я, видя, что на лице мальчишки появилось сомнение. – Подумайте, сколько денег скопил ваш дядя за долгую жизнь! И все это достанется вам! Я еще мало прошу, потому что испытываю симпатию к вам, милый юноша...

«Милый юноша» слегка скривил губы, услышав последние слова, но подозвал слугу и велел привести верховую лошадь, дожидавшуюся его на привязи за сараем. Приглушенно простучали копыта по влажной земле, и мы остались втроем: я, Жорж и слуга, торопливо убравшийся к своей повозке.

Наследник отсутствовал недолго: прискакал обратно, спрыгнул с лошади, бросил поводья слуге. На поясе у него болтался приятный и увесистый на вид мешочек – точь-в-точь такой же, какой я получил накануне. Ричард направился ко мне, и я мысленно предвкушал удачное завершение дельца, но тут случилось непредвиденное.

– Стойте! – раздался громкий крик, заставивший всех нас остолбенеть.

Я резко обернулся. Увиденное заставило меня выругаться: к нам бежал, спотыкаясь, кладбищенский сторож, а за ним следовала толпа человек в двенадцать, часть из которых была вооружена.

– Осквернитель! – визжал сторож, тыча в меня пальцем. – Осквернитель могил!

Молодой Сибли отпрыгнул от меня, словно кузнечик, и заветный мешочек остался у него в руках.

– Хватайте его! Держите! – продолжал надрываться мерзавец. – Стреляйте в него!

Я заметил взгляд, брошенный моим Жоржем, и понял, что дело плохо: этот прохиндей поможет схватить меня, чтобы выйти сухим из воды. Сам бы я поступил именно так. В следующий миг он сделал шаг ко мне, и выражение на его лице недвусмысленно свидетельствовало о том, что я оказался прав в своих предположениях.

Терять времени было нельзя. Подскочив к слуге, я вырвал у него из рук поводья, вскочил на лошадь и прищпорил ее. Лошадка ответила мне возмущенным ржанием, а все прочие – криками. Грохнул выстрел, и я пригнулся. Чего доброго, эти болваны и в самом деле пристрелят меня!

Оставалась лишь одна дорога – к лесу, и я пустился вскачь в сторону темной зубчатой громады. Крики за спиной постепенно стихли, но я то и дело оборачивался, чтобы убедиться в отсутствии преследования. С них стало бы отправиться за мной в повозке!

Черт возьми, а ведь как хорошо все было задумано! Получив свою долю от наследника несговорчивого лорда, я поведал бы ему, что деньги спрятаны за старой заброшенной мельницей, всего в двух милях от поместья старого Сибли.

Конечно же, я побывал на ней и позаботился о том, чтобы все выглядело достоверно: раскопанная на заднем дворе у ограды яма должна была показать мальчишке, что кто-то до него уже успел прибрать к рукам богатства лорда, как я и предупреждал. Но с меня-то какой спрос? Я лишь обещал узнать, где был закопан клад, а не брался отвечать за его сохранность.

В итоге наследник остается ни с чем, а я с вознаграждением – полученным, заметьте, совершенно заслуженно.

Если бы не сторож, поднявший на ноги половину Ланкастера! Да, худое вышло дело... Нынешние законы предписывают нещадно карать и тех, кто грабит покойников, и тех, кто творит над ними колдовские дела, а уж в чем-нибудь одном меня обязательно обвинили бы. И попробуй обели себя при таких-то свидетелях, как младший Сибли со слугой и проходимец Жорж... Нет, как ни кидай кости, выходило, что в Ланкастер мне пути нет, и чем дальше я окажусь от него в ближайшее время, тем лучше будет для моей шкуры.

Я направил лошадь напрямик через лес и к полудню выехал на широкий тракт, с одной стороны которого извилистой зеленой змеей тянулась живая изгородь, над ней вились пташки. Денег, что спрятаны в моем поясе, хватило бы ненадолго, а значит, нужно было сообразить, где раздобыть звонких монет, да побольше.

Кое-что, признаться, я придумал, пока ехал через лес... Но для того,

чтобы мой замысел удался, мне потребовались бы вся наглость с удачливостью.

Глава 2

– Снегопад в мае становится доброй традицией, – проворчал Бабкин, продавливая ботинком лед, сковавший лужу на асфальте.

Лед хрустнул, потрескался и просел под его тяжестью, но вода в лунке не выступила.

– Видал? Все насквозь промерзло!

– Я сам насквозь промерз, – отозвался Макар, у которого зуб на зуб не попадал с той самой секунды, как они вылезли из машины. – Почему мы не припарковались у подъезда?

– Ты бы оставил свои барские замашки, – посоветовал Сергей. – Сюда на велосипеде-то въехать страшно, не то что на машине!

Он посмотрел на потрескавшийся асфальт, весь в колдобинах и ямах, перевел взгляд на высоченный тополь, зеленеющие ветки которого, как пухом, были покрыты снегом. Странное дело: деревья в этом старом дворе росли как вздумается, и никто не подрезал им ветки, не формировал верхушки и не красил стволы белой краской. Внутри палисадника стояли рядом пять можжевельниковых кустов, похожих на большие коконы. На каждый кокон нахлобучена снежная шапка.

Весь этот изветшалый район был застроен кирпичными пятиэтажками и обладал особым очарованием – очарованием несовременного, давно обжитого места. Люди, обитающие здесь, любовно обустроивали свои дворики: красили скамеечки у подъездов, сажали цветы под окнами и приносили игрушки на детские площадки. Одна такая площадка находилась прямо напротив подъезда, к которому шли Сергей с Илюшиным, и оба усмехнулись, поглядев на нее: с верхушки маленькой снежной горки, неумело утрамбованной детской лопаткой, на них заносчиво взирала ядовито-зеленая пластмассовая лягушка.

– Торжество лета над зимой, – прокомментировал эту картину Бабкин.

– Ожидания, которым не суждено сбыться, – возразил Макар. – Думаешь, зачем она там сидит? Комаров ждет. А комаров в ближайшее время не предвидится. Только большие и несъедобные снежные мухи.

– Пессимист ты, вот что я тебе скажу.

– Я реалист. Смотрю на мир без розовых очков. Кстати, об очках – наш клиент уже ждет.

Возле подъезда застыл высокий сухопарый мужчина лет пятидесяти со стоящими торчком очень светлыми, будто крашеными волосами, при

первом взгляде показавшийся Сергею иностранцем. Наверное, как раз из-за сочетания упомянутых Илюшиным очков с шарфом. Очки были прямоугольные, в тонкой поблескивающей оправе, и вид имели неприлично дорогой и заграничный. А шарф – нежно-розовый, крупной вязки, с длинными кистями и сам длинный, судя по тому, что владелец обмотал его вокруг шеи три раза.

Сергей Бабкин впервые увидел мужчину, который не только согласился надеть розовый шарф, но и вышел в нем на улицу. До этого дело с клиентом имел Илюшин, который о шарфе умолчал.

– Здравствуйте! Куликов, Аркадий Ильич, – мужчина протянул Бабкину руку до того, как Макар успел его представить. Рукопожатие у него было крепким, покрасневшие глаза за стеклами очков глядели на сыщика испытующе.

– Сергей. Сергей Бабкин.

– Давайте поднимемся в квартиру.

Куликов пробежался пальцами по клавишам домофона, словно наиграл неслышную мелодию, и вслед за Макаром и Бабкиным вошел в подъезд.

На первом этаже под лестницей стояла коляска, а рядом, прислоненный к стене, ждал весны синий детский велосипед. Бабкин подумал, что давно не видел подъездов, где жильцы так спокойно оставляли бы коляски и велосипеды без присмотра.

– Поэтому Наташа никуда не хочет отсюда переезжать, – сказал Куликов, поймав взгляд Сергея и правильно истолковав его. – Говорит, здесь особенный район. В этом она права. Я не раз предлагал ей поменять квартиру, но она отказывалась.

Поднявшись на четвертый этаж, он достал ключи.

– Оперативники осмотрели квартиру? – спросил из-за его спины Макар.

– Да, утром.

– Результаты?

– Никаких. Вещи не тронуты, деньги не исчезли, даже документы на месте. Отпечатков пальцев нет.

Он обернулся к Бабкину с Илюшиным и сухо вато закончил:

– Вся надежда на вас.

Сперва Сергею послышалась ирония в его словах, но почти сразу он понял, что никакой иронии здесь нет, а есть страх и страдание, спрятавшиеся под маской сдержанности. Аркадий Ильич дважды провернул ключ в скважине, и дверь распахнулась, открывая вход в очень светлый коридор, в первую секунду показавшийся Бабкину заросшим

травой.

Сделав шаг внутрь, он увидел, что никакой травы, конечно, в квартире Наташи Куликовой нет. На полулежал пушистый ковер с торчащими вверх зелеными ворсинками разной высоты, похожий на покрывало из мха – не хватало только ягод брусники или клюквы. Белые стены внизу разрисованы ветвями и листьями.

– Проходите, пожалуйста, – попросил сзади Аркадий Ильич. – Комната справа.

В комнате почти не было мебели, и потому она казалась просторной. Свет падал в незашторенное окно, и лучи солнца тонули в травяном ковре – точно таком же, как и тот, что лежал в прихожей. Остановившись на пороге, Бабкин присвистнул, но причиной его удивления был не ковер и не отсутствие шкафов.

Очевидно, любимое сочетание цветов хозяйки – зеленый и белый. Все стены в комнате были выкрашены светлой краской, и одна из них представляла собой подобие картины. Бабкин подошел поближе и остановился, изумленно рассматривая рисунки.

На этой стене росли деревья. Пожалуй, фантастические, решил Сергей, потому что определить вид хотя бы одного из них оказалось ему не под силу. Длинные изогнутые листья, переплетающиеся ветки, травинки и стебли, обвивающие стволы... Много-много зеленого цвета: бутылочного, травяного, изумрудного оттенков. Единственным опознанным Бабкиным растением стал папоротник, выписанный с удивительной детализацией, вплоть до мелких ворсинок на листочках.

Над папоротниками летали синие бегемоты. Толстые, как чеширские коты, с такими же широкими улыбками во всю бегемотью пасть, они махали до смешного крошечными крылышками, сидели на ветках деревьев, свесив кривые короткие ножки, и парили среди зарослей. Самые маленькие бегемотики были небесно-голубого цвета.

– Лес Крылатых Бегемотов, – негромко сказал сзади Куликов. – Наташа шутит, что это автопортрет.

Бабкин хотел ответить и вдруг осознал, что за то время, пока они стоят в комнате, Илюшин не произнес ни слова. Это было на него не похоже. Решив, что друг так же впечатлился картиной на стене, как и он сам, Сергей обернулся.

Макар молча стоял у противоположной стены, к которой были припилены большие листы ватмана. Окинув их взглядом, Сергей вздохнул. Когда-то он смотрел фильм «Игры разума», в котором главный герой, талантливый ученый, страдал шизофренией. То, что Бабкин видел

сейчас на стене, очень напоминало записи этого ученого, не раз показанные в фильме.

Ватман был исчерчен сверху донизу непонятными письменами, мелкими буквами и закорючками. Кое-где, на свободном, явно специально выделенном пространстве, письмена исчезали, уступая место формулам и расчетам.

Лист из манускрипта Войнича

Рядом с формулами неуклюже и не очень-то похоже нарисован одуванчик, и этот мотив повторялся, как посчитал Сергей, минимум шесть раз.

Но кроме невинного одуванчика были и куда более странные рисунки. На одном из верхних листов он разглядел женщин, нарисованных в профиль – все они сидели в подобии горохового стручка, и у каждой из головы торчала трубка. В другом месте было изображено что-то вроде змеи, пустившей корни.

Сергею стало окончательно ясно, что Илюшин не возьмется за это дело. Искать душевнобольную девушку по всей Москве – задача не из легких, а Макар всегда здраво оценивал свои возможности. Бабкин приготовился услышать мягкий по форме, но категорический по содержанию отказ, и мысленно пожалел отца девушки, которому и так пришлось нелегко.

Макар наконец отвел зачарованный взгляд от каракулей и бредовых посланий и перевел его на мужчину, стоявшего в дверях. Лицо у него было на удивление серьезным, даже ошарашенным.

– Ваша дочь занималась расшифровкой манускрипта Войнича? – как показалось Бабкину, с некоторым недоверием спросил он.

Тот кивнул:

– Да, много лет. Это ее своего рода хобби, еще со школы. Хотя иногда мне кажется, что она уделяет ему куда больше времени, чем своей работе.

– Она достигла какого-то результата?

– Не могу вам сказать. Не потому, что не хочу, а потому, что не знаю.

– Любопытно... – Макар прошел вдоль стены, внимательно разглядывая рисунки. – Если вы не против, давайте поговорим в этой комнате, хорошо?

У последнего изображения остановился и, не дожидаясь ответа, сделал Сергею знак: записывай.

– Итак, когда вы в последний раз видели дочь?

* * *

Аркадий повторял свой рассказ в третий или в четвертый раз – он сбился со счета. Сперва дежурный, который принял у него заявление, потом оперативник, предупредивший, что вскоре с ним свяжется следователь... Теперь он излагал то же самое частным детективам, нанятым им в первый же день после исчезновения Наташи. Точнее, вечер.

Его старый друг, посоветовавший обратиться к ним, человек немногословный и скупой на эмоции, сказал: «Они тебе крота из-под земли выкопают». И Аркадий как-то уцепился за этого крота, представив людей –

нет, не людей, волшебников, – способных сделать так, чтобы Наташка вернулась живой и невредимой. Написав заявление, он, выйдя из отделения, сразу позвонил по телефону, продиктованному другом, и вскоре уже ехал на встречу.

Детективов оказалось всего двое. Макар Илюшин поначалу разочаровал Куликова – не сыщик, а какой-то мальчишка: худощавый, светловолосый, с отросшими, совершенно несерьезными вихрами, торчащими во все стороны. От него оставалось ощущение легкости и беззаботности. Выглядел Макар Илюшин лет на двадцать пять, не больше, а Аркадию все молодые люди такого возраста казались юнцами. Детьми, как и его Наташа. Но, увидев Илюшина на следующий день, Куликов поразился: перед ним стоял мужчина лет тридцати с небольшим, собранный и внимательный. Никакой расслабленности не было и в помине. Он расспрашивал о вещах, которые, как казалось Куликову, мало относятся к делу, и Аркадий добросовестно отвечал, отмечая про себя въедливость детектива.

Но что такое настоящая въедливость, он понял лишь тогда, когда к расспросам приступил второй сыщик.

Если первый напоминал гончего пса, готовящегося взять след, то второй – собаку одной из тех пород, представители которой вцепляются один раз, но намертво. Высокий, коротко стриженный, тяжеловесный, с глубоко посаженными темными глазами, он вызвал в памяти Аркадия усредненный образ «братков» из девяностых годов. Только этому не хватало золотой цепи толщиной с ужа, и одет он был демократично: джинсы да простая куртка, оттопыривавшаяся под мышкой.

«Туповат», – решил Куликов, посмотрев на него. Он укрепился в этой мысли, когда детектив начал задавать ему одни и те же вопросы, лишь немного меняя формулировки. Правда, спрашивал он по делу: о друзьях-знакомых Наташи, о ее личной жизни, работе... Но спустя некоторое время Аркадий обнаружил, что, отвечая в третий раз на вопрос, он вдруг вспомнил детали, которых не мог вспомнить до этого, и его мнение об умственных способностях сыщика изменилось. Нет, не так прост был этот громила, совсем не прост, и не зря он с таким тщанием вытаскивал из Аркадия подробности общения Тошки с ее коллегами. Присматриваясь к нему, Аркадий Ильич в который раз напомнил себе не делать скоропостижных выводов о людях.

К концу второго часа разговора Куликов устал. Он уже ловил себя на ощущении, что все происходящее кажется ему – нет, не сном, а напротив – жуткой явью, в которой он проснулся. И возврата обратно, в спокойный

длинный сон, уже не будет.

Первый раз такое ощущение настигло его после смерти Кати. Аркадию казалось, что их недолгая счастливая жизнь ему приснилась, а потом он отчего-то проснулся в такой яви, где Катя погибла, а он толком и не знал ее. Следующие месяцы после ее похорон ему постоянно хотелось спать, он засыпал везде – в метро, на работе, в только что остановленной у дома собственной машине... В глубине его души жила иррациональная вера в то, что он сможет вернуться в тот сон, где она была жива.

Конечно, он выбрался из этого расстройтва – а это было именно оно, не стоило кривить душой перед самим собой. Выбрался, вернулся к жизни, надеясь, что ему больше никогда не придется проходить через такое... И теперь изо всех сил старался остаться «в здравом уме и трезвой памяти» – эту юридическую формулу он повторял про себя: удивительным образом она держала его, словно зажимая в футляр, не давая растечься аморфной массой. «В здравом уме и трезвой памяти», – повторял он про себя, и мысли о снах и яви отступали. Заклинание, вот что это было такое. Его собственное маленькое заклинание вроде тех, что очень любила Наташка.

– Что с вами?

Он не сразу понял, уйдя в свои мысленные бормотания, что коротко стриженный сыщик обращается к нему, и вздрогнул от неожиданности, когда тот дотронулся до его плеча.

– Аркадий Ильич, все в порядке?

Куликов даже не заметил, как этот человек, имя и фамилию которого он не мог сейчас вспомнить, встал и подошел к нему. Только что он отвечал на его вопросы, потом задумался на пару секунд, а очнулся оттого, что к нему прикоснулись.

– Да-да, все в порядке! – спохватившись, заверил он детектива, наклонившегося над ним и пристально вглядывающегося в его лицо.

– Вы уверены, что хорошо себя чувствуете? Макар сейчас принесет воды.

Только теперь Аркадий увидел, что второго детектива в комнате нет. Ему стало не по себе.

– Я что, потерял сознание?

– Нет. Но вы замолчали на полуслове и побледнели. Раздались шаги, и возле сидящего на стуле Куликова опустился Илюшин, протянул стакан воды:

– Выпейте.

Не глядя на двоих мужчин, Аркадий выпил несколько глотков, отставил стакан в сторону, понимая, что выглядывает в их глазах в лучшем

случае смешно и жалко. Он представил себя со стороны: немолодой очкастый «ботаник», теряющий нить беседы... Неудивительно, если они решат, что он сумасшедший.

– Так бывает, – неожиданно мягко сказал вполголоса стриженный. – Вы очень устали и к тому же волнуетесь. Мы почти закончили. Вы сможете ответить еще на пару вопросов?

Куликов поднял на него взгляд. В глазах детектива светилось сочувствие, а вовсе не насмешка и не презрение. Бабкин, вот как его фамилия, вспомнил Аркадий. А зовут Сергеем. «Хорошее имя. Добротное...»

– Я отвечу, конечно, – собравшись с силами, сказал он. – Давайте продолжим.

– С кем Наташа разгадывала манускрипт? – спросил Макар Илюшин. – Я имею в виду, кто еще из ее друзей занимался этим?

– Почему вы думаете, что она обязательно делала это с кем-то?

– Вы сказали, что она увлеклась шифром в школе... Однако такого рода увлечения быстро становятся общими для всей компании, а ваша дочь общительна и у нее много друзей. Вполне возможно, кто-то из них, как и она, занимается манускриптом до сих пор.

– Вы правы, но лишь отчасти. Расшифровкой манускрипта занимался ее друг... то есть бывший друг. Даже не знаю, как сказать... В общем, когда-то они очень дружили. Со временем их отношения не то чтобы разладились, но лишились налета беззаветной детской преданности. Наташа с Максимом стали реже видаться и перевели друг друга в категорию обычных приятелей.

Бабкину показалось, что в голосе Куликова сквозит сожаление.

– Как фамилия Максима? – спросил Илюшин.

– Арефьев, Максим Арефьев. Думаю, он увлекался манускриптом Войнич лишь потому, что им увлекалась Наташа. Подробнее об этом вам сможет рассказать Алеша Баренцев, я вам про него говорил. Они дружили втроем. Послушайте... так, значит, вы беретесь за расследование? Макар Андреевич, вы сказали, что прежде, чем согласиться, вам нужно кое-что прояснить. Вы прояснили?

Бабкин с Илюшиным переглянулись.

– Вот какое дело, Аркадий Ильич, – ответил Сергей вместо Макара. – Исчезновением вашей дочери, скорее всего, будет заниматься прокуратура. Поймите, у них возможностей на порядок больше, чем у нас. Даже не на порядок, а на два. Поэтому, откровенно говоря, я не вижу большого смысла в нашем участии. Это не тот случай, когда мы можем помочь.

– Но вы же специализируетесь на розыске пропавших людей! Я хочу, чтобы расследование вели вы. То есть, и вы тоже. Вы ведь можете заниматься этим одновременно с прокуратурой? Это не противоречит закону, правда?

Сергей был вынужден признать, что не противоречит.

– В таком случае, я прошу вас не отказываться! Бабкин развел руками.

– Хорошо, – внезапно сказал Макар, отводя взгляд от рисунков на стене. – Мы начинаем работать. На сегодня, Аркадий Ильич, у нас все, а если что-то понадобится, то я вам позвоню, хорошо?

Куликов кивнул и поднялся, теребя конец шарфа.

– Да, и вот еще что, – добавил Илюшин, – мне нужны ключи от этой квартиры.

Отец Наташи не выразил ни удивления, ни сомнений. Молча достал из кармана связку и протянул ее Макару. Пальцы правой руки безотчетно легли на конец шарфа и принялись поглаживать его, словно успокаивая живое существо.

– Необычный шарфик у вас, – заметил Сергей, в последний момент заменив слово «экстравагантный» более мягким.

– Это Наташа вязала. Она любит простые яркие цвета. Кроме шарфа, она подарила мне зеленые носки и берет небесного оттенка, – Аркадий Ильич в первый раз улыбнулся. – И я еще легко отделался! Максиму Арефьеву на день рождения достался оранжевый свитер.

– Вот им-то мы и займемся в ближайшее время, – задумчиво сказал Макар. – Не оранжевым свитером, а Максимом Арефьевым.

* * *

– Что такое манускрипт Войнич? – первым делом спросил Бабкин, когда они вошли в квартиру Макара, одновременно служившую им офисом.

Расспросить Илюшина по дороге не получилось: как только они сели в машину, тот закрыл глаза и откинулся на спинку сиденья. Это означало, что ему нужно что-то обдумать, и отвечать на вопросы он не будет.

– Манускрипт Войнич – это книга, найденная Уилфридом Войничем, – объяснил Илюшин.

Бабкин хотел было сыронизировать над очевидностью пояснения, но спохватился:

– Подожди-ка... «Найденная»? То есть, он не сам ее написал?

– Книжки писала его жена, Лилиан Войнич, – Макар скрылся в

направлении кухни, и вскоре оттуда донеслись звуки, свидетельствовавшие о том, что Илюшин изучает содержимое холодильника. – Пиццу будешь? – Он высунулся в прихожую, что-то жуя, и вопросительно посмотрел на Сергея.

– Там еще вчерашнее мясо осталось, – машинально ответил Бабкин. – Да подожди ты со жратвой! Войнич, Войнич... Что-то знакомое.

– Даже малообразованным людям, – язвительно заметил Илюшин, – должна быть известна ее книга «Овод». Была весьма популярна в Советском Союзе.

– Точно! – вспомнил Сергей. – Что-то там такое революционное звучало... А при чем здесь манускрипт?

– Ни при чем.

Макар снова исчез на кухне, и Бабкин последовал за ним. На кухне он решительно отобрал коробку с замороженной пиццей у вознамерившегося разогреть ее Илюшина и спрятал в дальний угол морозилки. Борьба за здоровое питание, инициированная Сергеем, не переносившим даже запах фаст-фуда, шла у них с переменным успехом. Последнее время верх одерживал Макар, и Бабкин решил укрепить пошатнувшиеся позиции. С этой целью накануне им была закуплена свинина, приготовлена в казане и теперь ждала обеда, чтобы снова быть представленной к столу.

– Компромисс, – предложил Макар. – Ты возвращаешь пиццу, я рассказываю тебе про манускрипт и тем самым избавляю от необходимости рыскать по интернету в поисках достоверной информации.

– Не компромисс, а шантаж!

– Ладно, – сдался Илюшин. – Так и быть, пойду тебе навстречу, дабы не остался ты погрязшим в неведении.

Бабкин ухмыльнулся и полез в холодильник за свининой.

– Как я уже сказал, эту рукопись нашел Уилфрид Войнич, книготорговец, в тысяча девятьсот двенадцатом году, – рассказывал за обедом Макар. – Дело было в Италии. По словам Войнича, он выкупил книгу в каком-то монастыре, но проверить это нельзя, поскольку он дал обещание не разглашать имени продавца. Остается верить Войничу на слово. Его, само собой, обвиняли в мистификации, но похоже, что книготорговец не врал – в противном случае эксперты датировали бы документ нашим временем. А они датировали его совсем другим.

– Каким же?

– Шестнадцатым веком. К тому же к рукописи прилагается письмо, которое ректор Пражского университета написал своему другу, и в нем

содержится просьба расшифровать манускрипт. Доказать поддельность письма не удалось, а это говорит само за себя. Книга написана на пергаменте, в ней двести с чем-то страниц, но часть из них была утеряна, вот только непонятно, когда, – после того как нашли рукопись, или до. Оставшиеся двести страниц, как ты уже понял, зашифрованы, или же текст написан на неизвестном нам языке. Кроме текста, манускрипт содержит кое-что еще.

– Иллюстрации! – сообразил Сергей, вспомнив странные рисунки на стене в квартире Наташи Куликовой.

– Именно. Они есть почти на каждой странице и представляют собой не меньшую загадку, чем сам текст. С одной стороны, классификация большинства изображенных объектов не вызывает затруднений: это растения, обнаженные женщины, светила... А с другой стороны, растений, которые нарисованы в манускрипте, не существует. И женщин, находящихся в сосудах, соединенных трубками, тоже не часто встретишь. А еще есть рисунки, которые исследователи и вовсе не смогли объяснить.

– Например?

– Круги разного диаметра с секторами, исписанными тем же шифром. Предположительно, карты космоса, но подтвердить или опровергнуть эту гипотезу не удалось. Должен тебе сказать, с манускриптом Войнич вообще мало что удалось сделать. Войнич отдал его криптоаналитикам, и тут началось самое интересное.

– Что, не расшифровали?

– Расшифровали, – усмехнулся Илюшин. – Много раз. Но «ключи» годятся только для небольших кусков текста, а всю книгу с их помощью прочесть невозможно. И кроме того, результат напоминает набор слов. Сперва за дело взялись британские криптологи, а вслед за ними и американские, и тоже безуспешно. Правда, они пришли к кое-каким выводам – например, что текст может быть написан на двух языках, но это не сыграло никакой роли в расшифровке манускрипта.

– Интересно, на каких двух языках? – спросил увлеченный его рассказом Бабкин.

– Честно говоря, не помню. К тому времени о манускрипте уже много говорили, поэтому нашлось множество энтузиастов, пытающихся разгадать его. У меня отложилось в памяти, что какой-то чудака утверждал, будто книга написана на украинском.

– Что вы говорите? – удивился Сергей. – Може, Украина – ще и батькивщина слонив?

– Насчет слонов нет достоверных данных. А версия, по-моему, очень неплоха. Автор ее считал, что в манускрипте не использованы гласные буквы. А если взять согласные, перемешать, взболтать, распределить и прочесть заново, то из этого получится описание детства Тараса Бульбы.

– Так-таки Тараса Бульбы? – усомнился Бабкин.

– Может быть, я и путаю... Может быть, будет первая глава «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

– Ладно, а если серьезно?

– Если серьезно, то, к сожалению, другие исследователи бездушно отобрали пальму первенства у украинского народа и отдали ее китайцам. Говорят, что язык манускрипта по составу слов похож на китайский.

– Подожди-ка... – нахмурился Бабкин. – Какому составу слов?

– Даже в придуманном тексте можно разбить слова на группы и выделить их структуру. Долго объяснять, да и неважно: в конце концов – все равно ведь эта гипотеза не помогла расшифровать манускрипт. Но в настоящее время это одна из самых разрабатываемых версий.

– Кем разрабатываемых?

– Теми энтузиастами, которые по-прежнему ломают головы над книгой Войнича. Знаешь, сколько людей пытается разгадать эту загадку? Если бы я хоть что-нибудь понимал в криптологии, то присоединился бы к ним, честное слово!

Сергей с усмешкой посмотрел на оживившегося Илюшина, в глазах которого загорелся исследовательский огонек:

– Давай-давай! Раскроешь тайну, получишь огромную награду и прославишься.

– Второе – без сомнения, а вот первое – вряд ли. Видишь ли, мой корыстолюбивый друг, за разгадку манускрипта не обещано никакой награды. Все, кто занимается книгой, делают это на чистом азарте, не подкрепленном материальным поощрением.

Бабкин хмыкнул, выражая сомнение в мотивации исследователей рукописи Войнича, и пожал плечами:

– Знаешь, по-моему, все очевидно. И не нужно быть криптологом, чтобы найти объяснение. Манускрипт написан каким-нибудь сумасшедшим, который зарисовывал, как умел, свои фантазии и записывал всякую белиберду! А ученые сидят, расшифровывают...

– Если бы все было так просто! Дело в том, что шифр подчиняется закону Зипфа.

– Что это значит?

– Был такой ученый, – терпеливо начал Макар, – Джордж Зипф,

который вывел закон, верный для всех естественных языков. Упрощенно говоря, его формула описывает закономерность распределения слов в большом тексте – или в языке, который вполне может рассматриваться как огромный текст. Если ты напишешь абракадабру и проверишь ее формулой Зипфа, то у тебя ничего не получится. А с манускриптом Войнича получилось.

– Подожди-ка, ты хочешь сказать, что...

– Что это какой-то язык. Возможно, выдуманый, или намешанный из десятков существующих, но язык, а не тарабарщина, как ты предполагаешь.

Сергей задумался.

– А строки написаны слева направо или справа налево? – спросил он.

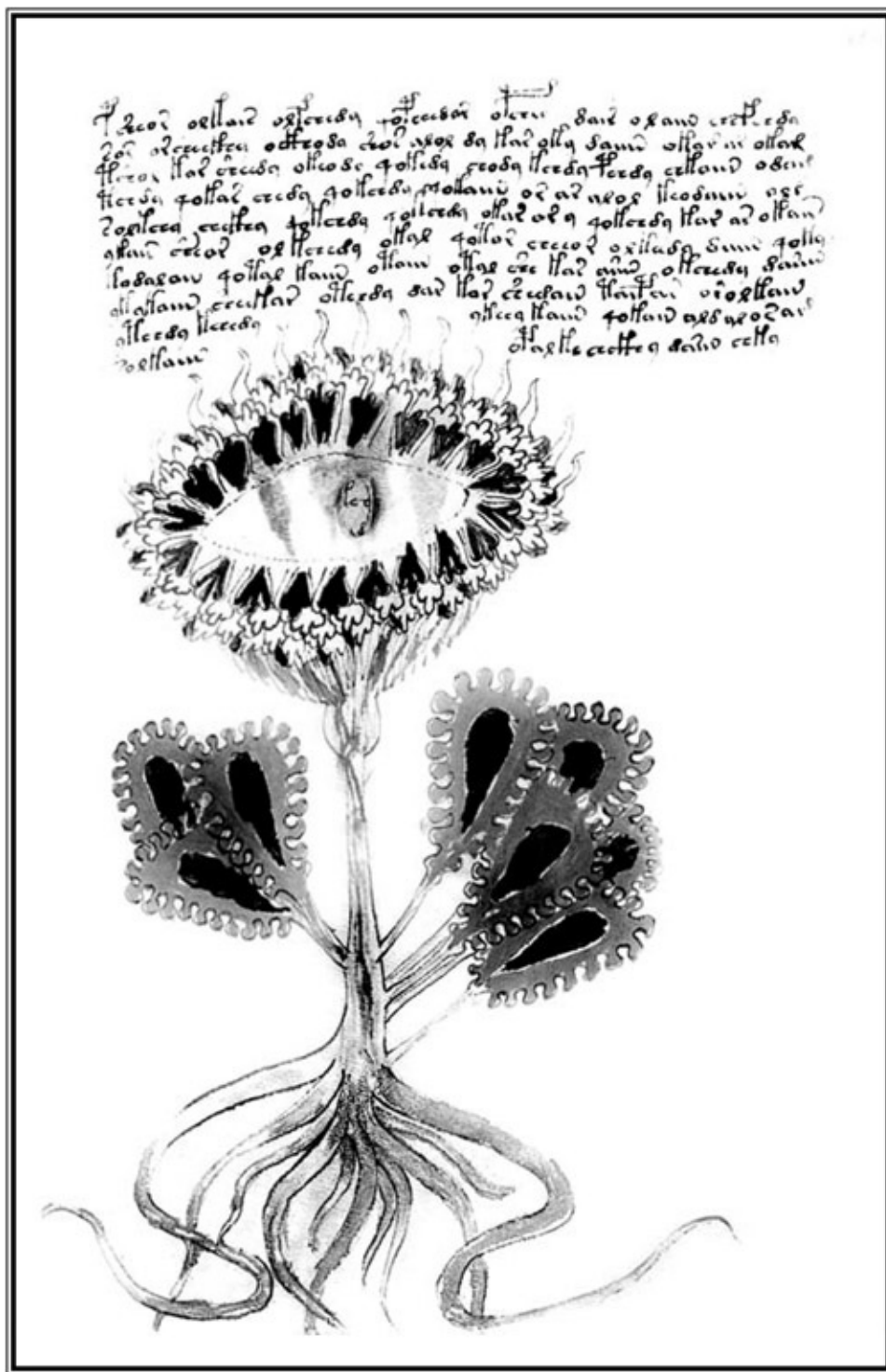
– Хороший вопрос. Скорее всего, слева направо.

«Скорее всего»! Даже это не смогли точно определить?

Нет. Не смогли определить многое, например, правильно ли собраны страницы книги – возможно, что они перепутаны. Гипотез – воз и маленькая тележка, и среди них есть весьма правдоподобные, вот только одна беда: ни одной из них нет подтверждения.

– Какие гипотезы, например?

– Одни считают, что некий путешественник-итальянец, владеющий редким китайским диалектом, записывал в зашифрованном виде свои впечатления от поездок. Со временем диалект исчез, и в этом причина невозможности расшифровать текст. Сторонники другой гипотезы утверждают, что путешественник ни при чем, а текст написан травниками-алхимиками и зашифрован, чтобы посторонние не могли проникнуть в их тайны. То есть мы имеем дело с фармацевтическим справочником. Это предположение объясняет многочисленные рисунки растений, но совершенно не объясняет, почему большинство из них неизвестны науке.

Лист из манускрипта Войнича

– Ну... мало ли, что эти травники в своем монастыре вырастили! – глубокомысленно заметил Бабкин. – Вдруг среди них жил средневековый

итальянский Мичурин!

– Ваша гипотеза, коллега, безусловно, имеет право на существование, – назидательным тоном сказал Илюшин, поправляя воображаемые очки. – Однако, при всем моем уважении к способностям средневековых итальянских монахов, я очень сомневаюсь в том, что они сумели вырастить клевер с корешком в виде перца и подсолнухи с листьями от росянки.

– Ах, даже так... Слушай, откуда ты все это знаешь?

– Копии страниц давно выложены в сеть, есть большое сообщество, участники которого переписываются друг с другом и делятся догадками. Если ты наберешь в интернете «манускрипт Войнича», то сам увидишь рисунки, и, кстати, в неплохом разрешении. Скорее всего, текст на каждой странице является объяснением рисунка.

– Получается, что рисунки необъяснимы без текста, а текст зашифрован, – подытожил Бабкин, вставая. – Вернемся к нашему делу. Ты считаешь, что исчезновение девчонки каким-то образом связано с ее хобби?

– Понятия не имею, – признался Макар. – Если судить объективно, то вряд ли.

– Сколько я тебя знаю, ты никогда не был сторонником объективных суждений, – проворчал Сергей. – Ладно, работаем.

Он создал на ноутбуке новую папку, быстро забил в документ скудные данные.

Наталья Аркадьевна Куликова, двадцать три года, дизайнер. Не замужем, детей нет. Пятнадцатого мая разговаривала с отцом по телефону из своей квартиры. Аркадий Куликов утверждал, что с дочерью они созванивались каждый день, иногда по несколько раз. На середине разговора Наташа сказала: «Ой, пап, кто-то пришел. Я тебе перезвоню!» – и повесила трубку. Было двенадцать часов с минутами.

Она не перезвонила.

Аркадий забеспокоился вечером, когда, набрав ее номер, не услышал ответа. Наташа не брала трубку. Испугавшись, Куликов приехал к ней и обнаружил пустую квартиру. Телефон лежал на столе, дверь закрыта на ключ. Аркадий мог бы найти двадцать объяснений тому, почему его дочь была вынуждена срочно уйти из дома, но он не находил ни одного объяснения тому, что она не предупредила его об этом. Той же ночью он приехал к Макару Илюшину, обратиться к которому ему посоветовал друг.

– Итак, что мы знаем о Наталье Куликовой?

– Как минимум, что у нее очень близкие отношения с отцом.

– Неудивительно, учитывая, что он воспитывал ее с детских лет.

Илюшин вывел на экран фотографию пропавшей. Бабкин посмотрел на нее и удивленно вскинул брови, вспомнив, чем увлекается эта девушка.

– Что-то у меня не стыкуется... – пробурчал он себе под нос, но Макар его не услышал – он листал записи, сделанные Сергеем во время разговора с Куликовым.

– Так, что здесь?.. Ага... Подруг нет, общается с друзьями детства. Я начинаю с них. У тебя все как обычно.

«Все как обычно» означало, что Бабкину предстоит опросить всех соседей по дому, чтобы выяснить, не видели ли они кого-нибудь накануне около полудня и не встречались ли им незнакомые люди в их подъезде. Сергей понимал, что придется обойти и соседние дома – их обитатели тоже могли что-то заметить. Бабкин надеялся на то, что кто-нибудь обратил внимание на незнакомую машину.

– Еще морги и больницы?

– Этим ее отец сам занимается. И вот еще что, – добавил Илюшин, подумав, – сфотографируй в квартире Куликовой ту стену, на которой копии страниц манускрипта Войнич. Так, чтобы каждый лист был хорошо виден. И противоположную, с рисунками, тоже – на всякий случай.

– Бестолковым делом мы с тобой занялись на этот раз, – проворчал Сергей, доставая с полки фотоаппарат.

– Почему же?

– Потому что прокуратура раскроет это дело по горячим следам за сутки. Если уже не раскрыла, пока мы с тобой разговоры разговариваем. Достаточно посмотреть записи с видеокамер на улице и в подъезде, чтобы увидеть, с кем выходила Куликова.

– Может быть, может быть... – уклончиво ответил Макар. – А может быть, и нет.

Дозвониться по телефонному номеру Максима Арефьева, оставленному Куликовым, не удалось. Зато Алексей Баренцев взял трубку сразу же, будто только и ждал звонка Макара. Впрочем, примерно так оно и оказалось.

– Я к вам подъеду, – быстро сказал Баренцев, едва только Илюшин представился. – Мне про вас дядя Аркадий рассказал. И о том, что Тошка пропала. Говорите адрес.

– Быстрый парнишка, – пробормотал Илюшин, положив трубку.

– Кто? – спросил из прихожей Бабкин, влезая в утепленную куртку на подкладке.

– Тот самый друг детства. Один из двоих. Будет здесь через полчаса.

К тому времени, когда я добрался до нужного места, лошади у меня уже не было. Пришлось продать ее одному пройдохе, который, видя бедственное состояние моего облачения и понимая, что деваться мне некуда, назвал сумму в три раза меньше той, что я просил за кобылку юного Сибли. Однако выбирать не приходилось, и пройдоха остался с кобылкой, а я – с деньгами, которые позволили бы мне довести предприятие до конца.

Да-да, именно так – предприятие! Ибо пока я скакал что есть духу прочь от Ланкастера, мой замысел созрел окончательно. Неудачу с лордом Сибли я решил рассматривать как ступень к новой жизни, и тогда все произошедшее предстало передо мной в ином свете. Умный человек всегда извлечет пользу из своих неудач, и двойную пользу – из неудач других! Второе мне особенно хорошо удается, ха-ха!

Бредя по дороге вдоль пастбищ, на которых паслись отары, я вспоминал для поднятия духа те удачные проделки, которые не только принесли мне выгоду, но и оставили после себя приятные чувства. Как-то раз, например, одна вдова из местечка Треширтон сдала мне в аренду участок земли за своим домом, который она уже не могла возделывать, а нанимать кого-то было ей не по карману. Документ подписали при свидетелях, честь по чести, и я рассчитался со вдовой сразу же, заплатив ей всю полагающуюся сумму, чем заслужил хвалебный отзыв от местного священника, желторотого мальчишки, – он-то опасался, что я задумал какой-то подвох и оставлю старую женщину без денег. Но разве я мог! Ради стоимости жалкого надела, на котором и хороший дом-то толком не разместишь, влезать в такую сделку?! Нет, юный дуралей недооценил Эдварда Келли. Не для того я изучал право в Лондоне, чтобы ввязываться в мелочные делишки.

Вдова своей рукой вывела на бумаге разрешение использовать землю по усмотрению арендатора. Юридическая формула, которую я ей подсказал, давала мне право сделать с участком все, что угодно, включая выкорчевывание деревьев, снос строений и постройку новых. Строение там и впрямь было – древний покосившийся свинарник, в который десять лет как не ступало ни одно свиное копыто. Вдова сказала, что ничуть не жалеет о нем. На том мы и распрощались – более чем любезно. Священник, покраснев до ушей, даже счел нужным извиниться передо мной за беспочвенные подозрения, которые он питал. Конечно, я простил его,

улыбаясь при этом про себя, как гиена.

С документом пришлось немного повозиться, прежде чем он приобрел тот вид, который мне требовался. Зато когда я отложил в сторону перо, передо мной лежал договор, по которому все жители местечка Треширтон передавали мне в пользование свои земли на двадцатилетний срок – конечно, с разрешением делать на ней то, что пожелает арендатор. Потребовалось вписать не так уж много – двадцать четыре имени, включая имя священника. С этим договором я и прискакал к одному из соседских лендлордов, который, как мне было достоверно известно, имел виды на Треширтон. Остальные-то земли в округе были давно поделены, а мистеру Хэммишу не хватало земель для выпаса овец. Овцы нынче прибыльны, знаете ли...

Появившись перед мистером Хэммишем, я показал ему договор и предложил взять у меня земли в субаренду. Сперва он не хотел верить, что треширтонцы согласились дать земли мне в пользование, но я убедил его. Главное – вызвать доверие. Худые люди не вызывают доверия: у большинства из них голодный взгляд, и говорят они слишком быстро, словно торопятся надуть вас. То ли дело человек полный! Такие почти всегда располагают к себе. Особенно если у них есть бумага, которая может принести выгоду обеим сторонам.

Хэммиш чувствовал свою выгоду, а потому я уехал из его поместья куда богаче, чем прибыл. Что он делал дальше со своим правом аренды, меня не касалось, но пару лет спустя случайно довелось узнать, побывав неподалеку от тех мест, чем закончилось дело.

Лендлорд предъявил договор жителям деревушки и предложил им убираться из своих домов. Те объявили бумагу поддельной и отправились к судье, однако пока суд да дело, лендлорд снес все домишки, включая домик вдовы, пользуясь самым верным правом на все времена – правом сильного.

Английские суды так же неторопливы, как гробовщики, и много воды утекло с тех пор, как треширтонцы прибежали искать справедливости. За это время Хэммиш окончательно прибрал земли к рукам, и там, где росла жимолость да щебетали птички, стали пастись дорсетские овцы. Может быть, в конце концов суд и решил что-нибудь в пользу маленьких человечков, однако к тому времени, как я покинул те края, меня это уже не интересовало.

Еще одно чудное дельце, которое неизменно вызывало на моем лице улыбку, случилось немногим раньше. У нас с компаньоном в руках оказались закладные на землю, где обитали потомки одного обедневшего дворянского рода. Отец семейства клялся, что найдет средства для выкупа,

и просил отсрочку в несколько месяцев. Кажется, какой-то жид мог ссудить его деньжонками. Не стану вдаваться в подробности, скажу лишь, что не в моих интересах было ждать: если есть возможность получить выгоду сразу, значит, нужно брать свое.

Девчонке, его дочери, было лет четырнадцать, не больше. Тощая, глазастая и прямая как палка – не в моем вкусе. Но я сразу заметил ее, потому что в глазах у этого бесенка горел такой огонь, что сложно было не заметить! Смешно сказать: во время моего разговора с ее папашей она метала на меня такие взгляды, словно надеялась испепелить на месте. Возможно, я был недостаточно почитателен с главой их семейства, но у меня имелись на то свои резоны. Когда я сказал старику, что земли будут проданы, он сник, опустил голову и не увидел, какое выражение лица появилось у его дочери.

Не говорите мне, что я принудил ее! Вовсе нет! Я лишь дал девчущке повод, который без моей подсказки она вряд ли нашла бы сама. Женщины любят меня, маленькие потаскушки, и я, признаться, отвечаю им взаимностью. Большинство из них принимало мои ухаживания весьма благосклонно, а те, что пытались заартачиться, мигом становились покорными овечками, стояло потрясти перед ними кошельком.

А перед этой девчонкой и трясти ничем не понадобилось. Она пришла ко мне в комнату поздно ночью, запыхавшаяся, дрожащая, и первое, что сказала: «Не говорите ничего отцу, это его убьет!» Я заверил милашку, что буду нем, как рыба, и мы провели отличную ночь! Все-таки неопытность юных девиц бывает прельстительнее самой пылкой страсти опытной женщины. Эти худощавые, выступающие крылышками лопатки, дрожащие губки, стыдливость, уступающая силе... Был миг, когда я едва не пожалел ее, увидев, как она крепится, чтобы не зарыдать, но потом здравый смысл взял верх над сантиментами. Годом раньше, годом позже – малышке все равно пришлось бы распрощаться с невинностью, так что можно считать, ей повезло отдать свою девственность такому мужчине, как я. Я не был с ней груб, а уж опытности мне не занимать.

Когда она уходила, то заставила меня пообещать прийти на следующий же день к ее папаше и сказать, что согласен дать ему два месяца отсрочки. Что ж, первую часть обещания я выполнил: явился к ним в изрядно обветшавшее поместье. Вот только вместо отсрочки, о которой так хотелось услышать девчонке, я сообщил старику, что его ожидает скорое выселение.

Сперва малышка не поняла, как ее одурачили, но когда наконец сообразила, то затряслась, будто в припадке, и закричала, что я мерзавец. О,

меня называли мерзавцем бесчисленное количество раз! Признаться, каждый из них доставлял мне удовольствие особого рода, ибо в таких оскорблениях раскрывается чья-то бессильная ярость, а чужое бессилие означает ваше превосходство.

Так что я нежно улыбнулся ей, надеясь, что она прочтет в моей улыбке напоминание о наших утехах. Тогда она, словно ополоумев, бросилась на меня, и если бы ее не удержали родные, то, ей-богу, вцепилась бы мне в волосы. Говорю же, страсти ей было не занимать!

Когда моя повозка отъехала от крыльца, девчонка выскочила из дома – видно, ухитрилась вырваться – и бросилась за нами вслед, крича: «Ненавижу! Ненавижу!» Смешно, право слово, когда тебя ненавидит столь жалкое существо! Я столько раз становился объектом ненависти, и каждый раз ощущал упоительное чувство – нечто сродни опьянению. Но на этот раз противник оказался слишком ничтожен. Возница слегка огрел ее кнутом, и она, не пискнув, свалилась в придорожную канаву. Я же покинул их земли, улыбаясь при мысли о своей маленькой шалости. Конечно, я не собирался давать отсрочку старому хозяину имения в обмен на худосочные прелести его дочери, хотя и приложил усилия к тому, чтобы глазастая крошка поняла меня именно так. Но очень уж мне захотелось распробовать, какова на вкус эта штука, а все прочие пути были бы слишком замысловатыми.

В таких отрадных воспоминаниях я черпал вдохновение, пока длился мой путь. И, что еще более важно, – твердую убежденность в том, что моим замыслам суждено осуществиться. Когда взору моему открылся Лондон, я был готов войти в него победителем.

Лондон! Шпиль собора святого Павла виден издалека, высоко возвышаясь над крышами. Грязный, огромный, провонявший рыбой Лондон, протягивающий в разные стороны кривые лапы улиц, словно расплзающееся на брюхе чудовище, стремящееся все загрести под себя. Река не остановила его – Лондон перебрался и через реку. Я постоял немного, набираясь сил перед последним отрезком пути, и направил свои стопы к имению Мортлейк, что на юго-западе города.

Когда я остановился перед домом, весь в пыли и грязи, напоминающий своим обликом более бродягу, чем мирного странника, взгляд мой был спокоен и умиротворен. Слуга, открывший дверь, уставился на меня с выражением возмущения на сонном лице, но голос мой прозвучал не просительно, а властно:

– Я прибыл, чтобы увидеть Джона Ди.

Зала, в которую меня провели, была обставлена с аскетичностью, более вызывающей, чем роскошь. Она всем своим видом заявляла о том, что хозяин ее желает казаться человеком воздержанным и скромным. Однако самый воздержанный человек не откажется по доброй воле сидеть на мягком кресле, предпочтя ему грубую скамью. Лишь скамья да стол составляли всю обстановку комнаты, и будь она не столь просторна, вполне сошла бы за монастырскую келью.

Я ждал долго... Пока наконец в залу не вошел седой белобородый человек в богато расшитом бордовом камзоле. Он остановился возле окна, рассматривая меня и хмуря густые брови.

Я не видал великого алхимика раньше, но много слышал о нем, и мое представление совпало с его действительным обликом. Джону Ди пошел шестой десяток, хотя, как я позже узнал, он тщательно скрывал свой возраст. Но его седина, глубокие складки возле носа и губ, а более всего – выражение глаз не дали бы обмануться внимательному человеку. Белки глаз его были воспалены, но я полагал, что причина не в болезни, тем более что на щеках сэра Джона лежал живой румянец. Прямой как палка, с длинной, ухоженной бородой, которую он поглаживал, разглядывая меня, Джон Ди вовсе не показался мне столь проницательным, насколько его описывала молва.

Однако недооценивать его нельзя! Я помнил, сколь многое поставлено на карту. Моя дальнейшая судьба зависела от этого человека.

Шагнув сэру Ди навстречу, я учтиво склонился перед ним:

– Меня зовут Эдвард Тэлбот, ваша милость. Я прибыл к вам, чтобы...

И тут лицо мое изменилось. Я перевел взгляд за плечо хозяина, приоткрыл рот и замер, словно пораженный увиденным.

Он обернулся, но, не обнаружив ничего, оборотился ко мне и резко спросил:

– Что с вами?

Медленно-медленно я откинул голову назад, словно следя за движением кого-то невидимого, кто поднимался все выше и выше, и благоговение застыло на моем лице.

– Вот оно... Опять... Они снова являются мне, они говорят со мной, призывая быть проводником их воли...

Чтобы разобрать мой шепот, Джону Ди пришлось подойти ближе.

– Я вижу их... – шептал я, выкатив глаза и молитвенно сложив руки. –

Вижу! Одежды их белоснежны, и две золотых овцы идут за каждым. Они хотят говорить с вами, сэр Джон!

– Что?!

– Руно золотое, оно сверкает ярче солнца, и обласкан Господом Богом нашим будет тот, кто выдержит его свет! – Я бормотал все быстрее, будто ополоумев и не замечая, что слюна летит у меня изо рта. – Да превратится оно в золото и воссияет в руках наших, вот что говорят они! Они призывают вас, но не слышите вы, ибо черный ангел Уриэль стоит за левым плечом!

Алхимик вздрогнул и бросил короткий взгляд назад. Этот взгляд сказал мне все, что я хотел услышать: выбранный путь был верен. Я вскинул руки вверх, и голос мой возвысился, как у проповедника:

– Вижу, вижу вас! Слышу, но сам не в силах понять, что хотите сказать мне! Вот... вот сейчас... неужели снизойдете до меня?!

Я весь напрягся, подался вперед, и глаза мои выпучились так, что я в самом деле ощутил боль. Меня затрясло, и руки мои задрожали, а затем я закружился волчком на месте. Когда же я остановился, то на губах моих выступила пена, и я отчаянно возопил:

– Нет, нет, не могу!

И упал навзничь.

Закрыв глаза, я лежал, тяжело дыша, на каменном полу и ждал. Рядом раздалось шуршание, и мою голову приподняли и потрясли – должен отметить, не слишком церемонно, – а затем еще и оттянули пальцем веко, так что мне волей-неволей пришлось приоткрыть глаза.

Джон Ди, алхимик ее величества, математик, ученый, астролог, географ, а заодно врачеватель, сидел возле меня с таким выражением на лице, что я расхохотался бы, не будь момент столь неподходящ для смеха. Рот полуоткрыт, суровость испарилась, и выглядит он не лучше ребенка, которому на ярмарочной площади бродячий фокусник первый раз в его жизни показал фокус с веревкой и тремя яблоками.

– Вы слышите меня? – с тревогой позвал он. – Послушайте, м-м-м...

– Эдвард... – слабым шепотом напомнил я.

– Послушайте, Эдвард! Вы сможете сами встать?

Я кивнул и поднялся, опираясь на его руку. На моем лбу выступила настоящая испарина. Едва доковыляв до скамьи, я рухнул на нее и тяжело вздохнул, как человек, проделавший долгий путь.

Сэр Джон присел рядом, внимательно рассматривая меня. Что ж, небольшая передышка окончена, пора снова брать дело в свои руки.

– Сначала они явились мне под Рождество, – сказал я, отрешенно глядя

перед собой. – Но тогда я совсем не слышал их голосов и не понял, что они хотят. Но потом...

Я рассказал, что ангелы стали являться мне все чаще и чаще. Я чувствовал, что они что-то требуют от меня, но не мог понять, что именно, пока наконец не явилось мне во сне начертанное золотым по голубому имя, и было это имя великого придворного алхимика, слава которого давно достигла пределов Англии – сэра Джона Ди.

– Тогда я собрался и отправился к вам, – закончил я. – По дороге пал я жертвой разбойников, которые забрали мою лошадь и обобрали меня самого до нитки, однако пощадили вашего покорного слугу. И в этом тоже вижу я вмешательство высших сил, желавших сохранить мою ничтожную жизнь для того, чтобы я был полезен вам.

При этих словах Джон Ди помрачнел, и выражение глаз его стало настороженным. Я обругал себя за незатейливую выдумку. Не стоило упоминать о разбойниках, слишком уж много проходимцев пользуется этой историей, дабы разжалобить слушателей и выманить у них монету-другую. Успех моего представления был несомненным, однако я мог легко испортить впечатление своими неосторожными высказываниями.

– Все, что я хочу – лишь донести до вас послание ангелов! – заверил я хозяина.

– И только? – скептически хмыкнул он.

– Для меня было бы великим счастьем, если бы вы взяли меня в ученики, поскольку всем известно, что вы можете заклинать духов и превращать одни вещества в другие, – признался я, опустив глаза. – Но боюсь и просить об этом.

– Хм... В ученики, говоришь? Что еще?

Я поднял на него глаза, и, поверьте, в них светилось одно лишь почитание:

– Ничего, ваша милость. Разве что...

Я запнулся, словно стесняясь, и успел заметить торжество, промелькнувшее во взгляде алхимика. Он решил, что разгадал меня, и сейчас я попрошу у него денег на обратный путь.

– Ну же, не стесняйся! – подбодрил он. – Говори смело!

– Если можно... глоток воды, ваша милость!

Я умоляюще посмотрел на него. И сэр Джон устыдился: спрятав глаза, он встал и громко позвал слугу, а когда тот явился, приказал накормить и напоить меня.

– Но лишь после того, как ты повторишь слова ангелов, являвшихся тебе, – строго обратился он ко мне.

О, не зря я всегда утверждал, что образование необходимо человеку, если он хочет чего-либо достичь в жизни! Латынь, которой пичкали нас в пору моего ученичества, оказалась как нельзя более кстати.

Придав голосу нежность, я постарался воспроизвести язык ангелов. Мои крылатые бестелесные гости говорили на смеси латыни с неведомым никому птичьим щебетанием, которое получилось у меня весьма убедительно! Не упоминал ли я, что наряду со способностями к чревоуещанию (что так пригодились мне в дельце с юным Сибли) от природы обладаю даром подражания голосам? Да и сам мой голос, по словам других людей, оказывает на них гипнотическое воздействие своей мягкостью и бархатистостью.

– Подожди, не торопись! – воскликнул алхимик, внимательно прислушиваясь к моей тарабарщине. – Повтори-ка еще раз, как ты сказал вначале?

Я был готов повторять не один, а тысячу раз, делая вид, что сам не понимаю ни бельмеса из сказанного. По словам моих ангелов выходило, что они желают принести сэру Джону заслуженную награду за его труды и что его опыты по части превращений веществ и создания философского камня угодны высшим силам. Однако сами ангелы не могли сообщить ему свою волю, и потому хотели, чтобы он использовал меня.

– Почему именно ты?!

Он так и впился в меня взглядом, сдвинув брови. Что ж, отчасти его удивление было понятно: перед ним сидел человек, меньше всего похожий на посланника небесных духов. Я развел руками и изобразил на лице простодушное непонимание:

– Не знаю, ваша милость. Я и сам хотел бы знать! Мой ответ его не удовлетворил, но больше я ничего поведать ему не мог.

– Ну что ж... – сказал алхимик, поднимаясь, – пойдем, раз ты голоден и устал с дороги.

За трапезой он расспросил меня о том, кто я таков и из каких мест. Я поведал, обгладывая свиную ногу, что прибыл из Уорчестера, где помогал отцу в лавке, и вся жизнь моя прошла в небольшом городке. Там меня считали то сумасшедшим, то лгуном, а все потому, что с детства мне являлись ангелы. Священник даже объявлял меня бесноватым, сказал я, и пытался изгнать бесов, но лишь зря потратил свое красноречие и пыл на мальчишку, не понимавшего ни слова из его речей. Когда мне исполнилось тринадцать, видения прекратились и возобновились лишь теперь, когда под Рождество явились сразу несколько ангелов.

Тут я снова повторил свой рассказ, и Джон Ди слушал меня так же

внимательно, как и прежде.

– Потом видений было много, – добавил я, – обычно – разные, но некоторые из них повторялись.

– Какие же, например?

– Вижу свет небесный, из которого выступает скала, а под скалой изливаются лиловые струи, числом семь, и каждая стекает сладким соком с небес на землю. А неподалеку, прикованный цепью к дереву, стоит осел и тянется к этим струям, но дотянуться не может, хотя цепь его – из волос, переплетенных в виде слов.

– Из волос, переплетенных в виде слов... – зачарованно повторил Ди. – Видения твои странны, что и говорить... Но, думаю, я знаю, как истолковать их.

Мне стоило труда сдержать ухмылку. Он знает, как истолковать их, ха-ха! Конечно, я рисковал, почти в открытую высмеивая его, и если бы наш разговор слышал кто-то третий, уж он-то открыл бы глаза почтенному алхимику на то, кто представлен ослом в моем «видении». Но слуги стояли в отдалении, ожидая, пока мы насытимся, к тому же лица у них были такие туповатые, что я не уверен, смогли бы они понять хоть что-нибудь.

Такого рода рискованные шалости как раз по мне! Главное – сохранять серьезность, ибо люди, подобные Ди, не переносят даже намека на насмешку над собой. Тем забавнее было рисовать ему его же портрет, выставя сэра Джона ослом.

Закончив трапезу, мой хозяин сообщил, что решил отвести мне угловую комнату, находящуюся по соседству с его лабораторией. Мои рассказы за столом окончательно убедили его в том, что я и впрямь из тех блаженненьких, которым доступно то, что недоступно куда более умным людям. Например ему, образованному человеку, которого льстецы называют мудрейшим из живущих, ему, к которому облеченные властью особы обращаются за советами, ему доньше не являлся ни один самый заваливающий ангел! Даже крыльями не махал издалика, не говоря уже о том, чтобы что-то сообщать великому алхимику. И его милость горько сетовал на такую несправедливость. Не обидно ли, что человеку, многие годы своей жизни посвятившему общению с потусторонним миром, этот потусторонний мир показывает кукиш? Да-да, давайте называть вещи своими именами, не боясь грубости и отвергая лицемерие. Кто слышал о том, что к лучшему алхимику всей Англии обратились духи с каким-нибудь пустяковым предсказанием? А? Вот то-то же.

Неудивительно, что сэр Джон с таким жаром ухватился за меня, стоило только ему поверить в мою правдивость! Пусть ангелы не соблаговолили

побеседовать с ним лично, но они послали дурачка, который сможет ему пригодиться.

* * *

Итак, уже к вечеру я оказался владельцем, пусть и временным, небольшой угловой комнаты в башне. Обставлена она была не в пример лучше, чем приемная зала – видно, сюда допускали немногих, и хозяин не боялся, что репутация его пострадает, если гость увидит мягкую постель. Конечно, она могла бы быть пошире, что и говорить, но не стоит требовать сразу слишком многого.

Окна башни выходили на Темзу. Сизая река перекачивала рыбацьи лодчонки у берега, и мне казалось, что я слышу ее плеск. То одна лодка оказывалась выше, то другая, поднятая волной, а когда ветер подул сильнее, лодки принялись сталкиваться бортами – они были привязаны слишком близко друг к другу. Тут же берег наполнился прибежавшими людьми, и я отчетливо расслышал крики рыбаков. Вместо того чтобы заняться своими суденышками, они начали браниться, и дело грозило вот-вот перейти в драку. Мне стало смешно, и, будучи по натуре любителем непритязательных зрелищ, я непременно отправился бы к реке, если бы не предупреждение алхимика, что я могу понадобиться ему в любой миг. Что ж, в любой – значит в любой. Драки в Лондоне от меня никуда не уйдут, уж это несомненно!

Вечером хозяин занялся мною вплотную. Мы спустились в подвалы, где над перегоночными кубами поднимался пар, что-то плавилось в котлах, а на поверхности булькающей в чане блестящей жидкости, похожей на расплавленное серебро, лопались пузыри, насыщая атмосферу тяжелым запахом. Каменные своды над моей головой были свидетелями многолетних опытов: посреди черной копоти попадались сине-зеленые пятна, кое-где мелькали золотые бляшки и пугающими багровыми разводами манила арка в дальнем углу. Сколько я ни размышлял, так и не смог понять, что за вещество оставило этот след.

– Подойди сюда, Эдвард! – торжественным голосом позвал Ди. – Взгляни!

Я обернулся и увидел, что в руках у него сияет хрустальный шар размером с голову ребенка. От него во все стороны рассыпались блики, и свет исходил из самой сердцевины.

– Тебе показывали раньше магические кристаллы? – строго

осведомился он. Я покачал головой, и впрямь зачарованный этим зрелищем.

Шар преломлял предметы, и пространство за ним было причудливо искривленным, будто ожившим. Ди осторожно положил свой магический кристалл на блюдо, обитое бархатом, и алый цвет бархата насытил внутренности шара, словно напоил кровью.

– С его помощью можно видеть будущее и прошлое, – тихо сказал алхимик. – Но я сейчас хочу проверить другое. Сможешь ли ты вызвать духов, заглянув в кристалл?

– Я попробую...

Некоторое время я стоял, вглядываясь в шар. Ди отошел на несколько шагов и наблюдал за мной из угла, почти скрытый в темноте. Чувства мои были обострены. Я ощущал, что это последняя проверка, и в ней таится какой-то подвох.

Я поводил руками над шаром, дотронулся до него – он был очень холодный – и вдруг понял, где скрыта ловушка! Обернувшись к Ди, я разочарованно покачал головой:

– Простите, ваша милость, но я ничего не могу увидеть. Может быть, дело в том, что я никогда прежде не вызывал ангелов сам, они первыми являлись ко мне. Мне жаль, что я подвел вас...

Я опустил голову и застыл, всем видом выражая огорчение и печаль. Ди шагнул ко мне, собираясь что-то сказать, но я дернулся и вскинул голову вверх:

– Что?..

Алхимик застыл на месте.

– Слышу... – прикрыв глаза, подтвердил я. Затем открыл их и, весь обмякнув, обратился к хозяину: – Мне был слышен шепот ангелов, говоривших, что это – не тот кристалл, который нужен, и духи не придут к вызывающему к ним. Простите, ваша милость, если я расстроил вас!

Но Ди вовсе не выглядел обескураженным – напротив, на лице его промелькнуло удовлетворение:

– Ты не ошибся, мой мальчик... Или, вернее, не ошиблись те, кто говорил с тобой.

Он взял магический шар с подноса, но теперь в движениях его не было и доли прежнего почтения. Сунув кристалл куда-то в угол, он вышел из подвала и вскоре вернулся с другим, почти неотличимым от первого. Разве что в нем присутствовал легкий оттенок розового.

Этот шар он тоже водрузил на поднос и сделал приглашающий жест. Стоило мне дотронуться до его поверхности, как я ощутил слабое тепло,

как если бы кристалл долго лежал возле огня. Мною тотчас овладела уверенность.

– Вызываю тебя, темный дух, обитающий в этом доме, – забормотал я, – приди и говори с нами! Приди и говори! Приди и говори!

За моей спиной на открытом огне булькало серебристое варево. Я вновь закрутился волчком, сунул ладонь в карман и, замахав руками, словно мельница, незаметно подкинул щепотку порошка в огонь. Застыл возле шара, вскинув над ним руки, и громко завопил:

– Говори же с нами! Я чувствую, что ты здесь! Пламя позади вспыхнуло ярче и вдруг замерцало синими искрами. Ди негромко вскрикнул, расширив глаза.

– Темный ангел Уриэль говорит со мной... – прошептал я, вода ладонями над шаром, закрыв глаза. – *Proximus ardet Ucalegon!* Но избежать опасности можно с помощью женщины! Локоны как лилия, и кожа нежна, как утренний свет, что сокрыт в этом камне! *Periculum in mora*, потому действуй, не откладывая!

Я опустил руки, открыл глаза:

– Уриэль отдалился от нас, ибо сказал все, что хотел. Но я не понял и половины!

Джон Ди выдохнул и потер пальцами виски.

– Опасность близка, и медлить нельзя... – повторил он. – Выходит, я был прав в своих опасениях!

– Но что это значит?

– Интриги плетутся вокруг меня, вот что это значит! А я попустительствовал тем, кто стоит во главе заговора! Недаром меня предупреждали... – Ди осекся.

– Ваша милость, – воскликнул я с чувством, – если бы я мог помочь вам, я бы сделал все, что угодно! Пусть даже за это меня приговорили бы к повешению! Клянусь вам, проверьте меня, если хотите!

Алхимик был впечатлен моей готовностью отдать за него жизнь.

– Мальчик мой, – растроганно сказал он, взяв меня за руку, – прости, что я сомневался в тебе! Слушай, что предстоит нам завтра и в ближайшее время...

* * *

После разговора я вернулся в комнату, гордясь собой. Ловушка, которую я вовремя распознал, могла бы существенно сократить срок моего

пребывания в поместье высокочтимого вельможи, ибо, несомненно, Ди задумал подсунуть мне первый шар в качестве проверки. Стоило бы мне притвориться, что я слышу голоса, и его туповатые слуги выкинули бы меня как шарлатана. Конечно же, магические кристаллы не могут быть холодными, ибо их хранят в теплых местах, чтобы в них не угасала жизнь. Хорошо, что я вовремя вспомнил об этом!

Итак, Джон Ди окончательно уверился в моих способностях и принял меня на службу. Мое вознаграждение отныне составляло пятьдесят фунтов в год. Не так уж мало, что и говорить! Но я жаждал большего, много большего... И старый глупый алхимик должен был помочь мне в этом.

Глава 3

Как только дверь захлопнулась, Тошка закрыла глаза и уткнулась лицом в ладони. Господи, они ушли! Оба! С самого утра кто-то один обязательно находился с ней в этом тесном помещении, на стенах которого висели десятки постеров с популярными певцами и полубогаженными красотками, как будто его владельцем был подросток. Постоянное присутствие постороннего человека в одном с ней пространстве выматывало Тошку больше, чем словесные угрозы. Потому что оно было самой страшной угрозой.

Стул, стол да груда коробок в углу – больше в комнате ничего нет. Правда, Тошке щедро бросили целую пачку тетрадей. Ах да, еще воды! После того как ее покормили – она заметила, усмехнувшись, что вилка и нож пластиковые, но вряд ли это объяснялось заботой похитителей о ее жизни, – ей притащили канистру с водой и бросили стопку пластиковых стаканчиков. Последний раз она пила из таких, когда большой институтской компанией они решили отметить в весеннем парке окончание второго курса.

– Листики-чувыстики, – пробормотала Тошка себе под нос, вспомнив тот день и растопыривая пальцы – знак кленового листа. – Желтые чувыстики, красные чувыстики, мне дорожку выстелите.

Это был самый простой оберег, смешной, совсем детский. Впрочем, все ее обереги и заговоры были детскими. Может быть, поэтому они и помогали.

От «чувыстиков» сразу стало спокойнее. Обычно с помощью этой присказки она выбиралась из леса, если чувствовала, что заплутала. Может быть, подумала Тошка, «листки» помогут и здесь.

Она не переставала ругать себя за глупость и неосторожность. Когда раздался звонок в дверь, Тошка разговаривала с отцом, и ей сразу пришло в голову, что это приехал Макс. Арефьев не мог приехать, никак не мог – он сидел в своей деревушке, а точнее, ходил, размахивая, будто косой, металлоискателем. Тошка представляла, как высокий широкоплечий Максим, в клетчатой рубашке, завязанной на поясе узлом, ходит по полю и прислушивается к пisku в наушниках. А физиономия у него при этом такая сосредоточенная, как будто он теорему Ферма доказывает, не меньше. Тошка давно заметила: чем глупее дело, которым занимается человек, тем умнее у него лицо.

Так что Максим никак не мог приехать, и не столько из-за своих поисков, сколько по другой причине, о которой Тошке думать не хотелось... Но она отчего-то решила, что за дверью обязательно будет Арефьев, и радостно спросила: «кто там?», поднявшись на цыпочки и заглядывая в глазок.

Кто-то стоял на площадке, она не разобрала, кто именно. Но когда ей ответили «Наташа, я от Максима Арефьева», то она, не рассуждая, отодвинула засов.

Дверь распахнулась с такой силой, что ударилась о стену. Два человека, показавшихся ей с перепугу огромными, как танки, влетели внутрь, и один зажал Тошке рот, а второй щелкнул замком. Она даже не успела ничего понять, только похолодела от ужаса.

– Орать не надо, – сказал на ухо Тошке тот, кто держал ее. Ладонь у него была грубая, шершавая, и от нее тяжело несло табаком. – Иди!

Девушку развернули в другую сторону, и, послушно переставляя ноги, она кое-как добрела – точнее, довела этих двоих – до своей комнаты.

Один встал в центре, разглядывая рисунки, другой подволок ее к стене и прислонился, прижав Тошку к себе.

– А прикольно здесь у тебя, – одобрил первый. Он был в короткой кожаной куртке, из воротника которой сразу выростала бугристая голова, покрытая, будто нашлепкой, черной вязаной шапочкой. Над приплюснутым и свернутым на сторону носом собрались две вертикальные кожистые складки, как у бульдога.

Второй убрал ладонь с ее лица, но другую руку оставил на Тошкиной шее.

– По... пожалуйста... – она боялась обернуться и стояла неподвижно, тяжело дыша и чувствуя, что вот-вот заплачет от страха. – Пожалуйста, н-н-не надо!

– Чего не надо-то? – заржали за ее спиной. – Еще не знает, чего не надо, а уже боится!

– Да ты не нервничай, – проникновенно сказал первый. – Нам от тебя только помощь нужна. Ты же умная девочка. Сейчас все прочитаешь, и мы уйдем.

– Что сделаю? – шепотом спросила Тошка.

Голос отказывался повиноваться. Все произошло слишком быстро, к тому же она не понимала, кто перед ней. Психи, которые сначала будут издеваться над ней, а затем замучают до смерти? Грабители, собирающиеся изнасиловать ее, а потом ограбить и убить? Наркоманы под дозой? Последнее меньше всего походило на правду... Кто? Кто?!

– Слышь, ты отпусти ее, – сказал первый, обращаясь к своему напарнику. – Пусть на стульчик сядет. Посмотрит.

– Орать начнет, – флегматично отозвался тот.

– Не начнет. Ты ж орать не начнешь, Наташа? – он подошел к Тошке и наклонился, сверля ее глазами. – А, Наташа?

Глядя на него, она отчаянно замотала головой.

– Ну вот и умница. Ты, главное, держи себя в руках. Ага?

Вонючая рука убралась с ее шеи, и Тошка сразу же машинально схватилась за горло, как будто ее душили.

– Иди, иди сюда. Сядь.

Ей указали на стул. Тошка подошла и села, ожидая, что ее привяжут, боясь поднять глаза на того, кто стоял у стены. Ей казалось, что она обязательно увидит страшное изуродованное лицо, не выдержит и закричит, и тогда ее сразу убьют.

Первый присел перед ней на корточки, но вместо веревки в его руках она увидела мятый листок бумаги.

– Вот что, Наташа... Нам знающие люди сказали, что ты во всяких шифрах разбираешься. Правда?

Она неуверенно кивнула.

– А у нас, такое дело, как раз оказалась записочка, которую малость зашифровали. Понятно объясняю?

Тошка снова кивнула. К панике прибавилось жутковатое ощущение абсурдности происходящего. «Записочка. Малость зашифровали».

– В общем, Наташа, – закончил человек в куртке, – без твоей помощи нам не обойтись. Вот. На, прочти.

Под перекрестными взглядами Тошка развернула листок. Сперва увидела квадрат, заполненный буквами, и даже не сразу поняла, что это такое. Затем взгляд упал на рисунок рядом с квадратом – цветок.

Ледяная волна накатила на нее с затылка, облила лицо, стекла по задрожавшим пальцам. У Тошки оборвалось дыхание, как случилось однажды, когда ей вздумалось искупаться в проруби.

«Максим!»

В тот же миг панический ужас, который Тошка испытывала с того момента, как ее отбросило дверью, отступил. Она наконец-то поняла, что происходит, и поняла, чего надо бояться. Это не наркоманы и не насильники. Хуже того, это и не грабители.

– Ну, читай, – поторопили ее. – Понимаешь, что здесь написано?

Второй – тот, кто держал ее, – шагнул от стены и оказался рядом, тоже присел на корточки. Минуту назад одна лишь мысль о том, что придется

смотреть ему в лицо, вгоняла ее в состояние, близкое к потере сознания. Теперь Тошка подняла глаза, думая о том, что ей нужно запомнить этого человека.

Человек оказался совершенно никаким. То есть чем-то он был похож на первого: такая же куртка и шапочка на голове, только не черная, а темно-синяя... Но ни одной приметы, ни одной характерной особенности не было в этом лице, и даже выражения на нем никакого – ни угрозы, ни ожидания... Ничего. Пустота.

Тошка с полной уверенностью осознала, что если кто из двоих бандитов и убьет ее, так именно этот, и снова посмотрела на листок, а потом ему в глаза.

«Через кочку и сугроб, – быстро сказала она про себя, удерживая взгляд бандита, – мимо глаза прямо в лоб, отведи мою беду не на друга, а к врагу!»

– Ты че пялишься, я не понял... Любопытная, да?

Тошка поспешно отвела глаза. Сердце у нее колотилось, но она знала, что проговорила заговор как надо.

– Разобрала? – снова спросил ее первый, вставая. – Давай скорее, у нас дел много. Переведи, и мы пойдем.

Без парализующего страха Тошка начала соображать, и ум ее заработал, пока взгляд бегал по строчкам из непрерывных букв. Мысли приходили отрывочные, но вполне ясные. «Без масок... Не бояться, что я запомню... Пока не прочитаю – нужна. Потом убьют, сразу».

Что-то зажужжало, и черношапочник схватился за карман таким жестом, каким в вестернах хватаются за кобуру. Достав телефон, он поднес его к уху и очень вежливо сказал:

– Я слушаю.

– ...Вы закончили? – донеслось до Тошки после первых неразборчивых фраз, и она вздрогнула: голос был определенно знакомый. Громкость динамика оказалась недостаточно высокой для того, чтобы она разбирала все слова, но кое-что удавалось улавливать.

– Не совсем. – Говорящий покосился на нее.

– Нет. Десять, не больше.

– ...и выходите...

– Сделаем. Куда везти-то?

Тошка превратилась в слух. Сейчас ей нужно было только одно: чтобы говорящий, не обращая на нее никакого внимания, как будто она уже умерла и он обговаривает, куда везти труп, не двигался с места. Иначе она перестала бы слышать даже те отрывочные слова, которые выхватывала

сейчас.

– Сюда... к нам, – донеслось до нее. – Пока... не шляется... ворота открыты... малолеток внутрь загнали...

Дальше пошло совсем неразборчиво, а тот, в черной шапочке, все послушно кивал – ему-то было понятно, куда везти Тошку. И вдруг она тоже ясно поняла, куда ее повезут. «Малолеток внутрь загнали»! Это была почти интуитивная догадка, но Тошка ощущала, что попала в точку.

Только туда. Там никто не догадается ее искать. Положив трубку, говоривший стянул свою шапочку и смял в кулаке.

– Ты прочла или нет? – грубо спросил он.

– Я сейчас попробую, – сказала Тошка и поднялась. Вместе с ней поднялся и тот, который сидел перед ней, и девушка оказалась ему ровно по плечо.

– Э, ты куда?

– Мне нужен лист и карандаш, они у той стены.

– На, в тетрадошке напиши.

– Нет. Я не привыкла так работать, – она сама удивилась жесткости в своем голосе. – Я постараюсь расшифровать, но мне нужна привычная обстановка.

– Давай быстро, пять минут тебе даю.

Тошка подошла к стене, приколола новый лист ватмана поверх прежних рисунков, взяла синюю ручку и начала медленно писать, то и дело сверяясь с подсунутым ей листочком. После букв наступила очередь рисунка. Тошка выводила цветок в полной тишине, затылком ощущая тяжелые, давящие взгляды.

Когда она закончила, то для убедительности постояла перед получившимся шифром и лишь затем обернулась к своим сторожам:

– Не получается, – испуг в ее голосе был неподдельным. – Я попробовала первый способ, а он не подошел.

– А сколько всего способов?

– Ну... около пятидесяти, – она назвала первое пришедшее на ум число.

– ...! – выругался второй бандит. – И чего теперь?

Первый что-то сказал вполголоса ему на ухо, и оба посмотрели на Тошку. Она стояла – маленькая, вжавшаяся в стену, – и отчаянно молилась про себя о том, чтобы они не стали бить ее, а еще – чтобы не сорвали со стены то, что она написала.

– Пошли. Пошли, те сказали! Че стоишь? «Бить не будут. Сейчас не будут».

– Спустишься вниз, сядешь в машину, – лениво добавил второй. – Будешь хорошей девочкой – никто тебя не обидит.

«Лист не сорвут. Он им не нужен».

Тошку вывели из комнаты. Хлопнула дверь, сквозняк пронесся по квартире, подняв край листа, на котором был нарисован странный цветок, а рядом квадрат из букв.

* * *

В заключении она сидела уже сутки. На ночь ей принесли матрас и одеяло и даже любезно поставили ведро с крышкой, которое один из ее охранников, морщась, вынес утром. Она стала называть их Черный и Синий – по цвету шапочек. Синий был страшный. Черный тоже, но все-таки не настолько.

Утром она сказала, что на расшифровку, возможно, понадобится несколько дней. А может быть, и больше. Синий начал грязно ругаться, но Черный остановил его и вышел – Тошка не сомневалась, что позвонить. Так оно и было. Черный вернулся и спросил, что ей нужно для работы. И еще добавил, что ей заплатят и она может не бояться. В ее же интересах быстрее разобрать, что написано на листке.

«О да, заплатят!» В том, чем именно с ней будут расплачиваться, у Тошка не сомневалась с той минуты, как увидела послание Макса и поняла, что это такое. Было всего два варианта происходящего – и оба приводили к одному и тому же итогу.

Первый вариант такой: листок у Арефьева отобрали либо украли. Эти идиоты не понимают, что он написал, и хотят лишь одного – как можно быстрее расшифровать «квадрат». Значит, от Тошки требуется тянуть время и ждать, пока за ней придет Максим, который должен увидеть послание на стене. Если бандиты устанут ждать или найдут другого шифровальщика, они убьют ее.

Второй вариант Тошка почти не обдумывала. Эта вероятность подразумевала, что бандиты убили Макса – зачем им нужен конкурент в поисках клада? Однако сами расшифровать ничего не смогли, и потому захватили ее, Тошку, чтобы она помогла им. Как только она сделает это, ее убьют.

«Итак, результат в обоих случаях для меня один и тот же».

Математическая сторона Тошкиного ума говорила, что вероятность первого варианта близка к нулю. Тошка изо всех сил старалась заглушить

этот голос, но он был неумолим. «Зачем красть то, смысла чего не понимаешь? Нет, они знали, что это такое. Они знали, что Макс пишет записки самому себе. А если ты все же права, и шифр украден, то Максим никогда не найдет твое послание, написанное от отчаяния. Он не попадет к тебе в квартиру. А те, кто попадет, не обратят на него внимания. Даже папа».

Тошка начинала напевать себе под нос, чтобы не слышать этого логичного голоса, не давать ему продолжать. Это были ее собственные мысли – и *она не хотела их думать*.

Вторая сторона, та, что отвечала за синих бегемотов с крыльями, работала вовсю: подсовывала подходящие случаю маленькие заклинания, вытаскивая их из закоулочков памяти. Этот голос почти неслышно твердил одно и то же: ты ничего не можешь знать наверняка, тебе нужно спастись, тяни время и не думай ни о чем. Жизнь богаче твоих математических расчетов – иначе как объяснить, что вовремя сказанные слова могут помочь тебе вызвать троллейбус? Вот то-то же.

Тошка прислушивалась ко второму голосу и чертила абракадабру в тетради, чтобы охранники думали, будто она работает.

О том, что она верит в детские заклинания и придумывает их сама, знали многие, но только двое относились к этому серьезно: папа и Максим. Папа, когда Тошка была еще маленькой, как-то раз объяснил, что она использует очень сильное самовнушение – проще говоря, убеждает саму себя в чем-то.

– А почему тогда троллейбус приходит, если я три раза скажу: «рогатый-рогатый-приезжай-до-хаты-ты-с-рогами-не-свинья-а-где-хата-там-и-я» и крутанусь на носках? – спросила папу Тошка. – Значит, я его тоже убеждаю?

Папа не сразу нашелся, что ответить, но потом заговорил о том, что по теории вероятности... троллейбус... через определенные промежутки времени... Тошка вежливо послушала, хмыкнула и осталась при своем мнении.

Ее мир населяли существа – преимущественно доброжелательные, – главным назначением которых было защищать маленькую Тошку от разных пакостей. В одном взрослом фильме, который ей очень нравился, Тошка услышала чудесную песню. «Никого не будет в доме, – пел негромкий, чуть грустный голос, – кроме сумерек, один зимний день в сквозном проеме незадернутых гардин».

Тошка часто оставалась дома одна и больше всего не любила зимние сумерки, когда темнело и во вьюге за окном смутно угадывались всякие

мелкие, но нехорошие создания, которых она опасалась. Поэтому песня была ей очень близка. Она слышала, как печально человеку, который поет ее, потому что он тоже один и боится.

Но затем песня его менялась. А все потому, что в ней появлялся кое-кто новый! Тошке особенно нравились эти строчки, она просто замирала, когда доходила до них.

«Но нежданно
По портъере
Пробежит вторженья дрожь:
Тишинуша Гамемеря,
Тишинуша Гамемеря,
Тишинуша Гамемеря,
Ты, как будущность, войдешь...»

Тошка представляла себе большую, толстую, белую и очень добрую Тишинушу, которая, неслышно ступая мохнатыми тапочками, входит в дом, и все страхи сразу разбегаются по углам, а подлые сквозняки утекают через щели наружу. До тех пор, пока Тишинуша оставалась в доме, можно было ничего не бояться. Поэтому Тошка выучила песню наизусть и часто пела ее, разгоняя страхи.

Сейчас она тоже напела, почти бессознательно: «Никого не будет в доме...» – и осеклась на полуслове, спохватившись. В ее положении маленькие детские хитрости вряд ли смогли бы ей помочь.

Дверь открылась, вошел Черный, вопросительно посмотрел на нее.

– Шифр гораздо сложнее, чем мне казалось, – сказала Тошка, откладывая в сторону исписанную тетрадь.

– Вообще ничего не разгадала? Она покачала головой.

– Ну ты крутой специалист, значит, – желчно прокомментировал Черный. – И чего?

– Думаю, я все-таки на правильном пути. Но мне понадобятся кое-какие книги в помощь.

– Напиши названия, тебе купят.

– В продаже их нет, это библиотечные книги.

– Чего-о-о?!

– Библиотечные, – повторила Тошка. – Через два квартала от моего дома есть большая библиотека, мне понадобятся все книги, которые у них есть по определенной теме.

- Не жирно-то – все?
- Нет, их будет совсем немного. Это редкие книги. Возможно даже, что вам их не дадут на руки, и тогда придется копировать страницы.
- О чем хоть книжки-то? – обреченно вздохнул охранник.
- Об одной древней зашифрованной рукописи. Она называется манускрипт Войнича.

* * *

Много воды утекло с тех пор, как я вошел в дом Джона Ди, придворного королевского алхимика. Жизнь моя шла совсем не так, как прежде, и я все реже вспоминал те годы, когда вынужден был промышлять заурядным надувательством, чтобы прокормиться. В мире, где жил мой наставник – да-да, я давно уже называю его не хозяином, а наставником, – можно играть с размахом, и чем крупнее сумма выигрыша, тем меньше шансов, что тебя разоблачат. Большие деньги притягивают к себе лишь деньги, а вовсе не неприятности, как твердила моя недалекая матушка. Бедняжка надеялась, что таким образом поможет мне избежать соблазнов большого города, но, увы, я горел страстью проверить на собственном опыте ее теории притяжения. Результат оказался совсем не тот, на который она рассчитывала.

Но вернемся к *наставнику*. О том, что старый дуралей вовсе не пал с первого взгляда жертвой моего обаяния, я узнал много позже – из его собственного дневника, который исключительно удачно подвернулся под руку во время моей очередной экскурсии по обители Джона.

Надо ли говорить, что я пользовался возможностью изучить все потайные местечки его жилища при каждом удобном случае? Последний, к сожалению, выпадал куда реже, чем мне хотелось бы. Джон не любит часто покидать поместье, а когда уезжает, старается брать меня с собой.

Однако иногда мне удавалось под каким-нибудь предлогом остаться в доме. В тот, самый удачный, раз слуги собрались на кухне, и комнаты оказались в моем распоряжении. Дневник я разыскал в библиотеке за одной из настенных панелей, затянутых гобеленом.

Оказалось очень поучительно почитать, как отнесся ко мне мой почтенный друг. «Сегодня... десятого числа... явился ко мне человек, утверждающий, что слышит голоса ангелов и сам может говорить с ними. С его слов, ему немногим меньше тридцати лет. Телосложения он довольно плотного, и по облику своему более схож с хорошо пожившим

сорокалетним мужчиной, не чуравшимся радостей плоти, нежели с людьми своего возраста. Вид имеет лукавый и одновременно с тем простоватый. Нос мясистый, губы толстые, как у арабов, и очень красные, а глаза небольшие, черные, широко расставленные. Особенно же примечательны кисти его рук, выдающие в нем человека благородного происхождения».

«Вот тебе и старый дуралей!» – как сейчас помню, подумал я тогда, прочитав про кисти рук. Да, пожалуй, не стоило недооценивать наблюдательность моего хозяина.

В дневнике Джон выражался вполне откровенно. С каждым месяцем, проведенным рядом со мной, ему открывались новые грани моего характера, и старик поверял свои тревоги бумаге.

«При первой встрече он назвался Тэлботом, однако недавно выяснилось, что зовут его иначе – Эдвард Келли. В объяснение первоначальной лжи он начал плести что-то о своей покойной матушке, в честь которой выбрал это имя, однако я прервал его. Мне не должно быть дела до его выдумок. Он врет слишком много».

Да-да, дорогой Джон, ты даже не догадываешься, *насколько* много.

«Сегодня Келли был представлен ее величеству, и королева приняла его благосклонно. Наружность его кажется мне отталкивающей, а манеры мужиковатыми. Однако в присутствии ее величества Эдвард преобразился, как бывало с ним не раз. Я уже замечал, что он легко меняет личины, и это настораживает меня. С Елизаветой он был недопустимо развязен, и я полагал, что наше дело обречено на провал, а я жестоко скомпрометировал себя, добившись для Келли разрешения быть представленным ко двору. Однако случилось удивительное: ее величество соизволило рассмеяться на одну из его шуток и тепло побеседовала с нами...

...Я не раз обращал внимание на то, что, несмотря на уродливость своего облика, он привлекает женщин. Это кажется тем страннее, что его мнение о них крайне невысоко. Эдвард жесток и груб с ними, а его цинизм превосходит всякие границы! Даже свою жену, которую я так ни разу и не увидел за эти шесть лет, он не называет иначе как пустоголовой кобылой и не стремится к воссоединению с ней. Она ждет его в том городке, откуда он прибыл, но я не думаю, что надеждам ее суждено сбыться».

Мой бог, как можно так плохо разбираться в бабах! Я от души смеялся, читая его недоуменные рассуждения на тему, в которой он не смыслит ни бельмеса. Правда, в одном он угадал верно: я не собираюсь возвращаться к дурочке Маргарет и полагаю, что и она не жаждет встречи со мной. Под ее белым бочком, мягким, как перина, наверняка спит какой-нибудь тощий замухрышка: она всегда питала слабость к мелким мужчинам.

Читая записи Джона, уединившись в укромном уголке, чтобы никто из слуг не застал меня за этим занятием, я сделал одно важное открытие: Джон меня боится! Четыре месяца назад он написал: «Эдвард имеет странное влияние на меня, которое я не могу объяснить. Когда Эдварда нет рядом, многие его поступки предстают передо мной в таком свете, что я недоумеваю – как возможно терпеть рядом с собой такого скверного человека?! Но стоит ему появиться, и мои подозрения рассеиваются. Иной раз кажется, что он смотрит на меня как на ребенка, с ласковой улыбкой, но мне почему-то становится не по себе от чувства, что я вижу в его взгляде».

Два месяца назад: «Эдвард снова входит в контакт с духами. Нельзя не признать, что у него выдающиеся способности и без него нам не удалось бы добиться столь впечатляющих результатов, прославивших нас. К тому же он невероятно одарен в алхимии, и его опыты по превращению дешевых металлов в золото близки к завершению. Но, боюсь, временами он забывает о том, кому обязан всеми своими достижениями и тем положением, которое ныне занимает в обществе. Я часто напоминаю ему об этом, ибо греховное честолюбие может довести его до беды. Я забочусь о том, чтобы этого не случилось. Но третьего дня, когда я вновь заговорил с ним о благодарности, он впал в ярость и стал похож на безумца! Видит Бог, я перестану это терпеть...»

Дальше текст оборван. Надеюсь, мой добрый Джон задумался о том, что произойдет, если он «перестанет это терпеть», и размышления отбили у него охоту писать дальше.

Итак, Джон по-прежнему считает, что я – талантливый подмастерье... Что ж, пускай. Его не убедили в обратном все те годы, что мы провели вместе, и он отказывается понимать, что уже много лет я тащу его за собой, а не наоборот. Его самодовольство огромно, как раздувшееся брюхо насытившегося паука.

Но самое важное, что я вычитал в записях Джона, заключалось не в том, что *он* думает обо мне, а в том, что думает обо мне *она*. Его жена.

О, Джейн! Джейн и Джон – чудесная пара: она на треть века младше его, и когда они рядом, то похожи даже не на отца и дочь, а на деда и внука. Белокурая Джейн с кроткими карими глазами! Она выглядела такой тихоней и скромницей, когда я впервые познакомился с ней, что я подумал: «Уж кто-кто, а она не представляет собой опасности». Перед супругом Джейн благоговеет, а досуг проводит в вышивании картин на библейские темы.

Я всегда был с ней почтителен и сдержан, а она со мной лишь сдержанна, без почтительности. Что ж, оно и ясно: кто такой для нее

помощник и ученик ее мужа!

Когда Джейн стала проявлять к нашим занятиям чрезмерный интерес, я разбился в лепешку, но выхлопотал для нее место фрейлины у королевы. После чего решил, что избавился от возможного противника, и забыл об ее существовании.

Однако то, что я прочитал в дневнике моего наставника, не на шутку озадачило меня. «Джейн удивляется тому, как я могу терпеть проделки Эдварда. Она чиста и невинна душой, лишена мелочной жестокости, присущей женскому полу, и тем удивительнее слышать мне от нее слова упрека».

«... Джейн сегодня утром была бледна. Я обеспокоился ее здоровьем, но она заверила меня, что причина – в ее переживаниях обо мне. Как же я был растроган! Жена опасается, что растущая слава Эдварда может повредить мне. Голубка моя! Я объяснил, что в сравнении со мной Эдвард – никто, но она приводила все новые доводы и в конце концов заставила меня задуматься. Однако по зрелому размышлению я пришел к выводу, что беспокоиться не о чем, королева благоволит мне. Когда я сказал ей все это, мне показалось, что Джейн сердится, но она промолчала».

И, наконец, последняя запись о миссис Ди, сделанная всего месяц назад.

«Вернувшись, я застал ее заплаканной. Сперва она отказывалась выдать причину слез, но я настаивал, и тогда Джейн призналась: в мое отсутствие Келли вел себя непозволительно. Моему гневу не было предела, но жена умоляла меня не волноваться, поскольку волнение вредно для моего пищеварения, и в конце концов для ее спокойствия я пообещал, что не буду говорить с ним о произошедшем. Однако если он даст еще один повод, я вышвырну его как собаку!»

Лживая сука! Я выругался, но, забывшись, сделал это слишком громко. За дверью послышались шаги, и мне пришлось спешно скрывать следы своего пребывания в библиотеке, а затем прятаться самому.

Стоя между шкафом и портьерой, я обдумывал прочитанное. Значит, крошка Джейн тихо готовила наступление, пока мои войска были расквартированы на зиму... Лишена мелочной жестокости, как же! За все время, что я живу здесь, мне и в голову не пришло задуматься, как выглядят ее куриные ляжки под юбкой, а она говорит о «непозволительном поведении»!

До чего же вовремя я обнаружил записи Джона! Не нужно быть человеком большого ума, чтобы сообразить: поначалу мое присутствие не вызывало у миссис Ди возражений, поскольку она видела, что я полезен ее

супругу. Будучи женщиной неглупой, она молчала и наблюдала со стороны. Но что-то заставило ее изменить мнение, и хитрая бабенка принялась точить камень по капле. Продолжи она в том же духе еще пару-тройку месяцев, и мне пришлось бы оправдываться перед Джоном.

Но он-то как хорош! Прекрасно понимая, что не может выгнать меня, наш трусоватый алхимик решил прикрыться заботами о спокойствии жены. Думаю, последние лет десять он не согревал постель своей супруги, и в глубине души ему все равно, с кем она спит. Но статус рогоносца Джону не по вкусу. Что ж, надо подумать, как обратить ситуацию в свою пользу.

Весь день я ломал голову, пытаюсь понять, как же справиться с внезапно возникшей напастью. Больше всего меня выводило из себя то, что в обвинениях Джейн не было и капли правды! Ну не смешно ли, что поклеп на меня возводит именно та женщина, к которой я не прикоснулся и пальцем?!

Подумав об этом, я остановился, не дойдя шага до своей комнаты. Дьявольский план забрезжил голове, и в ту секунду, когда взгляд мой упал на картину напротив двери, он сложился целиком. На картине Сусанна целомудренно прикрывалась от похотливых старцев. Я от души захохотал, поскольку ценю хорошую шутку, а эта обещала стать просто отменной.

Когда Джон вернулся из своей отлучки, все было подготовлено.

Мы давно уже ставили опыты по преобразованию меди в золото и изрядно продвинулись на этом пути, но в этот вечер все пошло не так. Сперва при нагревании металла в тигле последний неожиданно треснул, и горячая медь едва не ошпарила Джона.

Следом отказала одна из горелок, лишь недавно собранных мастером по моему рисунку. Чан стоял именно на этой горелке, и падение температуры нарушило условия опыта. Пришлось прервать его.

Мы начали все заново, но в ответственный момент с балки над нашими головами упал обломок кирпича. Разрушений он причинил немного, но нужный нам раствор был безнадежно испорчен.

Тогда меня «осенило»:

Мне кажется, что все эти неудачи – неспроста! Нет ли в том указания высших сил, учитель? Быть может, наше стремление к превращению дешевых металлов в золото неуместно им?

Если бы то было стремление к обогащению, я бы согласился с тобой, – сердито возразил он. – Но мы – ученые, что бы ни болтали скептики! Эксперимент должен быть завершен.

Что ж, мы попытались завершить его. Но внезапно пламя под тиглем вспыхнуло с такой силой, что я отскочил и случайно опрокинул банку с

порошком, сделанным из кости красного единорога, – большая ценность! Банка не разбилась, но крышка ее отчего-то оказалась незакрытой, и нам с учителем пришлось поползть на корточках, осторожно собирая дорогой порошок.

После этого измученный Джон признал, что, похоже, я прав. Мне даже не пришлось подсказывать ему мысль обратиться к духам – он и сам решил, что можно потревожить их, раз дело касается такого важного вопроса. Извлекли магический кристалл, и я приступил к беседе с высшими силами.

В ту ночь ангел возвестил удивительное: неудачи наши объяснились тем, что мы с Джоном были слишком далеки друг от друга. Превращение металла в золото – тонкая материя, необычайно чувствительная к личности алхимика. Мы делили с Джоном кров и пищу, возвестил ангел, но для того, чтобы подняться на завершающую ступень, должны владеть сообща своими женами.

О, вытянувшееся лицо сэра Ди доставило мне немало удовольствия! Он потребовал от меня уточнить у духа, что тот имеет в виду. И я уточнил.

Скажу не скромничая, в ту ночь я был в ударе! Латынь изливалась из меня как вода из родника, а те доказательства, которые «духи» привели для подтверждения своей правоты, не смог бы опровергнуть даже профессор логики. Я сыпал образами, от которых у старика кружилась голова, и разворачивал перед ним такие картины счастливого будущего, что час спустя он окончательно убедился: необходимо пожертвовать малым, чтобы достичь большого. К тому же духи описали все так, словно никакой жертвы и не ожидалось. Женщине предстояло сделать то, для чего ее уготовила сама природа, только и всего.

Жаль, я не присутствовал при разговоре Джона с его супругой. Не знаю, разгадала ли она мою хитрость... Как и ее муженек, Джейн была убеждена, что я действительно общаюсь с высшими силами и мне подвластно многое, недоступное обычному человеку.

В этом, стоит сказать, она не ошибалась. В первую же ночь, которую мы провели с ней, я показал Джейн, на что способен рассерженный мужчина. Думаю, за всю ее жизнь бедняжке никто не преподавал таких уроков.

Сперва я собирался потратить неделю на упрочение нашего с Джоном духовного родства, но потом решил уменьшить этот срок. Его супруга на мой вкус была пресновата, и потому «владение» сократилось до трех дней. Была и еще одна причина, почему я пощадил Джейн. На третий день она постучалась в дверь моей комнаты и, стоило мне открыть, без слов

протянула ожерелье, которое я не раз видел на ее тонкой шейке – двенадцать ровных, крупных изумрудов сверкали в нем. Щеки Джейн алели, глаза были опущены, и, вложив украшение в мою руку, она повернулась и поспешно удалилась.

Решила откупиться от меня подобным образом? Что ж, я был не против. Уж не знаю, как она объяснила исчезновение ожерелья своему супругу, но только с того времени оно хранилось в моем тайнике.

Конечно, я был готов предоставить и свою жену в распоряжение наставника! Но Джон отчего-то не проявил прыти, когда я предложил ему разыскать Маргарет. Я не настаивал.

Но как бы ни была сильна вера Джейн в мои способности, думаю, у нее зародились кое-какие подозрения. На второй день благодаря моей привычке бесшумно передвигаться я стал свидетелем того, как Джон увещевает свою супругу «смириться и потерпеть», а она возражает, повысив голос. Но здесь Ди оказался непреклонен: за эти годы ангелы всегда вели его верным путем, ни разу не посоветовав плохого. Значит, и в этот раз Джейн должна быть послушна их воле! Когда женщина зарыдала, он, вместо слов утешения, произнес грозную речь о ее дальнейшей участи и вышел, оставив супругу в горе, а меня – в восхищении.

Я решил, что такая преданность науке должна быть вознаграждена, и потому на четвертую ночь я достал из тигля золотой слиток – итог нашего «обмена».

Вы одолели третью ступень, учитель! – благоговейно сказал я старику, вытаскивая заранее подготовленное золото из формы.

Мы одолели, мальчик мой, мы вместе! – поправил меня Джон, и на его глазах мелькнули слезы радости, когда он принял слиток.

Скажу откровенно, у меня и самого потекли слезы, но по совершенно другой причине. Много раз за эти годы меня распирало от сдерживаемого хохота, но в этот, последний раз, самообладание далось мне с особенным трудом. Когда Джон ушел, чтобы возвестить супруге благую весть, я свалился на каменный пол, корчась от гогота, и тоже вознес молитву высшим силам – в благодарность за то, что они создали дураков.

* * *

Итак, семь лет спустя после того, как я перешагнул через порог дома Джона Ди, можно было сказать без ложной скромности: я, Эдвард Келли, добился очень многого. Последний хитроумный шаг помог мне избавиться

от единственного противника, которого стоило опасаться. Джейн теперь боится меня до дрожи, и правильно делает. Вдруг ангелы прикажут ей покинуть поместье и отдаться первому встречному рыбаку на побережье Темзы? Теперь-то она точно знает, кого станет в этом случае слушаться ее супруг!

И все же нельзя сказать, чтобы я был полностью доволен своей жизнью. Меня не покидает чувство, что все происходящее есть лишь прелюдия к чему-то большему, значительному, тому, что прославит мое имя в веках. Не стану скрывать, честолюбие мне не чуждо. И чем ближе я к людям, которых прославляют толпы невежд, тем сильнее во мне недоумение: за многих из них я не дал бы и пенни! Пустобрехи, годные лишь на то, чтобы беззастенчиво льстить власть имущим; наследники огромных состояний, высокомерные и ленивые; удачливые прохвосты, умеющие из любой услуги извлечь выгоду... Где-то над ними должно найтись место и для меня, да такое, чтобы никто никогда не смел попрекнуть Эдварда Келли низким происхождением или темным прошлым. А для этого нужны богатство и официальное признание моего положения в обществе.

Ни того, ни другого мой старый наставник уже не может мне дать. Все чаще я задумываюсь о том, что наши пути должны разойтись.

Старый Джон Ди, увы, начисто лишен духа авантюризма. Его состояние заработано праведным трудом, и сам он искренне верит во все, чем занимается. Но я не готов до старости лебезить перед ее величеством, отличающейся вспыльчивым и злопамятным характером, и уж давно не собираюсь возиться с колбами и ретортами. Будь моя воля, каждую из них в лаборатории Джона я наполнил бы ослиной мочой.

Нет, мне уготован иной путь... Поймать удачу и получить все и сразу – вот чего я желаю! Прошло то время, когда я терпеливо ждал и сносил нравоучения наставника: теперь наступила пора действовать самому.

Но Джон все еще нужен мне. Без его помощи я не смогу проникнуть в те круги, где восхождение мое станет лишь вопросом времени. О, у меня давно уже вызревает план, который позволит добиться желаемого!

Английский двор тесен Эдварду Келли, в нем я никогда не избавлюсь от клейма «помощник великого Джона Ди». Иное дело – двор Рудольфа Второго в Пражском Граде. Император покровительствует наукам и искусствам, и говорят, что художникам и ученым хорошо живется в Праге.

Но предпочтение Рудольф все же оказывает не им, а астрологам и алхимикам. Говорят, они осыпаны золотом и якобы император даже приказал высечь из мрамора скульптуры многих из них. Теперь статуи этих

ученых украшают его дворец. Где вы видели такого правителя?

Я чувствую, что мой путь лежит в столицу Священной Римской империи! Однако мне необходимо, чтобы со мной отправился Джон. Прибытие одного Эдварда Келли, конечно, не останется незамеченным, но этого недостаточно. Я должен предстать перед императором так, чтобы все запомнили мое появление!

Что ж, решение принято. В Прагу!

Глава 4

1999 год.

Выжженные в начале мая склоны оврага уже поросли свежей травой и кустиками земляники, на которых белели мелкие цветы. Пожары прекратились, но ветер все равно разносил в воздухе отголоски запахов кострищ, приправленные пылью.

Время от времени Тошка наклонялась, надеясь найти ягоды, и каждый раз обиженно фыркала.

– Ну нету сейчас земляники, – бубнил шедший за ней следом Лешка, почесывая расцарапанный локоть. – Рано ей, понимаешь? Ты бы еще арбузы здесь поискала.

Тошка отмахивалась от него и через каждые десять шагов снова ныряла вниз, вороша кустики.

– Ну все. Пришли, – молчавший до этого Максим спрыгнул с бугорка и остановился возле полуразрушенной скамейки, притащенной сюда неизвестно кем и когда и торчащей из земли наискось, как ледакол, застрявший в льдинах.

Ребята стояли на дне большого оврага, оглядывая склоны: один отвесный, почти как скала, второй пологий, бугристый, кое-где взъерошившийся кустарником.

Ты уверен, что начинать надо отсюда? – в сотый раз спросил Лешка.

Уверен, уверен. – Из кармана рюкзака Максим вытащил помятый свиток, развернул. – Во, смотри!

«От остова чудища путь твой начнется,
И пусть проведет он тебя до колодца,
Где новые тайны под саликсом ждут.
Раскрой их – и к цели они приведут».

– Колодец – это точно бывшая скважина, – утвердительно сказала Тошка, балансируя на скамейке. На уцелевшем углу спинки виднелась полустертая резьба – морда дракона. – Леха, кончай нудеть! Пошли скорее, а то я в яичницу испекусь!

Лешка вздохнул, вытер ладонью пот, оставив на лбу серые полосы, и вразвалочку двинулся вперед. Тошка с Максимом зашагали за ним.

Случайный встречный, увидев этих троих, решил бы, что двое из них – брат и сестра. Лешка с Тошкой в самом деле были похожи – на первый взгляд. Баренцев – невысокий, коренастый, с выгоревшими вихрами, вечно ухмыляющийся щербатым ртом. Летом волосы его из русых становились совсем льяными, а на носу высыпали веснушки. Такие же веснушки появлялись и у Тошки, особенно щедро осыпая самый кончик носа, который от этого казался обгоревшим.

Тошка тоже была низенькая и крепенькая, с круглой головкой, из макушки которой, как хвостик из редиски, торчали перехваченные резинкой светлые волосы. Стоило им отрасти, как Тошка тут же обгрызала кончик хвоста, регулируя таким образом длину волос без помощи парикмахера. Голубые глазищи в пол-лица смотрели на мир доверчиво и простодушно.

А вот Лешка, хитрец, всегда шурился, словно оценивая положение дел. Баренцев был третьим ребенком у матери, продавщицы продовольственного магазина, воспитывавшей детей без отца – тот бросил их как раз тогда, когда младшему Баренцеву исполнилось два месяца. Мать самым действенным средством воспитания детей считала подзатыльник, а в особо тяжелых случаях – ремень. Два старших брата не упускали случая подраться друг с другом, при этом частенько доставалось и самому младшему, а мать, разняв их, наказывала всех без разбору. Поэтому Лешка привык к бдительности.

Темноволосый Максим Арефьев был выше Лешки почти на голову, но в отношении приятеля Баренцев занимал покровительственную позицию. Конечно, ума Максиму было не занимать, это все признавали. Но только ум его был какой-то странный – направленный не к собственной выгоде, а к чему-то непонятному, что и объяснить сложно.

Взять, например, эти их с Тошкой игры в шифры. Тошка-то ладно, она девчонка, ей, можно сказать, положено всякой ерундой увлекаться. Но когда парень четырнадцати лет, вместо того чтобы гонять мяч, сидит над энциклопедией и изучает, какими кодами пользовались древние египтяне – этого Лешка понять не мог. Когда при нем Максим с Тошкой принимались обсуждать какую-нибудь очередную идейку, он быстро начинал скучать и старался отвлечь их. Ведь хорошие ребята оба, просто отличные! Мути бы вот только в голове поменьше, и было бы совсем классно.

Но именно благодаря «мути» в голове Максима Арефьева они сегодня отправились на поиски.

На поиски клада!

Вообще-то все началось с отчима Макса. Тетя Таня, Максина мать, год

назад вышла замуж за какого-то непонятного типа. Типа звали Борисом, он носил короткую бородку и ко всем обращался на «вы», даже к Лешке, чем при первом знакомстве вверх Баренцева в оторопь. Поначалу Максим говорил о новом члене семьи скупно и неохотно: упомянул лишь, что Борис Осипович – переводчик, как и мать, и что его родной дядя «этой рожей сильно недоволен». Так высказался сам дядя в присутствии своей сестры, после чего Татьяна выставила его из своего дома.

– А чем твоему дяде новый мамкин хахаль не приглянулся? Пьет, что ли?

Максим покосился на Лешку, покачал головой:

– Да ты что, он вообще непьющий. Не знаю я, почему не понравился! У дяди Саши с мамой даже ссора из-за этого вышла. Они думали, я сплю... А теперь дядя Саша к нам больше не заходит. Мать ему по телефону сказала – когда перестанешь быть хамом, придешь.

Лешка понимающе кивнул. Ему было понятно, за что не любить какого-то левого мужика, которого притащила в хату Максова мамаша.

Однако постепенно в настороженном отношении Макса к отчиму произошла перемена. Он и сам не мог бы сказать, когда начал называть этого чужого человека дядей Борей и радоваться ему куда больше, чем родному дядюшке. Борис Осипович оказался для него кладезью информации, он много занимался с мальчишкой и притаскивал ему всякие забавные вещицы вроде головоломок или тех же энциклопедий, которыми Макс зачитывался.

А на Максов день рождения и вовсе придумал нечто удивительное. Пригласил зайти в гости Тошку и Лешку, ненадолго оставил их, недоумевающих, в комнате вместе с Максом и вскоре вернулся с бутылкой в руках. Бутылка казалась жутко пыльной на вид, и пробка у нее была залита чем-то, похожим на блестящую глину. Тошка потом сказала – «настоящий сургуч». Во как!

– Это – не подарок, точнее – не совсем подарок-суховато, как всегда, сказал Борис Осипович, поблескивая очками. Может, и суховато, но глаза за очками у него были хитрые-хитрые, как Лешка заметил. – Здесь, Максим, находится инструкция. Если ты будешь следовать ей, то сможешь отыскать клад. Инструкция зашифрована, но я надеюсь, Наталья и Алексей тебе помогут. На их знания и сообразительность я возлагаю большие надежды.

Так и сказал – «возлагаю большие надежды» – и еще слегка поклонился в сторону Тошки. Та покраснела и стала похожа на редиску.

Кстати говоря, Максиму на четырнадцать лет надарили кучу других подарков, Лешка видел. Но загорелся он именно от этого, как только до

него дошло, что предлагает ему дядя Боря.

– То есть – что, самый настоящий клад? – недоверчиво уточнила Тошка.

– Ценный? – встрял Лешка.

– Безусловно, настоящий, – согласился дядя Боря. – Насчет ценности возможны расхождения во мнениях, но лично я считаю его ценным.

Он протянул бутылку Макс, зачарованно принявшему ее в ладони, улыбнулся и, кажется, хотел погладить пасынка по голове... Во всяком случае, рука его потянулась к Максовой башке. Но затем дядя Боря как будто спохватился, что руки у него пыльные, и, извинившись непонятно за что, вышел из комнаты.

– Открывай давай! – с азартом воскликнул Лешка, едва Борис Осипович вышел из комнаты.

– Да погоди ты... открывай! Сначала надо сообразить, как ее открыть!

В конце концов бутылку попросту разбили. Внутри оказался свиток, испещренный буквами. Вверху свитка было написано: «Ave Caesar».

– Это что?.. – нахмурилась Тошка.

Макс постоял, глядя на развернутый свиток и шевеля губами, и вдруг поднял на друзей просветленный взгляд:

– Аве Цезарь! Народ, это шифр Цезаря! Точно! Давайте сюда тетрадь...

Написанное разгадали через пятнадцать минут. Только с ключевым словом пришлось повозиться, пока Тошка не догадалась, что это «Цезарь» и есть. Лешка только глазами хлопал, пока друзья подставляли нужные буквы взамен той белиберды, что написана в свитке. Не зря все-таки Тошка с Максом просиживали штаны над всякой закодированной ерундой!

В итоге они получили указание о том, где искать вторую подсказку. Когда вся троица с горящими глазами промчалась к входной двери мимо тети Тани и дяди Бори, те довольно рассмеялись им вслед.

Три подсказки они нашли спрятанными в разных местах двора, и последняя недвусмысленно отправляла их в овраг. Максим помнил, что именно полузарытую в землю скамейку дядя Боря, увидев, назвал остовом чудища и тут же рассказал Макс о том, что драконы действительно существовали на Земле.

Поэтому сегодня, без тени сомнения прогуляв школу, они с самого утра рванули к оврагу, не дожидаясь, пока солнце начнет припекать. Вторая половина мая выдалась жаркой.

Почти бегом они добежали до низины, где, по слухам, когда-то хотели сделать колодец. Скважину-то в землю врыли, но потом что-то с колодцем

не сложилось, и верх скважины закрыли намертво, приварив железную крышку. Здесь росла старая ива, и Тошка с Максом облегченно свалились в тени.

– Давайте, вставайте! – тормозил их Лешка. – Нам еще четвертую подсказку искать!

– Что ее искать! – лениво отозвалась Тошка. – И так ясно! Вчера еще все отгадали.

Накануне Лешку мать загнала домой за двойки еще в пять часов, и он не знал, что именно отгадали. «Где новые тайны под саликсом ждут» – ерунда какая-то непонятная! Может, Саликс – это созвездие такое? Но как под ним искать тайны?

– Саликс – это ива по латыни, – успокоительно сказал Максим. – Так что мы на месте. Тошка, ты куда?

Тошка, отдохнув и не в силах ждать, облазила всю иву, ожидая найти новую подсказку, но ничего не обнаружила.

– Слушайте, – упавшим голосом сказала она, спрыгнув вниз. – А подсказки-то нету!

– Расслабься, Тоха! – скомандовал Лешка. – Читай внимательно: «под саликсом»! Поняла? «Под», а не «на».

Они оглядели основание ивы. С одной стороны была подсыпана горкой свежая земля, и, разрыв ее, Максим вытащил вложенный в пакет конверт, из которого выпал плотный лист, сложенный вчетверо.

На листе была от руки нарисована карта, но какая-то странная: с числами вместо подписей и линиями, похожими на параллели и меридианы. Лешка глянул на нее и присвистнул:

– Да, Макс, переоценил тебя дядя Боря!

– Меня, может, и переоценил, – отозвался тот после недолгого молчания. – А Тошку – вряд ли.

Она уже вертела карту в руках, озабоченно рассматривая ее.

– Ножницы бы... – вдруг сказала Тошка. – Лех, ты случайно ножницы с собой не захватил?..

Обошлись без ножниц. Тонкими пальчиками Тошка аккуратно разорвала карту по линиям «параллелей» и «меридианов» и сложила на земле из получившихся кусочков заново, но уже по-новому.

– Тоха, ты талант! – восхитился Макс, разглядывая получившуюся карту.

– Бери выше – гений, – скромно отозвалась та. – На самом деле все просто: здесь не зря числа в каждом квадрате. Их сумма везде должна быть одинаковой. Видишь, что написано вдоль каждой линии?..

– А давайте научные объяснения потом! – взмолился Лешка. – Лучше скажите – куда дальше-то идти?

– Сюда. – Максим ткнул в центр карты, где сам собою после перестановки кусков местами сложился красный крестик. – Это у нас – что? – и нахмурился, пытаюсь сообразить. – А, точно! Мост!

– Тогда – впегед, товагищи! – Лешка, отчаянно картавя, указал правой рукой в сторону моста, левую заложив за спину. – А что вы ржете, товагищи?

Мост, конечно, был не настоящим мостом, а ржавой трубой, переброшенной через узкую речушку, бойко скачущую по камням. Возле дальнего конца трубы высилась горка белых камней, из верхушки которой торчала сломанная ветка ивы.

– О! Нам туда! – Лешка первым вскочил на трубу и засеменял, мелко-мелко перебирая ногами.

Тошка последовала за ним, а дольше всех, как обычно, перебирался Максим, который едва не свалился на середине моста к бурной радости Тошки.

– Что на этот раз? – спросил он, запыхавшись, когда спрыгнул с коварной трубы на землю. – Ого!

Один из камней – тот, что удерживал ветку, – оказался перевязан толстой красной нитью. Перевернув булыжник, ребята увидели, что с обратной стороны к нему привязан спичечный коробок. Из коробка извлекли под сказку – новый листок бумаги, на котором было написано одно-единственное слово. Но очень длинное.

«КАЗКПНОНЖЕСУЕЬОЛСНЦНГУИЕУАДЧЛДАО- АПДИНЙТПНКЙЕТИЫАЛБНФТУАИ»

Лешка выжидательно уставился на друзей в надежде, что сейчас ему все разъяснят.

– Я не знаю, что это за шифр, – растерянно проговорил Максим. – Вроде бы простой, но какой-то странный...

– А зачем забор в углу? – Тошка показала на карандашный рисунок в нижнем углу листа. – Может быть, это тот же шифр Цезаря, который был в первый раз? А ключевое слово – «забор»?

Максим пошевелил губами, отсчитывая буквы.

– Нет, не выходит.

Они отошли в сторону, присели на траву. Арефьев достал из рюкзака тетрадь, расчертил лист квадратами и принялся вписывать в них буквы в

разном порядке.

– Белиберда какая-то, – обескураженно сказал он пять минут спустя. – Ни одного слова прочесть не могу. Хоть с забором, хоть без забора.

– Спокойно! – Лешка, жующий травинку, выплюнул ее в сторону и склонился над листочком с шифром. – Давай каждую букву заменим на английскую!

– Давай. А зачем?

– Ну... – смутился Баренцев, – не знаю. Так просто предложил.

– Леха, ты погоди, – вмешалась Тошка, отбирая у Арефьева его записи. – Здесь все дело в перестановке, только мы никак не поймем, как и что переставлять. Засада в этом заборчике. Ведь не просто так его нарисовали!

– Да ладно! Может, ручку расписывали? Не, – осенило Лешку, – не так! Нам хотели показать, что как бараны бьются лбом об забор, так же и мы будем сидеть над этой задачкой!

– М-м-ее-е-е... – тоненько проблеяла Тошка. – То есть бе-ее-е-е...

Максим рассмеялся, глядя на нее, и все мысли о шифре на секунду вылетели у него из головы. Он, только что переживавший из-за того, что не может разгадать несложную загадку, вдруг почувствовал себя очень счастливым.

И как только он поймал это ощущение, ответ сам собой возник в его голове.

– Забор! – вскинулся Максим. – Леха, Тошка! Это же забор!

– Ну да, – кивнул Баренцев. – А мы – бараны.

– Сам ты баран! Забор! Штакетник!

Он выхватил из рук у Тошки листок и быстро начал считать буквы. Поставил разделительную палочку в середине «слова», и кончик его карандаша запрыгал по буквам из одной половины в другую, словно прошивая длинные стежки.

– Точно! Все получилось!

– Рассказывай! – потребовала Тошка. – Почему штакетник?

– Потому что это название шифра! Я про него читал раньше, но сейчас даже не подумал о нем, потому что он очень простой. Вот, смотрите, как писать «штакетником»...

Он вывел в тетради: «Тошка и Леха», прочертил ниже горизонтальную линию.

– Первая буква пишется сверху, вторая снизу, и так по очереди. Получается две линии из букв. А потом они просто-напросто записываются в строку. Ну, как будто две перекладки у штакетника выстроили в одну

палку, ясно?

Тошка внимательно рассмотрела лист, на котором Арефьев записал:

ТШАЛХ
ОКИЕА

– Это я шифрую, – объяснил он. – Сейчас запишу все подряд: «ТШАЛХОКИЕА». Чтобы прочесть, нужно разделить на две части и из каждой поочередно выписывать по букве. То есть проделать все в обратном порядке.

– Круто... – уважительно протянул Лешка. – Это, типа, самый легкий шифр?

– Не самый, но простой! Я мог бы и раньше догадаться.

– И что получается из этого, который нам оставили?

– Сейчас!

Арефьев быстро начал писать, то и дело сверяясь с листочком. Когда он закончил, получилось следующее:

«КЛАД ЗАКОПАН ПОД НИЖНЕЙ СТУПЕНЬКОЙ-
ЛЕСТНИЦЫ НА ГЛУБИНЕ ФУТА УДАЧИ»

– Клад закопан под нижней ступенькой лестницы на глубине фута, – прочитал Лешка, запинаясь. – Удачи!

Все трое переглянулись, охваченные возбуждением. Максим даже дыхание задержал от восторга, как перед нырком на глубину.

– Лестница! – проговорила Тошка, расширив и без того огромные глаза. – Точно! Где ж еще прятать клад, как не там!

Лестницу когда-то построили, чтобы люди могли спускаться в овраг цивилизованным способом, а не скатываясь по склону. Однако сработали ее так, что через пару лет половина ступеней сгнила, перила проломилась, и в целях собственной безопасности жители окрестных районов предпочитали идти вниз проверенными путями – по тропинкам. Их здесь хватало.

От нетерпения Максим припустил бегом, Лешка и Тошка вскоре нагнали его.

– Лопаты-то у нас с собой нет! – пропыхтел Лешка. – Чем рыть будем?

– Там видно будет. Сначала добраться надо!

* * *

Добрались даже быстрее, чем рассчитывали, потому что поднялся ветер. Идти по ветру оказалось легко – не так действовала жара – и четверть часа спустя ребята стояли возле подножия лестницы.

– Смотрите! Вот где! – Тошка присела и показала на маленький красный крестик, нарисованный в уголке нижней ступеньки.

– Под ним и нужно копать! – уверенно сказал Максим. – Чем бы только...

– Э, вы, а ну идите сюда! – вдруг раздался сверху хрипловатый голос.

Все трое подняли глаза, и Тошка приглушенно ахнула. В двух пролетах лестницы от них сидели пятеро – все в спортивных штанах и футболках, все с обритыми головами – и ухмылялись, разглядывая сверху троих друзей. Каждому – не меньше пятнадцати. Один курил, двое допивали пиво из банок.

– Интернатские... – прошептала она.

Тот, кто приказывал им подняться – сутулый парень с перебитым носом – выпрямился, с громким хлопком смял банку ногой, демонстративно потянулся и принялся спускаться по лестнице, ловко перепрыгивая через прогнившие ступеньки. За ним последовали и остальные.

– Макс, ты, главное, молчи, – вполголоса распорядился Лешка, оценив ситуацию. – Я попробую без драки разрулить, ясно?

Спустившись, интернатские разошлись полукругом, так что Максим с Лешкой и Тошкой оказались прижатыми к лестнице.

– Это что у нас за мальчики-девочки? – протянул старший, водя взглядом по Тошке. – Малыши, вы откуда?

– А ты с какой целью интересуешься? – Лешка сделал полшага вперед, расставил ноги и вызывающе сунул большие пальцы в карманы. «Вот суки. Щас до Тошки будут докапываться».

– А что, тебе запахло с пацанами побазарить?

– Ты не ответил на мой вопрос, – Лешка широко улыбнулся щербатым ртом.

– Не понял... Ты че лыбу давишь? – мрачней, осведомился старший. – Тебе с чего так смешно-то, а?

– Ты меня в чем-то обвиняешь? – в свою очередь удивился Лешка, в точности копируя интонацию взрослых парней, которую он слышал на разборках.

Баренцев помнил: ему нужно строго следить за тем, чтобы не сорваться на оправдания. Отвечай вопросом на вопрос, выбивай из-под противника почву, *базарь по понятиям*, чтобы остаться целым... В этой

игре он чувствовал себя на своем поле, и если бы не численное превосходство интернатских, его бы ничего не беспокоило.

Но он неверно оценил противника. Перед ним стояли *нереальные пацаны*, которые быстро считали бы своего, а те, кого называли отморозками.

– В том, что ржешь без повода, падла! – сорвался парень.

– Ну вот... – загрустил Баренцев. – А вроде начали по понятиям...

– Да пошел ты!

Повинуясь невидимому сигналу жоака, стая начала сжимать кольцо.

– Да вы беспредельщики! – ощерился Лешка, поняв, что мирные переговоры сорваны. – Все, вам на районе не жить!

Он сжал кулаки и приготовился драться. Сейчас бы, конечно, очень пригодилась пустая стеклянная бутылка, но бутылки не было. «Сделают они нас, – мелькнула в голове предательская трусливая мысль. – Двое против пяти! Заорать, что ли... Вдруг кто услышит?»

– Да ладно – на районе, – вдруг раздался за его спиной голос Макса. – В вашем же интернате для вас лафа закончится. Я дяде своему, Арефьеву, расскажу о том, что видел вас здесь.

– Если тебе язык не отрежут, – бросил старший, сунув руку в карман.

– Слышь, Серый, – позвал его один из свиты, приостановившись. – По ходу, это реально Пушкина племяш.

За ним остановились и остальные, разглядывая Максима.

– Реально, племяш, – подтвердил Макс.

– Он это, он! – подхватил Лешка, быстро сориентировавшись в ситуации. – Арефьев-младший!

Пятерка застыла в нерешительности.

– Ладно, живите, раз такое дело, – отыграл назад старший после недолгого раздумья. – Пушкина у нас все уважают, так и передай дяде своему. Считай, ты под защитой!

Последнюю фразу он произнес напыщенным тоном, словно и не собирался только что избивать мальчишек. Макс в ответ промолчал, решив слова благодарности оставить при себе. Пятеро интернатских вскарабкались по склону, словно обезьяны, и в две минуты исчезли из вида.

Лешка облегченно выдохнул:

– Черт, пронесло... Слушай, твой дядя правда директор интерната?

– Ага.

– А почему Пушкин?

– Потому что у него имя-отчество – Александр Сергеевич.

– Елки, а что ж ты раньше-то молчал? – рассердился Лешка. – Я тут

потею, веду разговор по понятиям со всякими беспределщиками, а он стоит!

– Я сказал, когда уже деваться было некуда, – хмуро ответил Максим. – Не хотел дядей Сашей прикрываться!

– Не хотел! Посмотрел бы я на тебя, когда они Тошку лапать бы начали! И что бы ты тогда делал?

– Я бы дрался, – отрезал Арефьев. – А размахивать родственными связями – это некрасиво!

– Сам придумал – про родственные связи?

– Дядя Боря так говорит. Я с ним согласен. Баренцев хотел зло сказать про сопливое благородство, но их прервали.

– Макс! Леш! – радостно позвала Тошка. – Смотрите!

Ребята обернулись и тут же забыли о начинающейся ссоре. Девочка сидела возле нижней ступеньки, ладони у нее были перепачканы в земле.

– Я начала рукой рыть, – вздохнула зачастила она, как только Максим с Лешкой подскочили к ней, – а там фанера! Я ее вытащила, и вот!

«Вот» оказалось ямой, в которой лежала деревянная коробочка-пенал.

– Ну, давай! – подтолкнул Баренцев Макса. – Доставай!

Максим наклонился и вытащил коробку. С замиранием сердца приоткрыл – и все трое разочарованно вскрикнули.

– А где же клад? – упавшим голосом спросила Тошка.

Коробка была пуста.

Макс осмотрел ее со всех сторон, но безрезультатно. Он присел на ступеньку, задумчиво вертя пенал в руках.

– Да, круто дядя Боря приколотся! – Лешка со злости пнул попавший под ногу ком земли. – А мы купились!

– Нет, он не мог, – возразила Тошка.

– Ну и где тогда то, что должно быть внутри?

– Может быть, кто-то нашел ее раньше нас и забрал содержимое, а коробку положил на место?

– Может, и так. Только все равно мы получаемся дураками – столько искали, шиш с маслом нашли.

Баренцев плюхнулся на траву и стянул пропотевшую футболку. Тошка присела рядом с ним и принялась обгрызать кончик своего хвостика.

– Под нижней ступенькой лестницы на глубине фута, – задумчиво проговорил Максим. – Под нижней ступенькой...

Лешка с Тошкой переглянулись.

– Все правильно, под ступенькой, – осторожно согласился Баренцев. – И чего?

– На глубине фута...

– А фут – это сколько? – встрепенулась Тошка.

– Фут, дорогая Наташа, это тридцать сантиметров или около того, – с уже нескрываемым торжеством сообщил ей Максим, поднимаясь со ступенек.

– А яма-то неглубокая! – сообразил Лешка, вскакивая вслед за Арефьевым.

– Вот именно!

Подобрав отброшенный Тошкой кусок фанеры, Максим начал копать под лестницей. С третьего же удара его импровизированная лопата ударила во что-то твердое, гулкое. Расшвыряв землю, ребята аккуратно вытащили точно такой же кусок, под которым снова оказалась яма, а в ней – крошечная круглая коробочка цилиндрической формы.

– Ничего себе схрон! – присвистнул Баренцев. – С обманкой! Надеюсь, теперь-то кидалова не будет? Не больно много ценностей можно поместить в эту фитюльку!

Максим осторожно вынул коробочку, перевернул, и на ладонь ему упали три тяжелых желтых монеты. Баренцев и Тошка склонились над ними.

– Это что – золото? – изумленно спросила Тошка. – Настоящее?

Лешка осторожно взял одну монету, взгляделся. Двуглавый орел с одной стороны, бородатый профиль, чем-то напоминающий дядю Борю без очков, – с другой... Под орлом выбито: «5 рублей 1903 г.» А под дядей Борей – «Николай II Императоръ и Самодержецъ Всеросс.»

Выразиться Баренцеву помешало только присутствие Тошки, при которой он старался сдерживаться.

– Макс! Эх, твою... Ты понимаешь, что это такое?! Это ж монеты, которые еще при царе чеканили! Знаешь, сколько стоят? Я про такие слышал. Бывает, одна штука – дороже иномарки!

На Максима находка оказала странное воздействие. Он стоял, не в силах оторвать взгляда от двух монет на своей ладони. Его поразила не их стоимость, а древность. Тысяча девятьсот третий год оказался рядом, близко-близко, отразился в блестящем профиле императора, повеяв смутой и близкой революцией. Максим перевернул верхний кругляш. Двуглавый орел, растопырив лапы, надменно взирал на него с другой стороны, и мальчик провел пальцем по скипетру, зажатому в когтях.

Одна монета была блестящей, как будто ее совсем недавно чистили, вторая – тусклой. Подумав, Арефьев протянул Тошке первую:

– Держи. Эта будет твоя.

Она сперва не поняла, потом захлопала ресницами:

– Ты что, Макс, с ума сошел?! Правильно Леха сказал – они же кучу денег стоят!

– Какая разница? Это клад! Втроем искали – значит, делим на троих. Все по справедливости.

Лешка замер, зажав свою в кулаке:

– Ты чего, в самом деле хочешь каждому по монете?

Максим похлопал его по плечу:

– Бери, не сомневайся!

– Спасибо, Макс! Слышишь, Куликова – вот что значит настоящий друг! Еще не знает, за сколько эту денежку толкнуть можно – а все равно отдает!

– Дурак ты, – беззлобно отозвалась Тошка. – При чем здесь «толкнуть»? Она не из-за этого ценная...

– А из-за чего?

– Из-за нас, – туманно ответила Тошка.

Максим бросил на нее быстрый взгляд – ему показалось, что он понял, о чем она говорит. Ему снова стало радостно – как тогда, когда они сидели у реки, – и он рассмеялся, сам не зная чему. Затем высоко подкинул свою монету, и она сверкнула, переворачиваясь, словно золотая рыбка, выпрыгнувшая из воды.

* * *

Сергей позвонил, когда Илюшин разговаривал с Алексеем Баренцевым.

– Соседи ничего не слышали – деловито сказал Бабкин, – но ее видели дети из соседнего дома. Куликова выходила из подъезда в сопровождении двух мужчин. Они говорят, что ее силком посадили в машину темно-синего цвета, но марку ребятишки не разглядели.

– Во сколько это было?

– Приблизительно в два, точнее никто из них сказать не может.

– Достаточно и этого. Почему ты уверен, что это была именно Куликова? Может быть, они видели другую женщину?

– Уверен. Она помогала раскрашивать детскую площадку в соседнем дворе, дети запомнили ее как тетеньку, которая рисует крылатых бегемотов. Да и описывают они ее верно.

– Как выглядели мужчины?

– Дети стояли далеко и не разглядели. Похоже, оба средних лет, русские. Больше ничего. Даже цвет волос не могут назвать.

– Ясно. Что еще?

– Снимки я сделал, сейчас с оперативником поговорю – и к тебе.

Илюшин убрал телефон, постоял в задумчивости и вернулся в комнату, где ждал Баренцев.

Это был крепкий белобрысый парень, старательно пытавшийся казаться проще, чем есть на самом деле. Вид его словно говорил о том, что вот он весь как на ладони: незамысловатый Иванушка-дурачок. Разве что не сидит на печи, а своими руками кует себе счастье. Макар и прежде наблюдал похожий типаж и знал, что эта маска надета не для общения с ним, а используется повседневно – для удобства. С дурачка какой спрос?

Почти ничего нового из разговора с Баренцевым Макар не вынес, и это его сердило. Друг молодой женщины должен знать о ней куда больше, чем ее отец. Но Баренцев либо не знал, либо что-то скрывал.

В то же время он казался не на шутку обеспокоенным исчезновением Наташи. О том, что парень серьезно отнесся к произошедшему, говорила и поспешность, с которой он появился у Илюшина.

– Честно – сразу все дела бросил, к тебе рванул, – говорил он, поглядывая на Макара прищуренными голубыми глазами. – Может, чем помогу. Я не знаю – ты, может, не думаешь, что нужно тревогу вот так сразу бить... Но Тоха не могла бы уйти и отцу не позвонить. Она знает, как он над ней трясется.

– У нее умерла мать, верно?

– В аварии разбилась, когда Тошке всего четыре года было. Аркадий Ильич один ее воспитывал, даже бабушек-дедушек у них не было. У нас в школе Тошку некоторые считали странной, говорили, что она с прибабахом. Посмотрел бы я на них, если б они без матери остались в четыре-то года!

– Кто мог желать ей зла? – спросил Илюшин. – Знаешь таких людей?

Баренцев отрицательно качнул головой:

– Тошка – она безвредная. Маленькая, умная и смешная. Никому не вредит, гадостей не делает. Мужиков у знакомых теток не отбивает. У таких людей врагов нет.

«У таких людей врагов нет, – повторил про себя Илюшин. – А кто тогда были те двое, посадившие ее в темно-синюю машину?»

Вопрос за вопросом – друзья, знакомые, любовные связи, работа... Баренцев отвечал коротко, иногда надолго задумываясь, но в его ответах не было ничего, за что Макар мог бы зацепиться. У Илюшина сложилось

впечатление, что парень не так часто общался с пропавшей, чтобы быть осведомленным обо всех сторонах ее жизни. Пожалуй, Наташа Куликова и Алексей Баренцев остались не друзьями, а всего лишь приятелями. То же самое сказал Аркадий Куликов и об отношениях своей дочери с Максимом Арефьевым.

Вспомнив о нем, Макар тут же задал вопрос Баренцеву. Тот помрачнел:
– У Макса телефон не отвечает. Я ему первым делом позвонил после разговора с Аркадием Ильичом. Не нравится мне это...

– Почему? Где он сейчас?

– Отправился в дальнее Подмосковье... черт, как его... название забыл! Кажется, Шаболино. У него там очередной клад.

– Что значит «очередной клад»? – насторожился Илюшин.

– А вы не знаете? У Макса хобби такое – клады искать. С детства еще пошло. Вам, наверное, с его отцом поговорить надо – в смысле, с отчимом, дядей Борей. Он лучше меня об этом знает. Или с дядей Сашей – это его родной дядюшка. Правда, у Макса с ним отношения не так, чтобы очень... Но Александр Сергеевич мужик головастый, может, чего подскажет. Да, и не обращайтесь внимания, если он на вас букой станет смотреть. Дядя Саша – директор местного интерната для трудных подростков. Сами понимаете – профессиональная деформация, штука такая...

* * *

Вернувшийся Бабкин сбросил в прихожей куртку, протопал в гостиную и выложил на стол фотоаппарат.

– Отснято в лучшем виде. А во всем остальном – полный швах.

– В каком смысле?

Сергей плюхнулся в любимое синее кресло Илюшина, игнорируя негодующий взгляд Макара.

– Я говорил с оперативником, который работает по этому делу. Нормальный попался парень, вменяемый. Он мне кое-что рассказал. Так вот, промахнулся я с предположением о камерах. Оказывается, их нет ни в подъезде, ни на доме – нигде! Дом старый, район еще старее, прогресс до них пока не дошел. Ближайшая камера висит на перекрестке, но там есть объездная дорога, не попадающая в поле видимости, и по ней, очевидно, машина и уехала.

– То есть данных с этой камеры нет, – протянул Макар.

– Есть, но темно-синей машины не видно. На всякий случай этот опер,

Вадим, отрабатывает и другие темные машины, но за три часа их проехало от силы штук двадцать, не больше. А то и меньше. В общем, записей нет, отпечатков нет, свидетелей нормальных – нет... Повезло тем, кто увел Куликову. А что у тебя?

– На редкость малосодержательный у меня вышел разговор, – с досадой сказал Илюшин. – Разве что появилась новая информация о втором друге пропавшей, Арефьеве.

Он повторил напарнику рассказ Алексея, и Сергей присвистнул:

– Ну и компания у них подобралась! Одна бьется над шифрами, другой ищет клады... Боюсь даже предполагать, чем занимается третий их приятель. Баренцев, да? Исследует в одиночку северные моря?

– У него все прозаичнее: небольшой бизнес. Продает спортивное питание.

– А-а, ясно. Слушай, давай у него купим пару банок! Они здоровенные бывают, по десять кило.

– Для какой цели?

– Тебя откормим. Ты на этом порошке будешь расти как на дрожжах!

– Нет, спасибо, заботливый ты мой, – отказался Макар. – Я уж лучше мяса поем. Показывай снимки.

Сидя перед экраном ноутбука, Илюшин перелистывал фотографии, внимательно разглядывая каждую. В соседней комнате Бабкин уточнял у отца Куликовой, не появлялись ли у его дочери в последнее время новые друзья.

– Аркадий Ильич, я понимаю, не волнуйтесь так, пожалуйста, – донеслось до Макара.

Илюшин вскочил и заглянул в соседнюю комнату.

– Спроси, нет ли у него недавних фотографий из квартиры дочери, – попросил он.

– Аркадий Ильич! Да, секундочку... Нет ли у вас недавних фотографий, сделанных в Наташиной квартире? Ага... Понял.

Бабкин жажал рукой трубку и спросил:

– Двухнедельной давности пойдут?

– Конечно.

– Да, Аркадий Ильич, присылайте, – сказал Сергей, убрал ладонь. – Запишите е-мэйл...

Он вернулся в комнату, где Макар вновь сидел, разглядывая снимки, на которых со строчками соседствовали странные изображения растений и людей.

– Сейчас Куликов пришлет снимки. А зачем они тебе?

– Пришлет – тогда увидим, – рассеянно отозвался Макар, включая принтер.

– Ладно... Тогда скажи, каков у нас дальнейший план действий.

– Это зависит от того, чем в ближайшее время станет заниматься следственная группа, которая ведет дело Куликовой. Я правильно понимаю, что ее должны создать?

– Думаю, да. Теперь появились неоспоримые доказательства того, что девушку увезли силой, так что есть все основания для квалификации по статье «Похищение человека». А это, ты знаешь, уже серьезно...

– С чего начнет следователь?

– С отработки связей, – не задумываясь, ответил Бабкин. – Опрос свидетелей они уже провели, записи с камеры отсмотрели, значит, будут шерстить народ. Все контакты, новые знакомства, все люди, появившиеся недавно в ее окружении, – всех их будут проверять. Были ли изменения в поведении, не получала ли писем, что делала в социальных сетях... Одновременно станут проводить технические мероприятия.

– Телефон-компьютер? – спросил Илюшин.

– Именно. Называется все это – «снятие информации с технических каналов связи». Следователь проверит все соединения за последние полгода, вычислит новых людей, проверит уже их... В общем, гора работы. Кстати, после меня к этим ребятишкам, которые видели Куликову с похитителями, отправился Вадим – тот опер, с которым я общался. У меня не получилось заставить их вспомнить марку, но, может, у него получится. Тогда ему предстоит проверять по базе все темно-синие машины этой модели. Тоже, скажу тебе, работенка не из быстрых и легких.

– Ясно. Хорошо, что нам всего этого делать не нужно, – удовлетворенно подытожил Макар. – Раз это сделают за нас профессионалы, мы можем заняться кое-чем другим.

– Это чем же? – поинтересовался Бабкин.

– Тем, в чем мы заведомо сильнее. В данном случае это кропотливая работа со свидетелями первого круга. Я уверен, что...

Пискнула почтовая программа, извещая о том, что письмо доставлено, и Макар замолчал на полуслове, отвлекшись на снимки. Бабкин подсел ближе, чтобы видеть новые фотографии. В сопроводительном письме Куликов писал, что тестировал новый объектив, поэтому в кадр попадало все подряд. Ножка стола, травяной ковер, вид из окна, сама Наташа, радостно улыбающаяся в камеру... На этих снимках Макар надолго не задерживался. Наташа на фоне окна, Наташа, обхватившая колени руками, на табуретке, Наташа на фоне стены...

– Стоп!

Бабкин покосился на Макара, не понимая, почему именно на этой фотографии он остановился. Фотограф промахнулся с резкостью, и лицо девушки вышло расплывчатым, как и страницы манускрипта за ее спиной. Илюшин быстро пролистал остальные снимки и снова вернулся к этому, неудачному.

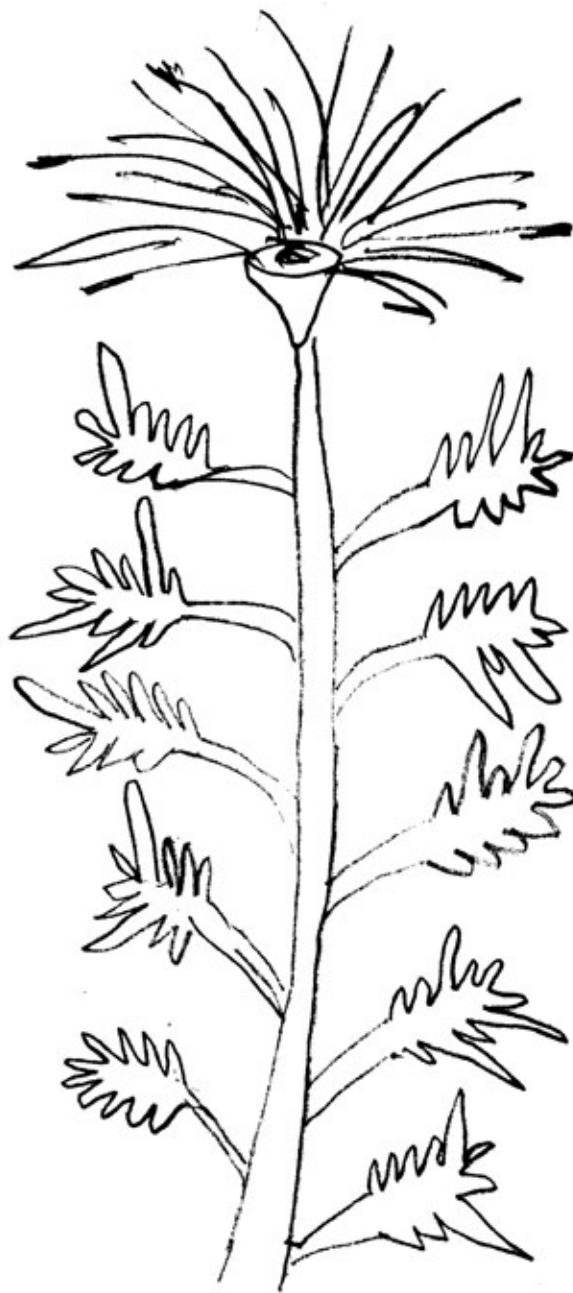
– Придется сверять по нему, раз других нет, – пробормотал он, открывая второе окно с фотографиями, которые принес Сергей, и начиная неторопливо просматривать их одну за другой.

Закончил Макар быстро. На экране ноутбука остался один снимок из отщелканных Бабкиным. Илюшин нажал «распечатать» и обернулся к выжидательно молчавшему Сергею:

– Занятные вещи обнаруживаются, вот что я тебе скажу. У меня была одна неуверенная мыслишка, а теперь она превратилась в уверенную гипотезу.

Сергей всем своим видом выразил готовность слушать.

– Куликова прервала телефонный разговор с отцом, сказав, что звонят в дверь. Это было в двенадцать часов, – напомнил Илюшин. – Из подъезда ее вывели около четырнадцати, как ты выяснил. Правильно? Правильно. Значит, мы имеем два часа, которые она провела в обществе двух мужчин, впоследствии – предположительно – похитивших ее.

– Хм. Допустим. И?

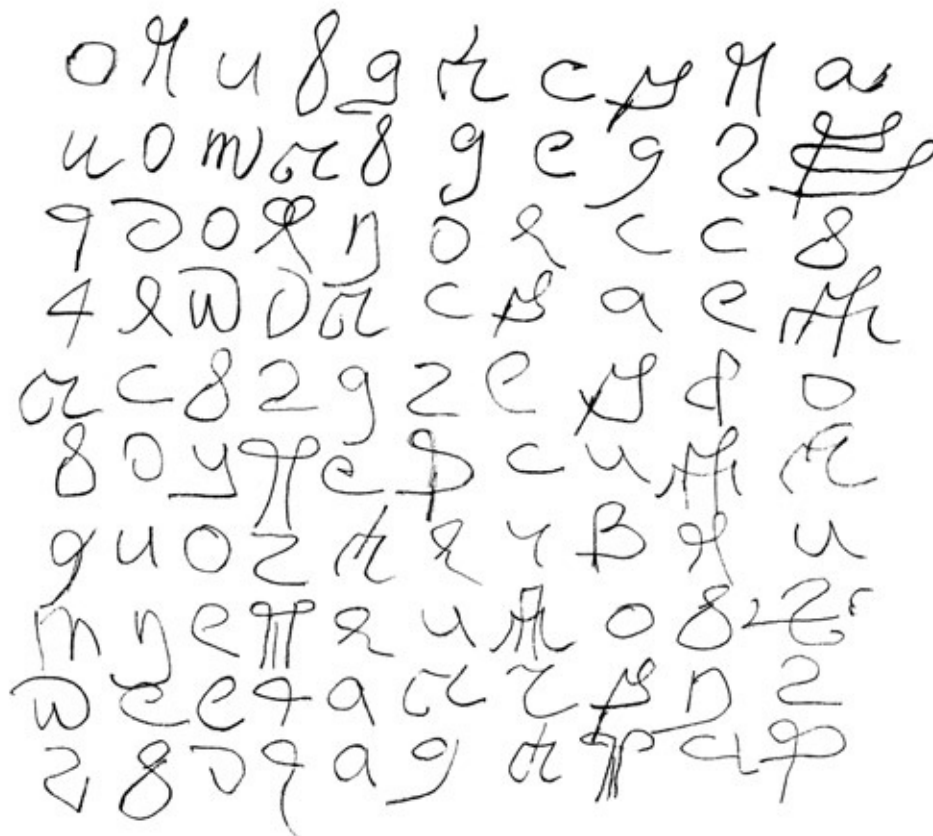
– У меня есть подозрение, что за эти два часа Куликова изобразила на стене вот что...

Макар вытащил из пасти принтера распечатанный лист, на котором отчетливо был виден странный цветок, а рядом – исписанный буквами квадрат.

– С чего ты взял? – недоверчиво спросил Бабкин. – Что-то

сомнительно мне...

– На снимках двухнедельной давности этого фрагмента нет – это раз. Значит, его нарисовали недавно.

– Принимается. Но «недавно» могло быть неделю назад. Или десять дней. Или четыре.

– Этот рисунок не относится к манускрипту Войнич. Видишь, здесь одни буквы, не поделенные на слова? В рукописи нет такой страницы, я проверил. Это два.

– Та-ак... – протянул Сергей. – Уже интереснее...

– И он нарисован синей ручкой – это три.

– При чем тут ручка?

– Если бы ты внимательно изучил другие листы, то заметил бы, что девушка писала либо карандашами, либо очень тонкими фломастерами. Для рисунков она использовала только фломастеры, их цвета повторяют цвета оригинала, то есть манускрипта. А там синего нет.

– Вообще нет?

– Вообще есть, но в сочетании с другими красками. Так, чтобы весь цветок был нарисован синим – нет. А на этом листе у нас что? Именно, синий одуванчик. Или астра... Нет, пожалуй, все-таки одуванчик.

Бабкин задумался.

– Тебе не кажется, что это как-то по-дурацки звучит, а? – спросил он наконец. – Даже если похитители действительно просидели в квартире Куликовой два часа – ей что, делать в это время больше было нечего?

– Серега, скажи мне: что нарисовано на этих листах, которыми Куликова так старательно увешала всю стену? – вопросом на вопрос ответил Илюшин.

Бабкин пожал плечами:

– Копии страниц старого манускрипта. Увеличенные.

– Отлично, – одобрительно кивнул Макар. – А что есть страницы манускрипта? А?

– Насколько я понял из твоего объяснения, похоже, что это шифр.

Сергей посмотрел на Макара, ожидая язвительной реплики, но тот молчал, выжидательно глядя на него. И тут Бабкин сообразил:

– Елки-палки, шифр!

– Вот именно. Ты сегодня на редкость догадлив, мой медлительный друг! Разумеется, девушка не просто так развлекалась, изображая для своего удовольствия несуществующую флору. Это такая же кодированная запись, как и все остальное. Только эту запись она придумала сама, а не скопировала манускрипт.

– Нет, постой... погоди! – Бабкин выхватил у Илюшина распечатанный лист, уставился на него. – Но как она смогла это сделать, а? Чисто технически – как?! Если ее действительно сначала стерегли в квартире – кстати, зачем? – а потом увезли, то она все время находилась под охраной. Допустим, ее оставили одну – но в таком случае любой нормальный человек выбил бы стекло и заорал «на помощь», а не стал бы сочинять шифровку «Штирлиц – Центру». А если ее не оставляли одну, то как ей удалось бы незаметно изобразить вот это?! – он потряс листом. – Убей меня, Макар, но что-то здесь не стыкуется. Не говоря уже о том, что вряд ли она сообразила бы в экстренной ситуации писать послание шифром. Девушке всего двадцать три года!

– Из которых семь лет она занимается расшифровкой манускрипта. Ты слышал, что рассказывает ее отец? С отличием закончила физмат-лицей, самостоятельно поступила в физтех... Потом, правда, ушла оттуда – но, заметь, не потому, что ее отчислили, – она сама решила, что это «не ее»! И занялась – чем? – дизайном детской мебели! Но, уверяю тебя, ее интеллект

никуда не делся оттого, что она выбрала не математическую стезю, а совсем другую.

– Да никто не говорит про интеллект! – попытался отбиться Бабкин, но Макар прервал его:

– Серега, тебя в который раз обманывает внешность. Ты просто не хочешь верить, что такой синеглазый одуванчик может быть укомплектован весьма приличными мозгами.

– Ладно, признаю! – сдался Бабкин. – Хорошо, ты прав – пусть одуванчик... как ты выразился? Укомплектован, ага. Ну и что? При чем здесь рисунки и шифры?

– Я подозреваю... – помолчав, сказал Макар, – что Куликова сумела расшифровать манускрипт. Поэтому ее и похитили.

* * *

Ставни распахиваются с глухим стуком, и в мою комнату врывается ветер. Ветер! Он повсюду в этом городе! Сумрачный, кровавый, древний город, чьи каменные улицы наводнены призраками даже днем, – он пропитан сквозняками, и я уже пару лет не могу вылечить хриплый кашель, начавшийся у меня после недолгого пребывания в одном из сырых подземелий под замком Рудольфа.

Он болен, наш правитель, но говорить об этом нельзя. Слишком много людей кормятся благодаря щедрости императора, слишком много мошенников гроздьями висят на нем, выдавая себя за алхимиков, духовидцев и предсказателей будущего. Рудольф подозрителен и в то же время доверчив: нет ничего легче, чем выманить у него небольшое денежное содержание в обмен на байки о том, что случится через сто лет. Удивляюсь, как он до сих пор не распорядился повесить всех рассказчиков, ибо оказалось, что их видения будущего нисколько не схожи между собой! Двор смеется, ловкачи ликуют, а император каждый день желает слушать о событиях, которые никогда не случатся.

Город вокруг меня по вечерам становится похож на сказку вроде тех, которыми пичкают правителя. Влтава – по ее берегам я иногда брожу в поисках приключений – журчит и плещет, убаюкивая жителей. Под каждой аркой жмутся к стене тени в лохмотьях, от которых мирные горожане стараются держаться подальше. Но я – не мирный горожанин, и прохожу мимо воришек и дневных попрошайек безбоязненно.

Я сроднился с Прагой за то время, что живу здесь, и больше не

представляю своей жизни в Лондоне. Старый Джон вернулся домой после нашего путешествия. Не знаю, чего он привез больше – разочарования от расставания со мной или же облегчения.

Обиталище мое прежде находилось на улице, названной Золотой – в честь живущих на ней алхимиков. Каждого из нас император особо привечает, ибо мы неустанно трудимся, желая добыть для него секрет превращения металлов в золото. О, об этом Рудольф может говорить бесконечно! Золота, золота жаждет его душа, и он все ждет вожделенного рецепта.

Но, пожив там с год, я перебрался сюда, в башню напротив дома «У золотой подковы», в котором благоденствует богач и страстный любитель лошадей. В этом городе каждый дом имеет свое имя, как человек, и оно подчас куда звучнее и интереснее, чем людское. Дома хранят свои секреты от посторонних, и даже попав внутрь, вы можете не узнать, что глубина подвалов под вашими ногами больше, чем высота самого дома.

Моя башня, сложенная из темно-красного камня, имеет три яруса, и со своего, верхнего, я могу обозревать крыши всей Праги. Улочки горбятся подо мной, выгибают бугристые исхоженные спины, словно оцепеневшие рептилии. Куда бы вы ни пошли, вы всегда идете либо вверх, либо вниз, но почти никогда – по прямой.

В подвале башни я устроил лабораторию. Император Рудольф даже почтил меня своим прибытием, желая увидеть, где проводит свои опыты Эдвард Келли. Прибыл он поздней ночью, закутавшись в плащ, словно в кокон, и обошел все углы, рассматривая и задавая вопросы. К его чести следует сказать, что он проявил большую осведомленность в том, что касается многих химических процессов, – думаю, истоки этого следует искать все в том же его навязчивом увлечении трансмутацией.

Когда он покинул башню, сопровождаемый безмолвной охраной, я задумчиво обошел свою лабораторию по его следам. За те годы, что я притворялся алхимиком, я и сам не заметил, как понемногу стал им. На миг безумная мысль овладела мною: что, если мне самому по силам изобретение философского камня, позволяющего превращать в золото любые металлы? Но стоило бросить взгляд на реторты, и морок спал: нет, если кто и изобретет философский камень, то это буду не я. Я отношусь к тем, кто пользуется плодами чужих трудов, иной раз получая с этого куда больше, чем сам труженик.

Мне вспомнилось, как я надул некоего Дайера, подсунув ему кусок меди, покрытый золотой амальгамой, вместо драгоценного слитка. Надо сказать, со стороны «превращение» выглядело весьма эффектно. Дайер был

так поражен тем, что все произошло на его глазах, что даже не подумал разбить слиток, чтобы убедиться в его подлинности. На следующий же день он растрезвонил по всей Праге, что наконец-то в городе появился настоящий алхимик, и Рудольф немедленно призвал меня к себе.

Объяснение я приготовил заранее, сказав, что для исцеления «больного» металла мною была использована единственная порция особого порошка, попавшего ко мне в руки случайно. И заверил императора, что непременно буду продолжать поиски подобных веществ, хоть они и чрезвычайно редки.

– Вот стоит живое посрамление скептикам! – обратился Рудольф к одному из своих придворных алхимиков, указывая на меня. – Ученый, которому удалось создать золото!

– Ваше величество, я поверю в возможности особых порошков, – подчеркнув слово «особых», ответил тот, к кому он обращался, – когда на моих глазах проведут не один и не два, а десять таких экспериментов. Пока же мы не видим даже получившегося золота, а лишь людей, рассказывающих нам об этом. Не сочтите за вольность, ваше величество, но рассказчик и из меня самого, как говорят, недурной, а вот извлекать золото я умею лишь на словах.

И он бросил на меня насмешливый взгляд.

Я и сам большой насмешник, но счел за лучшее убраться подальше сразу после разговора. Цели своей я достиг: император запомнил меня не просто как «помощника великого Джона Ди», но как самостоятельного ученого. Зерно было брошено в почву, оставалось ждать благоприятной поры для всходов.

В преддверии своего счастливого часа я обустроил жизнь так, чтобы получать удовольствие от нее в полной мере. Еда, вино и женщины – вот что интересовало меня в первую очередь. Еда в Богемии оказалась отменной, не чета английской, ибо местные жители – большие мясоеды, знающие толк в приготовлении дичи – хоть лося, хоть вепря. Что же касается вина, то я предпочел ему местное пиво. Вот уже больше сотни лет, как все пивоварни освобождены от налогов, и оттого число их растет с каждым годом. Я основательно раздался вширь на здешних харчах, и Молли временами позволяет себе подшутить надо мной.

Молли – это моя служанка. Ее привела ко мне хозяйка постоянного двора, что находится неподалеку от моей башни. Я как раз искал прислугу, но мне попадались сплошь плешивые беззубые старухи, при одном взгляде на которых сводило скулы, словно от кислого яблока. Условий я ставил не так уж много: чтобы постель оставалась чистой и в комнаты можно было

зайти, не боясь испачкаться. Кухарка мне не требовалась. Как видите, я проявил себя не слишком взыскательным. А плату между тем положил неплохую! Жизнь научила меня, что жадничать со слугами обойдется в конце концов себе дороже, а то и выйдет боком.

Уж не знаю, что случилось в тот год с пражскими служанками, да только ни одна из них мне не подходила. Одну за другой я выпроваживал глупых теток прочь, едва сдерживаясь, чтобы не швырнуть в очередную безрукую дурищу чем-нибудь тяжелым. Дольше прочих продержалась у меня крепкая деваха, похожая на корову, сперва проявившая себя расторопной, но затем чем-то разозлившая меня. Не вспомню, в чем была причина – кажется, меня вывело из себя неизменно одинаковое выражение ее туповатого лица. Этого оказалось достаточно, чтобы выставить ее вон.

Я уже отчаялся найти себе прислугу по вкусу, как вдруг ко мне заявила Марта, хозяйка постоянного двора, толстая бойкая баба с хитрыми глазами. Она тащила за руку молодую женщину, одетую опрятно, но очень скромно – так одеваются бедняки на той стороне Влтавы.

– Господин Келли, вы, помнится, говорили, что не можете найти прислужницу? – с порога начала она. – Так я вам ее разыскала! Вот, полюбуйте на нашу Молли Сайрус! Она как раз то, что вам надо. Молли для вас и полы помоеет, и поесть сготовит, и все сделает так проворно, что и мигнуть не успеете! Я-то знаю, что говорю, она у моего брата работала. Да вы посмотрите на ее руки – это руки трудолюбивой женщины!

Марта расхваливала бедняжку словно товар на базаре, нимало не стесняясь ее присутствия. «Товар» стоял, потупив глаза, но пару раз я поймал брошенный на меня быстрый изучающий взгляд, и это мне понравилось: похоже, она не так глупа, как ее предшественницы.

Девушка была аппетитненькая и сдобная. Из лифа выпирали полукружья грудей, и я сглотнул слюну, вспомнив о том, что уже неделю обходился без женщины. Предложение Марты стало казаться все заманчивее, но сперва предстояло узнать цену.

– Сколько ты хочешь, крошка? – спросил я у девицы.

Марта не дала ей ответить, тут же назвав сумму. Цена была подходящей, и я уже готов был согласиться, но тут толстуха прибавила, что и она не прочь получить свою долю. Как же иначе, ведь ей пришлось приложить столько усилий, чтобы помочь своему знаменитому на всю Прагу соседу! Она обегала всех знакомых в поисках хорошей служанки для меня! Неужели же я откажусь вознаградить ее за старания?!

Я только усмехнулся в ответ, но Марту было не остановить. Лесть изливалась из нее пополам с жалобами на бедственное положение. Пока

она чесала языком, я разглядывал служанку. На щеках ямочки, возле ушей выются мелкие кудряшки, почти пушок... Губки пухлые, розовые, и сама эдакий бутончик – конечно, давным-давно сорванный, но все равно ароматный.

– Она и рукодельница! – продолжала хозяйка. – Вы только взгляните, господин Келли, что за вышивка на ее чепце!

С этими словами она подтолкнула ко мне служанку, и та, приблизившись, покорно наклонила голову, чтобы я мог рассмотреть вышивку на льне. Грудь ее всколыхнулась в одном шаге от меня, и я подумал, что тут и правда есть на что посмотреть!

– Сперва давай поговорим, – сказал я. – Ты нездешняя, верно? Тут не принято называть детей такими именами.

– Можно сказать, что уже и здешняя, за столько-то лет, – ответила она. Говор у нее оказался совсем простонародный, но голосок звучал приятно, без визгливости. – Маменьку мою сюда отец привез, она была белошвейкой в Доркинге. Только здесь она долго не прожила, родила меня да скончалась. Упокой Господь душу ее!

Она набожно перекрестилась.

– А твой отец?

– Я его давно не видела, – был дан уклончивый ответ.

– Что ты умеешь, Молли?

Она подняла на меня черные глаза, в которых блеснул огонек:

– Все, что угодно вашей милости.

Мгновение я смотрел на нее, пытаюсь понять, была ли заложена двусмысленность в ответе или же девица всего-навсего слишком простовата.

– Стирать, убирать, готовить, чинить одежду, – начала перечислять она монотонным голосом, но я прервал ее:

– Хорошо, договорились. Будешь приходить трижды в неделю, начинать можешь завтра с утра.

Марта тут же подскочила к нам, оттерла в сторону Молли и принялась стрекотать, выпрашивая у меня вознаграждение за труды. Я расщедрился на несколько монет, и толстуха громко возблагодарила господа бога за то, что у нее такой сосед. Мне изрядно надоела ее болтовня, поэтому я выпроводил Марту, а вместе с ней, к некоторому моему сожалению, ушла и новая служанка, пообещав прийти завтра с утра и навести порядок в моей берлоге.

Так я обзавелся прислугой и, надо сказать, ни разу не пожалел о своем выборе.

Как я и предполагал, Молли оказалась шустрой бабенкой. На другое утро она прибежала чуть свет и к полудню вычистила башню так, что я едва узнал комнаты, в которых провел к тому времени пару месяцев. Не стесняясь меня, она сдвинула чепец на затылок, открыв моему взгляду кудрявые черные волосы, и засучила рукава. Раскрасневшаяся, с каплями пота, выступившими над верхней губой, Молли была до того хороша, что я передумал уходить по делам и остался в башне, исподтишка наблюдая за ней.

Она не смотрела на меня, делая вид, что целиком поглощена делом, но я чувствовал, что ей приятен мой интерес. Те, кому не нравится, когда на них жадно смотрит мужчина, не поправляют без конца волосы, не приоткрывают рук и не задирают, будто случайно, юбку выше щиколоток. К концу уборки она так виляла пухлым задом, что я не выдержал и без долгих церемоний потащил ее в постель.

Она поупрямилась лишь для виду, а после, деловито оправляя на себе юбки, попросила прибавки к жалованью.

Я расхохотался в ответ, но ее почти детское нахальство подкупило меня. С тех пор раз в два дня Молли появлялась у меня, наводила порядок, иногда готовила, перестилала постель, и, нужно сказать, дом согрелся от ее присутствия.

Я был не единственным, кто платил ей за работу. В те дни, когда Молли не появлялась у меня, она трудилась у какого-то чудака-затворника, о котором я знал от нее лишь то, что он живет на западной окраине города и не видится ни с кем, кроме служанки. Молли нельзя назвать болтушкой, и она не утомляла хозяина городскими сплетнями. Обычно, придя рано утром, она будила меня и принималась за дела. Со временем я даже доверил ей убираться в лаборатории, и Молли ни разу ничего не пролила и не испортила.

Если я просыпался до ее ухода, то девице приходилось прерывать свои труды. Не в силах долго смотреть на мою аппетитную красавицу, я заваливал ее на том же месте, где она стояла, и вскоре во всей башне не осталось ни одного уголка, где мы не предавались бы утехам.

Так что с какой стороны ни посмотри, я оказался в выигрыше от того, что Толстобоккой Марте взбрела в голову прихоть осчастливить меня служанкой.

Тем временем император Рудольф по-прежнему проявлял интерес к моей особе. Он придумал устраивать «вечера алхимиков», собирая в своем дворце всех тех, кто способен отличить ртуть от свинца. Предполагая, что в споре рождается истина, император требовал от присутствующих обсуждать

волнующие его темы: рождение философского камня, природу преобразования металлов в золото под его воздействием и прочее, прочее. Особенно внимательно он прислушивался к моим речам, очевидно, возлагая на них большие надежды. И каждый раз я читал на лице его разочарование, когда мы расходились ни с чем.

Поначалу я думал, что наш правитель алчен настолько, что жадность затмевает его разум. Однако со временем мне стало ясно, что причина его навязчивой идеи не в этом. Он склонен видеть мистическое в любом обыденном происшествии и верит в то, что овладение великим секретом вознесет его на такую высоту, на какую не забирался ни один смертный. Рудольф невысок ростом, телосложения тщедушного, и вытянутое бледное лицо его кажется болезненным и изможденным. Однако я не раз был свидетелем удивительного преображения. Стоило императору заговорить об интересующем его предмете, и перед нами возникал истинный властитель, сильный духом, увлекающий за собой любого, на кого падал его горящий взгляд.

Недавно я получил возможность убедиться, что не правы те из придворных, кто считает нашего правителя неспособным на решительные и жестокие поступки. Случилось это вскоре после появления в Праге некоего лица, прибытие которого всколыхнуло двор.

Его имя было Розенкранц, и называл он себя монахом ордена бенедиктинцев. Едва взглянув на его чрезмерно честное лицо с ясными голубыми глазами, обрамленное рыжей волнистой бородой, я сразу понял, что монахи-бенедиктинцы немало бы удивились, узри они его в своих рядах. Его длинная сутана была расшита странными знаками, а на груди висел черный камень, матовая поверхность которого словно поглощала падающий на него свет.

Откуда он явился, никто не знал. В отличие от меня, Розенкранц не стал медлить, давая людям время присмотреться к себе, а сразу направился к императору и сообщил, что владеет тайной превращения ртути в золото.

Рыжий монах заклинал Рудольфа сохранить его рассказ в тайне и уверял, что только из восхищения императором и глубочайшего почтения раскрывает секрет, который мог бы принести ему несметное богатство. Разумеется, Рудольф заверил его, что если все рассказанное – правда, то Розенкранц не пожалеет о сделанном. Обещанное вознаграждение должно было сделать монаха едва ли не богаче всего его ордена.

В доказательство своей честности монаху предстояло провести опыт на глазах императора. Розенкранц просил, во избежание разглашения тайны, чтобы в лаборатории не было никого, кроме него и Рудольфа.

Однако правитель все же настоял на присутствии одного из алхимиков, которого он считал заслуживающим доверия. Этим алхимиком оказался я.

Поздним вечером я прибыл во дворец. Стража сопровождала меня в подземелье, где уже ожидали король и Розенкранц. Двое слуг молча стояли в отдалении. В тигле нагревалась ртуть, а рыжий монах тем временем объяснял Рудольфу принцип превращения ее в золото.

Глядя на этого пройдоху с честными глазами, я испытал жуткую злобу, от которой у меня даже разболелась печень. Он покушался на то, что по праву со временем должно было принадлежать мне! Лишь себя, Эдварда Келли, я видел возле императора, продающим ему секрет трансмутации! На этом поприще невозможно быть вторым, и если ты не стал первым, значит, ничего не достиг. Я представил груды золота, которым император собирался осыпать лже-монаха, славу, изливающуюся на него, и мне захотелось утопить «алхимика» в чане с ртутью.

Тем временем он принес деревянную палку, очень толстую, длиной с половину моей трости, и прислонил к стене. Извлек из кармана крошечную коробочку слоновой кости, украшенную витиеватой резьбой, и бережно поставил на стол рядом с палкой. По его знаку слуга принес поднос, на котором лежали обычные угли, разве что довольно крупные. Угли Розенкранц тоже пристроил на столе.

– Если ты и правда владеешь секретом, над которым долгие годы бьются лучшие умы королевства, ответь, отчего же ты не воспользовался рецептом сам? – спросил я, наблюдая за его приготовлениями.

Розенкранц принял до того благостный вид, словно его лысина должна была вот-вот замиrotочить.

– Если бы ты знал то, что известно мне, ты не задавал бы таких вопросов, – дал он ответ.

Я усмехнулся:

– Разумеется. Зачем спрашивать о том, что знаешь? Прошу тебя, развежь же мое невежество и объясни, что мешало тебе самому производить столько золота, на сколько хватит запасов ртути?

– Ты далек от тайн, унаследованных нашим орденом. Потому тебе простительно не знать, что все мы, бенедиктинцы, при вступлении в орден приносим клятву, которая запрещает нам пользоваться плодами своих знаний.

Я едва сдержался, чтобы не фыркнуть в ответ на его объяснение. Император же кивал, словно болванчик, и с воодушевлением внимал всем бредням рыжего проходимца.

– Однако что есть вознаграждение, которого ты, конечно,

заслуживаешь, как не плод твоего знания о превращении ртути в золото? Твоя клятва не помешает тебе воспользоваться им?

– Что – деньги? – философски спросил монах. – Для тебя они суть материя, а для меня – мера благодарности великого правителя! Благодарность ценна, не деньги!

Я хотел было спросить, что же в таком случае мешало Розенкранцу ограничиться принятием устной признательности императора, но понял, что спор наш бессмыслен. Мне не подловить плута – он на любой вопрос найдет десяток ответов, и чем нелепее будут они, тем вернее воздействуют на Рудольфа.

– Когда же ты приступишь? – нетерпеливо спросил император, которому прискучило слушать нашу перепалку, завуалированную под беседу.

– Ваше величество, все готово, – с поклоном ответил Розенкранц и сделал слуге знак приблизиться.

Тот раздул мехами огонь, и поверхность ртути забурлила. Мы молча наблюдали за действиями монаха. Он открыл резную коробочку, в которой оказался красновато-коричневый порошок, похожий на истолченную глину, и с величайшей осторожностью достал щепотку.

– То, что вы видите, ваше величество, – торжественно проговорил он, – это философский камень! Позже я расскажу вам, как он появился у меня, – это удивительная история!

– Однако же он не похож на те философские камни, что были описаны твоими предшественниками, – заметил король, с интересом рассматривая порошок.

– Смею заметить, ваше величество, что мои предшественники добивались успеха в исключительно редких случаях, – сказал наглец, доставая с полки кусок мягкого воска и уминая в нем пальцем углубление. – Я же дам вам рецепт, который будет действовать всегда, когда бы вы ни пожелали.

В углубление он насыпал щепотку порошка, а затем запечатал воск. Теперь на ладони его лежал бледно-желтый пахучий шарик. Ни слова не говоря, он бросил шарик в чан, схватил палку и начал мешать его содержимое.

С булькающей поверхности ртути шарик мигом исчез, как будто его и не было. А в следующий миг из чана повалил едкий зеленый дым, который, быстро расползаясь по лаборатории, заставил нас с императором обратиться в бегство. Зажимая носы, мы отошли к стене, издали наблюдая за происходящим.

Розенкранц, почти скрывшийся в клубах дыма, крикнул второго слугу, и вместе с первым они принялись работать мехами, раздувая огонь все сильнее и сильнее. Мы видели, как монах схватил со стола припасенные угли и, высоко подняв руку, с размаху бросил их в ртуть. Вспыхнув, угли сгорели, и тотчас же слуги, повинувшись невидимому нам знаку, отошли в сторону.

Дым рассеялся. Осторожно мы приблизились к чану и увидели, что количество ртути в нем уменьшилось. Розенкранц, не теряя времени, собственноручно принес форму, в которую с моей помощью и перелил оставшееся вещество. Хотя можно ли было назвать его ртутью? Куда исчез ее серебристый блеск? Передо мной тяжело лилась темно-желтая струя, ничуть не похожая на то, чем был наполнен чан.

Даже я в этот миг почувствовал волнение. Что же говорить о Рудольфе! Тяжело дыша, он сделал шаг к монаху и остановился, завороченно глядя на блестящую поверхность жидкого золота.

– Оно скоро застынет, ваше величество, – обратился к нему Розенкранц. – Посмотрите, прошу вас!

Кювета, заполненная веществом, перелитым из чана, была поставлена на середину стола. Мы встали вокруг, глядя, как застывает, будто схватывается пленкой, ее поверхность, как исчезает яркий блеск и остается сдержанный перелив благородного металла. Сомнений не было: на наших глазах застывало золото!

– Необходимо проверить его у ювелира, – вполголоса заметил я Рудольфу.

Король, кажется, совсем потерял голову: не слыша меня, он протягивал руки к кювете, будто хотел опустить пальцы в золото. Быть может, ему представилось, что тогда на него снизойдет магический дар, вроде того, что был дарован Мидасу? Мне пришлось повторить, чтобы он услышал меня, и тогда Рудольф обернулся ко мне:

– Что? Ювелир? – В его глазах сверкал отраженный блеск драгоценного металла. – Да, он ждет. Прикажи позвать его.

– Преждевременно, ваше величество! – воскликнул монах. – Оно еще не застыло!

Нам пришлось ждать, пока состав окончательно затвердеет. Все это время в подземелье стояла тишина. Двое слуг застыли, сливаясь со стеной, будто король, обретя дар превращать все в золото, первым делом дотронулся до них и обездвижил навеки. Розенкранц спокойно ждал, сложив руки на груди. Сам же Рудольф, вцепившись пальцами в край стола, не отрывал взгляда от содержимого формы, на которой играли блики

свечей.

Прошло не так много времени, но ожидание показалось мне бесконечным и томительным. Я представлял, что замыслы мои рухнули, и еще сильнее ненавидел рыжего монаха. У меня оставалась небольшая надежда на то, что королевский ювелир признает золото поддельным, а то и вовсе другим металлом, схожим с золотом лишь внешне... Но стоило мне бросить взгляд на Розенкранца, и я понимал, что ювелир не скажет этого. Слишком уж уверенным и спокойным выглядел рыжебородый. Он знал, знал, что в кювете золото, а не что-либо иное – и оттого не боялся.

Так и оказалось. Когда явился придворный ювелир, король, столько времени ждавший в молчании, стал проявлять все признаки нетерпения. Однако старый еврей знал свое дело: неторопливо отколол один из слитков, он унес его с собой, пообещав дать ответ в самом скором времени. Снова наступило ожидание...

Мы могли бы подняться наверх, в дворцовые покои, и отдохнуть в ожидании вердикта ювелира, но король наотрез отказался покидать лабораторию. Я пытался отвлечь его беседой, но Рудольф отвечал невнимательно, и вскоре стало ясно, что мои попытки тяготят его. Я замолчал и больше не проронил ни слова – до тех пор, пока дверь в подземелье не распахнулась.

Ювелир, появившийся в дверях, не стал томить нас:

– Золото, ваше величество!

И тогда я, не сдержавшись, выругался.

К счастью, король ничего не услышал. Но слух Розенкранца оказался острее: я увидел, как он бросил в мою сторону молниеносный взгляд, в котором читались насмешка и превосходство. Он опередил меня и знал это! Заскрипев зубами от досады и злости, я заставил себя успокоиться, чтобы не выдавать охвативших меня чувств хотя бы королю.

Как?! Как он сотворил такое?! Неужели я ошибся, и предо мной и впрямь гениальный алхимик, решивший поделиться тайнами ордена? Но мое чутье на себе подобных кричало, что монах – притворщик, игрок, меняющий личины! Если же так, то откуда взялось золото? Подмена кюветы исключалась, ведь все происходило на наших глазах. Но тогда откуда же? Откуда?!

Я обдумал возможность того, что придворный ювелир сговорился с мошенником, но это показалось мне крайне маловероятным. В попытках найти подходящее объяснение я даже предположил, что мы с императором опоены каким-то настоем, вызывающим галлюцинации. Однако следовало признать, что эта версия никуда не годится: с той минуты, как я прибыл в

замок, у меня во рту не было ни глотка вина и ни крошки еды.

Тем временем монах со скромным видом принимал похвалы Рудольфа. Про меня они забыли, погруженные в обсуждение трансформации, и я, воспользовавшись этим, подошел к тиглю, возле которого стояла палка. Этой палкой Розенкранц мешал ртуть, и она сторела почти до середины. Обуглившийся конец ее чернел внизу, возле него рассыпались несколько крошечных угольков.

Не знаю, что заставило меня взять эту палку в руки. Какое-то неопределенное ощущение... Я никак не мог выразить словами, что же не нравится мне в столь прозаическом предмете, использованном вместо поварешки для золотого бульона, но стоило обхватить ее пальцами, и я понял: палка была слишком толстой.

Однако же я легко поднял ее. Повернул обгоревшим концом к себе и... И недоверчиво воззрился на то, что открылось взгляду.

Сперва в голове моей возник вопрос, но ответ на него не заставил себя ждать. Не зря столько лет я провел в лаборатории Джона Ди! Из меня вышел неплохой химик. Пусть сам я не способен превратить ртуть в золото, зато я могу рассказать, каким *именно способом* могут сделать это другие.

Именно так я и поступил.

– Ваше величество!

Король обернулся, кажется, удивленный тем, что видит меня здесь. Его мысли уже витали далеко от всяких подозрений в адрес Розенкранца.

– Думаю, мне известно, как произошло превращение, которое мы с вами наблюдали.

– Ну разумеется! – несколько раздраженно заметил король. – Мне это тоже известно!

– Мы все видели, как подействовал философский камень, – вступил Розенкранц. – Келли, оставьте интриги! Вы не опорочите меня, как бы вам этого ни хотелось.

Я не удостоил его ответом. Вместо этого я взял в руки то, что осталось от палки, и подошел к Рудольфу.

– Посмотрите, ваше величество: здесь внутри была полость. Видите, остался след? Господин Розенкранц недостаточно предусмотрителен. Ему стоило сжечь свой инструмент целиком, и тогда мы не смогли бы установить истину.

– О чем вы? – пожал плечами рыжебородый.

Тон его был высокомерен, но я услышал за ним страх. Кажется, что-то такое уловил и король, ибо он бросил на Розенкранца внимательный взгляд.

– Ваша палка, которой вы мешали закипающую ртуть, внутри пуста, как пролежавший в земле столетний череп! Может быть, вы скажете, зачем? Нет? Тогда позвольте мне объяснить. У вас не было времени спрятать следы, и, если приглядеться, можно увидеть кое-что интересное.

Я повернул палку, поднес канделябр ближе, и на внутренней стороне полости что-то блеснуло.

– Порошок золота, ваше величество, – пояснил я. – Он был здесь, внутри. Отверстие в конце палки чем-то залепили – наверное, воском, который тут же растаял при соприкосновении с кипящей ртутью. Думаю, что и ваши угли, Розенкранц, были не такими простыми, как нам показалось. В них ведь тоже было золото, не так ли? Иначе зачем такой огромный размер? Вам нужно было много золота, чтобы получились настоящие слитки!

Розенкранц не ответил.

– Келли, прекратите говорить загадками! – потребовал король.

– Ни в коем случае, ваше величество! Произошедшее ясно мне как день, и таким же ясным оно сейчас предстанет перед вами. Господин Розенкранц благодаря своим маленьким хитростям всыпал в чан столько золота, сколько смог. Оно растворилось в горячей ртути, а от такого слияния, как известно любому ученому, получается сплав. Когда же ртуть довели до кипения, она испарилась, а осталось золото! Которое на наших глазах и было вылито в форму.

– А философский камень? – взволнованно спросил Рудольф – у меня, не у Розенкранца.

– Боюсь, что никакого философского камня не существовало, ваше величество. Возможно, это был оксид ртути, который при нагреве распался на ртуть и кислород. Ртуть испарилась, кислород улетучился.

– Наглая ложь! – Розенкранц взял себя в руки и попытался защищаться.

Но было поздно. Король, не отрываясь, смотрел на внутреннюю поверхность полой палки, на которой поблескивали крупницы золота, и прозревал.

Я наблюдал, как меняется его лицо. Как восхищение и детская радость, подобная счастью от сбывшейся мечты, исчезают, давая место ярости. Рудольф откинул голову назад, втянул воздух побледневшими ноздрями. И, видит бог, мне стало не по себе.

– Стража!

На гневный крик короля в подземелье вбежали караульные. Под протестующие крики Розенкранца его схватили и уволокли из лаборатории.

Король же немедленно вызвал двух придворных алхимиков и приказал им исследовать все, оставшееся после эксперимента, с тем, чтобы подтвердить или опровергнуть мою гипотезу.

К утру все стало окончательно ясно: хитрый рыжебородый монах и впрямь осуществил «превращение» так, как я описал. После получения вознаграждения он собирался бежать и, если бы не мое вмешательство, ему бы все удалось.

Когда сомнений не осталось, ярость короля уступила место холодному бешенству. Тогда-то я и понял окончательно, как заблуждаются те, кто считает Рудольфа мягкотелым недотепой, готовым верить на слово любому проходимцу. Верить-то он, может, и был готов, но недотепой я бы его не назвал.

Розенкранц прожил еще десять дней, а затем был казнен при большом скоплении народа. Прага не Лондон, и казни здесь не столь часты, а потому повешение рыжебородого заинтересовало чернь. Под крики и плевки его протащили нагим от ворот тюрьмы до площади, на которой была сооружена виселица, и затащили петлю на его шее. На соседних виселицах болтались две бродячие собаки, в компании которых предстояло висеть и Розенкранцу. Позорная смерть, что и говорить!

Я не мог не насладиться зрелищем его казни. Когда тело рухнуло с помоста, я не завизжал и не заулюлюкал – нет, человек моего положения должен быть выше плебеев, подобно обезьянам выражающих свои чувства криками. Но торжествующая улыбка скользнула по моему лицу.

Превратить в победу то, что грозило стать самым большим поражением! После того как я вывел рыжебородого на чистую воду, король стал еще больше отличать меня, и я даже завоевал серьезных недругов при дворе – высшая оценка моим действиям! Если хотите понять, чего стоит мужчина, смотрите на его врагов. Мои дорого ценились, а значит, я ценился еще выше.

Глава 5

– ...поэтому ты совершенно бесосновательно сужаешь круг подозреваемых, – закончил Сергей, покосился на Илюшина, проверяя, какое воздействие оказала его речь, и тяжело вздохнул. Никакого. Как и следовало ожидать.

Макар целеустремленно шагал вперед, перепрыгивая лужи и не обращая внимания на ветер, безжалостно обдиравший цветы с черемуховых веток. Лепестки осыпались на асфальт, плавали в воде. В волосах Илюшина пристроилось несколько белых пятнышек, Бабкин то и дело смахивал со своей куртки облетевшую черемуху. Снег за ночь успел растаять, и теперь вместо него в воздухе летали цветы. Это было очень красиво, и Макар призвал напарника наслаждаться видом. Однако Бабкин не хотел наслаждаться – он хотел спорить и доказывать свою правоту. Аргументированно и с фактами на руках. Этому замыслу несколько мешало то, что спорить с Илюшиным, если он того не хотел, было невозможно – Макар отмалчивался, предпочитая дать оппоненту выложить все козыри. А затем говорил что-нибудь совершенно не относящееся к делу, что, однако, ставило точку в диалоге.

Бывший оперативник, Сергей привык подходить ко всему методично – так, как его учили еще в институте. Первым и главным необходимым качеством в их работе он считал добросовестность и, выбирая между талантливым помощником и исполнительным, остановился бы на втором. Именно так он и думал о себе – «исполнительный помощник».

Макар Илюшин делал ставку на интуицию. Это была его сильная сторона – умение из ничего вылавливать что-то, угадывать правильное направление, следуя едва заметным знакам, понятным только ему одному. Вместе с Сергеем, которого он давно уже считал не помощником, а своим напарником, они составляли крепкий профессиональный тандем, в котором слабые стороны одного компенсировались сильными сторонами другого.

Однако на этот раз Бабкин отказывался соглашаться с Илюшиным, сделавшим вывод о мотивах похищения на совсем уж, с точки зрения Сергея, слабых доказательствах. По сути, считал он, и доказательств-то никаких не было! С таким же успехом Наталью могли увезти какие-нибудь бандиты, чтобы... Тут он задумался, потому что придумывание на ровном месте давалось ему тяжело. «Чтобы выбить таким образом долг из ее парня!» Бабкин сам остался доволен своим предположением, хотя оно и

отдавало девяностыми годами и фильмами про отечественную мафию. Не говоря уже о том, что ни о каком парне Куликовой ничего известно не было.

Тем не менее он считал нужным отрабатывать все версии. Сперва Бабкин даже прикинул, уж не пытается ли кто-то воздействовать на Куликова, похитив его дочь. Но Аркадий Ильич не был ни предпринимателем, ни чиновником, от которого зависело бы принятие важных решений... Он занимался проектированием зданий в одной из московских архитектурных фирм, и Бабкин при всем желании не мог представить, чтобы у Куликова имелись враги, способные на киднеппинг.

Сергей настроился на долгую масштабную работу, просеивание зерна через мелкое сито... Но Макар нарушил все его планы.

– Не так много людей знало о том, чем занимается девушка, – сказал Илюшин. – Поняв, что она разгадала шифр или близка к разгадке, кто-то из них решил присвоить себе чужие лавры. Нам нужно выяснить, кто именно. Это человек из ближнего круга, поэтому наша задача существенно упрощается.

Бабкин не считал, что их задача существенно упрощается. Напротив, ему казалось, что Макар усложнил все до невозможности, а самое главное, пошел по неверному пути. Какой манускрипт?! Какой шифр?!

– Ты мне сам говорил, что за расшифровку рукописи даже денег не заплатят! – воззвал он к здравому смыслу Илюшина.

– Слава стоит многого, – ответил тот. – Возможно, есть человек, готовый платить за то, чтобы его признали Тем-Самым-Кто-Раскрыл-Тайну-Рукописи. Я бы не удивился, если бы так оно и оказалось. Тогда все упирается в деньги – как, впрочем, почти всегда. Логично?

– Нелогично!

– Кроме того, – проигнорировал Илюшин протест Бабкина, – ты забываешь о том, что наверняка есть люди, помешанные на манускрипте. Не в переносном, а в прямом смысле. Считающие, что он должен раскрыться только им, а не какой-то девчонке двадцати трех лет от роду. Способные на любые действия ради восстановления того, что они считают справедливостью.

– Ты описываешь психа. Если это он организовал похищение Куликовой, мы его не найдем.

– Найдем. Я надеюсь на то, что человек, к которому мы идем, нам поможет.

Они остановились возле кирпичного дома, свечкой уходящего ввысь.

– Точнее, человек, к которому мы уже пришли. У тебя диктофон далеко?

- В кармане. – Бабкин похлопал себя по груди. – Как его зовут?
- Борис Осипович. Отчим того самого Арефьева, до которого мы дозвониться не можем.

* * *

Борис Осипович оказался немолодым мужчиной в очках, с аккуратной бородкой, говорившим тихо и неторопливо. Он провел сыщиков в комнату, заваленную книгами, и переложил тяжелые тома с дивана на стол, расчистив место для Макара и Бабкина.

– Жена улетела на полгода в Америку, вот и хозяйничаю сам, – объяснил он, поправляя очки. – Зато до всего необходимого легко дотянуться.

«Это точно», – подумал Бабкин, рядом с которым высилась стопка книг, а на них стояла пустая фарфоровая чашка из-под чая.

– Я знаю от Аркадия Ильича про то, что случилось, – сказал Борис Осипович, не дав Макару приступить к делу. – Разумеется, сделаю все, что в моих силах. Господи, бедная девочка! Надеюсь, все обойдется...

– Расскажите о ней, пожалуйста, – попросил Илюшин, подав Сергею знак включить диктофон.

– Наташа очень своеобразная девочка. Я близко наблюдал ее на протяжении многих лет – они с моим сыном дружили...

Бабкин отметил про себя «с моим сыном», и отчим Максима Арефьева сразу вырос в его глазах.

– Она умница, у нее редкий для женщины математический склад ума. И в то же время – художественный талант: она много рисовала и занимала призовые места на выставках, хотя нигде не училась. После лицея Наташа решила поступать в тот же институт, что и Максим, – и поступила, представьте себе, хотя отец отговаривал ее. Он был прав, как позже выяснилось, потому что ее решение было вызвано желанием доказать что-то себе и окружающим, в первую очередь Максиму.

– Они дружили с детства?

– Да. Наташа, Максим и Алеша Баренцев... Забавной они были троицей, скажу я вам. Сперва Максим с Тошей как-то незаметно сдружились, хотя были в разных классах, а потом к ним прибился и Лешка.

– Он тоже учился вместе с ними?

– Да, в одном классе с Максимом. Дворовая школа, по правде говоря, была ужасной. Максим ходил туда лишь потому, что его мама не имела

возможности возить его в другой район. У Тоши особая ситуация – Аркадий воспитывал ее один, и ему нужна была школа рядом с домом. А вот Лешка Баренцев чувствовал себя там как рыба в воде. Он такой дворовый мальчик, совсем простой, из бедной семьи – типичная безотцовщина. Очень тянулся к Максиму и Наташе, потому что, вы понимаете, они ведь были совсем другие дети. И воспитание их было другое. Они много читали, их водили по музеям, театрам... Взрослые уделяли им время, вводили их в свой круг, а это почти всегда благотворно сказывается на развитии подростков. Честно говоря, Максим с Тошей выделялись на общешкольном фоне. У обоих ярко выраженные математические способности – не зря же после девятого класса они без труда поступили в физико-математический лицей. А, между прочим, знаете, какой туда был конкурс!

– А Баренцев?

– А он решил уйти в ПТУ. Это было правильное решение, – школа ему ничего дельного дать не могла. А так Леша закончил училище и сразу начал зарабатывать. Для него, мне кажется, это всегда было важно, как для многих, на кого нищее детство наложило отпечаток.

– Насколько я знаю, Наташа увлекалась шифрами, а Максим – кладоискательством, – начал Илюшин, и Борис Осипович закивал:

– Да-да, должен признаться, что это мое влияние. Когда Максиму исполнилось четырнадцать лет, я сочинил для него игру – всей компанией они искали клад. Я специально придумал задания, которые ребята могли бы решить вместе, используя эрудицию каждого из них. Мне хотелось направить их бессистемные увлечения в какое-то конкретное русло, показать, скажем так, возможность практического применения их знаний. Кто бы мог подумать, что из этого выйдет! Для клада я использовал настоящие золотые монеты, еще дореволюционные... Кажется, Николая Второго. Жена сначала возражала, убеждая меня, что монеты дорогие, но мне казалось несправедливым по отношению к Максиму использовать в качестве награды что-то современное. Деньги эти лежали у меня много лет, и я подумал, что вполне могу подарить их детям.

– Детям?

– Ну конечно. Максим отдал каждому из друзей по монете, как я и предполагал. Он сам и Наташа сохранили свои монетки, а Алешка тут же продал и купил что-то полезное... кажется, плеер. Откровенно говоря, мы с Таней и предположить тогда не могли, что с этого начнется увлечение сына настоящим кладоискательством. Но Максим ведь у нас такой... упорный. Он сейчас учится в аспирантуре института, его уже несколько раз посылали

в Великобританию, на симпозиумы, как подающего надежды молодого ученого. – В голосе Бориса Осиповича звучала нескрываемая гордость. – А хобби у него осталось с детских лет – кладоискательство. Наташа же всерьез занялась кодами и шифрами, даже в Египет специально ездила – в местный археологический музей с какими-то невероятно древними табличками. А потом увлеклась манускриптом Войнич. Ну, в этом ей Максим тоже составлял достойную конкуренцию, потому что одно время они этим Войничем просто бредили!

– Алексей сказал нам, что Максим сейчас в Шаболино... – осторожно начал Илюшин.

– Да, и я второй день не могу до него дозвониться. – Борис Осипович нахмурился. – Хотя на этот раз он не стал забираться слишком далеко. Шаболино – маленькая деревушка, но Максим давно горел желанием отправиться туда.

– Вы не могли бы рассказать подробнее? Или это секрет?

– Нет, ну что вы, какие секреты! Расскажу, конечно. Он поправил очки, словно готовясь прочесть лекцию, но начал совсем просто:

– Жил-был еще до революции купец первой гильдии Никита Шаболин. Состоятельный человек, сделал деньги на торговле сахаром. Когда ему было под пятьдесят, он завел себе молоденькую любовницу из актрис и построил для нее усадьбу неподалеку от собственного поместья. Актрису звали Ольгой, фамилию сейчас и не вспомню... Было ей, кажется, около восемнадцати. Соблазнилась ли она состоянием Шаболина, или же искренне любила его – почему бы и нет? – но только профессию свою она бросила, уехала из города и поселилась в этой усадьбе, которую для нее возвели. Все это я знаю от Максима, который раскопал историю о любовнице Шаболина в архивах нашей библиотеки. Ситуация была скандальная, все всё знали, купца особенно не осуждали, а вот девицу – весьма и весьма, и какой-то местный писака кропал в газетку статьи с призывами к защите нравственности. Ну, Шаболину принадлежало три деревни в округе, он там был царь и бог, так что никто возвышать против него голос не смел – кроме разве что этого самого писаки. И потом, любовница его жила тихо, всего лишь с четырьмя-пятью слугами, нигде не появлялась, вот только любила по окрестным лесам носиться на лошади.

Шаболин ее задаривал подарками – думаю, в благодарность за то, что она ради него поселилась в эдакой глуши, где центром был городок на пять тысяч жителей. В том числе подарил изумрудное ожерелье какой-то немислимой стоимости, с двенадцатью очень чистыми камнями – говорят, под цвет глаз Ольги. Максим прочел об этом в переписке двух сестер, одна

из которых исправно поставляла новости другой, жившей далеко и не имевшей возможности наблюдать все происходящее своими глазами. Об ожерелье же известно достоверно, потому что однажды Ольга изменила своему затворничеству и появилась на городском балу, одетая по последней моде, а на груди у нее блистали эти самые изумруды. Был скандал, конечно, и в конце концов ей пришлось уйти. Говорят, Шаболин возместил ей моральный ущерб, подарив еще какую-то драгоценность – кольцо с топазом, что ли... Не помню точно.

А потом случилась революция. Шаболин успел вывезти свою семью, а Ольга осталась. Озверевшие крестьяне, ненавидящие «девку», пошли громить поместье, но прежде чем они добрались до усадьбы, Ольга ускакала на своей лошади, прихватив горничную. Сбежать бы ей не удалось, потому что все вокруг было в огне, и сами деревни горели, а в городе вовсю шли погромы, но она и не успела добраться до города – возможно, к счастью. Потому что ее бы, конечно, зверски убили, в этом нет сомнений, – как растерзали всех ее слуг, кроме горничной. Но лошадь понесла, выбежала на обрыв и сбросила девушку – Ольга упала и сломала шею. А теперь самое интересное...

– Изумрудов при ней не оказалось, хотя она взяла их с собой? – спросил Илюшин.

– Именно так. Уцелевшая горничная после рассказала, что хозяйка при ней достала из сейфа шкатулку с драгоценностями – а их у нее было немало – и вывалила в сумку. А затем уже бросилась к конюшне, держа сумку в руках.

– Могла спрятать в конюшне, – предположил Сергей.

– Безусловно. И часть спрятали – многое потом нашли. Но все знали об изумрудах, поэтому усадьбу обыскали и разобрали буквально по кирпичику, в том числе и все подсобные помещения. Изумрудов не было. То же самое и с поместьем самого Шаболина – его перевернули кверху дном, разграбили, но ожерелья там не оказалось. После неоднократно предпринимались попытки разыскать украшение, но ни одна не увенчалась успехом. Как в воду канула драгоценность любовницы Шаболина.

– Значит, это на ее поиски уехал Максим?

– Да. Он перерыл архивы, нашел все, что имело отношение к купцу и его поместью. Узнал, что все деревни Шаболина в пятидесятых годах были распаханы, а название «Шаболино» теперь носит другая деревушка, в действительности никогда купцу не принадлежавшая. И решил, будто знает, что случилось с ожерельем. Мне он говорить ничего не стал, собрался и поехал. Вот, собственно, и все.

Борис Осипович вздохнул, снял очки и повертел их в руках:

– Если вам нужны еще какие-то сведения, возможно, их подскажет дядя Максима – Александр, родной брат моей жены. Макс что-то обсуждал с ним – у них в последнее время стали налаживаться отношения.

– Налаживаться? – переспросил Илюшин.

– Ну да, – как показалось Бабкину, с неохотой ответил отчим Арефьева. – К сожалению, мы не всегда могли найти общий язык. У Александра не самая легкая работа, он заведует интернатом для трудных подростков, и это наложило отпечаток на его характер. Хорошо, что хотя бы Максиму удалось преодолеть отчуждение.

– А вы? – проявил бестактность Макар, сам не понимая, зачем лезет во внутренние дела семьи Арефьевых.

– Я... нет. Нет, к сожалению. Но это не имеет никакого отношения к Наташе.

Он замолчал, и Илюшин понял, что больше ничего не услышит от Бориса Осиповича. Записал телефон Александра, задал еще несколько уточняющих вопросов, и они попрощались с отчимом Максима Арефьева.

– Давай-ка сразу заедем к этому дядюшке, – сказал Макар, когда дверь подъезда захлопнулась за ними. – Как я понял, интернат здесь недалеко. Если он по-прежнему там директором, то должен быть на месте. Сейчас позвоним и узнаем...

Александр Сергеевич Арефьев оказался на месте, но разговаривать с сыщиками сперва не пожелал, ссылаясь на нехватку времени. Лишь после настойчивых просьб Илюшина он согласился ответить на несколько вопросов, предупредив, что через пять минут должен уйти из кабинета.

– Ничего не знаю о Куликовой! Уже Баренцев прибежал, метался, как оглашенный. А я так скажу – уехала девочка в Сочи, там развлекается.

Бабкин с первого взгляда проникся неприязнью к этому вальяжному мужчине с гладко выбритым синим подбородком и длинными залысинами над бровями, говорившему высоким, чуть визгливым голосом. От него сильно пахло одеколоном, а маленький, заставленный шкафами кабинет весь провонял сигаретным дымом, и Бабкин еле сдерживался, чтобы не морщиться от этой смеси ароматов. В окне виднелась группа мальчишек лет тринадцати, под руководством воспитателя убиравших мусор с газона.

– Почему именно в Сочи? – поинтересовался Макар.

– Откуда я знаю! Пусть не в Сочи, пусть в Крым. Или в Саудовскую Аравию.

– Есть свидетели, – напомнил Бабкин. – Они видели, что девушку вывели из подъезда силой.

– Знаем мы это «силой», – парировал директор интерната. – Ролевые игры, поверьте мне, еще никто не отменял.

– Хорошо, пусть так. Тогда скажите, Александр Сергеевич, вы знаете, как идут дела у вашего племянника? Ведь Максим сейчас ищет клад Шаболина...

Старший Арефьев изменился в лице:

– Послушайте! Это все чушь! Я так Максиму и говорил! Происки этого жадного еврейчика!

– Какого еще жадного еврейчика? – нахмурился Илюшин.

– Танькиного муженька. – Александр Сергеевич скривился. – Мерзейший тип, собравший все характерные черты своей нации. Я говорил ей: ты дура, живи одна, заботься о сыне. Нет, ей втемяшилось в голову выйти замуж. А Борис забил мальчишке башку всякой чушью, рассчитывая на то, что ему на блюдечке принесут халявные деньги. Клады парень ищет! По лесам ходит с металлоискателем! Работать надо, ра-бо-тать! – Он развернулся в крутящемся кресле, широким жестом указав на бродящих по газону подростков. – Труд сделал из обезьяны человека. Видите воспитанников нашего интерната? Если бы не работа, они бы давно уже окончательно деградировали, забив себе мозги парами клея. К сожалению, мой племянник – ленивый идиот, сильно подверженный чужому влиянию. Вместо того чтобы добросовестно вспахивать свою ниву, он рассчитывает на быстрое обогащение. Ничего у него не получается, само собой, и все это лишь пустая трата времени.

– Ленивый идиот? – переспросил Бабкин. – Его отчим говорит, что Максим учится в аспирантуре физтеха...

– Учится, – неохотно признал Арефьев-старший. – И неплохо учится, должен сказать. У мальчишки способности – к счастью, в этом отношении он пошел в меня. Но это его хобби! Поверьте мне, времяпрепровождение для болванов, оно отупляет его.

– То есть вы не знаете, на каком этапе его поиски, – уточнил Илюшин.

– Какой этап, молодой человек, о чем вы! – Александр Сергеевич картинно воздел руки к небу. – Максим бродит по лесам со своей железкой – вот и все его этапы. Потом вернется ни с чем, как всегда и бывает.

– А когда вы в последний раз общались с ним?

– Не помню... кажется, еще до его отъезда. У меня масса дел, честное слово, нет возможности держать в голове такие мелочи.

– Вы говорили, к вам заходил Баренцев...

– Да, единственный из всей троицы, из кого вышло что-то дельное. Он частенько бывает у меня. Я ему сдаю два помещения.

– Под склад?

– Да, одно – под склад, а во втором он обустроил спортивный зал. Мои мальчишки тоже туда ходят – те, кому за хорошее поведение я разрешаю заниматься. Пусть качаются, вреда от этого никакого не будет. А тренеры там неплохие. Баренцев аренду платит исправно, он вообще паренек такой – ответственный и толковый. В отличие от этих двух дурачков, Макса с Наташкой. Что хотите говорите – не верю я, что ее увезли силой. Никому она не нужна, вот что. А теперь извините, у меня дела.

* * *

– Я, кажется, понимаю, почему отчим Максима Арефьева не научился нормально общаться с братом своей жены, – буркнул Бабкин, когда они вышли из кабинета и прошли по узкому длинному коридору, застеленному темно-красной ковровой лентой. – Слушай, как такому детей-то доверяют?

– Да, махровый антисемит, к тому же не из умных, – согласился Илюшин. – Резюмирую: ничего не вынесли из разговора, кроме понимания позиции Бориса Осиповича. Значит, возвращаемся к началу, то есть к манускрипту. Поехали домой, хочу еще раз кое на что взглянуть...

* * *

Александр Сергеевич провожал взглядом двоих визитеров, идущих к главным воротам интерната, и вдруг заметил спешащего им наперерез коренастого парня. Насторожившись, он наклонился близко к стеклу, будто рассчитывая подслушать разговор.

– Принес тебя дьявол... – пробормотал он. – Проваливай отсюда, предприниматель хренов. Не суйся к ним.

Тот, кому было адресовано его обращение, подошел к Макару и Бабкину, запыхавшись и утирая пот со лба.

– Привет! Еле догнал вас! – Алексей Баренцев пожал руку Сергею, знакомясь, и обернулся к Макару: – Ты скажи, что-нибудь новое известно про Тошку? Есть хоть какие-нибудь зацепки?

– Пока работаем, – туманно ответил Илюшин.

– А сюда по какой надобности? А, понял – всех знакомых опрашиваете! – догадался Лешка. – Это вы не по адресу – Пушкин вам ничего не скажет.

– Пушкин? – переспросил Бабкин. – А-а, он же Александр Сергеевич! Ну да, само собой.

– Я не в том смысле, что он скрытный или что-нибудь такое, а просто он с Тошкой мало общался. Макс как-то при мне начал рассказывать дяде Саше, что они вдвоем увлеклись разными шифрами, ну, дядя Саша его и высмеял. Для парня, сказал, это нерациональное напряжение мозгов, а для девчонки – и подавно, потому что у женщин другое предназначение: детей рожать и домашнее хозяйство вести. Я сдуру возьми да перескажи это Куликовой. Думал, она умрет со смеху! Целый день ходила, талдычила на все лады: «Нерациональное напряжение мозгов»... Назвала дядю Сашу «херр Рациональность», так оно потом к нему и привязалось. А вообще-то он мужик неплохой. О пацанах своих заботится, даже в качалку их ко мне отправляет. Тренеров, правда, заставил своих знакомых взять, ну да я на него за это не в обиде. Вроде нормальные мужики, понимающие.

Сергей живо заинтересовался близкой темой:

– Слушай, а почему именно здесь качалка? Лучше места не нашлось?

– Да полно хороших мест, только аренда не по карману! А у Пушкина – сам погляди – на территории куча складов, подсобок всяких, половина из них не используется, так что почему бы ему не помочь хорошему человечку? Цену он не задирает, берет по-божески. И мне выгода, а заодно и дяде Саше денежка капает. Разве плохо?

– Тебе виднее, – уклонился от ответа Сергей.

– Слушайте, мужики... – Баренцев помялся. – Вы мне скажите начистоту: могу я вам чем-нибудь помочь? А то у меня и ребята знакомые есть, их можно на поиски подрядить. Менты, как обычно, без бакшиша не пошевелятся, на них надежды никакой...

– Менты как раз отлично шевелятся, – сухо сказал Бабкин. – Без всякого бакшиша. Так шевелятся, как твоим знакомым ребятам и не снилось.

Сергей хотел добавить, что если кто и найдет Наташу Куликову, так это они, но промолчал.

– Да ладно тебе, не заводись, – примирительно сказал Лешка. – Я ж только за ради помощи предлагаю. Нет так нет. Если что – только свистните, я как Конек-Горбунок – тут же прискачу.

– Постарайся все-таки вспомнить, не было ли новых знакомств у Куликовой последнее время, – попросил Илюшин. – Вспомнишь что-нибудь – сразу звони.

– О'кей.

Когда сыщики ушли, Баренцев присел на бордюр, задумчиво

потряхивая в руке ключи от машины.

– Тошка, Тошка... – пробормотал он. – Эх ты, Тошка!

Александр Сергеевич подождал, наблюдая из-за шторы, и, убедившись, что сыщики не вернутся, взял со стола телефон.

Он видел, как Лешка полез в карман, но ответил не сразу – сначала обернулся и поднял глаза на окна кабинета Арефьева. Увидел знакомую фигуру и нехотя нажал «ответить».

– Зайди ко мне, – не здороваясь, зло приказал Арефьев. – Разговор есть.

– Не до разговоров мне сейчас, дядя Саша.

Из-за стекла Александр Сергеевич видел, как Баренцев шевелит губами.

– А ты разговаривать и не будешь. Ты будешь слушать. А то у тебя язык слишком длинный, чешешь им направо-налево. Зайди, сказано!

Он положил трубку и стал ждать, пока парень поднимется в его кабинет.

Когда Лешка постучался и заглянул в дверь, Александр Сергеевич сделал ему знак зайти. Тот шмыгнул носом и проскользнул внутрь, встал посреди ковра, понурившись, опустив глаза:

– Чего такое, дядь Саш?..

– А ну хватит комедию ломать! – прошипел взбешенный Арефьев. – Ты бы еще ножкой пошаркал! Хорошо дурку валять, Тома Сойера из себя корчить!

Он схватил Баренцева за плечо, собираясь встряхнуть парня, но тот как-то незаметно уклонился, высвободил плечо и сделал шаг назад.

– Вы, дядя Саша, руки-то не распускайте, – негромко попросил Лешка. – Я вам не провинившийся подросток, чтобы вы меня как мальчишку отчитывали и за разные части тела хватали. Зачем звали? Опять деньги кончились?

Он поднял на директора холодный взгляд, и в голубых глазах Александр Сергеевич увидел свое отражение, которое показалось ему съезжившимся.

– Ты зачем, поганец, треплешься с кем попало? – спросил он, сдерживаясь, чтобы не заорать, но руки все-таки убрал. – Видишь – чужие люди шныряют, так пройди себе тихонечко мимо.

– У меня к ним, может, интерес был, – ощерился Лешка. – Это вам, дядя Саша, Тошка по барабану, а мне она не чужой человек.

– Вот и выясняй свой интерес где-нибудь в другом месте! Нечего шушеру всякую приваживать. Достаточно того, что твои дуболомы через

задние ворота шныряют целыми днями, скоро люди коситься начнут.

– Мои дуболомы вам денежку приносят, если вы забыли. Дружба дружбой, а аренду вы с меня исправно каждый месяц получаете. И не дуболомы, а клиенты тренажерного зала. Уважительнее надо к людям относиться, уважительнее!

– Ты как хочешь, а чтобы больше никого лишнего я здесь не видел, – тихо приказал директор интерната, наклонившись к Баренцеву. – Все, свободен.

Выйдя на улицу, Лешка сплюнул на чахлую клумбу, вскопанную у входа в главный корпус интерната, и проводил взглядом группу подростков, направляющихся к подсобным помещениям. Ребята были как на подбор – крепкие, рослые, похожие на стаю орангутангов.

– Что-то вы взъерошились не по-детски, дядя Саша, – проговорил Баренцев вслух и двинулся в сторону машины, припаркованной у главного выхода.

Машина у него была прекрасная. Сказка, а не машина. Лешка еще подростком мечтал о том, что когда-нибудь у него будет джип – страшный, черный, с хищными фарами и тонированными стеклами. Эта мечта со временем превратилась в навязчивую идею, но Баренцев дураком не был: знал, что если спустить все заработанное на машину, то этим его крошечный, только-только набирающий обороты бизнес может и закончиться. Поэтому он вкалывал, сжав зубы, привозил свое питание, распространял его по знакомым спортсменам, потихоньку расширяя дело. И только когда обрел уверенность, что создал финансовую «подушку безопасности», купил машину мечты.

«Лендкрузер» был похож на Баренцева, как собаки бывают похожи на хозяев, и тоже притворялся проще, чем есть. Снаружи джип отдавал колхозом, приветом из девяностых и золотыми цепями на бычьих шеях. Внутри же взгляду открывались кожаный салон благородного кремового цвета, прекрасная стереосистема и разнообразные полезности, которыми Лешка нафаршировал свою игрушку. Она стала для Баренцева талисманом, символом новой жизни, из которой уже ничто не смогло бы затащить его обратно, в ту нищету, из которой он отчаянно выкарабкивался, как жук из банки.

Его братья понемногу спились, и когда Лешка, заезжая к матери, окунался в их быт, это вновь и вновь подстегивало его – дальше, дальше, прочь от этого болота! Он не мог удержаться и не сорить деньгами, выгребая на какой-нибудь вечеринке из карманов все подчистую. Его знали как человека компанейского, не дурака выпить и к тому же всегда готового

дать в долг, так что приятелей у Баренцева было предостаточно.

Но с Максом и Тошкой он виделся все реже, хотя все трое не выпускали друг друга из виду.

Подумав в который раз о Тошке, Баренцев выругался. Один из двух встреченных сыщиков сказал, что менты роют землю носом в ее поисках... Но не факт, что здоровяку можно верить.

Сзади посигналил выезжающий из ворот интерната грузовичок, и Лешка вздрогнул.

«Совсем нервы ни к черту, – обругал он себя, заводя машину. – Что же делать-то, а?»

И сам себе с беспомощной злостью ответил: «Только ждать. Больше ни черта не сделаешь».

* * *

Квартира Илюшина, она же его офис, располагалась на двадцать пятом этаже. Окна большой комнаты выходили на парк, и возле крайнего окна Макар и уселся с ноутбуком на коленях, в который раз рассматривая фотографии.

– Не сходится... – пробормотал он. – Что-то у меня не получается. Вот здесь явно Солнечная система... Но тогда почему у Куликовой стоит знак вопроса?

– Что ты делаешь? – Бабкин присел рядом.

– Иду по следам девушки. Видишь, на тех копиях страниц рукописи, которые она повесила на стене, есть значки? Думаю, это подсказки, вешки.

– Ты что, в самом деле считаешь расшифровать манускрипт? – изумился Сергей. – Ушам своим не верю! Да ты шутишь!

– Есть один неплохой фантастический рассказ – кажется, у Лема. В этом рассказе группе ученых под большим секретом предъявляют видеозапись, на которой хорошо видно, как человек с ранцем за спиной поднимается в воздух и летит. Естественно летит – сначала вверх, потом вбок. Деталей не помню, могу соврать, но это и не важно. Так вот, он летит, а потом запись обрывается. После этого ученым сообщают, что человек с портфелем утверждал, будто нашел способ преодоления силы земного притяжения с помощью небольшого аппарата, который помещается в ранце у него за спиной. В подтверждение правоты своих слов он поднялся в воздух на глазах нескольких свидетелей, однако затем что-то пошло не так, летун упал и разбился, а ранец вместе с аппаратом был уничтожен

взрывом. Ученым предлагается повторить его изобретение. Они принимаются за дело, долго бьются над задачей, и в конце концов один из них находит решение. А после этого им предъявляют живого «изобретателя» и сообщают, что съемка была мистификацией, преследовавшей одну-единственную цель – разрушить барьер в их сознании. Ученые считали, что силу земного притяжения преодолеть нельзя, а им показали, что можно. Правда, показанное было обманом, но это не имеет значения, раз обман сработал! Понимаешь?

Бабкин обдумал рассказ со всех сторон и кивнул:

– Понимаю. Ты считаешь, что если подойти к любому сложному делу, не зная, что оно сложное, то сможешь его решить. Должен сказать, что тут я с тобой не согласен. Готов поставить любую сумму на кон – манускрипт ты не расшифруешь.

Илюшин укоризненно покачал головой:

– Не веришь ты в мои силы...

– Не в этом дело. Я верю в силы тех, кто его зашифровал. Что-то мне подсказывает, что они были очень неглупые люди!

У Макара заиграл телефон, он поставил ноутбук на стол и вышел, оставив Сергея изучать необычные рисунки. Бабкин незаметно увлекся, пытаясь разобраться в них.

– Трубки какие-то из голов растут... – недовольно пробормотал он. – Ну и как это понимать?

В комнату вернулся Илюшин.

– Что там? – спросил Сергей, не отрывая взгляда от экрана. – Что-то новое?

– Новое.

По тону Макара Бабкин понял: что-то случилось. Он мигом забыл о шифре и вопросительно взглянул на друга.

– Тело Максима Арефьева выловили из реки, – мрачно сказал Илюшин. – Со следами побоев.

* * *

Счет времени Тошка потеряла очень быстро и сама не заметила, как это случилось. Окна в комнатухе не было, и сперва она решила отсчитывать время по завтракам, обедам и ужинам. Но еду ей приносили все время одну и ту же – картошку фри, густо политую кетчупом, и не три раза в сутки, а чаще – похоже, через каждые два часа. «Они, наверное,

специально стараются сбить меня с толку», – подумала она, но потом решила, что для тех, кто ее охраняет, это слишком сложно. Они не додумались бы до того, чтобы сбить ей внутренние часы. Хотя распорядиться об этом мог тот, кто командовал Черным и Синим. Мысленно Тошка стала называть его «Главный».

– Однообразный у вас тут рацион, – не сдержалась она, когда пакетик с остывшими палочками поставили перед ней в четвертый раз.

– Ты письмецо расшифруй – тебя накормят по-королевски. – Охранник достал из пакета бутылку минеральной воды и пластиковый стаканчик, водрузил на стол. – А пока не заслужила.

На этот раз пришел Черный, которого она не так боялась, как Синего. Тот, входя, взглядывал на нее так, что Тошку простреливало ужасом насквозь, и потом она еще некоторое время после его ухода старалась избавиться от этого чувства. Ей казалось, что Синий примеряется, как бы потолковее свернуть ей шею, и с нетерпением ждет той минуты, когда она отдаст им расшифрованную записку.

Черного она почти перестала бояться. Он снял свою шапочку, под которой оказалась почти налысо обритая голова, и время от времени с силой потирал ладонью макушку, как будто собираясь протереть на ней плешь. Разговаривая с Тошкой, он глядел не на нее, а в сторону, и поначалу, пока она не привыкла к этой манере, Тошка тоже поглядывала в направлении его взгляда, будто надеясь обнаружить там кого-то третьего.

Ей даже пришло в голову, что Черный, наверное, стесняется ее, вот и не может смотреть ей в глаза. Но затем она заметила, что точно так же он разговаривает и с Синим, и ей стало смешно и стыдно за собственную наивность. «Скорее мясник будет стесняться барана, которого он собирается резать...»

– Где книги из библиотеки? – спросила она. – Мне без них не справиться. Шифр сложный.

– Будут книги. Все будет. В свое время.

Он весело подмигнул Тошке и вышел.

Теперь к ней заходили лишь затем, чтобы принести еду да проверить, чем она занимается. «Перестали опасаться, что я убегу. Правильно, куда мне отсюда деться?» Она с тоской оглядела обклеенные стены, присела на корточки и вновь осмотрела и ощупала пол, хотя знала, что ничего нового не обнаружит: дешевый линолеум, закрывающий бетон. Подкоп в этой коробке был невозможен.

За то время, что Тошка сидела взаперти, она последовательно рассмотрела и отбросила один план побега за другим. Самым

перспективным представлялось ударить охранника чем-нибудь тяжелым, чтобы оглушить его, а самой убежать за то время, что он приходит в себя. Тошка даже провела несколько экспериментов со стулом, примеряясь, как бы поудобнее перехватить его, чтобы нанести удар. Но стоило одному из охранников заглянуть в ее комнатку, как она тут же отказалась от этого замысла: даже если бы она смогла сделать это неожиданно для вошедшего, в чем у Тошки были большие сомнения, стула оказалось бы явно недостаточно. «В лучшем случае сломаю стул. В худшем – меня придушат на месте. Нужно придумать что-то другое».

Она и придумала. Книги. Библиотечные книги, которые берут из хранилища лишь такие же маньяки, как они с Максом. У таких людей особый склад ума, они не смогут не обратить внимание на записи на полях, которые она делает. Тошка все обдумала: она использует один из простейших шифров, который наверняка разберет любой, работавший над рукописью Войнич. Рано или поздно книга попадет в руки такому энтузиасту, он прочтет ее послание и пойдет с ним в прокуратуру. Очевидно, на тот шифр, что она оставила в своей квартире, рассчитывать не приходится – значит, она пойдет другим путем, более сложным и долгим.

Тошка старательно закрывала глаза на слабые места своего плана. Книги могут не заказать еще несколько месяцев. Взывший их читатель может не уметь разбирать шифры. Даже если он разберет то, что она написала, может решить, что таким образом кто-то решил подшутить над ним. И еще добрый десяток всяких «но», каждое из которых ставило крест на ее затее. Но думать об этом было нельзя, и Тошка не думала. Так же, как она не думала о том, что Максим может быть мертв.

В восьмом классе она прозвала а его Следопытом, а Лешку – Скалолазом. Макс действительно хорошо разбирался в следах, но никогда этим не хвастался. Он вообще ничем не хвастался, в отличие от Лешки. Вот кто был позером! Неподалеку от школы находилась заброшенная стройка, и Баренцев устраивал соревнования по бегу и прыжкам на кирпичных стенах второго этажа – крошащихся, сколотых по краям. Они развлекались так до тех пор, пока их не прогонял участковый, и Лешка неизменно выходил из этих соревнований победителем.

Несмотря на все Тошкины старания, он никак не желал избавляться от своих простецких привычек. Карманы у него вечно были набиты семечками, и Баренцев сплевывал шелуху в ладонь, а потом подсыпал кому-нибудь в карман. Тошка сердилась, а Лешка смеялся радостно, как ребенок, каждый раз получая большое удовольствие от этой

незамысловатой шутки. В любой компании он становился любимцем девчонок – они его вечно теребили, гладили по вихрастой макушке, звали капризными голосами «Лешенька, ну Лё-о-о-оша!» Его простоватая обаятельная ухмылка сглаживала большинство конфликтов, в том числе те, которые Баренцев сам же и затевал. Потому что был он драчун и провокатор, и Максиму не раз приходилось выручать его, когда приятелю грозила трепка.

Арефьев по-прежнему оставался тем же «упрямым ослом» Максом, которого Тошка, казалось, знала всегда. Если он намеревался что-то сделать, то переубедить его было невозможно – он упорно доводил дело до конца, не обращая внимания на реакцию окружающих. В школе он стал знаменитостью, когда, раскопав какие-то древние планы здания, заявил, что под подвалом должно быть еще одно помещение. Учитель географии, не любивший ни Баренцева, ни Арефьева, воспользовался удобным случаем и высмеял мальчика со всей доступной ему язвительностью. Лексикон одноклассников Макса обогатился словом «прожектёр», но даже брошенное учителем в саркастическом пылу «гробокопатель!» не остановило Арефьева – он отправился к завхозу, о чем-то долго говорил с ним, после чего они, захватив с собой учителя физкультуры, спустились в обширные подвалы школы. Очень скоро всех облетела новость: под полом в углу, где хранился инвентарь для занятий на лыжах, и в самом деле обнаружили люк. Когда его вскрыли, под ним оказалась небольшая квадратная комната, а в ней – оружие. «Арефьев автоматы нашел!» – передавали друг другу пораженные школьники.

– Не автоматы, а несколько пистолетов-пулеметов системы Шпагина, – авторитетно заявил директор на собранной по такому случаю линейке. – Образца сорок первого года, прошу заметить! Поскольку школа наша старая... То есть не старая, а новая, потому что достраивалась, но подвал-то старый... В общем, там во время войны сделали такой вот небольшой тайничок, который помог обнаружить наш ученик Максим Арефьев. За что и награждается почетной грамотой!

Учитель географии, к возмущению всего класса, не извинился перед Максом. Но тому было наплевать.

После восьмого класса Арефьев как-то стремительно повзрослел: потемнели и загустели прямые брови, между которыми залегла непонятно откуда взявшаяся складка, выдался вперед подбородок, чуть глубже запали карие глаза, смотревшие вокруг изучающе. Иногда посреди общего разговора он начинал улыбаться, хотя ничего смешного сказано не было. «Макс, хорош лыбиться! – сердито говорил в таких случаях Баренцев. –

Вернись к обществу». Улыбка у Макса была хорошая, совсем мальчишеская... Тошка очень любила, когда он улыбался.

Арефьев фанател от «Роллинг Стоунз» и изо всех сил пытался приобщить к ним и Тошку, которая покорно слушала его записи, не понимая, как *это* может нравиться. Сама Тошка лет в пятнадцать увлеклась «Аквариумом» и твердо знала, что Гребенщиков – гений, и лучше него никого нет. «Под не-е-ебом голубы-ы-ым», – любил козым фальцетом проблеять Баренцев, поддразнивая ее. «Есть город голубо-о-ой!» – тут же подхватывал Макс, безбожно фальшивя. «Живет там мальчик маленький, он тоже голубо-о-ой», – хором заканчивали оба и начинали ржать как полоумные. Тошка закатывала глаза, крутила пальцем у виска и говорила пренебрежительно: «Эх вы, серости... Не для средних умов Гребенщиков, нет, не для средних».

Если к Лешкиному успеху у девчонок Тошка относилась иронично-снисходительно, то внимание, которое оказывали Макс, мгновенно выводило ее из себя. Она научилась скрывать это, интуитивно догадавшись, что в противном случае станет объектом насмешек. Немного утешало ее лишь то, что Макс никому не оказывал явного предпочтения, относясь к девчонкам в школе по-дружески.

Влюбленная в Арефьева Катя Мокрешина, красивая темноволосая девочка с внешностью куклы, которую только что достали из коробки – очень опрятная и чистенькая, как-то раз сказала за спиной Тошки, думая, что та не слышит:

– Не могу понять, почему Арефьев с этой коротконогой общается! И Баренцев туда же... Смешит она их, что ли?

– Точно, Куликова – шут! – подхватила ее подруга, которой только накануне Тошка давала списывать химию за клятвенное обещание быть благодарной до конца жизни. – А чего – веселая, шутит все время, прыгает у них под ногами, как заводная... Весело!

Тошку словно окатили ледяной водой, и стало тяжело дышать. Она знала о себе, что не красавица, но – шут?! Если бы у нее была мать или старшая подруга, они поговорили бы с девочкой о зависти и злоязычии, но у Тошки был только отец. С ним она о таком не разговаривала – стеснялась.

Ей прочно запало в душу, что она – уродец, призванный лишь смешить своих друзей. Пребывая в угнетенном состоянии, Тошка уехала в летний спортивный лагерь, где два месяца прыгала, бегала, плавала и делала все возможное, чтобы ни с кем не общаться – боялась, что снова назовут шутком. Когда она вернулась, то первая же встреченная ею знакомая – соседка по подъезду – остановилась, уставившись на девочку, и всплеснула

руками:

– Господи, девка-то как выросла! Наташа, солнышко, тебя не узнать!

Дома Тошка подошла к зеркалу, недоверчиво осмотрела себя. «Пожалуй, ноги стали длиннее, хоть и ненамного – это оттого, что на велосипеде носилась. Загорела – загар всегда на пользу. Лицо похудело. Вроде бы и все... Чему тут удивляться? А, да, еще волосы...»

Волосы Тошка постригла в лагере – надоел хвостик, и в приступе нелюбви к себе она уговорила одну из вожатых сделать ей стрижку. Обкромсанная пшеничная гривка тут же облегченно начала виться легкой волной, и Тошка заколола ее ободком, чтобы не лезла в глаза.

Первого сентября ее встретили восхищенные взгляды одноклассников. Баренцев и Арефьев должны были вернуться из летних поездок лишь через две недели, и некому было сказать Тошке, как она похорошела, – отец считал ее самой красивой девочкой в мире и был уверен, что она об этом знает. Он ошибался – Тошка понятия об этом не имела и думала, что отец щадит ее чувства, не заговаривая с ней о ее внешности.

За лето она очень похудела, из ниоткуда появилась нежная тонкая шейка, а короткие крепенькие ножки хоть и не превратились в длинные и стройные, но стали точеными, с хорошим рельефом – не пропали даром Тошкины долгие велосипедные прогулки. Обрисовались вместо кругленьких щек скулы, подчеркнулись новой стрижкой, и нежный рисунок губ стал ярче и заметнее. Но особенно выделялись на лице похудевшей Тошки глаза – большущие, ярко-синие, опушенные густыми ресницами, словно еловыми веточками.

«Ну, девка, ты даешь! Все ушло в глаза!» – сочувственно и в то же время восхищенно говорила соседка, встречая Тошку в лифте. На улице на нее оборачивались, а продавец в мясном отделе стал очень долго взвешивать Тошке мясо, заговаривая ей зубы бессмысленной болтовней.

Две недели тянулись невыносимо долго. Тошка считала часы до возвращения друзей, сердилась сама на себя, стала часто плакать по пустякам и возмущенно обзывала себя истеричкой и плаксой.

Арефьева она увидела, возвращаясь из школы во вторник. Он сидел на ступеньках лестницы и поднялся, увидев ее издалека. Пока она подходила, странно взволнованная – хотя это ведь был он, привычный ей Макс, – он смотрел на нее без улыбки, чем смутил Тошку еще больше. Большой, широкоплечий, очень красивый – она сама себе показалась маленькой рядом с ним. Тошка все замедляла и замедляла шаг, пока не остановилась в паре метров от Арефьева.

Сентябрьский теплый ветер взлохматил обоим волосы, и Макс сдул

челку со лба. Тошка стояла взъерошенная, и тогда он шагнул к ней, провел рукой по ее волосам, прижал к себе, пораженный тем, какая она стала необыкновенная – и одновременно ничуть не удивленный. Он всегда знал, что нет никого, хотя бы чуть-чуть похожего на нее.

Тошка отстранилась, подняла к нему счастливое лицо.

– Пятку туфель натерла, представляешь? – призналась она.

– Я по тебе тоже скучал, – сказал Макс, широко улыбнувшись. – Пойдем отсюда, а то вон биологичка уже в окне торчит.

Они убежали в овраг и прогуляли до позднего вечера, так что отец начал волноваться, и Тошка потом клятвенно обещала, что больше никогда так не будет.

С этого дня они с Максом почти не расставались – до того самого времени, когда она решила уйти из института. Они тогда так поссорились, что Тошка твердо поняла: это навсегда. Она его никогда не простит, потому что Максим Арефьев – тупой, самовлюбленный, эгоистичный болван, не думающий ни о ком, кроме себя.

* * *

– Тупой эгоистичный поганец, – сказала Тошка вслух с искренним чувством, водя карандашом по странице с «расшифровкой», где она выписывала бессмысленный набор букв. – Просто поразительно, каким эгоистичным поганцем может быть человек. И тупым к тому же!

Она перечеркнула все написанное, выронила карандаш и обхватила голову руками.

«Макс жив. Он не может умереть. Они просто украли у него шифр. Он не может умереть».

Тошка еще несколько раз убежденно повторила это про себя и кивнула, сотворив маленькое заклинание, предназначенное для избавления от плохих мыслей. Потом положила голову на стол и почти сразу уснула, твердо уверившись в том, что Максим Арефьев жив.

* * *

На следующий день я рассказал Молли о случившемся. Мне хотелось поделиться с кем-нибудь своей победой, а многочисленные собутыльники для этого не годились. Будь здесь Джон Ди, я непременно поведал бы ему о

хитроумном монахе, живописав весь его «эксперимент» в ярких красках. Я неплохой рассказчик, и Джону, без сомнения, пришлась бы по душе моя история.

Но он, увы, в Лондоне – нянчится со своим годовалым сыном. Джейн родила ребенка через девять месяцев после той ночи, когда ангелы призвали ее стать моей временной женой. Мальчишку назвали Теодорусом, то есть Божьим даром, и когда я прочел об этом в письме, то хохотал так, что испугал служанку.

Так вот, о служанке... Поскольку не нашлось никого получше, пришлось мне выкладывать эту историю ей. К моему удивлению, Молли поняла почти все, что я объяснял.

– Выходит, он хотел обмануть самого короля? – с величайшим удивлением спросила она.

– Выходит, так. Но короли не прощают, когда их обманывают.

– А то золото, которое он изготовил, – оно ведь настоящее, верно?

– Так-то оно так, но королю требовалось не золото, приготовленное из золота, а сам рецепт! А он оказался подделкой. Розенкранц не знал секрета, а хотел убедить Рудольфа, что знает.

Я вскочил с кровати, на которой лежал, поглаживая полуобнаженное тело Молли, и прошелся по комнате.

– Пока все, кто объявлял о создании философского камня, оказывались мошенниками либо глупцами, верящими в чужие выдумки! Но кто знает – быть может, вскоре и в самом деле появится алхимик, который осуществит мечту сотен других! Меня не покидает ощущение, что с каждым ложным шагом, который должен бы уводить нас в сторону от великого открытия, мы в действительности приближаемся к нему! Парадокс? Парадокс. Назови это предчувствием, если хочешь, или надеждой... Но я должен быть готов к тому, чтобы оказаться рядом с таким человеком, когда он появится.

– Для чего?

– Видишь ли, сделать великое открытие – это одно, а достойно представить его монарху – совсем другое! Сколько я видел ученых, казавшихся безумцами! Таким не поверил бы и самый простодушный человек. Но учеными-то они были настоящими! Случись одному из них открыть тайну философского камня, ему стоило бы больших трудов доказать, что он не сумасшедший и не плут, а его трансформация – не ловкий фокус. Вот тут и пригодился бы я! Король доверяет мне, а того, кто принесет ему секрет, он осыпет своими милостями... Но, впрочем, что даром болтать и придумывать пустое! – С этими словами я запрыгнул на кровать и ущипнул Молли за плечо. – Все, малышка моя, хватит о

глупостях! Займись делом, а я пока отдохну.

Она присела на краю, рассеянно накручивая на палец вьющуюся темную прядь. Глаза ее были задумчивы. Немного подумала, затем наклонилась ко мне и доверительно шепнула:

– А я знаю одного человека, который и в самом деле может делать то, о чем ты говоришь. Только поклянись никому не рассказывать об этом!

– О чем ты, крошка? – спросил я, зевая. Мое возбуждение спало, и теперь я хотел спать.

– О золоте!

– О мой бог! – Я страдальчески закатил глаза. – Иди рассказывать сказки кому-нибудь другому, детка. Только сперва приготовь еду.

– Но это не сказки! Я видела своими глазами...

Она осеклась. Замолчала и принялась одеваться, но по лицу ее было видно, что она думает о чем-то своем. Если бы Молли продолжала чесать языком, то я велел бы ей заткнуться, и на том дело бы и закончилось. Но от ее молчания во мне проснулось любопытство.

– Что ты видела своими глазами? – Я приподнялся на локте, залюбовавшись ею.

Кожа у Молли нежная и слабо светится, как лепесток розы, если посмотреть через него на небо. По правде говоря, мне не часто доводилось отрывать розовые лепестки и взирать сквозь них на небосвод, но, думаю, я не ошибся, выразившись столь возвышенно о своей служанке. Мордаха у нее, конечно, простецкая, но славная, а округлости телес приятны и взгляду, и руке.

Я перевел взгляд на две красных полосы, расплывающихся на ее плече. Третьего дня она неловко повернулась и задела банку с составом, которого я ждал целый месяц от поставщика, что привозит мне редкие вещества. Банка, понятное дело, разбилась вдребезги, и я в бешенстве хлестнул служанку плеткой, обозвав неповоротливой коровой. Наказание было заслужено, и Молли долго униженно выпрашивала у меня прощение, пока я наконец не отправил ее восвояси, обругав напоследок еще разок.

– Так что ты видела, крошка?

Видя, что она не отвечает, я схватил ее за руку и потянул обратно на кровать. Получилось грубовато и судя по тому, что Молли не принялась хохотать и барахтаться, как делала обычно, она и в самом деле задумалась всерьез.

– Да что с тобой? – прикрикнул я, нахмурившись. – Рассказывай, черт тебя дерит, а не корчи из себя немую дурочку!

Она взглянула на меня, явно колеблясь и, кажется, жалея, что дала

волю языку. Чтобы успокоить ее, я улыбнулся:

– Обещаю, что никому не выдам твоей тайны. Можешь быть спокойна. Молли кивнула и решилась.

– Я знаю одного человека, который умеет делать золото из камней! – выпалила она и сразу же прикрыла рот ладошкой.

Я усмехнулся:

– Он сам поведал тебе об этом?

– Нет, я видела своими глазами, – серьезно ответила она, не замечая насмешки. – Я видела... видела... – Она понизила голос до почти беззвучного шепота, и я даже затаил дыхание, желая разобрать, что же могло так удивить малышку Молли. – Я видела слитки! – выдохнула она наконец. – Своими собственными глазами! Целую гору слитков на том месте, где прежде была груда камней!

Я покачал головой: надо же, у кого-то хватило совести так разыграть глупую женщину.

– И что же хотел от тебя хозяин слитков? – полюбопытствовал я. – Ну же, признавайся! Наверняка этот щедрый человек обещал тебе подарить целый слиток в обмен за одну ночь, проведенную с тобой. Или два? Или даже три! Конечно, ведь они ничего ему не стоили – ровно как и камни!

Я захохотал, довольный своей шуточкой. Молли даже не улыбнулась.

– Он ничего не хотел от меня. Я могла бы взять хоть дюжину, ему все равно. Мне кажется, он давным-давно сошел с ума: думает только о ней и даже разговаривает с ней!

– С кем?

– С книгой!

Молли снова спохватилась, не сболтнула ли чего-нибудь лишнего, и замолчала. Но я начал кое-что соображать.

– Погоди... «Он» – это тот отшельник, к которому ты ходишь убираться?

Служанка кивнула. Мордочка у нее стала перепуганная, а глаза круглые, как у сойки. Похоже было, она все-таки раскаивалась в том, что заговорила со мной. Но я не собирался отступать – услышанное не на шутку заинтересовало меня.

– Что за книга, Молли? О чем он говорит с ней? И как могло случиться, что ты увидела золото? Ну же, отвечай!

Она вздохнула, но, поняв, что избавиться от моих расспросов можно единственным способом, начала рассказывать.

Я никогда не интересовался, кто ее второй наниматель, и с удивлением услышал, что он бывший моряк. Молли затруднилась точнее назвать

прежний род его занятий – ей самой было известно лишь то, что в своем последнем плавании он получил увечье и решил осесть на берегу.

– Увечье какого рода? – тут же спросил я.

– У него нет левого глаза. Он носит черную повязку.

– И как зовут твоего одноглазого колдуна?

Молли вздрогнула и взглянула на меня с таким ужасом, что я понял: она и впрямь считает его колдуном.

– Его зовут Якоб. Так он велел звать его: господин Якоб.

– Господин Якоб... – повторил я. – Давно ли ты работаешь у него?

Оказалось, что она ходит к нему с тех самых пор, как бывший моряк обосновался на западной окраине города. Молли смогла припомнить, что случилось это в конце осени, а нынче за окном набирала силу ветреная весна. Никто не знал, откуда он пришел, а весь его скарб составлял один легкий сундук, который он, не доверив никому, занес в новое обиталище сам. Дом, выбранный странным путником, оказался ему под стать: он носил название «Хромое Копыто», и одна его часть была полуразрушена. По словам Молли, под полом был глубокий подвал, в котором и проводил большую часть времени хозяин дома.

– Раньше я думала, что господину Якобу не хватило денег, чтобы заплатить за гостиницу или снять комнату у хозяйки на том берегу, и мне было жалко его. Но сейчас мне кажется, что он нарочно выбрал такое жуткое место – чтобы никто не приходил к нему. Там так страшно! А по вечерам кажется, будто в кустах возле стен кто-то шуршит и смотрит на тебя...

Якоб оказался очень придирчив к слугам. Слушая Молли, я пару раз ухмыльнулся, узнавая в его повадках себя самого. Первых двух служанок бывший моряк выставил, стоило им войти в дом, а последующие не задерживались у него дольше, чем на несколько дней.

– Обычно он малоразговорчив, – рассказывала Молли, – иной раз спросишь его о чем-то, а он в ответ только мычит, как немой. Но когда он выгнал прочь Берту, то орал ей вслед так, что соседи захлопывали окна, лишь бы не слышать его жуткой брани. А ведь Берта из тех женщин, что сами спуска никому не дадут, и поговаривают, что ее покойный муж помер оттого, что она огрела его кочергой по загривку и сломала ему шею, а после сказала, что он ночью спьяну свалился с лестницы.

Определенно, этот Якоб нравился мне все больше.

Молли была у него за кухарку. Рано утром она отправлялась на рынок и, вернувшись, стряпала на старом очаге незамысловатую пищу. Она сказала, что Якоб ест немного, и случилось так, что, возвратившись через

два дня, она находила свою стряпню почти нетронутой.

– Он очень худой, а лицо у него – заросшее бородой, и волосы длинные, как у женщины. Когда он спускается в подвал, мне запрещено следовать за ним. А еще он в первый же день предупредил меня, чтобы я не смела ни с кем болтать о том, что увижу у него.

– Ты прибираешься в его доме?

– Нет, господин Якоб запрещает мне трогать что-то без его разрешения, даже если это сор. В комнатах грязно, но там так мало света, что грязь почти не видна. Я нужна ему лишь затем, чтобы покупать еду, потому что сам он не выходит из дома с тех самых пор, как поселился в нем.

Я все сильнее заинтересовывался этим необычным типом. По всему получалось, что Молли повезло связаться с умалишенным, но и его сумасшествие показалось мне занятным. Как же он проводит свои дни, сидя в одиночестве в полуразвалившемся доме?

Молли знала ответ и на этот вопрос. За то время, что она служила у «господина Якоба», тот привык к ней и почти перестал замечать ее приход. Обычно по утрам, когда Молли возвращалась с рынка, волоча корзину с провизией, он уже сидел над книгой возле единственного незаколоченного окна и что-то писал на листах, коих вокруг него было разбросано без счета.

– Так он грамотен! – воскликнул я, услышав об этом.

– Ну да... Разве я не сказала? По речи и повадкам он образованный господин, но временами ведет себя хуже мясника. Взять хоть случай с Бертой...

Но тут я прервал Молли, собиравшуюся снова поведать мне об изгнании Берты, и велел ей возвращаться к рассказу о привычках Якоба.

– Сначала он писал очень много и страшно злился, комкал листы, а один раз даже швырнул книгу в стену. Но теперь он почти ничего не пишет, только листает ее и рассматривает рисунки.

– Что это за книга? У нее есть название?

Нет, названия у книги нет, сказала Молли. Как-то раз, когда господин Якоб спустился в подвал, он оставил ее на столе возле окна. Если бы книга не была раскрытой, Молли и в голову не пришло бы заглянуть в нее, но, увидев рисунки на страницах, она не удержалась и подошла поближе.

– Что же там было нарисовано?

– Я не смогла разобрать, – смущенно призналась она.

– Как же так?

– Я только увидела, что там много женщин, а еще цветы, каких я никогда не встречала, а потом мне вдруг подумалось, что это же колдовская

книга, а значит, смотреть в нее нельзя! И я сразу убежала.

– Бог мой, да с чего ты взяла, что она колдовская?! – воскликнул я сердито.

И тут Молли сказала такое, что подействовало на меня как удар лошадиного копыта.

– Потому что в этой книге написано о том, как превращать разные предметы в золото. Например, камни. Говорю же, я видела слитки своими глазами! Было темно, но они сверкали в сумраке. Целая грудка золота в том подвале, куда господин Якоб спускался каждый день и запрещал мне идти за ним следом. Вы сами рассказывали, господин, что ученые люди не смогли добиться такого превращения с помощью своих удивительных наук! Даже вы не смогли, а ведь вы – лучший алхимик королевства! Значит, лишь дьявольское колдовство способно на такое. В этой книге наверняка содержатся старинные заклинания, которые господин Якоб пытался прочесть целыми сутками, ничего не ел и даже, кажется, совсем не спал. В самом деле, я ни разу не видела его спящим! А потом, наконец, ему это удалось...

В то утро Молли, придя с рынка, не обнаружила хозяина дома на его обычном месте – возле окна, в окружении разбросанных и скомканных листов. Поставив корзину на стол, она осторожно прошла по всем комнатам, заглянула в спальню, но увидела там лишь узкую застланную кровать. Ей стало беспокойно: никогда прежде не случалось такого, чтобы Якоб уходил из дома. Она негромко позвала его, но ответом ей была тишина.

С перепугу Молли решила, что ночью в дом забрались грабители и отправили к праотцам старого одноглазого книгочея. Значит, где-то в доме лежит тело, а она до дрожи боится трупов. И все-таки, преодолевая страх, осмотрела комнаты еще раз, заглядывая во все места, где могло поместиться тело господина Якоба.

Когда и второй осмотр ничего не дал, она подумала о том, что стоит позвать соседей. И тут снизу, из подвала, раздались звуки, сразу же подсказавшие Молли самое вероятное объяснение, о котором она отчего-то не подумала. «Подземелье!» Торопливо сбежала женщина вниз по крошащимся от древности ступеням и здесь, к своему облегчению, увидела хозяина дома – целым и, как показалось ей на первый взгляд, невредимым.

От радости она изменила своей привычке здороваться с ним почти неслышно, как он требовал прежде, и громко воскликнула: «Бог мой, вот вы где, господин Якоб! А я уж весь дом обыскала, боялась, не случилось ли с вами чего! Вот и славно, что...»

Господин Якоб поднял на служанку глаза, и изъявления радости оборвались на полуслове. Молли замолчала, только теперь разглядев, как преобразился хозяин «Хромого Копыта».

Он и прежде не отличался благообразием, а сейчас вид его был и вовсе страшен. Всклоченная борода из белой превратилась в серую и торчала клоками во все стороны. Щеки расцарапаны в кровь, рука наспех перевязана оторванным краем сорочки, превратившейся в лохмотья. Фартук, который он надевал, спускаясь вниз, заляпан бурыми пятнами. В его глазах плескалось веселье, но то было веселье безумца.

«Я это сделал! – сказал он. – Работал без сна три ночи подряд, и вот – посмотри! Видишь, Анна, у меня получилось!»

Якоб поднял очи вверх, а затем подманил Молли поближе к себе. «Смотри...»

Он потянул за конец полотна, закрывавшего кучу камней, лежавших за его спиной. Полотно сползло вниз, но под ним оказались не камни! Ровные бруски золота тускло сверкали, манили к себе драгоценным блеском, и Молли не смогла сдержать вскрика, увидев их.

Якоб обвел золото рукой и улыбнулся – в первый раз за все время, что Молли прислуживала ему. Эта улыбка испугала ее больше, чем его молчание или гнев, и служанка в страхе попятилась назад. Господин Якоб рассмеялся, видя ее страх, и сказал, что она может выбрать себе любой слиток. «Ты станешь богата! – сказал он. – Ты до конца жизни забудешь о нужде. Если бы Анна... А, пустое! Бери же!» Но Молли, задрожав, выскользнула из подвала и помчалась наверх, перепрыгивая обвалившиеся ступени и моля Бога о том, чтобы он не покарал ее за помощь колдуну.

– Почему же ты не взяла ни одного слитка? – прервал я ее.

Она недоверчиво взглянула на меня, словно проверяя, не шучу ли я:

– Зачем же мне проклятое золото? Оно навлечет несчастье на своего владельца!

– Проклятое? С чего ты взяла?

– А как же! – В голосе ее звучала убежденность. – Всем известно, что любой предмет, вышедший из рук колдуна, проклят! Зачем мне богатство, коли я буду несчастна или всеми покинута?

Я озадаченно смотрел на нее некоторое время, затем махнул рукой и велел ей продолжать с того места, на котором она остановилась.

– Я выбежала из дома и помчалась к себе, но на полпути одумалась и вернулась. Господин Якоб платит щедро, а я не такая дура, чтобы отказываться от хорошего места.

– Постой... Ты же сама сказала, что его золото – проклято! Значит, и

монеты, которыми он платит тебе, тоже!

– Так то ж золото, полученное с помощью колдовства! – объяснила Молли, глядя на меня как на несмышленьша. – А монеты его чисты, на них нет заклятий из дьявольской книги.

Я покачал головой: причуды ее логики были мне неподвластны.

Итак, Молли Сайрус вернулась к господину Якобу, который и не заметил, что служанка едва не покинула его. Сам он поднялся из подвала чуть позже, умыл лицо и ни словом не упомянул больше о том, что случилось.

– И теперь у нас все идет как обычно, – сказала Молли. – По утрам я приношу еду и готовлю ему, а он сидит над своей книгой. Но больше ничего не пишет и не швыряет ее в стену. Я женщина честная, мне не нужно, чтобы кто-то обвинял меня в том, что я служу колдуну. Да ведь господин Якоб человек-то неплохой, и платит он мне вовремя, да так платит, что многие позавидовали бы... Верно, что-то сбило его с пути истинного, раз он так поступил. Но я его нисколько не осуждаю, нет-нет! А если так-то на него посмотреть, то можно и испугаться, потому как с виду он человек дикий. Но говорит чисто, ничего не скажешь...

Пока она трещала, я вспомнил кое-что.

– Послушай, ты говоришь, он каждый день спускался в подвал? А что у него там, в подвале?

– То же самое, что у вас, господин, – ни секунды не помедлив, ответила Молли.

– Что?!

Я рывкнул так, что бедная женщина вздрогнула от моего окрика и вскочила с кровати, испуганно глядя на меня.

– Сядь! – приказал я. – Сядь, тебе сказано! Отчего же ты не говорила мне об этом прежде?

– Я... Я не думала, что это важно... – пролепетала дурочка.

– О да, конечно! Боже всемогущий, ты не думала, что это важно! Ты поведала мне об изгнании бешеной Берты, о своих походах на рынок, о его бороде, об осыпающихся ступенях, о каком-то сундуке, – о чем угодно, кроме самого главного – того, что он АЛХИМИК!

Заключительное слово я прогремел так, что Молли зажала уши руками. Еле сдержавшись, чтобы не дать ей оплеуху, я выдохнул, чувствуя, как гнев понемногу отпускает меня. В конце концов, глупая бабенка не может знать о том, что действительно является важным. То, что внизу у этого голодранца Якоба лаборатория, означает, что он никакой не голодранец, ибо без круглой мошны и думать нельзя о том, чтобы закупить

множество тех необходимых вещей, что служат алхимикам. А раз так, значит, не от безденежья господин Якоб забрался в самую заброшенную дыру этого города и сидит там, не показывая и носа на улицу. И неспроста он гоняет служанку за провизией, запрещая ей говорить с другими о его делах и о том, что она видит в его доме...

Алхимик! Долгое время бившийся над какой-то книгой, каждый день проводивший опыты, а затем показавший своей служанке грудку слитков...

Этого не может быть.

– Чего не может быть?

Молли робко заглядывала мне в глаза, еще опасаясь моей кары. Оказывается, я произнес вслух то, что пришло мне в голову.

– Ничего... – пробормотал я, весь во власти своих мыслей. – Подожди здесь, не уходи пока.

Молли принялась одеваться, а я встал и подошел к окну. Не может быть! Неужели мне так невероятно, сказочно повезло? Неужели в этом городе, наводненном мошенниками всех мастей и дураками, что еще хуже мошенников, мне попался человек, действительно нашедший способ превращать камни в золото?!

Нет, немыслимо! Ртуть, медь, серебро – да, но камни?! Кто слышал о таком?! Лишь в сказках для детей случается, что колдуны делятся этим секретом с каким-нибудь счастливым человеком. Но ведь Молли видела золото...

Подумав об этом, я обернулся к служанке и приказал ей спуститься со мной в подземелье. Молли повиновалась. В молчании мы спустились вниз, и там я выложил перед ней несколько брусков, иные из которых были так искорежены, словно попали в лапы чудовищу и оно измяло их. Часть брусков поблескивала, другая же была ровного желтого цвета.

– Посмотри и скажи, есть ли здесь золото, – велел я.

Латунь, а еще сплав меди, цинка и олова, и еще кое-что, способное ввести в заблуждение и куда более сведущего человека, чем неграмотная служанка... Но Молли, к моему изумлению, уверенно ткнула в тот брусок, что казался неярким в сравнении с другими:

– Вот. Слитки, что показывал мне господин Якоб, выглядели так же.

Я помолчал, взвешивая в ладони слиток чистого золота, на который безошибочно указала Молли. Бог мой, неужели это правда?! Никто никогда всерьез не верил в возможности такой трансформации! Ведь это то же самое, что превращать в золото траву или ветки деревьев!

Но с другой стороны, подумал я, не кроется ли причина поражения сотен алхимиков как раз в их ограниченности, в их неспособности поверить в то, что кажется сказкой? Разве я сам не терпел раз за разом

неудачу, идя проторенными путями? А Джон Ди? И не он ли говорил мне о том, что в древности, как достоверно известно из старинных рукописей, ученые умели получать золото из любого вещества, однако со временем секреты их были утеряны и забыты?

Тогда я счел рассказы Джона выдумкой, но что, если он был прав?

Впрочем, даже если основой метаморфозы были не камни, а иное вещество – разве это что-то меняет?! Знание, способное прославить его обладателя и сделать одним из богатейших людей империи, не становится от этого хуже.

Пока я взволнованно ходил мимо холодных печей, Молли неслышно вышла из лаборатории. Я слышал, как она возится наверху и шумит, роняя что-то... Мог ли одноглазый отшельник обмануть ее, сыграв недобрую шутку с глупой женщиной? Мог. Но для чего? Вот вопрос, на который я не мог найти ответа.

Определенно, мне нужно навестить к нему. Необходимо взглянуть на этого старца, не допускающего до себя никого, кроме служанки, и поговорить с ним. Я разбираюсь в мошенниках, уж поверьте, и одного разговора мне хватит, чтобы понять, кто он такой, этот бывший моряк, умеющий читать и писать и держащий лабораторию в подвале разрушенного дома.

Глава 6

– Со следами побоев... – повторил Сергей и потер лоб. – Так-с. Замечательно. Просто прекрасно, черт возьми! Куликова похищена, Арефьева убили! Стоит предупредить третьего, Баренцева, чтобы был осторожен.

– Кто сказал, что убили? – вскинул брови Илюшин.

– Ты же и сказал. Только что. «Тело выловили из реки» – твои слова.

– Я имел в виду, что выловили живое тело, – выкрутился Макар. – Во всяком случае, пока живое.

Сергей угрожающе запыхтел, и Илюшин выставил вперед руки:

– Спокойно! Сейчас все расскажу. Арефьева нашел на берегу местный рыбак, парень был без сознания. Его отвезли в ближайший военный госпиталь, но поскольку документов при нем не было, долго не могли установить, кто он такой. Местный следователь решил, что Арефьев – один из компании туристов, которые останавливались в палатках пятью километрами выше по реке. Предположил, что у них случилась пьяная драка, одного из подравшихся забыли, тот полез купаться, и его унесло вниз по течению. Пока искали тех туристов, пока установили, что да как, прошло время. Его отчим уже поехал туда, он звонил мне с дороги.

– В каком состоянии Арефьев?

– Борис Осипович сказал только одно: к нему сейчас никого не пускают. Что это означает, не знаю. Предполагаю, что парень по-прежнему без сознания.

– М-да... Ты думаешь, это совпадение?

Макар покачал головой:

– Не знаю. Максим искал клад...

– Само собой напрашивается предположение, что он его нашел, а затем нашли уже его.

– Полагаешь, хотели убить, но не убили? Сомнительно. Если кто-то, знающий о цели его поисков, задался целью убить, то зачем было избивать? Ты лучше меня знаешь, что есть много способов убить человека. Например, приложить камнем по затылку.

– Да хотя бы утопить в реке, – бросил Сергей. – Но мы не знаем, как обстояло дело. Может быть, он действительно подрался с местной подвыпившей компанией? Это объяснение кажется куда более вероятным, чем версия с кладом. Ну что, мне отправляться в Шаболино?

– А смысл? Если похищение Куликовой и избиение Арефьева связаны, то концы все равно приведут сюда. Я надеюсь, что парень все-таки придет в себя и сможет что-нибудь рассказать. Все новости нам будет сообщать отчим, так что необходимости в твоём присутствии нет.

– Хорошо. Тогда чем мы занимаемся здесь? Отправляемся беседовать с ее коллегами? То есть дублируем работу следственной группы?

– Можем и продублировать, вреда от этого не будет. Разве что упущенное время, которое можно потратить с большей пользой... – пробормотал Макар, поворачивая к себе ноутбук и снова утыкаясь в монитор.

Бабкин почувствовал, что начинает сердиться:

– Макар, послушай! Давай хотя бы для приличия отработаем все варианты! Нам еще нужно опрашивать клиентов, для которых девочка мебель разрисовывала... Ты хотя бы знаешь, сколько их набирается за последние полгода?

– Это должен быть достаточно простой шифр, чтобы Куликова успела быстро перевести послание, – вслух подумал Илюшин, уставившись в окно. – Впрочем, не факт. Если мы все правильно рассчитали, у нее было время. Неужели она использовала тот же самый принцип, который лежит в основе манускрипта Войнич?

Сергей понял, что ничего не добьется. Если Илюшин вбивал что-то себе в голову, выбить это оттуда было невозможно. Сейчас он видел единственную зацепку – лист с шифром, оставленный девушкой среди копий страниц манускрипта, – и упорно тянул за эту ниточку.

Бабкин вздохнул, осознав, что от шифра ему никуда не уйти. «А все начиналось относительно пристойно, – подумал он. – Опрос свидетелей, изучение связей... Эх!»

– Ты по-прежнему уверен, что Куликова расшифровала рукопись? – спросил он, наклоняясь к Макару.

– Не знаю... – живо отозвался тот. – Несуществующий цветок – это отсылка к манускрипту, здесь не может быть сомнений. С другой стороны, возможно, он служил ей для отвлечения внимания?

Сергей посмотрел на Макара, сосредоточенно уставившегося на страницу с шифром, как будто тот надеялся силой взгляда заставить буквы встать в правильном порядке.

– Давай обратимся к дешифровщикам, – предложил Бабкин. – Кто постоянно твердил мне, что каждым делом должны заниматься профессионалы? Ты – дилетант. Нет, ты хуже, потому что у тебя нет даже простейшего опыта по части кодов и шифров. Вспомни – что мы знаем об

этих ребятах, Куликовой и Арефьеве? Их увлечению по меньшей мере восемь лет. У них восемь лет форы! А ты таращишься на шифр Куликовой, как Кашпировский из экрана...

Илюшин помолчал, затем нехотя сказал:

– Ты прав. Мы не справимся с этой записью. То есть справимся, но на это уйдет слишком много времени. А его у нас нет.

– Как будто когда-то было иначе... – пожал плечами Сергей, открывая свой компьютер и вводя в поисковик запрос. – Давай-ка сперва попробуем программы... Возможно, все окажется проще, чем мы думаем.

Спустя два часа оба вынуждены были признать, что проще не оказалось. Программы выдавали белиберду. В конце концов Бабкин позвонил оперативнику Вадиму и рассказал об их умозаключениях.

– Мы предполагаем, что этот лист в квартире Куликовой не просто так висел на видном месте, – закончил Сергей. – Если у вас есть возможность найти нормального дешифровщика, было бы здорово.

Он выслушал ответ и нахмурился.

– Что? – спросил Илюшин, как только Бабкин положил трубку.

– Похоже, он не очень проникся нашей идеей. Сказал, конечно, что принял все к сведению, но пока они идут по другому направлению, и у него хватает своей работы, кроме поиска редкого специалиста.

– Чем они занимаются? Какие-то результаты есть?

– Занимаются все тем же – отрабатывают связи, технические мероприятия проводят. А про результаты – думаешь, он будет мне докладывать?

– Второй вопрос был риторическим, – признал Макар. – А что с техническими мероприятиями? Надо же было такое громоздкое словосочетание придумать...

– Зато точное. Вадим сидит на звонках – вычисляет, звонили ли из квартиры Куликовой в то время, когда она находилась там вместе с похитителями. Если найдет телефонный номер, будет зацепка. Даже не зацепка, а прочный крючок.

Илюшин непонимающе взглянул на напарника:

– Подожди... А что там вычислять? Берешь распечатку телефонных звонков, смотришь...

Он осекся, увидев ухмылку на лице Сергея.

– Что? Разве не так?

Ухмылка Бабкина стала еще шире, и Макар поднял руки, сдаваясь:

– Ладно, согласен! Я – дилетант. Не разбираюсь в шифрах и не понимаю, на что тратит уйму времени твой новый знакомый.

– Приступ самобичевания? – обрадовался Сергей. – У тебя? Дождался! Надо где-нибудь в календаре записать про этот знаменательный день!

– Ладно, теперь давай серьезно.

– Хорошо, – покладисто согласился Бабкин. – Если серьезно, то речь идет об установке звонков с *отовых* телефонов. Понимаешь? Не с домашнего, а с мобильных.

– И как это делается? – не на шутку заинтересовался Илюшин.

– В каждом районе есть своя телефонная вышка. Она охватывает... ну, скажем, квартал. Оперативник имеет возможность просмотреть все телефонные номера, с которых были сделаны звонки в любом промежутке времени.

Макар быстро обдумал сказанное:

– Но это сотни номеров! Если не тысячи...

– Если бы ты отсматривал номера в радиусе всего действия вышки, то да. Но дело в том, что можно значительно сузить поиск, задав направление.

– Что-то вроде луча?

– Верно. Луч от вышки, проведенный через две точки: сама вышка и искомая квартира. Я, конечно, очень упрощенно объясняю... На этом отрезке оказываются, скажем, двести звонков, сделанных с самых разных телефонов за те два часа, что Куликову держали в ее квартире. Люди звонят из подъездов, с улицы, из своих квартир... Возможно, сейчас что-то изменилось, но во времена моей работы нельзя было ограничить расстояние поиска даже сотней метров. Приходилось отсматривать все соединения, попавшие на радиус действия вышки по нужному направлению.

– Хорошо, я понял. И что дальше?

– Дальше начинается кропотливая сверка выявленных соединений со всеми номерами ее знакомых. Поскольку в первую очередь отрабатывается версия, что девушку увел кто-то из тех, кого она знала. Смотри: оперативник видит, что в нужном ему отрезке и в требуемое время был звонок по телефону... допустим, семь четверок. Он сверяет эти семь четверок со списком номеров адресатов из записной книжки Куликовой и обнаруживает, что такой телефон принадлежит ее бывшему коллеге, которому Куликова перешла дорогу. Или жене ее любовника. Или самому любовнику. И так с каждым номером.

– Допустим, – прервал его Илюшин. – Но что делать, если совпадений не обнаруживается? Хороший пример с женой любовника – ведь ее номер вовсе не обязательно должен попасть в записную книжку девушки.

– Тогда все впустую, – развел руками Сергей. – Я и не говорил, что

этот способ гарантированно выведет на тех, кто держал ее в квартире, а потом увез. Но телефон жены любовника все равно рано или поздно окажется в базе следователя, даже скорее рано, чем поздно. И тогда, если номер совпадет, у следствия появится доказательство ее причастности к похищению. Или, как минимум, вполне себе перспективная рабочая версия, то есть будет ясно, в каком направлении нужно рыть.

– И все это проделает прокуратура... – задумчиво протянул Илюшин. – Знаешь, что я подумал? Давай-ка искать настоящего дешифровщика, который сможет прочесть, что же написала Куликова. Не дожидаясь, пока этим займется следственная группа. Согласен?

Сергей развел руками:

– Как будто у меня есть выбор... Что ж, давай искать.

* * *

Максим шел к реке и все никак не мог дойти. Попадались по дороге то заброшенные деревни, то колодцы, в которые обязательно нужно было заглянуть, а один раз на пути встал дуб с огромным дуплом посередине, который он старательно обошел, чувствуя что-то нехорошее там, в глубине. Интуиция у него развилась за те годы, что он искал клады, и Макс всегда прислушивался к ней.

Сначала, еще подростком, он освоил методы поиска простых «поклаж», какие делали почти в любой семье. Старые деревенские дома под снос – вот что он выискивал по области, проникая внутрь всеми правдами и неправдами. Едва ли не каждый дом скрывал в себе клад, пусть даже маленькую стопку монет – Максиму и это служило достаточной наградой. Чаще всего люди прятали сбережения в печи, вынимая из кладки кирпичик и оставляя за ним углубление. Другим проверенным местом был подоконник – не раз Арефьев обнаруживал в сгнившем дереве остатки «поклажи», завернутой в тряпицу.

Постепенно он научился смотреть «правильным» взглядом, и ему хватало пяти-десяти минут, чтобы оценить: стоит тратить время на этот дом, или можно сразу уходить к другому. Лишь однажды чутье едва не подвело его: Максим обыскал с металлоискателем один многообещающий сад, но ничего не обнаружил. Заброшенный участок был на окраине деревни, от дома давным-давно осталось одно пепелище, вокруг которого росли старые яблони с искривленными стволами, а неподалеку едва виднелся из густой крапивы полузасыпанный колодец. Для очистки совести

еще раз пройдя с прибором, он махнул рукой и собрался уезжать. Присел на пригорок, достал из рюкзака бутылку и жадно приник к горлышку, глотая теплую, но все равно вкусную воду.

Когда он поставил бутылку в траву, взгляд упал на колодец. Продолжая естественно возникшую мысль о ледяной воде, Максим вдруг представил, что в колодце не вода, а, скажем, квас. А еще лучше – пиво! Светлое, нефильтованное!

«Или золото», – отчетливо сказал внутренний голос. Макс вскочил, опрокинув бутылку, и обругал себя идиотом. Конечно же, колодец! Он не раз читал о том, как в колодцы наспех сбрасывали имущество, если не успевали сделать полноценный схрон, но почему-то ему и в голову не пришло подумать об этом в начале поисков.

Он осторожно приблизился к колодцу, осмотрел подгнившие венцы. Вернулся к машине, достал все необходимое и приступил к работе.

Расчистка земли далась легче всего – земля оказалась сухая, и с крапивой Максим справился быстро. Затем выкопал яму вокруг колодезного сруба, проверяя, насколько глубоко тот сгнил. Рыхлых бревен оказалось всего два, и на них он потратил немного времени, откалывая целые пласты лопатой и отбрасывая в сторону, как будто копал землю.

Мотопомпа лежала в багажнике и до сих пор не пригодилась ни разу.

– Вот теперь-то тебя и проверим! – вдохновенно пообещал Максим, подтаскивая тяжеленный агрегат к колодцу.

Пока выкачивалась вода, он пообедал бутербродом, запил его сладким чаем из термоса, который мать всегда давала ему с собой, и размотал веревочную лестницу. Когда помпа стала сердито плевать водой с песком, Арефьев отключил ее и подошел к срубу, на ходу крепя к веревке фонарь.

Фонарь осветил подушку из листьев на глубине пяти метров, и Максим долго возился, выбивая эту пробку. Наконец закончил и принялся аккуратно травить веревку, опуская раскачивающийся фонарь. Ниже, ниже, еще ниже... Он перегнулся, прищурившись и пытаясь разглядеть – что там за темная груда? Рельеф дна? Оборвавшееся ведро? Сверху не удалось этого определить – значит, предстояло спускаться.

Максим вспомнил все правила, которые слышал о таких спусках. Первое из них гласило: «Никогда не спускаться одному! Только со страховкой в лице напарников».

– Этим придется пренебречь, – пробормотал Арефьев. – А вот вторым – нет.

Второе правило напоминало о возможном скоплении удушающего газа в глубине колодца. Максим отправился к ближайшему жилому дому,

попросил у хозяев свечку, заодно предупредив, чем будет заниматься, и вернулся обратно.

Аккуратно опущенная в колодец горящая свеча не погасла – крошечный ее огонек едва виднелся в черноте.

– Замечательно, газа нет, – поздравил себя Максим. Можно было приступить к спуску.

Он привязал к поясу саперную лопатку, прицепил на лоб фонарь, обмотался страховочной веревкой, привязанной к машине, и пожалел о том, что в багажнике нет каски.

– Ну кто ж знал, что буду альпинистом наоборот? – риторически спросил он и сбросил в колодец лестницу.

Стоило ему перекинуть ногу через сруб, как снизу повеяло холодом, словно колодец пытался сдуть наглого пришельца как муху.

– Ну уж нет! Терпи, старина.

Стенки сруба заросли темно-зеленым, почти черным мхом – пористым, похожим на губку. Спускаясь, Максим постоянно задевал его, и на руках оставались склизкие следы. Квадратик неба над его головой все уменьшался, и вскоре Арефьеву пришлось сделать фонарь ярче – его света уже не хватало. Мох на стенах колодца сменился илом, сильнее запахло водой с привкусом железа, и Максим, взглянув себе под ноги, увидел, что добрался почти до самого низа. Хвост веревочной лестницы сворачивался на дне, где уже набралась темная блестящая вода.

А посреди этой воды возвышалась куча грязи. Так Максиму показалось вначале. Вися на покачивающейся лестнице, он ткнул саперной лопаткой в эту кучу, и в ответ послышался приглушенный стук. Перед ним был мешок, глубоко ушедший в собравшийся на дне ил.

Когда Максим, кряхтя, выбрался из колодца, щурясь от слепящего солнца, и сбросил на землю мешок, то сам свалился рядом с ним, тяжело дыша. Груз, с которым он карабкался наверх добрую четверть часа, не был особенно тяжелым, но лезть оказалось очень неудобно. Мешок тянул его вниз, лестница раскачивалась, Максим весь перепачкался в иле с грязью, и руки у него скользили.

«Надеюсь, там, внутри, не самовар... – подумал он. – Обидно было бы проделать все это ради очень большого чайника».

Отдохнув, Максим расстелил возле машины брезент, перетащил на него мешок, достал нож и начал осторожно прорезать дыру. Мокрая плотная ткань резалась легко. Распоров мешок, Арефьев увидел внутри толстые прямоугольники из промасленной бумаги, которые сразу, не медля, стал разворачивать один за другим.

Когда он закончил, перед ним на брезенте лежали четыре почерневших подноса, на которых угадывалась вязь, и две иконы, покрытые слоем то ли жира, то ли воска, так что и рисунка под ним было не разобрать. Но оклад – Максим увидел сразу – был богатый, тяжелый, с выпуклыми камешками, усеивавшими широкоую раму, словно зернышки.

Ему вспомнилась Тошка – как она крутит из веревочек крошечных кукол и приговаривает при этом свои смешные заклинания. Макс встал и сделал то, чего не делал никогда прежде – поклонился колодцу.

– За иконы не беспокойся, – обратился он неизвестно к кому. – В церковь их отнесу.

Шевеление справа привлекло его внимание, и Арефьев обернулся. Возле ограды стоял хозяин дома, к которому он заходил за свечой, и на лице его было написано все, что он думает о человеке, разговаривающем с колодцем и бьющем ему поклоны.

Тот поход запомнился ярче остальных, потому что клад нашелся благодаря чистой удаче – у Максима не было никаких свидетельств того, что в колодце что-то спрятано. Но теперь подобные вылазки остались в прошлом. Все последние его экспедиции начинались с библиотеки. Он выискивал упоминания о кладах, перерывал архивы, чтобы найти подтверждение или опровержение, внимательно изучал историю кладоискательства в выбранном месте – пару раз случалось так, что клад действительно существовал, но его находили до Максима.

Когда Арефьев наткнулся на переписку сестер, его словно что-то толкнуло. Он внимательно пересмотрел все письма, собранные в мемуарах одной из их наследниц, и пришел к выводу, что перед ним редкий, почти невероятный случай – сведения о настоящем кладе большой ценности, который толком-то никто и не искал. Погромщиков можно было не брать в расчет, а после разрушения поместья людям стало не до того, чтобы думать о чужом пропавшем ожерелье – выжить бы самим...

Топографические карты – вот что было совершенно необходимо, и Максим потратил много сил, пытаясь разыскать дореволюционную карту Шаболина и окрестностей. В конце концов он нашел требуемое и скрупулезно совместил три карты: дореволюционную, довоенную и современную. Не меньше двух недель ушло у него на то, чтобы точно восстановить – где находилось поместье купца, где была усадьба его любовницы, что осталось на месте распаханых деревушек... Когда начисто перерисованный план местности лежал перед ним, Арефьев ощутил законную гордость – теперь можно было приступать к следующему этапу.

Он называл его «разговорчики». В любом селе есть свои истории о том, как кто-то когда-то прятал в землю немислимые ценности. Максим слушал рассказы о захоронениях атаманов, о старых ведьмах, закапывавших золото за банями и шептавших над ним заговоры, о тихих деревенских богатеях, делавших тайники в садах...

Девяносто процентов всех легенд были выдумкой. Но в случае с купцом Шаболиным Арефьев точно знал, что история правдива.

И, как назло, оказалось, что никого в деревне не интересует, что случилось с жившими здесь прежде людьми. Даже деревенские старушки, обычно оказывавшиеся кладезью информации – пусть и не всегда верной, – пожимали плечами в ответ на его расспросы. Удрученный Максим уже собирался приступать к поискам без всяких подсказок, как вдруг ему крупно повезло.

– Ты чего по нашим бабкам шастаешь? – грубовато спросил его один из жителей. – Тебе к Онищеву надо. Он такой же, как ты, до древности сильно любопытный.

– Что за Онищев? – насторожился Макс. – И как его найти?

Выяснилось, что Николай Онищев – местный энтузиаст-краевед, устроивший в своей избе что-то вроде филиала этнографического музея. Охваченный дурными предчувствиями, Максим отправился к энтузиасту, но все вышло куда лучше, чем он предполагал.

Николай Ефимович, бойкий старичок, похожий на поседевшего воробья, обрадовался Максиму как родному, схватил его за руку и потащил в дом – показывать, что он нашел и сохранил. Тканый ковер с орнаментом, богато украшенное седло, флюгер в форме фигурки жнеца с косой, бисерный пояс – все эти сокровища были развешаны по стенам комнаты. На полках стояла посуда, красовались плетеные из бересты шкатулки и фигурки животных, на столе лежали стопкой книги в истертых обложках – взгляд Максима сразу выхватил «яти» в названиях. В углу стоял сундучок с резьбой, а на нем – подсвечники самых разных форм и размеров, от маленьких медных до больших канделябров. Тут же, за сундучком, пристроились четыре кочерги.

– Приумножаю, так сказать, славу нашего края, – гордо объяснил Онищев, пока его гость осматривал экспонаты.

Максим улыбнулся, подумав, что столетнее седло, пусть и отлично сохранившееся, вряд ли сильно приумножит славу Шаболина, да и остатки старой посуды тоже, но спорить не стал. Он любил таких увлеченных старичков. «Дед, конечно, малость сдвинутый, но зато занятный».

Его уважение к Онищеву возросло, когда старик пересказал историю

любовницы Шаболина практически в том же виде, в каком она была известна Максиму – за исключением одной детали, которую Максим считал несущественной. Только Арефьев почерпнул свои сведения из бумажных источников, а Николай Ефимович имел дело с живыми свидетелями прошлого.

– Бабка у нас одна была, уже не в себе от старости, – сказал он. – Родилась в городке, от которого сейчас одно село осталось, да и то на ладан дышит, а потом вслед за мужем перебралась в нашу деревеньку. Тут и померла. Лет ей было, думаю, под сто, не меньше. Вот она, Груша, и рассказывала мне о том, как нянькой к ней взяли женщину, которая была горничной у погибшей Ольги Провординой, и та много с ней говорила о произошедшем. Груне тогда было, как я думаю, лет шесть, то есть что-то она уже понимала. Да и память у нее была хорошая: кто час назад в гости заходил, не помнила, а все, что рассказывали чуть не сто лет назад, в лицах могла повторить. Говорили еще, что Шаболин, узнав о смерти любовницы, пытался с горя руки на себя наложить, но уж об этом я ничего не знаю. Может, и врал.

Максим внимательно слушал. Пока то, что говорил Онищев, не расходилось с тем, что он знал.

– Я-то сам когда-то сильно интересовался этой Ольгой, – продолжал старик. – Даже больше, чем ее драгоценностями. В архивах рылся, все хотел узнать, кто же она такая. И выяснил кое-что очень интересное... Ожерелье-то с изумрудами было ее собственное, а вовсе не подарок Шаболина!

– Как – ее собственное? – недоверчиво спросил Арефьев.

– А вот так. У Ольги хранилось подробнейшее генеалогическое древо, из которого явствует, что род свой она вела от некоей Элизабет Кроуфорд. Если я имя правильно прочитал, конечно... Кроуфорды в шестнадцатом веке заполучили это ожерелье, уж не знаю, какими путями, и во всех их завещаниях говорится о том, что ожерелье передается потомкам с условием – не носить его, а лишь хранить.

– Зачем?

– Откуда ж я знаю? Должно быть, какое-нибудь родовое проклятие – у них в Англии с этим просто было...

– Как в Англии? – спросил окончательно запутавшийся Максим.

– А ты полагаешь, милый мой, Кроуфорд – русская фамилия? – поддел его Онищев. – Англичанами оказались Ольгины предки, причем не из бедных. Должно быть, потому изумруды и не продавали – нужды в этом не было. Дед Ольги, Питер Кроуфорд, вел торговлю с Россией и в конце

концов осел у нас, в Санкт-Петербурге, там и умер. Сына его, Ольгиного отца, уже называли Павлом Петровичем Провординым. Чуешь?

– «Кроуфорд» сначала стало «Кроуфордин», а потом превратилось в «Провордин»...

– Соображаешь, – одобрительно кивнул краевед. – Жена у Павла Петровича была русская, умерла в родах, а сам он скончался, когда Ольге только исполнилось шестнадцать. Но она, как видишь, изумруды и тогда не продала, а подалась в актрисы, откуда ее Шаболин и забрал к себе. А уж куда они потом делись – одному Богу известно. Вот такая история.

– Как вы думаете, ожерелье уже кто-нибудь нашел? – спросил Макс.

Онищев пожевал губами:

– Сомневаюсь я что-то. Много шума тогда поднялось бы. Хотя, конечно, могли и втихую выкопать, если Ольга успела свое украшение закопать... Но тут ведь вот какое дело: хочешь не хочешь, а драгоценности надо продать, так? Это только такой старый пень, как я, мог бы их на стенку повесить и любоваться. – Он усмехнулся. – А продать их, думаю, не так-то просто, потому что заинтересуются: откуда такие камушки странные, где ты их взял, мил-человек? А мил-человек что ответит? Под кустом бузины выкопал?

Максим кивнул – рассуждения старика совпадали с его собственными.

– А вы сами-то пытались искать клад, Николай Ефимович?

– Было время, увлекся как-то этим... Но забросил быстро. Неинтересно мне это стало.

– Неинтересно? – недоверчиво переспросил Арефьев. – Как же так?

– А вот так. Я, думаешь, все это, – Онищев обвел рукой комнату, – откуда взял? По людям ходил, разговаривал, объяснял, что хочу для истории сохранить. Ну, кое-что само нашлось – то седло, например, в одном заброшенном доме на единственной уцелевшей стене висело – видать, для красоты: лошадей-то не было. Сохранилось оно прекрасно, я на него не нарадуюсь. Или вон сундучок – я его из полуразрушенного погреба вытащил, меня самого там чуть не засыпало. Открываю – а внутри мыши гнездо свили, все кишит ими. Но одному искать мне не в удовольствие! Вот Елену Федоровну из пятого дома убедить, чтобы пожертвовала в наш музей сумку охотничью, с которой еще ее прапрадед по лесам ходил, – это дело! Так ведь она ж не убеждается! Я к ней и с одной стороны, и с другой, и так, и эдак, и уговорами, и комплиментами – а она ни в какую. Веришь – едва не женился на упрямой козе! А ведь ей восьмой десяток пошел.

Максим рассмеялся.

– Так что клады искать – это к молодежи, – закончил старик. – Вроде

тебя. Только ведь нету у нас здесь молодежи, откуда ей взяться? Так и живем...

«Так и живем... – повторял про себя Арефьев, бродя с металлоискателем по окрестным полям, – так и живем. Хорошо, а как же раньше здесь жили?»

Время от времени прибор отзывался писком в ушах, но Максим не останавливался – мелкие монетки, затерявшиеся в земле, его не интересовали. А других сигналов верная машинка не подавала. Под равномерное гудение Арефьев пытался представить, как это было: молодая темноволосая женщина сгребает свои украшения в сумку, бежит в конюшню, вскакивает на коня и мчится, пришпоривая его, охваченная страхом. Конь несется быстро, слишком быстро, вылетает на обрыв – и она катится вниз, падает в воду.

Как ни крути, выходило, что сумка выпала во время неудавшегося побега.

«Но тогда ее бы нашли!» – возразил самому себе Максим.

«А если она она провалилась куда-нибудь под корни дерева? В яму? В барсучью нору? Завалялась в таких зарослях, куда сроду никто не забирался?»

«Лес не такой уж большой, – спорил Максим, – и ради драгоценностей его перерыли от края до края. Все барсучьи норы наверняка изучили, заросли рассмотрели по кустику, ямы исследовали».

«Но других-то версий нет!»

С этим Максим спорить не мог. У него имелась еще одна версия: ожерелье Ольги все-таки было найдено и незаметно увезено из Шаболино, – но рассматривать ее всерьез ему не хотелось.

– Но что же она сделала с сумкой? Что?!

Он наведалься на то место, где стояла усадьба, и нашел остатки поместья самого Шаболина. Если бы не карта, Макс никогда не догадался бы, что груда кирпичей – это все, что сохранилось от огромного дома.

От усадьбы же и вовсе ничего не осталось. Стоя на поляне, золотившейся под солнцем головками одуванчиков, Макс подумал, что выражение «разобрали по бревнышку» не такое уж фигуральное.

– Нету здесь ничего, – сказал он себе. – Не там ищу. Следующие дни прошли в прочесывании полей и леса.

Неторопливо, методично Арефьев обходил окрестности по одному ему известному плану. По вечерам он навещал старика Онищева, и они долго говорили, строя предположения и восстанавливая историю побега Ольги. Но разговоры оставались лишь разговорами.

До тех пор, пока однажды вечером, уже собираясь прощаться с Николаем Ефимовичем, Максим не заметил на полке бусы из бисера – простенькие, синие с красным. Он протянул руку, и бусы скользнули в ладонь.

– Между прочим, ценная вещица, – похвастался старик, увидев, что заинтересовало его гостя. – Не в том смысле, что дорогая... Но эти ниточки, говорят, носила сама Ольга.

– Бисер-то? – усомнился Максим. – После изумрудов?

– А почему бы и нет? Штуковина незамысловатая, но милая. Не все же по лесу в драгоценных камнях шастать.

Арефьев поиграл бусами – они были легкие, почти невесомые – и положил на место. Но, выйдя из дома Онищева, вдруг проникся уверенностью, что знает, куда скакала Ольга.

«Не в город она бежала. Догонять Шаболина».

Куда бы ни отправился купец со своей семьей, Ольге было известно, где его искать. Значит, ей предстояла длинная дорога верхом, одной, хоронясь от каждого встречного...

Арефьев пытался представить, что он бы сделал на ее месте, но у него не получалось. «Я бы спрятал ожерелье и все украшения в конюшне. Но их там не было. Она увезла их с собой...»

На следующий вечер, едва только он зашел к Онищеву, ноги сами понесли его к полке с бусами, и Максим бережно выудил из кучи других те самые, красно-синие, из мелких бусинок. Он ни о чем не думал – просто стоял и рассматривал простенькое украшение, сожалея, что нет рядом Тошки. Вот у кого был дар общаться с предметами! Арефьев не придавал никакого значения своим мыслям, но откуда-то взялось у него в голове четкое понимание, что бусы сплела для хозяйки горничная – та самая, которая одна уцелела из всех слуг.

Еще несколько дней он искаживал окрестности Шаболина вдоль и поперек, восстановил путь, которым скакала девушка, но и поиски вдоль этой тропы ничего не дали. Максим почему-то даже не огорчился – ему казалось, что он все делает правильно. «Переход количества в качество?» – посмеивался он сам над собой, но продолжал искать – упорно, не обращая внимания на неудачи.

По вечерам он выходил от Онищева с таким чувством, будто разгадка совсем близко – осталось только протянуть за ней руку. Но затем старик уехал, и в единственный вечер его отсутствия Максим измаялся. Он сидел в своей комнате над картой. На стульях и подоконнике лежал слой пыли, видимый даже в свете неяркой лампы, и первый раз за все время поисков

Арефьев преисполнился раздраженной уверенности, что вся его затея была напрасна. И бедная Ольга, погибшая так глупо, и купец Шаболин, бросивший ее одну, и горничная с красно-синими бусами в руках – все они так и останутся призраками, лишь чуть-чуть оживленными его воображением. Больше он ничего не добьется.

– А воображения у тебя, Арефьев, ни на грош, – сообщил Макс, копируя Тошкины интонации.

И вдруг понял, где Ольга спрятала ожерелье.

От изумления он выронил карту. Ответ был так прост, так очевиден, что оставалось лишь удивляться, почему он не подумал об этом раньше.

– Вот же елки-палки! – обескураженно проговорил Максим, пытаясь выразить обуревавшие его чувства. Он встал, снова сел, опять встал и пробежался по комнате, уворачиваясь от углов стола. Если бы он мог, то пробежался бы и по стенам, и по потолку. – Нет, ну честное слово, так нельзя! Кто же так делает?!

Он бросился было к двери, но на полпути остановился. Нет, Онищев уехал, идти к нему бессмысленно!

«Ладно, подожду до завтра».

Но ждать в бездействии он не мог, и молчать – тоже. Схватив телефон, Макс набрал сначала Тошку, но та не отвечала, и тогда он позвонил по другому номеру.

* * *

И вот теперь шел к реке – уже бог знает сколько времени. Его немного огорчало, что он ничего не взял с собой – ни маски, ни ласт, – а предстояло нырять. Но когда он наконец вышел на берег, то забыл и про маску, и про ласты.

Река была похожа на мертвый асфальт – ровная недвижимая серая поверхность. Макс даже показалось, что если он прыгнет в нее, то сломает шею. Но когда он опустил пальцы в реку, то ощутил прохладу, и край рукава сразу намок. Он осмотрелся, нашел удобное местечко и разделся, ежась от холода. Разбежался – и нырнул.

Вода оказалась обманкой – густой, жирной, как не успевший застыть холодец, и пахла лекарствами. Максим задержал дыхание, но запах все равно бил ему в нос, отвлекая от поисков. Он развернулся в одну сторону, в другую, и наконец заметил внизу то, что искал.

На дне поблескивала золотая монета с профилем Николая Второго.

Максим рванулся к ней, но сил оставалось все меньше и меньше. Почти доплыв, он протянул руку к монете, но пальцы захватили лишь песок, подняв муть со дна реки, а в следующий миг его вытолкнуло наверх. На короткое время Арефьева накрыла чернота, а когда она исчезла, он снова оказался на берегу реки. На дне которой лежала его монета.

Ее предстояло достать во что бы то ни стало, потому что иначе Максиму было отсюда не выбраться.

* * *

Борис Осипович, сидевший рядом с кроватью сына, увидел, что пальцы правой руки у Максима подергиваются, сжимаясь и разжимаясь.

– Что с ним? – испуганно спросил он медсестру, менявшую раствор в капельнице. – Конвульсия?

Та скосила глаза, посмотрела:

– Да что вы, какая конвульсия! Все нормально, не беспокойтесь. Завтра утром доктор придет, скажите ему об этом. Раньше-то он так дергался?

– Раньше – нет. Но Максим совсем недолго здесь лежит... – растерянно сказал Борис Осипович.

– Ну и ничего страшного.

Она внимательнее взглянула на немолодого человека возле постели больного и добавила, проникнувшись к нему внезапным сочувствием:

– Да вы бы сами поспали! Вам тоже отдых нужен. Жена-то есть у вас?

Борис Осипович кивнул.

– А чего же она не пришла? – удивилась женщина.

– Она летит из Америки. Перелет очень долгий.

– А-а-а... Значит, как прилетит, сменит вас, да? Это правильно. Одному здесь сидеть – чокнуться можно, честное слово... Да говорю вам, поспите! Хотите – идите вон на кушетке прилягте.

– Спасибо большое. Я лучше здесь посижу.

Борис Осипович погладил сына по руке и закрыл глаза.

Ему уже не раз сказали, что Максиму очень повезло – его доставили не в районную больницу, а в военный госпиталь, где имелся томограф. Но сделать снимки они не могли: врач, работавший на томографе, уехал на выходные в другой город.

– В принципе, вы можете попробовать перевезти сына в Москву, – сказал Борису Осиповичу нейрохирург. – Но я бы на вашем месте не стал этого делать. Пациента посмотрели на рентгене, у него переломы четырех

ребер, сломаны пальцы – да вы сами видели, правда?

Борис Осипович кивнул. Сил говорить у него не было. Сын лежал с трубкой во рту («Искусственная вентиляция легких», – объяснила медсестра в ответ на его вопросительный взгляд), над ним возвышалась одноногая капельница, от которой к его руке тянулась другая трубка, тонкая и прозрачная. «Мальчик наш. Бедный мальчик. Господи, только бы обошлось! Как Танюша-то там...»

– К счастью, перелома черепа нет, – продолжал нейрохирург. – Позвоночник в порядке. Инфузионная терапия проводится. Вернется врач, мы сможем сделать снимок, который подтвердит или опровергнет наши предположения.

– А какие у вас предположения? – встрепенулся Борис Осипович.

– Похоже на субдуральную гематому. Кровь из-за удара скопилась между оболочек, окружающих головной мозг.

– Эта гематома может быть причиной того, что он не приходит в себя?

– Да запросто! – Нейрохирург был так бодр и уверен в себе, что Борис Осипович почти возненавидел его – за здоровье, за громкий голос, за то, что сын его Танюши лежит в реанимационной палате, а этот тип хладнокровно советует подождать какого-то врача, который посмел уехать на два дня. – Вполне реальная вырисовывается картина. Вот сделаем компьютерную томограмму, и – больше чем уверен – нужно будет оперировать.

– Как – оперировать? – испугался Борис Осипович.

– Операция по удалению субдуральной гематомы, – с прежним оптимизмом поведал нейрохирург. – А как вы иначе собираетесь от нее избавиться? Сама она не рассосется. Так что ждем томограммы, а там посмотрим...

* * *

Десять дней спустя после того утра, когда Молли поведала мне о Якобе, мы с ней очутились на западной окраине Праги. Здесь город казался совсем иным – в нем осталось куда как немного городского. Вокруг домов цвели деревья, и даже встреченные горожане были одеты иначе – они больше походили на сельских жителей Ланкастера, откуда я когда-то бежал в страшной спешке.

Мне потребовалось больших трудов уговорить служанку, чтобы она познакомила меня с господином Якобом. Молли боялась, лопотала что-то

невнятное о колдовстве и проклятиях, твердила о золоте, и тем самым лишь окончательно утвердила меня в мысли, что я непременно должен встретиться с ним. То лаской, то лестью, то угрозами, но в конце концов я убедил ее поговорить с бывшим моряком. Правда, мой первоначальный план выдать себя за алхимика, желающего постичь тайны великого ученого, Молли отвергла, решительно сказав, что уж она-то знает господина Якоба получше, чем я, и никаких алхимиков он к себе в дом не пустит. Что ж, мне оставалось лишь довериться ей.

В конце концов она сообщила, что господин Якоб наконец-то согласился на ее уговоры и решил залатать крышу. «Поэтому придется вам недолгое время побыть кровельщиком», – сказала Молли. Я фыркнул, подумав, что интерес кровельщика к опытам с золотом будет весьма странен, но затем решил, что главное для меня – быть представленным господину Якобу, а там уж видно будет. Моего хорошо подвешенного языка, надеюсь, хватит для того, чтобы заболтать этого сумасшедшего.

Вот так и случилось, что мы оказались там, где жил старый отшельник. Я нарочно выбрал долгие обходные пути, дабы не встретить знакомых – чувствовал, что мне сейчас ни к чему лишние вопросы. Возле дома, к которому подвела меня Молли, я остановился в замешательстве, ибо передо мной в глубине сада, густо заросшего хмелем, возвышались руины. Так я решил с первого взгляда. Обозрение всей постройки показало, что я ошибался, но начальное впечатление было именно таково.

Каменный дом в один ярус высотой будто бы прятался от людских глаз, стесняясь своего облика. Кровля его в нескольких местах проломилась, стены казались полуразрушенными, а все окна, кроме одного, были заколочены. Каменный подклет неплохо сохранился, но и в нем я заметил выбитые камни, и мне даже показалось, что сквозь дыры можно заглянуть внутрь. Я не поверил бы, что в таком месте может быть обиталище ученого, если бы не слышал рассказ Молли. Но предстояло убедиться в этом своими глазами.

Тяжелая дверь, которую служанка отперла своим ключом, пропустила нас внутрь, и моим глазам предстала просторная комната, заваленная разнообразным хламом вроде древних сундуков, вытершихся гобеленов и битой посуды. Возле того единственного окна, в которое падал свет, было расчищено место для небольшого столика и кресла. Но книги, к своему разочарованию, я не обнаружил.

Пройдя по комнатам, я везде нашел то же запустение, в котором пребывала гостиная. Казалось, что человеку, обитавшему здесь, безразлично, какая обстановка окружает его. В сравнительном порядке

содержалась лишь та часть дома, где готовила Молли – здесь она прибралась и расставила все по своему усмотрению, придав кухне вид обжитого помещения.

Когда мы вошли, служанка куда-то исчезла, но теперь снова появилась рядом со мной. Вид у нее был растерянный – как видно, она полагала, что господин Якоб проявит хотя бы мало-мальский интерес к своим гостям. Но в этом она ошиблась – хозяин дома не появлялся.

– Где же он? – Я нетерпеливо тронул Молли за плечо.

Не ответив, она толкнула ближнюю дверь. За ней обнаружилась лестница – очевидно, та самая, что вела в его лабораторию. На стенах висели подсвечники, их которых торчали лишь жалкие огарки. Но света из дыр в крыше здесь хватало, чтобы разглядеть сколотые края ступеней, полукругом уходящих вниз.

– Должно быть, он ждет там, – взволнованно сказала служанка. – Прошу вас, постойте здесь!

Она торопливо сбежала вниз, шурша подолом, и вскоре поднялась обратно, делая мне знак идти за ней. Я спустился по ступеням, держась рукой за сырую стену. Не хватало еще переломать здесь кости! Хотя они и защищены у меня толстым слоем мяса и жира, мне не хотелось бы проверять их прочность.

В конце лестницы оказалась еще одна дверь, из-за которой в щели просачивался слабый свет.

– Господин Якоб! – позвала Молли, повысив голос. Господин Якоб, я привела с собой кровельщика, как обещала! Можно нам войти?

Изнутри раздалось невнятное бурчание, которое я решил истолковать как разрешение. Молли толкнула дверь, и мы шагнули внутрь.

Как ни удивительно, здесь было едва ли не светлее, чем наверху. Каким-то образом солнце проникало в подземелье, ложась длинными полосами на пол и стены. Посреди одной из таких полос, на голом каменном полу, и сидел, поджав под себя ноги, господин Якоб.

Это был старик, весь заросший косматой бородой, почти скрывшей его лицо. Седую голову его разрезала пополам широкая черная повязка, закрывавшая левый глаз. Здоровое же око было сомкнуто, словно Якоб дремал. Рукава длинной белой рубахи совершенно скрывали кисти его рук, сложенных на коленях. Господин Якоб и впрямь походит на отшельника, подумал я, или на странствующего нищего индийского монаха – о них мне рассказывал Джон.

Но стоило старику открыть глаз, как эта мысль немедленно сменилась другой. «Он помешанный!»

Не могу передать, что отразилось в его взгляде, когда тот остановился на мне. Служанку Якоб словно бы и не заметил. Он смотрел на меня, и мне потребовалось призвать на помощь все мое хладнокровие, чтобы выдержать этот пламенный взор. В нем горело безумие, и на миг почудилось, что старик вот-вот вскочит и бросится на меня, желая сомкнуть костлявые руки на моем горле... Но тут он чуть наклонил голову, сощурился, и я увидел: то, что я принял за яростный лихорадочный блеск, оказалось лишь игрой проникшего в подземелье солнечного луча.

Теперь же взгляд Якоба был сонным, чуть недоуменным, как будто старик не понимал, зачем его разбудили. Его слова лишь подтвердили мое предположение.

– Молли, кто это? – спросил он высоким, неприятно скрипучим голосом.

Это кровельщик, господин Якоб, – заторопилась служанка. – Помните, я говорила вам о нем?

– А-а-а... – протянул он. – Да-да, помню.

И вновь зажмурился, собираясь задремать.

Воспользовавшись этим, я решил оглядеть обстановку подвала, но странный звук сзади заставил меня оглянуться.

Молли стояла, открыв рот, и озиралась. Я мог понять ее изумление, ибо вокруг меня не было ничего, хотя бы отдаленно напоминающего мою лабораторию. Три широких стола, совершенно пустых, стояли вдоль стен. Слой пыли лежал на них, и любой человек с первого взгляда сказал бы, что к ним давно не прикасалась ничья рука. Приоткрытая печь в углу была завалена камнями и мусором.

– Я своими глазами видела здесь колбы, а еще чаны и большие банки с разноцветными порошками, – ошеломленно прошептала Молли. – Не сошла же я с ума!

Я подошел поближе и пригляделся к столам. Даже под толстым слоем пыли мне стало видно, что поверхность каждого изъедена, а в некоторых местах и прожжена, как если бы на них проливали химические вещества. Проведя рукой по крайнему, я обнаружил, что на ладони осталась не пыль, а нечто вроде мельчайшего песка серого цвета. Подумалось, что, приди я сюда накануне, и угли в очаге были бы еще теплыми.

Я бросил задумчивый взгляд на старика, сидящего на каменном полу. Пожалуй, Якоб был не таким уж и помешанным, как мне сперва показалось.

Что-то в этом подземелье, да и во всем доме, казалось странным, но я не мог уловить, что именно.

– Куда... куда... – продолжала заикаться Молли, – куда все исчезло?!

Я покачал головой и приложил палец к губам, указывая взглядом на прикрытую покрывалом грудь за спиной хозяина. Она была в половину человеческого роста высотой.

Молли, кажется, слегка приободрилась. Я видел, что она боится старика, и потому сам обошел его по дуге, – он даже не открыл глаз, – и потянул за край покрывала. Оно съехало вниз, подняв в воздух тучу пыли, и открыло нашим взглядам грудь белых камней.

Я обернулся и посмотрел на Молли.

На лице служанки отразилось такое изумление, что я расхохотался бы, если бы обстановка чуть более располагала к веселью. Она смотрела на бульжники, не дыша, и глаза у нее стали такими большими, словно Молли Сайрус увидела призрака.

– Но ведь здесь было золото, – прошептала она. – Не может быть!

Она перевела взгляд на меня, и в нем было столько отчаяния, что я поверил ей. Она и впрямь видела на месте груди камней золотые слитки – или то, что принимала за них.

Только я собирался сказать ей об этом, как она кинулась к старику и рухнула рядом с ним, протягивая к нему руки:

– Господин Якоб! Господин Якоб!

Старик вздохнул и приоткрыл черепаший глаз:

– Что ты кричишь, девочка? – поморщился он. – Ты мешаешь мне спать!

– Умоляю, скажите, что я не лгу! Ведь вы показывали мне золото!

Я грязно выругался про себя: теперь-то Якоб точно выгонит нас из дома! Наша выдумка о кровельщике окажется бесполезной!

Но старик лишь равнодушно покачал головой.

– Какая разница? – проскрипел он. – Лжешь ли ты, дитя мое, или говоришь правду – наша действительность от этого не изменится.

Чертов философ! Мне захотелось как следует оттаскать его за бороду, но я заставил себя быть сдержанным.

– С вашего позволения, господин Якоб, я осмотрю крышу! – громко сказал я, подошел к Молли и потянул ее за руку, заставив подняться. Пора уводить дурочку, пока она окончательно все не испортила.

Служанка бормотала: «Но ведь я видела... Как же так? Ведь я не лгунья, клянусь!» Встряхнув женщину за плечи, я заставил ее замолчать. И вдруг старик, покряхтев, встал в полный рост – очень неожиданно для нас.

– Я поднимусь первым, – сказал он. – Что-то устал сидеть здесь... Пора.

Теперь, когда я рассмотрел его ближе, мне стало ясно, что он не такой древний пень, каким показался вначале. Его старила борода, но кожа его не была морщинистой, и сложения он был не иссушенного, как старцы, а всего лишь худого. Даже из голоса его понемногу исчезла скрипучесть, словно легкие наполнялись воздухом, подобно мехам, по мере того как Якоб распрямлял спину.

Шаркая ногами, он прошел мимо нас, отворил дверь и скрылся. Шаги его послышались на лестнице и вскоре затихли.

– Я не понимаю! – Молли умоляюще посмотрела на меня, едва не плача. – Как же так могло случиться?..

– Тихо! Заткнись!

Я вновь прошелся по комнате, внимательно разглядывая все, что попадалось мне на глаза. Столы, печь... Это еще ничего не доказывает! Разозлившись, я пнул попавший под ногу камень, и тут у сапога моего что-то сверкнуло.

Сперва я решил, что вновь стал жертвой игры солнечного света. Но блеск был слишком ярк... Присев на корточки, я поворошил рукой в пыли и мелких обломках, что усеивали весь пол. Сверкнуло снова, и, отодвинув в сторону самый крупный обломок, я увидел мелкую поблескивающую желтую крупинку. Подцепив ее пальцем, поднес к глазам и рассмотрел, чувствуя, что меня охватывает неизъяснимый трепет, какого я не испытывал и при виде драгоценных камней.

Она была золотой. Золотой! Я словно воочию увидел картину: согнувшись под тяжестью своей ноши, старик тащит к двери мешок с золотом. Мешок?! Я вновь принялся рыться в пыли и мусоре, и вскоре нашел то, что надеялся найти: вторую крупинку, а за ней и третью, и четвертую! Сомнений не оставалось: кто-то нес золотой песок и просыпал его.

Уподобившись охотничьей собаке, пошел я по сверкающему следу, и он привел меня к той самой лестнице, по которой мы спустились сюда. Значит, предположение мое оказалось верным: Якоб вынес из подвала все, что там лежало, и где-то спрятал.

«Неудивительно, – подумалось мне. – Сам я поступил бы так же. Должно быть, после ухода Молли он спохватился, что зря наговорил лишнего, а ожидать от служанки молчания не приходится... И потому решил скрыть все, что могло уличить его в успехе проведенного опыта!»

Я почувствовал, что у меня захватывает дух. Нет, само золото меня не волновало! Но все вокруг свидетельствовало о том, что рассказ Молли был правдой.

Служанка, о которой я, увлекшись поисками, совсем забыл, всхлипнула в углу.

– Успокойся, – вполголоса посоветовал я, поднимаясь, и не в силах скрыть торжествующую улыбку. Молли посмотрела на меня, и слезы на ее лице тут же просохли. – Якоб оказался не таким простаком, как ты думала. Он уничтожил все следы своей работы в подвале и постарался скрыть то, что было невозможно спрятать. Взгляни! – Я подвел ее к одному из столов и показал на «пыль», рассыпанную ровным слоем.

Сперва на лице Молли отразилось недоумение, но вскоре оно сменилось пониманием.

– Это... это песок с заднего двора! Там есть яма, полная такого мелкого песка – когда его много, он кажется почти черным. Неужели господин Якоб выходил туда? Он же никогда не покидает дома!

– О, старик куда более деятелен, чем ты предполагаешь! Столы стояли посередине?

– Да. Два посередине, а третий – у стены.

– Значит, он в одиночку передвинул их, а это не так-то просто!

Я лег животом на край стола, надавил на него, и стол с отвратительным звуком поехал по каменному полу.

– Смотри – даже мне тяжело. А он справился с этой работой один! Все убрал, а потом присыпал песком, за которым выбрался во двор. Но это хороший знак!

– Почему?

– Потому что все это означает, что ему есть что скрывать. Так что, Молли, детка, я верю тебе. Только пообещай мне больше не бросаться к господину Якобу с криками «Где же слитки?!»

Она залилась краской, и я решил, что урок усвоен. Что ж, в этом подвале нам больше нечего делать. Якоб бродил где-то наверху – человек, знающий тайну извлечения золота, и я еле сдерживался, чтобы не устремиться за ним и не начать выпытывать у него сокровенное знание.

Но я сказал себе: «Терпение, Эдвард, терпение! С этого мига я должен быть подобен плясуну на канате и балансировать, как он; один неверный шаг – и я свалюсь вниз, навсегда упустив эту невероятную, немислимую возможность. Моя удача похожа на бабочку, а я – на ловца с сачком: она сидит в двух шагах от меня и трепещет крылышками, готовясь взлететь... Будь бесшумным, Эдвард! Будь осторожным, Эдвард! Но не теряй ни секунды».

Молли я отправил хлопотать на кухню – для нашей беседы она была бы помехой, – а сам, крадучись, пошел обходить дом. Мне не

потребовалось долго искать: старик сидел на своем месте возле окна, облокотившись на стол, и единственный глаз его был устремлен в сад.

А на столе перед ним лежала книга.

Сердце мое забилося учащенно, когда я увидел ее. Но, вздохнув несколько раз глубоко, как пловец перед нырком на глубину, я отвел от книги взгляд и почтительно обратился к старику.

Меня съедало опасение, что он не пожелает слушать и одного слова, но, вопреки ожиданиям, Якоб сразу оборотился ко мне и заговорил сам.

– Ты – Йозеф, – утвердительно сказал он. – Я тебя сразу узнал! Сразу! А ты что подумал?.. А? Что старый Якоб тебя не разглядит в этом обличье, верно? – В голосе его появилась хитреца. – Но ты не смотри, что у меня один глаз! Я им вижу дай бог каждому! Смотрю – ты пришел; ну, думаю, значит, так надо. А что Вацлава с тобой нет, так ведь я помню, что его повесили! Хотя мог бы и прийти, проведать меня...

Сперва он говорил отчетливо, затем сбился на невнятное бормотание, перечисляя заслуги Вацлава, а может быть, и Йозефа – мне было не разобрать. Я стоял перед стариком молча. Какое темное прошлое мешалось в его голове с нынешним днем? Ответа я не знал. Но случай был подходящий, чтобы обратить дело в свою пользу.

– Господин Якоб, – смиренно сказал я, воспользовавшись паузой в его речи. – Как хорошо, что вы меня помните! Не могу ли я вам чем-нибудь помочь? Мне хотелось бы отблагодарить вас за все добро, что вы сделали мне.

– Помочь? – он задумался, постукивая ладонью по обложке книги. Она снова и снова притягивала мой взгляд, и мне стоило большого труда отвести глаза. – Что ж, ты явился как раз вовремя. Скажи, мальчик мой, – ты ведь плотник?

– Я кровельщик, господин Якоб. Но могу и плотничать.

– Не можешь ли ты изготовить мне деревянный сундук? Но только чтобы он был легким! Эти мошенники надули меня, чтоб им болтаться на веревке рядом с Вацлавом! Их сундук никуда не годится...

– Вы хотите сами нести его, господин Якоб?

– Ну конечно, сам! Подумай своей головой: кто же будет мне помогать? Уж не ты ли?

– Почему бы и нет... – осторожно сказал я, нащупывая почву под ногами. Как видно, старик собирается уехать. Но это совсем не входило в мои намерения! – Если бы я мог сопроводить вас, господин Якоб, такая поездка была бы для меня лишь в радость. И вы могли бы быть спокойны за сохранность вашего... ваших вещей.

Бог мой, на правильном ли я пути? Верно ли я угадываю направление его мысли? Но о чем еще может говорить желание приобрести сундук, да к тому же легкий, как не об отъезде?

Старик недоверчиво покосился на меня, поразмыслил.

– И какую награду ты хочешь получить за свой труд, мой маленький Йозеф? Говори, не стесняйся! Ты никогда не был таким бескорыстным, каким хотел казаться, уж я-то знаю!

Что ж, он попал в точку с этим замечанием! Я глубоко вздохнул и решил, что раз уж события развиваются с такой скоростью, что меня вот-вот наймут в плотники, а заодно и сторожа, то не стоит насильно придерживать бегущих коней.

– Достаточной наградой для меня будет вот это! – негромко сказал я, указав на книгу.

И замер, в страхе гадая, как отнесется к этому Якоб.

Владелец книги откинулся на стуле назад, уставившись на меня. Его единственный глаз расширился в изумлении:

– Что?! Ты хочешь... хочешь – ЭТО?!

Крепко зажав книгу в обеих руках, он потряс ею передо мной.

– Да, господин Якоб, – подтвердил я.

– Но, святые угодники, – зачем?! Ведь ты даже не знаешь, что в ней написано! Я уж не говорю о том, что ты не знаешь грамоту!

– Ошибаетесь, господин Якоб, – прибавив в голос обиды, возразил я. – Конечно, мне, простому плотнику, не тягаться с вами в разумении всяких там наук, но читать-то я обучен! Можете проверить меня: я прочту вам любую главу из этой книги.

– Как ты сказал? Любую главу?

Старик некоторое время смотрел на меня, а затем откинул голову и расхохотался. От его смеха мне стало не по себе. Так мог бы смеяться дьявол, сыгравший с человеком злую шутку! а он все хохотал и хохотал, и стены подхватили звук его голоса и разбросали эхо по всем комнатам этого загадочного дома. На миг мне почудилось, что в каждой комнате сидит по Якобу, скалящему зубы, и каждый из них насмеяется надо мной.

Но старик угомонился, и эхо затихло.

– Ох! Любую главу! – повторил он, всхлипывая от смеха. – Кто бы мог подумать! Любую главу! Ну что ж, иди сюда, маленький самонадеянный Йозеф... И, прошу тебя, прочти мне любую главу.

Не веря своему успеху, я приблизился к старику. Он положил книгу на стол и указал повелительным жестом:

– Приступай!

С величайшей осторожностью я открыл ее и перелистнул первую, чистую страницу. На второй был изображен странный рисунок, и, зачарованно заглядевшись на него, я не сразу услышал, что Якоб монотонно повторяет:

– Читай, читай, читай, читай, читай... Да читай же!

Склонившись над текстом, я собирался прочесть его, и тут осознал, что слова написаны на незнакомом мне языке! Отчего-то я совсем не ожидал этого и растерялся. Одна страница, вторая, третья... Везде непонятные буквы и удивительные изображения. Однако у меня не было времени присматриваться к ним.

– Простите, господин Якоб! Но я не знаю этого языка. Что за народ говорит на нем?

– Языка... – пробормотал он. – Если бы все было так просто, мой глупый Йозеф! Если бы *она* была написана на незнакомом тебе языке! Разве в этом случае потратил бы я десять лет своей жизни, пытаясь разобраться, о чем в ней говорится? О, нет! Но тебе-то откуда это знать? Разве ты можешь угадать, что таит в себе эта рукопись...

– И что же? – охрипшим от волнения голосом спросил я.

Но Якоб не ответил. Он раскачивался в кресле из стороны в сторону, будто совершая заклинания, и впрямь пугающе похожий на колдуна.

– Десять лет... – твердил старик, забыв обо мне. – Те двадцать страниц, что я переписал тогда, когда в первый раз увидел ее – я бился над ними все это время, но не приблизился к разгадке ни на шаг! А *она* была сокрыта от меня. Если бы не шторм... но потом я уговорил их идти к побережью. Случайность? Нет! Само провидение вело меня! Я уже догадывался, где нужно искать ответ – на той странице! Не зря она ярче всех запала мне в память, когда я листал манускрипт... Когда началось сражение, я был не готов. Вмешательство! Кто мог предотвратить его?! Двое утонули, еще один бежал, и я остался один... Но он был еще жив, когда я забрал у него книгу. Помню его дыхание... взгляд... До смерти не забудутся мне эти глаза! Но я был уже готов, да, готов! Я был уверен – нет, я знал, где искать! День за днем, ночь за ночью, ощущая себя слепцом, что вдруг прозревает по воле божьей... Это ли не чудо?! И когда оно исполнилось, на мою душу снизошел покой. Богатство? Все истлеет и станет пылью! Но постичь тайну, ощутить себя первым, кто прочел все от начала до конца и понял смысл... Давно ли Анна спрашивала меня, куда мы поедем? А между тем она теперь далеко, а я иду за ней следом, подбирая лепестки давно опавших цветов.

Затаив дыхание, я слушал бред Якоба, пытаюсь вычленив из него

зерна смысла. Тщетно! Кое о чем я мог догадаться, но домыслы не подводили меня ни на шаг ближе к цели.

– Язык книги сложен и странен, и, не зная ключа, невозможно разгадать его. Но если она так уж нужна тебе, Йозеф, ты можешь забирать ее, – закончил старик, пробуждаясь от своих воспоминаний.

– Что?!

– Она ни к чему мне больше. Мне нет надобности держать у себя перед глазами то, что уместилось в моей голове.

Остолбнев, я смотрел на человека, отдающего мне величайшее сокровище. Нет, это невозможно! Он глумится надо мной!

– Вы в самом деле готовы отдать ее мне? – чужим, осиплым голосом выговорил я.

– Почему бы и нет, если ты готов заплатить?

– Заплатить?!

– Чш-ш! Не кричи! Вспугнешь летучих мышей, мой шумный Йозеф, а они когтисты и глупы, как тот матрос, что пытался сбежать... Кости его я потом нашел и... а впрочем, неважно.

Злая ухмылка появилась на лице старика. Я смотрел на него во все глаза, ощущая себя выбитым из седла. Так он готов *продать* мне рукопись? Пусть меня прокрутит на вертеле дьявол в аду! – но к чему же деньги тому, кто уподобился Мидасу?!

Я не успел задать и одного вопроса: Якоб поднялся из кресла, прижимая книгу к груди, и взглянул на меня сверху вниз.

– Лишь то, что дорого дается, ценится нами, – строго сказал он. – Подумай, что ты готов отдать мне взамен за манускрипт? Я пожертвовал многим, но лишь сейчас понял, в чем было значение моей жертвы. Достанься манускрипт мне даром, и нас ждали бы чудовищные потрясения. Я не допущу этого, передавая его в следующие руки!

Он отвернулся, готовясь уходить, но я вскочил и преградил ему путь.

– Назови свою цену! – дрожащим голосом потребовал я. – Назови же! Я готов отдать тебе все, что у меня есть! Даже...

– Господин Якоб, вы здесь? – послышался тонкий голосок, и Молли вбежала в комнату, вся красная от жара кухонной печи. – Господин Якоб, я лишь хотела...

Она увидела меня и осеклась. Видно, что-то было в моем облике такое, что выражение ее лица с удивленного сменилось на испуганное. Попятившись, она хотела выйти, но старик остановил ее.

– Что? – совсем другим голосом, не тем, что разговаривал со мною, а старым и скрипучим, спросил он. – Что ты хотела, девочка? А тебе что

здесь надо?!

В первый миг я не понял, к кому он обращается. И лишь когда крепкий палец больно ткнул меня в грудь, я перевел взгляд со служанки на Якоба.

Он свирепо смотрел на меня, прищутив глаз.

– Кто позволил тебе находиться здесь? Убирайся!

– Но вы только что говорили, что...

– Вон! Тебя наняли, чтобы залатать крышу в сарае, а ты вынюхиваешь по всему дому?! Может быть, ты соглядатай?

– Клянусь вам, нет!

Старик, раздув ноздри, шагнул на меня, но тут вмешалась Молли:

– Это я привела его! – воскликнула она. – Он честный человек, вы можете мне верить, господин Якоб!

– Этот жирный носатый малый – честный человек? Видно, к старости я стал мало понимать в честных людях...

Хозяин недовольно выдохнул и, фыркнув что-то себе под нос, вышел из комнаты. Я смотрел ему вслед, не веря самому себе. Я мог бы предположить, что странная сцена была разыграна им преднамеренно, для Молли, вошедшей так не вовремя... Но зачем? Нет, причина заключалась в другом. Его изменившийся голос, и выражение лица... Клянусь, он казался другим человеком! Догадка, забрезжившая в моем уме, объясняла тайну столь резкой перемены, но она пришлась мне совсем, совсем не по душе.

– А ведь я лишь хотела спросить его, что делать с гусем... – начала сзади Молли.

Меня охватила ярость.

– Ты! – выдохнул я. – Ты сама как безмозглая гусыня! Кой черт угораздил тебя прийти сюда именно сейчас?! Неужто ты не могла дожждаться, пока я закончу наш разговор?! Чтоб тебя разнесло, как пивную бочку, глупая корова! Чтоб твои руки отсохли, а глаза выпали и сгнили!

Осыпая ее бранью, я направился к служанке с намерением задать ей хорошую трепку и сорвать бушевавший во мне гнев, но вовремя вспомнил, где нахожусь. Пожалуй, бить дуреху было опасно: старик скрылся в одной из комнат, но мог в любой миг появиться – и кто знает, какую шутку снова сыграл бы его болезненный рассудок! Я остановился в замешательстве, разрываясь между желанием поколотить служанку и снова найти Якоба. Воспользовавшись моей заминкой, Молли, пискнув, удрала на кухню и, кажется, приперла чем-то дверь. Взяв себя в руки, я обошел дом, но наткнулся лишь на запертые двери. За какой из них скрылся Якоб, сказать было невозможно, и мне не оставалось ничего иного, как, покинув дом отшельника, возвратиться к себе.

Глава 7

Тошка проснулась оттого, что рядом с ней раздался выстрел. Она резко вскинула голову, ударилась затылком о стену и, ничего не успев осознать спросонья, обежала взглядом комнату, ожидая увидеть труп.

Трупа не было, но на столе она увидела четыре потрепанных книги. Из-за стопки выглядывал ухмыляющийся охранник – на этот раз Синий, явно довольный произведенным эффектом:

– Что, перепугалась? Рота, подъем! Спать ночью будешь. Вот тебе то, что просила. – Он похлопал ладонью по верхней книге.

Теперь Тошка поняла – то, что она приняла за выстрел, было звуком удара брошенных книг о столешницу.

– Я прямо сейчас начну... – выговорила она, не поднимая глаза на охранника. – Только мне запасной карандаш нужен. И ластик.

– Про ластик разговора не было... Чего, условия меняешь? – угрожающе начал Синий, но стоило Тошке испуганно взглянуть на него, усмехнулся: – Да шучу я, шучу! Чего ты зашуганная какая? Давай, разбирай шифр – и отправишься домой.

Тошка догадывалась, где будет тот дом и на какой глубине, и как только охранник вышел, метнулась за ним к двери, прижалась к ней ухом, прислушиваясь.

Раздались приглушенные голоса. Слов было не разобрать, но Тошке это и не требовалось – она убедилась в главном: снаружи постоянно кто-то есть. Даже когда к ней заходит один, второй остается ждать его. Или же сидит там все время.

Идея с побегом стала выглядеть еще менее реальной, чем прежде.

– Ничего, ничего... – успокаивающе сказала себе Тошка, возвращаясь к столу и потягивая затекшие от долгого сидения руки и ноги. – Тогда пойдем другим путем.

Прежде чем она успела открыть первую книгу, вернулся Синий с коробкой карандашей:

– На! Хоть обрисуйся. Ластик там внутри.

Он бросил коробку на стол, постоял, с усмешкой глядя на нее, и наконец вышел.

Тошка, съездившая под его взглядом, выпрямилась и быстро проговорила, перекрестив решеткой указательный и средний пальцы правой и левой руки и выставив «решетку» перед собой:

– Через реку брода нету, через лес дороги нету, через поле тропы нету, через море пути нету, залила водица брод, а кто вышел – не войдет.

Это был заговор, закрывающий двери, и пользовалась им Тошка редко – лишь в тех исключительных случаях, когда очень хотела остаться в одиночестве и опасалась, что ей помешают. Одни слова помочь не могли – нужно было кое-что еще. Воображение – а его у Тошки хватало в избытке.

Она зажмурилась и представила, что за дверью переплетаются колючие ветки, за ними о берег яростно бьются морские волны, а за морем вновь начинается непроходимый лес. В лесу пахло не соснами и земляникой, а гнилыми дуплами и земляными ямами. Этот лес наводил страх на все живое, что попадало в него, обитатели его показывались редко, затаившись в зловещих чащобах, а о тех, что все же показывались забредшему сюда случайно человеку, потом уже никто не мог рассказать.

Тошка вообразила себе страх, живущий в глубине пещер на морском берегу, и он принял форму длинной багровой уродливой клешни, хозяина которой, скрытого мраком пещеры, было не разглядеть. Она увидела бурю на море и ветер, легко, словно щепки, расшвыривающий камни на песке. Неведомо как занесенную на побережье несчастную птицу расплющило о скалы, и клешня тут же цепко схватила упавший белый комок и уволокла в свое обиталище.

Тошка открыла глаза, выдохнула, возвращаясь в свою реальность – оклеенную бетонную коробку с желтой нашлепкой плафона на потолке, – и успокоилась. Ближайшие несколько часов можно было работать спокойно, не опасаясь, что к ней снова войдет страшный охранник.

Девушка пролистала все книги и в каждой выбрала место для шифра. Книга должна была легко раскрываться на этой странице, чтобы даже случайно взявший ее в руки человек не смог не заметить послание. Она записала несколько фраз, вычеркнула лишнее, оставив только просьбу о помощи и указание на то, где ее искать, и принялась за кодирование, выбрав один из самых простых шифров.

Заклинание ли было тому причиной, или же ее никто и не собирался тревожить, но Тошка успела сделать все, что задумала, без помех. По ее ощущениям, прошло несколько часов, и, закончив дело, она в последний момент отложила две книги в сторону, подумав, что их нужно пока оставить для видимости работы над письмом Макса. «Время, время, – билось у нее в голове, – я должна тянуть время». Тошка художественно разбросала по столу вырванные из тетради листы, заполненные буквами, как будто она только и делала, что трудилась над решением задачи.

«Будем надеяться, они мне поверят».

Часы шли, и Тошка начала волноваться. По ее прикидкам, к ней давно уже должны были прийти с едой. В голову пришла неожиданная мысль: «А если их арестовали?..»

Но не успела она преисполниться надежды, как раздался звук поворачиваемого в скважине ключа. Тошка обреченно приготовилась увидеть Синего, но, к ее удивлению, дверь не открылась. Снаружи ее толкнули, затем еще раз, а потом раздалась такая ругань, что на этот раз Тошка разобрала все слова.

– Открывай, сука! – заорал грубый голос. – Я тебе шею сверну!

В дверь заколотили, но та не поддавалась. Девушка осторожно подошла, держась поближе к стене.

– Я тут ни при чем! – крикнула она в ответ. – Я ее пальцем не трогала! Честное пионерское!

Честное ли пионерское убедило охрану, или же они сами сообразили, что ей нет смысла ломать замок, но только снаружи еще поругались немного, а затем наступила тишина. Тошка подождала, вернулась к своему столу и от нечего делать принялась жевать невкусную сухую картошку.

Вскоре в скважине снова закопошились, чем-то застучали, загремели, и эта возня продолжалась довольно долго. Наконец дверь, щелкнув, поддалась, и внутрь ввалились охранники – мокрые, в футболках, по которым расплывались пятна. Оба уставились на Тошку.

– Замок заклинило, – выдохнул Черный. Между складками на лбу у него собрались капли пота, ноздри сбитого на сторону носа тяжело раздувались. Наверное, подумала Тошка, вся борьба с замком легла на его плечи.

– Ты чего-то совала в него? – подозрительно спросил Синий. Он выглядел не таким измотанным.

– Да вы что! Я с книгами работала! Расшифровывала!

– И что? – Оба вскинулись, забыв про замок.

– Кое-что начало получаться, – соврала Тошка. – Вот эти книги мне больше не нужны. – Она осторожно подвинула на край стола два тома. – Вместо них понадобится словарь иврита.

– Чего-о-о?

– Словарь иврита, – твердо повторила Тошка. – Без него никак.

Про словарь она придумала только что, внезапно сообразив, что ничего не мешает ее сторожам выкинуть книги вместо того, чтобы возвращать их в библиотеку. Отчего она вдруг решила понадеяться на их сознательность? Тогда весь ее труд пропал бы впустую, а вместе с ним и шанс на спасение.

– Ладно, словарь принесем, – решил Синий, забирая книги. – Показывай, что получилось.

Тошка протянула ему исписанные листы. Он пробежал их глазами, всмотрелся внимательнее и нахмурился:

– Чего ты мне подсовываешь? Где слова?

– Какие слова?

– Ты сама сказала – кое-что начало получаться. Ну и где итоги?

Тошка позволила себе слегка улыбнуться:

– Если бы я расшифровала хоть одно слово, значит, я расшифровала бы всю запись. Пока я лишь поняла, каким именно способом Максим решил воспользоваться, чтобы...

Она замолчала, поняв, какую ошибку только что сделала. Но было поздно.

– Макси-и-им? – удивленно протянул Синий. – Какой еще Максим? – Он обернулся ко второму, приглашая его поудивляться за компанию. – Мы не знаем никакого Максима!

– Точно, – поддержал его Черный. – А кто такой вообще этот Максим?

– Ху зис факин Элис? – Первый заржал, довольный шуткой.

Тошка молчала, кляня себя за глупость. Как можно было так проговориться?! Теперь им понятно, что она знает, у кого они забрали письмо.

– Ну все, давай сюда твою макулатуру. – Черный вытер пот со лба и сгреб книги со стола. – Пожрать тебе через час принесу.

Тошка с замиранием сердца провожала его взглядом. Только бы донес их до библиотеки, только бы не выкинул по дороге, решив купить словарь в книжном магазине... Пусть ей повезет!

– Э-э! Ну-ка, стой! – Синий оборвал смех и ухватил товарища за локоть. – погоди, не торопись.

– Чего?

– Дай-ка сюда...

Он забрал у него книги и небрежно бросил на стол. Тошку охватило нехорошее предчувствие.

Охранник взял том и начал неторопливо перелистывать, внимательно разглядывая каждую страницу. Девушка замерла, как зачарованная следя за движениями потрескавшихся пальцев. Синий подносил палец ко рту, слюнявил его, опускал вниз, чиркал по листу – и все это размеренно, механическими движениями. Наконец он добрался до того места, где Тошка вписала шифр, и рука его замерла, не донесенная до рта.

Он уставился на квадрат, исписанный синими буквами, так же, как

смотрел на Тошку – без всякого выражения. В молчании прошло несколько секунд, во время которых Тошка слышала удары своего сердца.

– Ну чего там? – поторопил его второй.

Синий оторвал взгляд от книги, перевел его на девушку.

– Это – что? – тихо, но угрожающе спросил он.

– Где? – Тошка привстала, посмотрела туда, куда показывал охранник. – Я не знаю... Оно так и было.

– Гарик, глянь сюда!

Черный тоже склонился над книгой, даже не заметив, что его назвали по имени. Но Тошке было не до того, чтобы думать об этом. Сердце у нее колотилось от страха – если сейчас этот тип решит, что шифр написала она, то с него станет избить ее в наказание. Если не убить...

– Это чего? – озадачился Гарик. – Она книгу попортила?

Тошка незаметно скрестила пальцы за спиной – самый простой оберег, выручающий детей и лгунов, и открыто посмотрела Синему в лицо – второй раз за все время.

– Вы что, это не я! – старательно возмутилась она и замотала головой. – Зачем мне?..

Охранник явно знал ответ на вопрос «зачем», и этот ответ был совсем не по душе. Но взглядевшись в синие Тошкины глаза, честные, как у ребенка, он засомневался в своей правоте. Девчонка выглядела такой искренней...

– Сиди смирно, – буркнул он, хотя Тошка и без этого не проявляла склонности к агрессии. – Я сейчас. Гарь, последи за ней.

Доставая на ходу телефон, он вышел из комнатки. «Боссу будет звонить, – догадалась Тошка. – Докладывать о нестандартной ситуации».

В гнетущем молчании прошло несколько минут. Черный присел на корточки и привалился к стене, не глядя на девушку. Тошка опустилась на стул, обхватила плечи руками. Ей стало зябко.

Приоткрытую дверь никто так и не потрудился запереть, поэтому гулкие шаги в коридоре они слышали загодя. Войдя, Синий подошел к столу, не сказав ни единого слова, и вырвал исписанные Тошкой страницы. Захлопнул книги и отдал их подскочившему Гарику:

– Вот теперь можно возвращать. А ты... – обернулся он к Тошке, поднял кулак, и она вжалась в стену. – Короче, так: у тебя сутки. Чтобы через сутки все было готово, ясно? Не успеешь – найдем другого спеца. А тебя – в утиль.

Внезапно развеселившись, он подмигнул Тошке, будто радуясь перспективе отправки ее в утиль, скомкал вырванные страницы и швырнул

в угол. Там они и остались лежать двумя мятыми шарами.

Молчаливый Гарик пошел к двери с книгами в руках, Черный последовал за ним. У выхода он обернулся и повторил, отдельно выговаривая слова:

– Двадцать четыре часа. На старт, внимание, марш!

– У меня даже часов нет, – негромко сказала ему вслед Тошка.

Дверь захлопнулась, ключ провернулся в ней, и в каморке наступила тишина.

Тошка подняла смятые листы, расправила их и положила перед собой. И так, ее попытка оказалась тщетной... И можно считать большим везением, что охранники поверили ей.

«Макс, у тебя сутки, – сказала она про себя. – Я сама себя не спасу. Видишь, я попыталась, но у меня не получилось. Твоя очередь».

Ей захотелось сказать какое-нибудь коротенькое успокаивающее заклинание, но в голову ничего не приходило. Только настойчиво лезло воспоминание о том разговоре, который произошел у них с Максом накануне дня, когда она пришла в деканат с заявлением об уходе.

«Ты делаешь глупость, понимаешь? – горячо говорил Арефьев, ходя кругами вокруг стоящей неподвижно Тошки. – Я понимаю, почему ты уходишь – потому что у тебя не получается быть всегда первой. Но не надо со мной соревноваться! Все вокруг и так видят, что ты умная, способная и так далее».

«Умная, способная и так далее? – повторила Тошка, каменея от бешенства. – Да ты... ты просто петух самовлюбленный! Павиан! Ничего не видишь дальше своего носа! Ты думаешь, весь мир вокруг тебя замешан, да? А все мои поступки обязательно должны быть связаны с тобой?!»

«А что, разве не так? – Макс остановился напротив нее, насупившись. – Ты можешь быть честной сама с собой, или тебе обязательно надо притворяться? Ты уходишь, потому что боишься конкуренции. Тоша, радость моя, заканчивай бороться с ветряными мельницами, а?»

«Я ухожу, – отчеканила Тошка, – потому что занимаюсь не тем, чем хочется. И ты здесь совершенно ни при чем. Меня просто поражает, что все мои поступки ты можешь рассматривать только через призму своей уникальной личности!»

«Я-то рассматриваю, а ты их совершаешь! – Теперь и он тоже разозлился. – Ты пока ничем не занимаешься, только учишься. Зачем бросать учебу на четвертом курсе, объясни мне?»

«Ничего я не буду тебе объяснять!»

Она ушла, но перед этим успела наговорить Максиму много злых слов. Уязвить Арефьева было сложно, но у нее получилось – он обиделся.

Больше всего Тошку выводило из себя то, что отчасти Макс был прав. Всю сознательную жизнь она не соревновалась, но подражала ему: когда пошла вслед за ним в лицей, когда потом решила поступать в тот же институт... Принятое ею неожиданное решение об уходе было вызвано тем, что Тошка вдруг окончательно и бесповоротно осознала, что совершает ошибку, и чем быстрее она перестанет идти по следам Макса, тем лучше будет для нее самой.

Она ожидала, что Максим поймет и поддержит, и его слова поразили ее. Так вот, значит, что он думает о ней! Нет, о себе! Даже в такой ситуации он думает только о себе, а не о ней!

Глупость, конечно... Но поссорились они тогда окончательно.

Из депрессии после их разрыва Тошку вытянуло то, что почти сразу она нашла работу – вернее, работа нашла ее. Подруга попросила помочь разрисовать комод в детскую комнату, и девушка с радостью согласилась – ей необходимо было отвлечься. Дочь заказчика увлекалась динозаврами, и Тошка расписала деревянную поверхность, подстраиваясь под желания ребенка. Динозаврики плыли в лодке, ели мороженое, качались на качелях, летали на дирижаблях, свешивая вниз длинные шеи... Комод получился ярким и совершенно фантастическим – как и хотелось художнице.

Заказчик тут же рекомендовал Тошку своим знакомым, а затем фирма пригласила ее на постоянную работу. По Тошкиным эскизам уже было оформлено три серии мебели для детских, и она трудилась над четвертой. К тому же хватало частных заказов. Работу свою Тошка обожала и ни секунды не пожалела о том, что ушла из института, не доучившись всего курса.

Но с Максимом потом они виделись всего несколько раз, и Тошка старательно разговаривала очень вежливым тоном, а Максим с ней – еще вежливее, и от этой вежливости, от их обоюдной усердной игры в старых приятелей ей хотелось взвыть. Но она держалась.

* * *

Специалист, к которому приехали Илюшин и Бабкин, назывался криптоаналитиком. Звали криптоаналитика Верой Анатольевной, и это была тонкая бледная женщина неопределенного возраста, говорившая скупой и отрывисто. Она с порога предупредила сыщиков, что времени у нее

очень мало, поэтому они могут обойтись без предисловия, сразу показав шифр.

На эту женщину Илюшин возлагал большие надежды – ее порекомендовали как одного из лучших экспертов по дешифровке. Но с первой же минуты разговора стало ясно, что Макар ошибся.

Вера Анатольевна бросила взгляд на протянутый Илюшиным лист бумаги и почти сразу отрицательно покачала головой.

– Не возьмусь, – коротко сказала она.

– Почему?

– Нет смысла. Хотя... Ну-ка, дайте.

Она забрала у Илюшина лист, присела за стол под яркую лампу, надев очки, и достала из ящика лупу.

– Давайте посмотрим – вдруг это обманка... Нет. Предположение неверно. Значит, решение остается в силе.

– Но почему? – настойчиво повторил Илюшин. – Это настолько сложный шифр? Вы видели его в манускрипте Войничча?

– В манускрипте Войничча? – удивленно переспросила Вера Анатольевна, снимая очки. – Не говорите ерунды, юноша. При чем здесь манускрипт? Вы принесли обычную решетку Кардано. Сетки у вас, конечно же, нет. И что вы от меня хотите? Чуда?

Бабкин слушал всю эту белиберду и мрачнел с каждой секундой. Он взглянул на Макара, но тот, судя по внимательному выражению лица, понимал, о чем ему говорят.

– Вера Анатольевна, вы уверены?

– В том, что здесь нужна решетка? На девяносто процентов. В том, что мне не удастся осуществить дешифровку без нее – на столько же. Или же процесс съест столько моего времени, что в итоге это окажется экономически невыгодно. Простите, молодые люди, я вынуждена вам отказать.

– А цветок? – Илюшин не хотел отступать. – Зачем он здесь?

– Понятия не имею. – Вера Анатольевна пожала узкими плечами. – Это неумелая и, кажется, неверная копия одного из рисунков в манускрипте.

Они ушли ни с чем. Упрямый Макар нашел еще двоих специалистов, но каждый из них подтвердил сыщикам, что расшифровка теоретически возможна, но будет долгой.

– Есть программы, – объяснил один из них. – Запускаем ваш текст в компьютер, и он генерирует варианты, исходя из тех данных, которые вы предоставили. Но в итоге можем получить двадцать осмысленных фраз, а

понять, какая из них является исходным сообщением, будем не в состоянии. Впрочем, если вы уверены, что вычислите ее, то можем попробовать.

Но Илюшин отказался. Ему не нужно было пробовать – он хотел получить точный ответ. И желательно очень быстро.

– Быстро точно не выйдет, – огорчил его второй специалист. – Сколько? Несколько часов? Дорогие вы мои, за несколько часов вы этот код точно не расшифруете! Нет, и я тоже не расшифрую.

* * *

– Объясняй, – вздохнул Сергей, когда они вернулись домой ни с чем. – Что за решетка и почему ничего не получается?

– Решетка Кардано – это способ шифровки, – сообщил Илюшин.

– Ты удивишься, но я догадался. А подробнее?

Макар присел на подоконник, выбил рассерженную дробь пальцами по стеклу, но на вопрос все-таки ответил:

– Был такой итальянский математик Джероламо Кардано, по совместительству врач, астролог и философ. Заодно между делом карданный вал изобрел, следовательно, еще и изобретатель. Он придумал очень простой метод шифровки: квадрат с вырезанными клетками накладывается на бумагу, в прорезях пишутся буквы или слоги, квадрат снимается, а затем страница заполняется произвольно выбранными словами. Таким образом, сообщение просто теряется в них. Можно усложнить шифр, поворачивая квадрат по часовой стрелке, – тогда твое послание будет длиннее. Как ты понимаешь, прочитать его можно, только если у тебя есть такой же квадрат. Или прямоугольник, не важно...

– Перфокарта, короче говоря, – подытожил Сергей.

– Именно. Ты ухватил самую суть. Накладываешь ее на текст и читаешь то, что появляется в дырках.

– А при чем здесь манускрипт Войнича?

– Есть версия, что вся рукопись – результат шифровки с помощью решетки Кардано.

– И отдельные слова на самом деле ничего не означают?

– Да. Бессмысленно пытаться переводить их, потому что сочинителю книги они нужны были в лучшем случае ради одной-двух букв. Все остальное – для отвода глаз.

– Подожди-ка... А это согласуется с той теорией, о которой ты мне

рассказывал? Про то, что манускрипт подчиняется закону живых языков?

– Понятия не имею, – честно признался Макар. – Если подходить формально, думаю, что нет. Но что, если автор сначала записывал текст с помощью решетки Кардано, а потом шифровал, целенаправленно разделяя его на куски и придавая бессмысленным буквенным сочетаниям вид слов? Присоединял окончания, выдумывал предлоги... Будет ли в этом случае работать закон Зипфа?

– Ты у меня спрашиваешь? Нашел знатока! Хотя... если автор очень постарается, то, наверное, будет.

– Вот именно. Из чего следует, что манускрипт вполне может быть зашифрован с помощью решетки, только это сделано с большой выдумкой.

– А рисунки?

– А что – рисунки? Текст является пояснением к ним. Или, скажем, рецептом.

– Взять десять низкорослых голых женщин, столько же тазиков, рассадить, соединить трубкой, взболтать, но не смешивать?

– Что-то в этом роде. Но мы отклонились от темы... Запись, которую оставила Куликова, действительно очень похожа на шифровку решеткой Кардано. Но где тогда искать к ней ключ? Вот в чем вопрос.

– Слушай, Макар... – Бабкин почесал в затылке. – Получается, что шифр – адресный?

– Выходит, что так. Но в таком случае Куликова должна была точно знать или хотя бы предполагать, что в ее квартире окажется тот, у кого будет ключ. Такой человек есть, конечно... – Илюшин с сомнением взглянул на Бабкина. – Ее отец. Но зачем ему скрывать, что у него есть решетка?

– Может быть, он не знает об этом или забыл? – предположил Сергей. – Допустим, когда-нибудь в разговоре они договорились о ключе, и девчонка вспомнила об этом в критический момент...

– Давай-ка позвоним ему. – Илюшин спрыгнул с подоконника. – Может быть, мы ходим рядом с отгадкой?

Однако и здесь их ждала неудача. Аркадий Куликов постарался досконально вспомнить все, что дочь говорила ему о шифрах, но он был уверен, что о ключе и речи не шло.

– Я бы запомнил это. Наташа часто обсуждала свое хобби с Максимом Арефьевым, и если у кого и может быть ключ, то только у него.

– Но Максим по-прежнему без сознания... – задумчиво проговорил Илюшин.

– Максим по-прежнему без сознания, – эхом откликнулся Куликов. – Макар Андреевич, прошу вас, скажите – есть хоть какие-то результаты? Хоть что-нибудь?

– Да, Аркадий Ильич, – сказал Макар, и Бабкин, слышавший разговор, изумленно посмотрел на него. – Не хотел бы вас обнадеживать раньше времени, но мне кажется, что появились кое-какие зацепки.

– Какие?! – почти крикнул Куликов. – Что вы нашли?! Вы знаете, где Наташа?!

– Если бы мы знали, где Наташа, то давно уже были бы там, – рассудительно сказал Илюшин. – Нет, пока не знаем. Но, надеюсь, узнаем вскоре.

– Зачем ты его обманул? – сурово спросил Бабкин, как только Илюшин закончил разговор. – Какие еще зацепки?!

– Никакого обмана. Зацепки действительно есть, просто мы не понимаем, как ими воспользоваться.

– Ты даешь человеку ложную надежду. Для чего?

Макар отбросил шутливый тон и сказал совершенно серьезно:

– Потому что лучше ложная надежда, чем никакой. Бабкин вздохнул, укоризненно покачал головой, но возражать не стал.

* * *

Добравшись до своей башни, я с трудом поднялся по лестнице и упал на кровать, чувствуя себя совершенно обессиленным. Кровь прилила к голове, и я испугался, что меня может хватить удар. Я был не в состоянии успокоиться, вновь и вновь переживая недавние события.

В том, что старик – умалишенный, не оставалось никаких сомнений. Конечно же, он не был моряком – должно быть, придумал это, чтобы отвязаться от досужих расспросов служанки. Но его речь, обстановка дома, крупицы золота на полу – все говорило о том, что моя первоначальная гипотеза верна: Якоб – алхимик, в руках которого оказался рецепт превращения металлов – а возможно, и камня – в золото. Какими путями попал к нему манускрипт, и не скрывались ли корни сумасшествия старика в тех временах, когда он пытался разыскать рукопись, сказать невозможно. Да мне и незачем было рыться в его черном прошлом, воспоминания о котором преследовали Якоба до сих пор.

Кем бы он ни счел меня, этот Йозеф, к счастью, вызывал у него доверие. Ему – не мне! – готов он был продать рукопись, но цена осталась

неназванной, и что собирался потребовать с меня старик, я не знал.

Недолгий отдых вернул мне способность к взвешенным размышлениям. Любыми путями манускрипт должен стать моим! Я обдумал, не выкрасть ли его, но вовремя спохватился, что Молли может стать нешуточной помехой: зная о моем интересе к рукописи, она, боюсь, выдала бы меня. К тому же ремесло вора не по мне, а нанимать человека, который проделал бы за меня черную работу, я не хотел: чем меньше людей знает о манускрипте, тем выше вероятность, что в конце концов он окажется именно в моих руках.

Значит, остается лишь договариваться с упрямым стариком, не пожелавшим покамест даже сообщить цену своей бесценной книги. Говорить со мной, Эдвардом Келли, он не станет. Но как сделать так, чтобы мое следующее появление перед Якобом вновь пробудило в нем воспоминания о плотнике Йозефе?

Ответ на этот вопрос, как ни странно, нашла Молли. Когда она появилась в башне на следующее утро, я уже не сердился на нее. Приободрившись от того, что буря миновала бесследно, служанка с удвоенным рвением взялась за работу, а я между тем сообщил ей, что собираюсь нанести старику новый визит.

Разумеется, она догадалась, в чем дело. Выронила тряпку, замотала головой и стала умолять меня держаться подальше от дьявольских уловок. Но быстро поняла, что все ее увещевания ни к чему не приведут, и, утихомирившись, согласилась помочь мне.

Молли Сайрус из тех женщин, что могут говорить тысячи глупостей, но сами при этом вовсе не дуры. Я видал баб с мозгами, устроенными наоборот: уж такие умные вещи, какие они изрекали, не всякому ученому удастся придумать, но при том иначе, как полными дурами, язык не поворачивался их назвать. Стоило ей услышать про плотника, и Молли сдвинула свои черные бровки и спросила:

– А где находился господин Якоб в то время, когда говорил с вами? Уж не в кресле ли?

Я подтвердил, что именно так оно и было.

– Я замечала, что это место действует на него особенным образом: господин Якоб частенько дремлет в нем, а когда просыпается, то некоторое время словно бы живет в другом времени и беседует с другими людьми. Меня он не раз называл Анной, когда я проходила мимо него. Я думаю, господин Якоб видит призраков, но затем видения рассеиваются, и он снова зовет меня Молли, как и всегда.

Что ж, решил я, тогда все, что мне нужно – это застать Якоба в его

любимом кресле и постараться вновь убедить его продать мне манускрипт. Уж в чем-чем, а в умении торговаться мне не сыщешь равных по всей Праге, можете поверить Эдварду Келли.

Обстоятельства сложились таким образом, что я оказался в доме старика лишь спустя три дня. Рудольф, чтоб ему на его королевском ложе снились дурные сны, нашел нового алхимика, пообещавшего королю очередное волшебное превращение. Трое суток я, по воле короля, наблюдал за проводимыми опытами, догадываясь, чем кончится дело. Вышло так, как я и предполагал: неудачливый алхимик отправился на виселицу, разъяренный король закрылся в своих покоях, никого не желая видеть, а перепуганный двор лизоблюдов и насмешников притих, не в силах понять, что же случилось с кротким и тихим прежде королем. Мне так и хотелось сказать им, что самый кроткий барашек рассердится, если раз за разом вместо сочной травы подсовывать ему несъедобные опилки, крашенные в зеленый цвет. А Рудольф Второй ничуть не похож на барашка.

За эти трое суток я почти ничего не ел и только пил, пил без конца обычную воду. Что творилось в моей душе, сможет понять лишь тот, кто был в шаге от своей мечты, а затем потерял ее. Напрасно я убеждал себя, что три дня задержки ничего не меняют – меня снедала тревога. По ночам снилось, что в дом Якоба забираются воры и крадут мой манускрипт – я уже считал его своим! – и я просыпался в холодном поту. Спустив ноги с кровати, я тут же представлял, что старик решил уехать, и сейчас, в эту самую минуту, повозка увозит его из города навсегда. Следы его будут утеряны, и я никогда не смогу найти его.

Влив в пересохшую глотку воды, я вспоминал про Молли. Кому еще, кроме меня, служанка могла бездумно рассказать о тайне старика? Кому угодно! Любому, кто был бы обласкан ею! И вот, идя по длинным темным коридорам подземелий за королевским посланником, я видел не его, а того негодяя, что проникает в дом алхимика, дожидается его пробуждения от дремоты и просит продать ему манускрипт. И старик соглашается! Это видение заставляло меня скрипеть зубами в бессильной злобе, ибо покинуть дворец я не мог и вынужден был молча терзаться, ожидая окончания эксперимента, чтобы король соизволил отпустить меня.

Когда же, наконец, это случилось, я ослабел от своих фантазий, а более всего – от голода. О том, чтобы идти к Якобу, не могло быть и речи! Очувтившись дома, я с великой осторожностью поел, следя за тем, чтобы не причинить вреда своему организму, и неожиданно для себя уснул крепким сном.

Когда я проснулся, над шумным говорливым городом стояло солнце, а с лестницы доносилось негромкое пение – Молли, птичка моя, вовремя приступила к своим делам. Я позвал ее, со страхом ожидая известия об отъезде Якоба, но услышал лишь хорошие новости: старик по-прежнему не покидал дома, и у него никто не появлялся. На радостях я наградил Молли и потребовал, чтобы она сегодня же, не дожидаясь следующего дня, отвела меня к Якобу.

Мне показалось, что на этот раз дом встретил меня настороженно. Он будто приглядывался: кто этот чужак, что снова ищет общества старого хозяина? Я объяснил свою впечатлительность трехдневной голодовкой и, приказав Молли не высовывать и носа из кухни, направился в дальнюю комнату.

Якоб был там. Он сидел неподвижно, похожий на статую, и сквозняк из приоткрытого окна шевелил его белую бороду. Когда я вошел, он не повернул головы, но по слабому движению его головы я догадался, что алхимик услышал меня.

– Доброго дня, господин Якоб, – громко сказал я, стараясь выговаривать слова неторопливо и гнусаво, как это делают простолюдины. – Это я, Йозеф!

– А-а, Йозеф! – откликнулся старик. – Это ты! Что же ты стоишь? Иди, иди сюда...

Я испытал облегчение: значит, наша с Молли догадка была верна, и я мог не опасаться, что Якоб откажется иметь со мной дело. Нет, он видел перед собой плотника и разговаривал с плотником, а не с алхимиком.

– Что же ты сбежал так быстро в прошлый раз? – продолжал Якоб, посмеиваясь в бороду. – Испугался, а? Решил, что ноша тебе не по плечу?

– Вовсе нет, господин Якоб! – храбро отрапортовал я, возликовав от того, что в памяти его сохранился наш последний разговор. – Я вернулся как раз затем, чтобы просить вас продать мне книгу!

– Тебе хочется золота, мой мальчик? Молчи, не отягощай враньем свои уста и мои уши... И ты полагаешь, оно сделает тебя счастливым?

«Провались ты в адову кастрюлю! – захотелось крикнуть мне. – Что мне счастье?! Богатство и такую славу, которая увековечит имя Эдварда Келли, – вот что сулит твоя книга! Сейчас я лишь один из многих – пусть даже король доверяет мне, – а стану – единственным!»

– Молчишь... – протянул Якоб. – Правильно. Не сказав ничего, ты

даешь мне возможность ответить за тебя самому, а я выберу самый выгодный ответ. Но все же признайся: неужели ты и впрямь надеешься прочесть манускрипт?

– О да, господин Якоб! – без тени сомнения ответил я.

– Что ж... Твоя уверенность делает тебе честь.

Он прищурился, наклонился ко мне, и я замер, догадываясь, о чем он хочет сказать. И не ошибся.

– Пять тысяч фунтов станут достаточной платой за рукопись.

Я ожидал, что цена будет высока, но слова Якоба заставили меня недоверчиво усмехнуться:

– Вы, верно, шутите? Не думаете же вы всерьез, что у меня может быть столько денег?! Будь оно так, я бы, пожалуй, и не стал покупать у вас эту книгу, а жил бы себе припеваючи, наслаждаясь богатством!

Старик пожал плечами и повернулся ко мне спиной, показывая, что разговор наш окончен.

– Пять тысяч фунтов?! – воскликнул я, вскипая. – Но мне негде взять их!

– Тогда иди и плотничай, – последовал холодный ответ.

Бешенство охватило меня. Якоб сам признался, что манускрипт ему ни к чему теперь, так почему бы не отдать его тому, кому он действительно нужен? Видит бог, я готов был платить, но я не король, чтобы выложить из своего кармана пять тысяч фунтов!

Пока я стоял, тяжело дыша и наливаясь злобой, алхимик поднялся, взял книгу и заковылял к дверям. Я подумал о том, что хитрый старик припрятал где-то столько золота, сколько ему не потратить до конца его бессмысленной жизни, и все равно алчет денег! Не знаю, что нашло на меня, но только я бросился к Якобу и выхватил у него из рук манускрипт, который он прижимал к себе.

Я сказал – «выхватил»? О, нет! Попытался выхватить – так будет вернее. Потому что старик своими костлявыми пальцами так вцепился в него, что не выпустил бесценную ношу из рук. Я не ожидал отпора! Мне казалось, что он слаб и немощен! Но когда, перехватив книгу, Якоб оттолкнул меня, я понял, как ошибался.

От его удара я потерял равновесие и схватился за стену.

– Йозеф, мой глупый мальчик, ты решил идти к цели неверным путем, – сообщил мне старый негодяй, переведя дух. – Но я не буду сурово наказывать тебя за провинность в память о добрых отношениях, что некогда связывали нас с тобой. Шесть тысяч фунтов ты заплатишь мне за манускрипт, если хочешь, чтобы он послужил тебе, как служил мне.

У меня не нашлось сил на ответ. Якоб подумал и добавил:

– И не забудь: ты заплатишь лишь за то, чтобы обладать им! – Он помахал передо мной книгой, крепко сжимая ее двумя руками. – Но не за то, чтобы я помогал тебе найти ключ к тому, что в ней записано.

Он скрылся в глубине дома, а я остался, проклиная и себя, и его. Надо было вырвать у Якоба книгу и бежать, бежать не оглядываясь, пока он не поднял тревогу! Я спрятал бы свое сокровище, и никто не поверил бы словам полоумного старца, что живет в полуразрушенном жилище и не пускает к себе никого, кроме кухарки.

Теперь же, вместо того чтобы мчаться прочь из его развалин, я сижу, прислонившись к холодной каменной стене, и слушаю шумные удары своего сердца. Но кто мог знать, что старик окажется так силен?! Я забыл о том, что он не так стар, как кажется, и в этом заключался мой промах.

Но что толку грызть себя? Я поднялся и поплелся домой, пребывая в самом мрачном расположении духа.

Когда я вернулся, меня ждало письмо. Джон Ди извещал своего «друга и помощника» Эдварда, что вскоре собирается покинуть поместье и, с Божьей помощью, добраться до Праги. В Праге, писал Джон, он намеревается обсудить с императором кое-какие вопросы и надеется, что может рассчитывать на мое содействие.

Я испытал смешанные чувства, прочтя его послание. С одной стороны, присутствие Джона сейчас, когда я пытаюсь выкупить манускрипт у старика, мне совсем некстати. Но при том я был бы рад, если бы мог поговорить с ним о Якобе и получить его совет, конечно же, ни слова не сболтнув о золоте! Уж что-нибудь я бы придумал...

Меня озадачила лишь просьба содействия и упоминание о Рудольфе. Озадачила – и насмешила: Джон со свойственной ему самоуверенностью писал в таком тоне, словно правитель ежедневно захаживает к нему на чай. Фамильярности с властью имущими мой друг научился при английском дворе, но то, что прощала ему Елизавета, мог не простить Рудольф, последнее время гневающийся на всех и вся.

* * *

Остаток дня я провел в размышлениях, как же завладеть рукописью. Я перебирал и отбрасывал один способ за другим, пока меня не осенило: Молли! Она уже знает о книге, а значит, можно не опасаться, что ей взбрдет в голову разболтать кому-нибудь тайну Якоба и мою. К тому же

она предана мне. Конечно, приказ придется ей не по душе, но я знаю, как сделать женину податливой. И если вы думаете, что я веду речь о розге, то ошибаетесь.

На следующее утро, как только Молли появилась в башне, я не дал ей приняться за уборку. Вместо этого крошка отправилась в мою постель, где я решил разнообразить наши обычные забавы и показал ей то, чему еще в юности научила меня одна портовая шлюха, к которой меня занесло по молодости и дури. Молли – пылкая бабенка, и я рассчитывал, что она оценит мои старания.

После того как мы закончили и она привела себя в порядок (посматривая при этом на меня странновато), я вручил ей заранее приготовленный кошелек, который купил накануне возле моста, где рынок. В кошельке лежали три золотых монеты. Не скажу, что Молли прыгала от радости – скорее, моя щедрость удивила ее. Но кошелек она прибрала так живо, что я даже не успел заметить, как он исчез в складках ее юбки.

Я не сразу приступил к делу: сперва дождался, пока она соберет рассыпавшиеся волосы. Она проворно убрала их под чепец и вновь превратилась в благоданную служанку, которую выдавал лишь блеск черных глаз да румянец на щеках. После этого я заговорил с ней о Якобе: мягко, но твердо приказал, чтобы завтра же она забрала книгу и вынесла мне. Я обещал ждать ее в зарослях сада. Про вознаграждение я договорить не успел: Молли вскочила со стула и замотала головой с такой силой, что чепец едва не слетел с нее вновь.

– Не просите меня об этом, ни за что не просите! Я не прикоснусь к этой книге! – твердила она, не желая слушать ни слова.

Я сперва прикрикнул на нее, затем заговорил ласково, пытался увещевать и так, и эдак – служанка оставалась непреклонна. Со злости я обругал ее и пригрозил выгнать – но и тогда она не смягчилась. Воровать грешно, талдычила она, а украсть проклятую книгу – грех вдвойне! Ее нужно сжечь! Господин Якоб и прежде был со странностями, а теперь и вовсе сошел с ума: говорит непонятно с кем, целыми днями не поднимается из кресла – того гляди, прирастет к нему. Одно хорошо: кажется, он превратил обратно в камни все то золото, что досталось ему с помощью колдовства. И слава богу, потому что оно приносит одно несчастье!

Устав слушать, я велел ей замолчать, но Молли угомонилась нескоро. «Черт бы побрал всех баб с их трусостью и скудоумием!» – подумалось мне, когда она ушла.

Мой замысел провалился.

На другое утро я чуть свет бросился к дому Якоба. Меня влекло к моему манускрипту – я уже привык в мыслях считать его своим! Это становилось похоже на умопомрачение, и я начал подозревать, что Якоб потерял рассудок не только из-за тех препятствий, что когда-то встали на его пути к книге.

Но мне было все равно. Тайна, сокрытая в рукописи, не давала мне покоя. Ночью, проворочавшись без сна, я придумал вот что: нужно попросить Якоба показать мне книгу еще раз. У меня отменная память – я стану запоминать каждую страницу и переносить ее на чистый лист, и так, постепенно, страница за страницей, скопирую всю рукопись.

Я, конечно же, предполагал, что столкнусь с большими сложностями. Но первые же слова Якоба показали, что я снова недооценил старика.

– Отныне ты не увидишь ее до тех пор, пока она не станет твоей, – сурово сказал он, когда я появился перед ним. – Ты не заслужил это право.

И сколько я ни умолял его, он был непреклонен.

Конечно же, как только старик удалился в спальню и запер дверь, я предпринял попытку обыскать дом. Но бесплодность ее мне стала ясна почти сразу: среди груд хлама, которыми были завалены комнаты, казалось невозможным найти и более крупный предмет! А ведь имелся еще подвал, и, кроме того, две запертые двери, которые вели неизвестно куда... В тот день я окончательно осознал, что никакая уловка не поможет мне выманить рукопись у старика. Он продаст ее, как и намеревался, и я вынужден буду играть с ним в эту игру по его правилам, не по своим.

Я покорно дождался, пока Якоб выйдет из спальни, чтобы сообщить ему, что согласен на его условия. Но я вновь жестоко просчитался! Ибо старик, увидев меня, поднял крик, схватил прислоненную в углу сучковатую палку и погнал меня по всему дому, размахивая ею и крича о соглядатаях. Он брызгал слюной, выкрикивал ругательства, а в прибежавшую Молли кинул треснувшим блюдом, некстати подвернувшимся ему под руку. Угомонился Якоб лишь тогда, когда я исчез из поля его видимости, спрятавшись за створкой рассыпающегося пыльного шкафа. Похоже было, что ум его в больном состоянии вмещал лишь то, что видели глаза, и это давало мне надежду на передышку.

Но когда я, спустя долгое время, попробовал показаться перед Якобом, старик вновь не узнал меня. Вернее, он не узнал Йозефа. Мой облик ему ни о чем не сказал, и алхимик молча смотрел на меня одним глазом, покуда я

излагал ему цель своего визита, а затем зажмурился и захрапел, не бросив мне ни единого слова. Я покинул «Хромое Копыто» ни с чем.

Весь следующий месяц я то проваливался в пучины безнадежности, то приободрялся, веря в успех своего предприятия. Якоб, старый дьявол, вынул из меня всю душу. Я так и не смог понять, что пробуждало его «память» обо мне. Несколько раз он не узнавал меня и сидя в кресле, и каждый раз я холодел от ужаса при мысли, что старик окончательно порвал ту нить, что в его воображении связывала меня, Эдварда Келли, и неизвестного мне плотника Йозефа. Меня самого в моем собственном обличье он отчего-то невзлюбил, и чувство его было устойчиво и сильно. Он не спрашивал, кто я, не отвечал на мои вопросы, не внимал уговорам – с исступленным видом старик пускался за мной в погоню, и пару раз я едва не стал жертвой его палки.

Будь на моем месте кто-нибудь другой, его злоключения заставили бы меня хохотать от души. Но над собой я смеяться не мог. Куда девалось мое всегдашнее ехидство? Я, относившийся к жизни как к игре, в которой мне удалось обыграть десятки простаков, вдруг ощутил, что и мое поражение может быть близко, и случится это, если я не исполню задуманное.

Я худел с каждым днем, взгляд мой стал угрюм, а речь – скупа и невыразительна, и многие из знакомцев стали обходить меня стороной, завидя на улице. По городу поползли слухи, что Эдвард Келли болен – об этом рассказала Молли, озабоченно посматривая на меня. Что ж, сплетники были не так уж и не правы – я и впрямь ощущал себя больным. Одна мысль преследовала меня днем и ночью – о том, как завладеть рукописью, один образ стоял перед моим взором, словно наяву – книга! Проклятый манускрипт стал средоточием всех моих чаяний, а Якоб – воплощением бессмысленной алчности.

Я сбился со счета, сколько раз он повышал цену! Теперь каждое утро путь мой пролегал к его дому, и каждый раз, входя в комнату, я в страхе встречал взгляд старика: узнает ли он меня? а узнав, согласится ли на сделку? Раз за разом старый алхимик придумывал новые причины для отказа, а я тем временем распродал свою собственность, чтобы собрать сумму, которую он требовал.

Когда я наконец достиг этого, у меня почти ничего не осталось. Не могу сказать, что я стал нищим, но впервые мне пришлось отсчитывать для Молли монеты, жалея о каждой из них.

И тогда же, будто насмехаясь, Якоб неожиданно показал мне, где же хранится его золото.

Скорее всего, это произошло случайно: открыв дверцу того самого

ветхого шкафа, за которым я прятался, он начал что-то искать внутри и задел заднюю стенку. Та упала. Я сидел в это время возле окна и обернулся на грохот, который издала отсыревшая деревянная панель, вывалившись из шкафа. Якоб проворно отскочил, и в открывшемся проеме я увидел, как в глубине шкафа что-то заблестело.

Я не мог разглядеть хорошенько, что же там было, но ни секунды не сомневался, что видел тайник старика.

За шкафом в стене находилась ниша. Должно быть, Якоб приспособил заднюю панель шкафа вместо двери, за которую он и складывал свое золото.

Проверить свою догадку мне не удалось: когда я пришел к Якобу на другой день, шкафа уже не было на месте. С чьей помощью старик смог вытащить из дома такой громоздкий и тяжелый предмет и куда он перепрятал слитки, узнать не удалось.

А потом случилось то, что заставило меня забыть и о тайнике, и о золоте. Несколькими днями ранее Якоб потребовал от меня доказать, по-прежнему ли я такой хороший плотник, каким был прежде, и я вынужден был своими руками мастерить для него легкий сундук. Что за изощренная издевка! Конечно, мне было не под силу справиться с этой работой самому, и я нанял работника, который показывал мне, шаг за шагом, что нужно сделать.

Должно быть, он счел меня сумасшедшим – подумать только, состоятельный господин нанимает плотника и платит деньги за то, чтобы его научили делать сундуки! Это нехитрое дело потребовало от меня столько усилий, сколько я не тратил прежде на самый изощренный обман. Но выбирать не приходилось, и по утрам я показывал Якобу то, чему научился за предыдущий вечер, делая вид, что старательно работаю над его заказом.

В тот день я должен был закончить работу: оставалось лишь отполировать торцы деталей, которыми плотник предложил украсить крышку. Пока я занимался этим, старик расхаживал по комнате, уча «Йозефа» жизни и делясь своими воспоминаниями. Я уже заметил, что у него чередуются дни просветления и сумбура, и приучился по незначительным мелочам определять, в каком сегодня состоянии находится Якоб. Нынче был «светлый» день, и я жадно ловил каждое слово старика, ожидая, не проговорится ли он об истории, расшифровке или же местонахождении рукописи.

Увы, надежды были напрасны. Закончив очередную историю из своей юности, Якоб сел в кресло и принялся молча наблюдать за моими

действиями. Я прикладывал все усилия к тому, чтобы выглядеть умелым мастером, но, боюсь, не преуспел в этом. Сундук был почти готов, оставалось совсем немного, но я не слышал слов ни одобрения, ни осуждения. Молчание старика постепенно стало казаться мне угрожающим. Неужели он разгадал мой обман? Или, еще хуже, память вдруг подсказала ему, кто является к нему каждый день под видом плотника Йозефа?

– Через три дня, – вдруг проговорил Якоб, и я вздрогнул от неожиданности.

Объяснения не последовало, и чуть позже я решился уточнить:

– Что случится через три дня?

Старик по-прежнему молчал, и я уже начал думать, что ответа не услышу, как вдруг он сказал неторопливо и безучастно:

– Через три дня ты сможешь забрать ее. Рукопись.

«Что?!» Сперва я решил, что ослышался, но Якоб повторил свои слова снова и, зажмурившись, опустил голову на грудь. Я смотрел на него во все глаза. Господь Всемогущий, неужели он согласен?! Но, наученный горьким опытом, я не закричал и не стал допытываться у него, правда ли то, что я услышал. Вместо этого я сказал мягко и ровно, будто бы обращаясь и не к нему совсем:

– Откуда же я должен ее забрать?

Не открывая глаз, Якоб глухо промолвил:

– Придешь сюда к полуночи. Пешком, не верхом и не в повозке. Спустишься в подвал. Свечей не зажигай, я позабочусь об этом. На столе слева оставишь то, что должен. Тогда получишь книгу.

Я не стал переспрашивать, хотя у меня на языке плясала дюжина вопросов. Кое-как закончил я сундук, поставил его возле стены и на негнущихся ногах пошел к выходу. Вслед мне донесся старческий голос:

– И не вздумай появиться здесь раньше, чем через три дня!

Выбравшись из дома, я вытер со лба пот, глубоко вдохнул и только тут спохватился, что все инструменты остались возле кресла Якоба. Но вернуться нельзя, да и ни к чему мне было забирать их – если только я не собирался остаток своих дней зарабатывать на жизнь изготовлением сундуков.

Подумав об этом, я усмехнулся и вдруг понял, что пошутил в первый раз за все последние дни. Меня охватило состояние, близкое к эйфории, и быстрыми шагами я направился к себе домой, раздумывая по пути о том, что нужно предпринять в ближайшее время.

А когда я вернулся, в башне меня ожидал Джон Ди, наконец-то

добравшийся до Праги.

Глава 8

Максим невыносимо устал. Раз за разом он нырял в мутную воду, и каждый раз ему не хватало совсем чуть-чуть, чтобы дотянуться до монеты. Река выбрасывала его, и он приходил в себя на берегу, ощущая боль в сломанных пальцах. Когда он успел переломать их, Арефьев не помнил, как и обстоятельств, из-за которых он оказался здесь, и это его пугало.

Но самым страшным было то, что река постепенно занимала все большее пространство. Сначала он заметил, что вместо неба над его головой струятся темные потоки. Затем песок под ногами растворился, унесенный водой, и Максиму пришлось отступить назад, к лесу. Обернувшись, он увидел, что деревья в лесу покачиваются, словно водоросли, медленно и волнообразно, и ему стало не по себе.

Макс начал бояться, что вскоре река поглотит его самого, и от него ничего не останется, кроме черной лужи. Эта вода была опасна, она казалась живой, и как жадное животное охраняло свою добычу – одну маленькую монетку. Клад, ценнее которого Максиму еще не приходилось добывать.

Он помнил, как Лешка притащил в школу плеер, который купил на деньги, вырученные от продажи своей монеты. Ребята окружили его, а Баренцев сиял как именинник, но вид при том старался иметь небрежный, как будто в плеере «Сони» не было ничего особенного. К музыке Лешка был равнодушен, слушал в основном радио, но с плеером, понятное дело, нужно было подойти к собственным музыкальным предпочтениям основательнее, и в конце концов Баренцев остановился на «Скорпионз». Их балладам он подпевал трескучим голосом, чем заставлял страдать Тошку, обладавшую музыкальным слухом, и веселил Макса.

Дядя Саша всегда восхищался Лешкой больше, чем родным племянником, и часто ставил Баренцева в пример.

– Учись, дурачок, – вот человек нашел свою выгоду, – сказал он в тот раз, узнав об их походе. – Потом продаст этот плеер, купит что-нибудь другое, тоже полезное. А ты? Эх, никакого понимания у тебя нет.

Но Макс отлично знал, что Лешка ничуть не искал выгоды, а просто хотел, чтобы у него было хоть что-нибудь, чего не было у остальных. Он всегда ходил в заношенной одежде, переходившей ему в наследство от старших братьев, и никто не мог купить ему хороший футбольный мяч или нормальный велосипед – Баренцев катался на дребезжащей «Десне»,

откопанной бог знает в каком сарае.

Когда Максим рассказал матери о разговоре с дядей Сашей, та нахмурилась и велела не обращать внимания на дядю, а слушать только себя. Во многом воспитание упрямства Макса было ее заслугой. «Делай то, что хочется, дружок, – говорила она. – Не позволяй никому навязывать тебе чужие желания, выдавая их за твои». Вот сын и следовал ее совету.

Он знал, что мать гордится им. Она никогда не проверяла его, даже в первом классе, и, если он говорил, что сделал домашнее задание, только кивала в ответ: сказал, что сделал, – значит, сделал.

– Танька, ты на родительском собрании ни разу не была, – твердил Александр. – Твоего дурачка выгонят, а ты и не заметишь.

Максим смотрел на дядю Сашу, набычившись. Мама тоже называла его дурачком, а еще свинтусом, поросятиной и чучелом. Но почему-то у мамы это получалось совсем не зло, а смешно, в отличие от дяди Саши.

Слова брата подействовали, и Арефьева пришла на родительское собрание в конце второй четверти. Собрание напомнило Татьяне прилюдную порку. В роли истязаемых выступали мамы и папы.

Учительница, коротко стриженная женщина с морщинистыми кумачовыми губами, дотошно разбирала грехи каждого ученика. Родители распекаемых дожидались конца ее выступления, вставали, чтобы задать дополнительные вопросы о своих бестолковых отпрысках, и так и стояли все время, пока учительница говорила, – слишком большие, слишком громоздкие, не помещающиеся между стулом и партой. Татьяна сидела за четвертой партой и видела, как взрослые люди, поднимаясь, сгибают ноги в коленках. Сзади это выглядело особенно нелепо.

Нонна Викторовна считалась лучшей учительницей в районе, и при записи детей в школу родители просили директора, чтобы только к Макаровой, пожалуйста, обязательно к ней! Татьяна никого ни о чем не просила, ее сын попал в класс «А» случайно.

Когда очередь дошла до Максима, учительница поджала узкие губы и показала издали какой-то листок с неразборчивыми каракулями.

– Почерк, – отрубил она, сопровождая свои слова постукиванием ребром ладони по парте. – Почерк у Арефьева бе-зоб-раз-ный! Наклон влево, буквы смазывает, соединение не прописывает... Родители! Где у нас мама Арефьева? Ах, вот вы где! Вы смотрите за Арефьевым, родители? Две четверти уже закончили, а ваш сын как писал, так и пишет. Когда вы начнете работать над его почерком?!

– Простите, Нонна Викторовна, – спокойно сказала Татьяна, поднявшись из-за узкой парты и делая шаг в сторону, в проход. – До

сегодняшнего дня я полагала, что это ваша обязанность – работать над почерком моего сына.

В классе воцарилась тишина. Нонна Викторовна замерла, губы на ее лице сжались не в полоску даже – в красную нить. Постепенно они приняли нормальные размеры, но до этого прошло не меньше минуты.

– Я вас поняла, мама Арефьева, – сказала наконец учительница. – Не хотите заниматься сыном? Предупреждаю вас со всей ответственностью, что вы получите педагогически запущенного ребенка. И тогда, пожалуйста, не приходите ко мне с жалобами на его успеваемость.

– Хорошо, – кивнула Татьяна. – Не приду.

И села на свое место.

Остальных детей Нонна Викторовна «разобрала» уже без прежнего блеска в глазах. Вернувшись домой, Татьяна прижала к себе Максима, вздохнула и подумала, что своим выступлением обеспечила сыну придирки учительницы.

– Слушай, Максимыч... – сказала она, теребя сына за оттопыренное ухо. – Если у тебя в школе чего пойдет не так, ты сразу мне говори, ага? Обещаешь? Обещай, свиненок!

– У меня в школе все хорошо, – прогудел Максим. – Но я тебе скажу, если побью кого-нибудь.

– Если побьешь, можешь не говорить, – рассмеялась мать. – Мне доложат.

* * *

Подумав о матери, Максим решительно встал, собрался с силами и вновь «ласточкой» прыгнул в воду. Река сопротивлялась вторжению, выталкивала его, будто выплевывала, но он упорно пробивался к золотистому кружочку, тускло поблескивавшему на дне. Пространство играло с ним: стоило Максиму немного погрузиться, как ему начинало казаться, что он плывет не вниз, а вверх. Там, наверху, в черноте светило крошечное солнце, до которого нужно дотянуться.

На этот раз ему удалось подплыть совсем близко, и монетка уже была почти в его пальцах. Но в последнюю секунду водоворот, будто издеваясь, закружил Максима, отбросил назад, и очнулся он снова на берегу.

Тяжело дыша, Макс перевернулся на спину и уставился на небо. Пока он нырял, оно стало совсем низким, и Арефьев разглядел в его волнах нескольких крупных темных рыб, расправивших плавники как крылья.

Только теперь Максим отчетливо осознал, что времени у него остается все меньше и меньше.

Воображение играло с ним странную штуку: прикрывая глаза, он видел, как противоположный берег поднимается из воды, становясь высоким, обрывистым, и различал на нем две фигурки, скачущие верхом по самому краю. Сощурившись, Арефьев смог разобрать, что это две девушки. Первая – темноволосая, вторая – русая, едва поспевающая за хозяйкой.

Внезапно Максим понял, кто перед ним, и тут же – словно к глазам приставили бинокль – всадницы приблизились, оказались совсем рядом.

– Ольга Павловна, не уйдем! – отчаянно крикнула русая, стуча по бокам низкорослой лошадки босыми пятками. – Близко они!

Та, кого она назвала Ольгой, резко повернула коня, осадила, вглядываясь вдаль, закусила губу.

– Пашенька... – начала она, тяжело дыша. – Ты вот что... садись на моего Маркиза и скачи в город. Луна устала, ей тебя не вывезти.

– Как же так... Ольга Павловна, а вы?!

– Догонят они нас, Паша, – обреченно выдохнула девушка. – Обоих убьют. А если я останусь, за тобой не погонятся.

– Святой Боже, да что ж вы такое говорите-то?! – Паша заплакала. – Неужто я вас брошу?

– Бросишь! Я тебе приказываю!

Ольга спрыгнула на землю, перехватила крепче повод.

– А я вашего приказа не послушаюсь! – крикнула девушка. – А ну вертайтесь на Маркиза! Или уж обе в реку прыгнем, чтоб живыми убивцам не даваться!

– Да если б ты, дурочка, плавать умела! – в отчаянии воскликнула Ольга, и вдруг лицо ее озарилось. – Господи, Паша, а ведь в самом деле... А ну слушай меня!

Где-то совсем рядом с Максимом взревела река, словно предчувствуя добычу. Плеснула волна, и спешившиеся всадницы на обрыве вновь оказались далеко, а затем силуэты их и вовсе размыло водой, будто нарисованные на песке.

* * *

– Нет, это не конвульсии, конечно, – устало сказал нейрохирург, которого Борис Осипович привел в палату. – Он просто видит сон.

– Может быть, нам... – начал Борис, но тут в палату заглянула

медсестра, перебила его на полуслове:

– Иван Степанович, Сапожников уже здесь, вас спрашивал!

– Прекрасно! – оживился врач. – Ну все, сейчас на томограмму, а там будет ясно, чего ожидать.

Когда Максима увезли, Борис Осипович рассеянно погладил подушку, зачем-то потрогал капельницу и с силой провел рукой по лбу. «Все будет хорошо, – сказал он себе. – Все будет хорошо!»

Но это не помогло. Борис Осипович вдруг снова ощутил стойкий запах реанимационной палаты, к которому, казалось, так привык за эти несколько суток, что уже не замечал, и этот запах выбил у него все зачатки уверенности в хорошем.

Он огляделся вокруг, будто ища то, что могло бы придать ему душевных сил, и, не увидев ничего подходящего, сунул руку в карман – за сигаретами. Как будто здесь можно курить! Пачки в кармане не оказалось – она давно была выкурена возле госпиталя, – а вместо нее пальцы нащупали холодный кругляш. Борис Осипович, никогда не носивший мелочь в карманах, вытащил его – и золотая монета с профилем Николая Второго блеснула на его ладони. Он вспомнил, что обнаружил ее забытой на полке почти сразу после отъезда Максима, и даже позвонил ему, но тот не слышал звонка, а когда наконец взял трубку, был уже слишком далеко, чтобы возвращаться. Максим огорчился: эту монетку, которую когда-то отчим спрятал под лестницей в овраге, он всегда брал с собой в походы – «на счастье». После того как Борису Осиповичу позвонили из госпиталя, он, не задумываясь, сунул монету в карман – и забыл про нее.

«Хорошо, что не потерялась», – подумал он теперь, вертя ее в пальцах. Подкинул несколько раз, следя за ее вращением, и почувствовал, что успокаивается.

Борис Осипович переложил монету в нагрудный карман и тщательно застегнул его. «Отдам Максиму, когда придет в себя».

* * *

Для очистки совести Сергей все-таки поехал в фирму, которая наняла на работу Наташу Куликову, но, как и опасался, не услышал ничего, что могло бы пролить свет на ее похищение. Сотрудники сообщили, что их уже допрашивали «товарищи из милиции», но и тем повезло не больше, чем Бабкину.

– Ох, ничегошеньки мы не знаем! – удрученно сказала ему девушка-

менеджер. – Какой-то бред... Наташку похитили! Просто в голове не укладывается! Может, это какой-нибудь поклонник? Я так следователю и сказала: «Наташа – такая девушка, что от нее глаз не отведешь, она многим у нас нравится. Вдруг нашелся псих, который решил ее в подвале заточить и любоваться ею?» Между прочим, даже книга такая есть... Что-то там про бабочек в названии. Как раз об этом! Я следователю говорю: «Вы почитайте, может, полезные выводы для себя сделаете».

– А следователь что? – не удержался от вопроса Бабкин.

– Сказал – обязательно прочитает.

Вернувшись, Сергей из прихожей громко спросил:

– Как называется книга, в которой псих заточил в подвал девушку, чтобы любоваться ею? В названии должно быть слово «бабочки».

Макар выглянул из комнаты, окинул напарника хорошо знакомым тому взглядом, в котором читалось снисхождение к его, Бабкина, невежественности:

– Книга называется «Коллекционер», написал ее Джон Фаулз.

– А где бабочки? – удивился Сергей. – Были обещаны бабочки!

– Превратились в гусениц и уползли на капусту. Откуда такой интерес к английской литературе, мой дремучий друг?

– Рассматривал одну из версий похищения Куликовой, выдвинутую ее коллегой. – Бабкин привычно проигнорировал «дремучего друга».

– Догадываюсь, какую. Я даже мог бы в нее поверить, – после некоторого раздумья откликнулся Илюшин, – если бы не один важный момент: девушку увели двое мужчин. Уверяю тебя, сумасшедший оказался бы куда изобретательнее и не стал бы привлекать посторонних. Нет, поверь мне, похищение Куликовой связано с манускриптом...

– Дался тебе этот манускрипт! – раздраженно воскликнул Сергей.

Он вошел в комнату и остановился, ошеломленный увиденным.

Пока Бабкин беседовал с коллегами и начальством Куликовой, Макар не терял времени зря. Комната выглядела так, будто в ней порезвился художник-самоучка. Ковер, кресло, стол были завалены страницами, на которых Сергей разглядел уже знакомых ему обнаженных женщин в подобию чанов, напоминавших гороховые стручки, растения, которых он никогда не видел, круги разных диаметров, наводившие на мысль о солнечной системе. Принтер гудел, выдавая новые распечатанные листы с рисунками и загадочным текстом.

– Что ты делаешь?

– Распечатываю манускрипт.

– Весь?!

– Он не такой уж и большой. Просто пришлось делать это два раза. Первая копия вышла почти слепая, но теперь я нашел в Интернете нормальную ссылку. Мне нужно проверить кое-какую идею, а собранного в одном месте алфавита я не смог отыскать.

– Зачем тебе алфавит?

Принтер выбросил последний лист бумаги, помигал красным светящимся глазом и затих. Илюшин не глядя протянул руку и взял со стола копию послания, оставленного Наташей Куликовой на стене ее квартиры.

– Смотри, – сказал он, и Бабкин присел с ним рядом. – Видишь?

– Что я должен видеть?

– Вот эти буквы. Пятую в третьей строке и третью в шестой.

– Вижу. И что?

– То, что они не относятся к алфавиту манускрипта. Во всяком случае, на первый взгляд. Но нужно проверить, поэтому я и хочу выписать все буквы, которые использовал автор рукописи.

Сергей взгляделся туда, куда показывал ему Илюшин, затем поднял первую попавшуюся страницу манускрипта и пробежал глазами. Хмыкнул, отложил страницу в сторону и взял вторую.

На третьей он, не сдержавшись, присвистнул:

– Слушай, похоже, этих букв и впрямь здесь нет! Макар, так, значит, ты его расшифровал! Я понял – Куликова вписала «свои» буквы среди букв манускрипта, чтобы спрятать... Сейчас мы их вычленим и получим готовое послание!

– Если бы все было так легко... – протянул Илюшин, и энтузиазм Бабкина поубавился. – Вот, взгляни: видишь, я выписал подряд пять букв, которых точно нет в манускрипте? И что получилось?

– Невнятица, – вынужден был признать Сергей, посмотрев на результат работы Макара.

– Вот именно. Возможно, я что-то пропустил, поэтому и нужно составить алфавит и сравнить его с теми буквами, которые использовала Наташа. Но, боюсь, самое простое объяснение – то, которое ты предложил, – не подходит. Шифр сложнее.

– Эх, а как отлично бы все получалось!

– А самое главное – никакой тебе решетки Кардано, – вздохнул Илюшин. – Честно говоря, я надеюсь на то, что буквы, которых нет в манускрипте, нужно будет просто поменять местами, и тогда получится осмысленный текст. То есть Куликова использовала две ступени шифровки. Но для этого нужно точно знать, какие именно буквы не совпадают с записанными в манускрипте. С ними и будем работать.

– А откуда ты возьмешь алгоритм перестановки?

– Буду изобретать на ходу. Может быть, окажется достаточным прочесть слова справа налево... Или через одну букву.

Сергей скептически хмыкнул, но присоединился к напарнику.

Тщетность их усилий стала очевидна довольно скоро, и Бабкин рассерженно скомкал и отбросил в сторону лист, на котором до этого старательно выводил иероглифического вида значки.

– Макар, их слишком мало! Из этих букв ничего не составишь.

Илюшин взъерошил волосы:

– М-да... Подобие русской «тэ», она же, может быть, «эм», английская «эн» с хвостиком, и еще «ви», русская «у»... Или это не «у»?

– Да в этих закорючках сам черт ногу сломит! Вот эта, седьмая во второй строке, – это что, перекрученная «эс» или недоделанная «е»? Если «эс», то ее нет в манускрипте. А если «е», то есть. И как быть?

Макар вскочил, потянулся, сделал два круга по комнате и остановился посередине, озирая сверху рассыпанные листы.

– Что-то не то мы делаем, – констатировал он. – Все должно быть гораздо проще.

– Проще?! – поразился Бабкин. – А кто утверждал, что шифр Куликовой повторяет шифр манускрипта? И ты по-прежнему думаешь, что этот простой шифр целая толпа ученых не может разобрать последние... сколько? Лет сорок?

– Сто, – уточнил Илюшин. – Чуть меньше ста лет.

– Замечательно! Значит, именно над простым шифром они бьются сто лет. И, кроме ученых, еще разнообразные энтузиасты, жаждущие славы. Нет, мой самонадеянный друг, – передразнил он Макара, – можешь приводить сколько угодно примеров из научной фантастики, но скажу тебе вот что: даже твоего бодрого наскока вместе с уверенностью в своих силах не хватит, чтобы прочесть манускрипт. Иначе он давно бы уже был прочтен. Если Куликова действительно расшифровала его, а затем использовала тот же способ, чтобы закодировать свое собственное послание, то мы с тобой проиграли.

Макар озабоченно взглянул на Сергея и вдруг щелкнул пальцами:

– Слушай, а ведь ты совершенно прав!

– Даже не знаю, стоит ли этому радоваться, – проворчал Бабкин.

– Нет, ты не понял! Даже если Куликова разобралась с манускриптом, для послания она, конечно же, использовала другой шифр. А одуванчик – для отвода глаз, как мы и предполагали.

– Что-то я не помню, чтобы мы такое предполагали, – с сомнением

отозвался Сергей. – Слишком тщательная прорисовка деталей, ты не находишь?

– Если она подражала рисункам рукописи Войнича, то это как раз объяснимо. Нет, Серега, мы возвращаемся к тому, что ее шифр должен быть довольно простым...

– Или мы возвращаемся к тому, что он адресный, а значит, у получателя есть решетка.

Макар задумался.

– Адресный, адресный... – пробормотал он. – Мой адрес не дом и не улица, мой адрес Советский Союз... Серега, ты навел меня на мысль.

Сергей изобразил на лице недоверие, переходящее в восторг.

– Я только сейчас сообразил, что мы с тобой забыли выяснить одну небольшую деталь, – продолжал Илюшин, не обращая внимания на пантомиму Бабкина. – Мне нужно поговорить с отчимом Арефьева!

Он вышел в другую комнату, оставив Сергея сидеть над разбросанными листами.

– Китайская грамота какая-то... – пробормотал тот. – Так, минуточку!

Он встал и наклонился над рабочим столом Макара, выискивая оригинал послания Наташи Куликовой. Нашел – и направился к окну, изучая страницу на просвет, как поддельную купюру.

За этим занятием и застал его возвратившийся Илюшин.

– А ты знаешь, что Арефьев был вполне удачливым кладоискателем? – огорошил он с порога Сергея. – Его отчим говорит, что едва ли не каждая вторая поездка Максима оканчивалась успешно.

Бабкин оторвался от листа, нахмурился:

– Подожди-ка... А что же нам его дядя Пушкин пудрил мозги, говорил о бесполезности хождения по лесам-полям? Призывал к упорному труду вместо надежд на быстрое обогащение?

– Насчет быстрого обогащения не скажу, но Борис Осипович утверждает, что хобби сына вполне окупалось. Из одной из своих поездок Арефьев привез несколько антикварных серебряных подносов, которые у него с руками оторвали на интернет-аукционе. А тремя месяцами позже в старом доме, который готовили под снос, нашел под подоконником тайник, в котором были припрятаны золотые украшения. Правда, по словам отчима, дешевые и низкой пробы, но дело не в этом. Выходит, у парня нюх на клады.

– И его дядя не мог об этом не знать, – закончил Бабкин. – Тогда зачем он нам соврал?

Борис Осипович выключил телефон и потер воспаленные глаза. «Какое-то сумасшествие. Снова этот частный сыщик... Что же такое происходит? Сперва Наташа, потом Максим... Не дай бог, с Лешкой что-нибудь случится!»

Он набрал номер Баренцева и почувствовал облегчение, когда ему ответили.

– Да, дядьБорь! – взволнованно крикнул Лешка. – Что случилось, дядьБорь?!

– Здравствуй, Алеш. Ничего пока не случилось. А звоню я предупредить, чтобы ты был осторожен. Видишь, какие дела у нас творятся...

Баренцев выдохнул:

– Фу-у-ух! Я уж думал, с Максом чего... Перепугался! Ну как он, дядь Борь?

– К операции его готовят, Алеш. Будут делать трепанацию черепа. Нашли у него гематому, ее нужно удалять.

Он вкратце повторил то, что часом ранее объяснял ему нейрохирург, показывая на томограмме, где находится гематома. Лешка выслушал объяснение, помолчал, потом напряженно спросил:

– Дядь Борь, вы меня извините, конечно, за бестактный вопрос... Операция рискованная?

Мимо Бориса Осиповича просеменила толстая уборщица с ведром в руке. На ведре красной краской было намалевано: «Чистое».

– Чистое, – повторил он вслух, стараясь отогнать слово «трепанация», которое не выходило у него из головы с той самой секунды, когда его совершенно обыденным тоном произнес нейрохирург.

– Не понял... – озадаченно сказал в трубке Баренцев, и Борис Осипович спохватился: – Прости, Леш, заговорился! Операция рискованная, но врач говорит, что все обойдется. Он мужик такой, уверенный. Конечно, опасно, что тут говорить, но гематому оставлять нельзя.

– Макс в сознание так и не приходил?

– Нет. Если все будет хорошо, то должен очнуться после операции. Часов через пять, как только отойдет от наркоза.

– А когда операция?

– Скоро. Пока что Максимке голову бреют и готовят операционную.

– Ох ты ж елки... – всполошился Баренцев. – Дядя Боря! Вот чего – давайте я к вам приеду! Или у вас уже тетя Таня прилетела?

– Нет, не прилетела она. Из аэропорта звонила, что рейс задерживают – чуть не плакала.

– Ну так я сейчас на машине до вас долечу мигом! Здесь от меня толку никакого. Хотел помочь Тошку искать – так, говорят, не нужен я им со своей помощью, сами справятся... Вижу я, как они справляются! А вам я реально помочь могу.

– Реально... – улыбнулся Борис Осипович. – И конкретно. Нет, Алеш, спасибо тебе большое, но только тебя в реанимационную палату не пустят. Меня-то еле пустили, а уж с тобой и подавно церемониться не будут. И потом, нечего двоим мужикам здесь делать.

– Я моральную поддержку стану оказывать, – умоляюще сказал Баренцев. – Честное слово, вам со мной легче будет!

– Не сомневаюсь. Только я буду в реанимации возле Максима сидеть, а ты снаружи возле госпиталя бродить. Вот и вся моральная поддержка. Так что не выдумывай! Я тебе буду звонить, держать в курсе.

– Ладно, – неохотно согласился Лешка. – А точно меня в реанимацию не пустят? Я денег дам!

– Точно-точно. Тут порядки суровые, не зря военным госпиталем называются.

Борис Осипович поколебался и добавил:

– Вот я о чем попрошу тебя: позвони Александру, расскажи ему, что мы к операции готовимся. Он, должно быть, тоже за Максима переживает, а меня спросить о состоянии племянника ему гордость не позволяет. Сделаешь?

– Сделаю, дядьБорь. Держитесь там, типа хвост пистолетом и все такое...

– Хорошо. Я позвоню, Алеш. Береги себя!

«Берегу, берегу, – мрачно подумал Лешка, закончив разговор. – Пушкину позвонить, значит... Беспокоится он, как же! Гордость ему чего-то там не позволяет!»

Он вышел из машины и поднял воротник – холодный майский дождь постепенно расходился, пара капель упала за шиворот, заставив поежиться. Лешка подошел к арендованному складу и прикинул, пойти ли ему к Арефьеву-старшему или достаточно будет позвонить. «Не надо бы так часто перед Пушкиным мелькать...»

В отдалении показалась группа подростков, человек пять – низкорослые, сутулые, в капюшонах, натянутых на стриженные головы.

Лешка проводил их неприязненным взглядом. Мальчишки добежали до главного корпуса, но, вместо того чтобы зайти внутрь, обогнули здание и скрылись за ним.

«Куда это вы направились, голубчики?» – заинтересовался Баренцев, зная, что там нет ничего, кроме наособицу стоявшего хозяйственного сарая. Он прикрыл дверь машины и направился вслед за воспитанниками, ускоряя шаг.

К дождю прибавился ветер, и Лешка припустил бегом. Но только он завернул за угол, как тут же столкнулся с человеком, о котором думал всего минуту назад.

– Ты что ломишься как сумасшедший? – недовольно спросил Александр Сергеевич Арефьев, отстраняясь от него.

– Дядя Саша! Здрасьте.

– «Здрасьте»... Здоровались уже!

– Точно, я и забыл, – заулыбался Баренцев, но директор подхватил его под руку и поволок за собой, быстро удаляясь от маленького квадратного здания с крошечным окошком.

– Э-э-э, дядя Саша, стойте! Я ведь не просто так бежал, а за вашими охламонами. Что это они у вас без присмотра разгуливают по всей территории? Видели? Они к сараю рванули!

– А... К сараю... Да я им там цех для занятий трудом оборудовал, – не сразу ответил Арефьев. – Пускай занимаются.

– Цех? – недоверчиво переспросил Лешка, останавливаясь и отнимая руку. – У вас же в подвале кабинет труда!

– В подвале – не в подвале... Тебе какое дело?! – неожиданно разозлился директор. – Что ты все шныряешь, как ищейка?! Выгоню тебя к чертовой матери, и ищи другое место под свои дела!

– Да вы чего, дядя Саша, – примирительно сказал Лешка. – Я ж ничего плохого не хотел! Только вас предупредить, чтобы следили за своими пацанами.

– Предупредил – и все на этом. – Александр Сергеевич зашел под навес, зябко потер руки.

Видя, что он успокоился, Баренцев проговорил:

– Макс скоро операцию будут делать. Из головы какую-то гадость вырезать.

Директор бросил на него быстрый взгляд:

– Откуда знаешь?

– Дядя Боря сказал. Он у Макса в больнице. Ладно, пойду я...

– Постой. – Александр Сергеевич снова ухватил Лешку за рукав. –

Торопливый ты какой, честное слово! Слушай: я сам Осиповичу звонить не буду, мы не разговариваем. Как узнаешь, чем операция кончилась, позвони мне. Договорились?

– Конечно, дядь Саш! Я ж понимаю, вы тоже беспокоитесь. Ладно, побегу – мои ребята ждут...

Баренцев выскочил из-под навеса и припустил к складу. Директор постоял, хмуро глядя ему вслед, и быстрыми шагами направился туда, откуда недавно ушел – к старому сараю.

* * *

С размещением Джона вышло удачно: из дома, который он хотел снять на время пребывания в Праге, хозяин выезжал лишь через два дня, и на это время Джон собирался остановиться у меня. Он с интересом осмотрел мое жилище, надолго задержавшись в лаборатории, а потом поднявшись по лестнице наверх. Второй ярус моей башни вполне приспособлен под нужды даже такого капризного гостя, как Джон. На самый верхний этаж мой наставник не полез: подозрительно взглянув на закручивающуюся спиралью лестницу, он спросил, что там, наверху, и, услышав, что ничего, кроме единственной комнаты с кроватью, отрицательно покачал головой.

– Кажется, я становлюсь слишком стар, – со вздохом признался он. – Удивляюсь, как у тебя хватает сил карабкаться вверх-вниз каждый божий день.

Я оглядел его и нашел, что, в отличие от меня, он мало изменился. Все та же горделивая посадка головы, та же ухоженная длинная борода, та же привычка поглаживать ее, придающая Джону солидности. Хотя, видит бог, и он без этого выглядит внушительно – как и подобает первому алхимику Англии.

И характер его не претерпел никаких изменений. По-прежнему причудливо смешивались в нем снисходительное отношение ко мне и восхищение моим «даром». Он покровительственно похлопал меня по плечу, услышав, что я занимаю весомое место при дворе, и напомнил, что все это лишь благодаря тому, что в Прагу я прибыл вместе с ним.

– Моя слава, дорогой Эдвард, накрыла тебя, словно крылом, – высокопарно выразился он.

Мне захотелось сбить с него спесь, но я слишком долго не видел Джона и забыл, что сбить с него спесь так же трудно, как вытащить черепаху из панциря. Он говорил, упиваясь своей речью, и мне оставалось

только слушать. Цель его поездки состояла в том, чтобы создать под патронажем Рудольфа сообщество алхимиков.

– Десятки проходимцев и лгунов называют себя алхимиками, не краснея от бесстыжего обмана. Непосвященному сложно опознать настоящего ученого среди этих сорняков. Но мы создадим орден, попасть в который будет не так-то просто! Я уже придумал кое-что... Ты поддержишь меня, дабы мое выступление перед императором выглядело еще убедительней.

Увлеченность наставника этим детским проектом показалась мне забавной. Конечно же, во главе ордена он видел самого себя, я и не удивился бы, если б оказалось, что Джон будет и его единственным членом. Соперничества он и прежде не терпел, а сейчас, постарев, стал еще более нетерпим к другим алхимикам.

– Ну что же, а как ты поживаешь? – спросил он наконец, закончив свое повествование. – Ты должен быть благодарен судьбе за свою жизнь, однако я читаю по твоему лицу, что ты не всем доволен. Вспомни о том, кем ты был, и подумай, кем ты стал, прежде чем роптать!

Я предпочел пропустить это цветистое заявление мимо ушей, и рассказал Джону о старом Якобе. Суть истории я оставил нетронутой, поведав, что старик владеет тем, что мне очень хотелось бы получить. Но вопрос содержания книги я ловко обошел, сказав лишь, что результаты опытов видел своими глазами и они поразили меня.

Как видите, сам черт не подал бы все это так ловко. С губ моих не слетело ни слова лжи. Более того, я рассказал Джону, к каким уловкам вынужден был прибегать, чтобы заставить хозяина книги согласиться на сделку, и он хохотал, слушая, как я возился с сундуком и брал уроки у плотника.

– Ты молодец, Эдвард! – Он вытер слезы, выступившие от смеха. – Потакать старому безумцу в его прихоти – на такое не каждый бы согласился. Твое поведение выставляет тебя настоящим ученым. Должно быть, ты и впрямь загорелся получить эту рукопись!

Я не стал называть Джону сумму, которую должен был заплатить за манускрипт. К чему? Столь непомерная цена могла навести его на подозрения относительно того, что содержалось в книге.

– Каков же будет твой совет? – спросил я, закончив рассказ. – Что, если старик снова откажется исполнять обещание, и я останусь ни с чем?

Он задумался.

– Не кроется ли причина его упрямства в тебе самом? – предположил наконец Джон, проявив проницательность. – Быть может, отчего-то он не

хочет, чтобы его собственность попала именно в твои руки?

– Возможно. И что же мне делать в этом случае?

– Ответ прост, мой милый Эдвард: отправь к нему другого покупателя, который сможет понравиться старику. Молодую женщину? Такого же, как и он, древнего старца? О, нет-нет, не смотри на меня! – рассмеялся он. – Я готов оказать тебе любую услугу, но разговоры с безумцами выше моих сил!

– Якоб вовсе не такой уж древний старец, – пробормотал я.

У меня и в мыслях не было просить Джона о помощи в моем щекотливом деле. Знай он о том, что в действительности стоит на карте в нашей с Якобом сделке, он первым бросился бы к дому старика и захлопнул бы дверь перед моим носом, случись мне добежать вторым. Там, где речь идет о сражении за звание первого алхимика, Джон всегда был непреклонен. Я уверен, что и сейчас его отказ помочь мне имел свою подоплеку: Джону страшно не хотелось, чтобы я пришел к императору с каким бы то ни было открытием, пусть даже сделанным другими. Он слишком ревнив во всем, что касается успехов других!

Я поблагодарил Джона за совет и, заметив, что он скрывает зевоту, предложил ему отправиться отдыхать. Молли привела в порядок дальнюю комнату, как раз предназначавшуюся для гостей, но ни разу не использованную в этом качестве. Играя роль гостеприимного хозяина, встретившего старого друга, я пошел проверить, все ли там в порядке.

Не знаю, много ли времени я провел там, задумавшись и машинально переставляя с места на место предметы на столе. Но когда я вернулся и заглянул в гостиную, то увидел Джона, уснувшего в кресле возле камина. Он мирно похрапывал, и его пушистые усы вздымались и опадали, будто под дуновением ветра.

Подойдя к нему, я придвинул второе кресло и присел, вглядываясь в морщинистое лицо, на щеках которого, как и много лет назад, по-прежнему лежал розоватый румянец.

Странное дело... Когда-то я не испытывал к Джону ничего, кроме презрения. Так вор презирает обворовываемого. Поверьте, для меня нет ничего унижительного в таком сравнении. Я пользовался домом Джона, связями Джона, знаниями Джона, его готовностью учить меня и смеялся старику в лицо.

Постепенно к презрению добавилось негодование. Даже спустя пять лет после нашей встречи самодовольный дурак считал, что невероятно облагодетельствовал меня, хотя без моих «бесед» с духами он был бы никому не интересен. Сколько раз я взрывался в гнев, услышав это! Но

Джон не в силах был понять, чем вызваны мои вспышки... Старик не лишен внутреннего чутья и потому ощущал, сколь сильна моя неприязнь – наверное, оттого-то он меня и побаивался. Со временем я начал подозревать, что он догадался о причинах моего появления в его доме и о том, что я хотел лишь использовать его... Но Джон не признался бы в этом даже самому себе. Как же! Ведь тогда пришлось бы согласиться с тем, что он, великий алхимик, пал жертвой проходимца! Куда как приятнее видеть себя наставником молодого одаренного духовидца.

Признаюсь, случались такие минуты, когда я лелеял в душе замысел убийства. Я ненавидел сэра Джона Ди, у которого было так много, за его нежелание делиться со мной. Почему мое имя не произносят с приставкой «сэр»?! Почему не я владею поместьем на окраине Лондона? Почему не я обласкан королевой – заметьте, без всяких усилий! – и не приближен ею к себе?

Зависть, скажете вы? Да. Не стану возражать. Я люто завидовал Джону и оттого ненавидел его. Своими шуточками я брал реванш за то, что ему дано больше, чем мне, и то, что я выцарапываю у судьбы с боем, он получает на золотом блюде.

Однако со временем что-то изменилось. Его доверчивость, его слепая готовность действовать по всем моим указаниям, его признание моей «одаренности» породили в моей душе нечто вроде жалости. Именно ее я ощущаю сейчас, глядя на спящего старика. Смешно сказать: я жалею его за то, что именно меня ему суждено было встретить на жизненном пути. Звучит вдвойне нелепо оттого, что без меня он не добился бы и десятой доли признания, которое получил в последние годы! И все же меня не оставляет это странное чувство.

А еще – привязанность. Как странно выговаривать это – «привязанность»... Сам удивляюсь собственной слабости – я всегда считал, что лишен ее, и это выгодно отличает меня от прочих двуногих.

Сейчас, с вершины пройденного пути, я вижу все недостатки своего наставника: трусоватый лицемер и ханжа – впрочем, не в большей степени, чем окружающие его, – чрезвычайно зависимый от общественного мнения. Самого себя он считает гениальным ученым, что весьма далеко от истины, и при том крайне ревностно относится к успехам других, особенно на выбранном им поприще. Образ седовласого старца, умудренного опытом, прилип к нему как мокрый лист, но мне хорошо видно, что там, под этим листом!

Отчего же мне хочется погладить его по седой голове, как матери хочется приласкать своего неразумного ребенка, пусть даже не

оправдавшего ее надежд? Откуда во мне взялась эта вздорная сентиментальность? Я молод, мне нет и сорока, и вряд ли это грядущая старость таким образом намекает о своем скором прибытии...

Джон вздохнул, дернулся во сне, и рука его безвольно упала. Я бережно приподнял сухую узкую ладонь, положил на подлокотник кресла и вышел.

* * *

Три следующих дня прошли для меня словно во сне. Джон переехал в освободившийся дом, но я почти не заметил этого, погруженный в свои думы. Денег, что я собрал для Якоба, не хватило до полной суммы – совсем немного, но и этого мне неоткуда было взять. Пришлось без промедления заниматься, и город пополнился новыми слухами: Эдвард Келли разорен.

Джон добился скорой аудиенции у короля, и мне пришлось присутствовать при том, как он расписывает перед Рудольфом достоинства своего будущего ордена. Джон был так напыщен при этом, так велеречив и полон такой спеси, что я испугался королевского гнева, ибо последнее время Рудольф был скор на расправу. Не смешно ли: когда-то Джон опасался, что я выставлю его перед королевой в нелепом свете, а теперь наступила моя очередь тревожиться о том же.

Но все прошло благополучно. Я произнес слова, которых требовали от меня обстоятельства, и, по-моему, был убедителен. Хотя Джон по окончании приема сухо сообщил, что мне не мешало бы высказаться красноречивее.

Я не слушал ворчания старика. Приближался миг, одна мысль о котором заставляла мое сердце колотиться от волнения.

Деньги – их было теперь ровно столько, сколько потребовал Якоб, – я сложил в мешок. Его тяжесть навела на мысль о том, что, если ночью на меня нападут грабители, я буду неспособен даже сбежать от них. Бросить все свое состояние, которое я собирался обменять на книгу, я бы не смог.

Конечно, нужно было нанять охрану, но я опасался всех и вся. «Что, если охранники разболтают, куда ходил Эдвард Келли? – терзался я. – Или решат отнять мое золото, а меня прикончат и сбросят в воды Влтавы?!» В таких мучительных сомнениях я провел последний день перед встречей, и, когда солнце, прощаясь с городом, мазнуло по крышам мягким золотым светом, у меня еще не было ни одной идеи.

Несмотря на это, после заката на меня снизошло странное

спокойствие. Тревоги и страхи осели на дно души. Неторопливо собравшись, отрешенно, но очень внимательно, словно идя в последний путь, я проверил, легко ли скользит из ножен шпага. Теперь меня не страшило нападение грабителей.

Я радовался произошедшей со мной неожиданной метаморфозе, однако цена этому спокойствию оказалась невысока – стоило кому-то громко постучать в дверь, и я в один миг покрылся холодным потом. Уговаривая себя, что поздний визитер не может быть ничем мне страшен, я спустился вниз. Каково же было мое облегчение, когда я увидел за дверью Молли! Облегчение быстро сменилось удивлением:

– Что ты делаешь здесь одна в такой поздний час? Зачем ты пришла? Уходи, сейчас мне не до тебя!

– Господин Эдвард, я не за этим, – возразила служанка, покраснев. – Господин Якоб нынче утром, когда я готовила, пришел на кухню – сам, только представьте! – и велел мне сопровождать вас. А ведь раньше этого никогда не бывало!

– Чего не бывало?

– Чтобы господин Якоб приходил ко мне, когда я готовлю. Он всегда говорил, что не любит запах разделанного мяса. Его просто с души воротит, как почувствует вонь! Это его слова, про вонь, а мне-то нравится, да и мясо я для него выбираю свежее... Ни разу не случилось такого, чтобы я накормила господина Якоба старым мясом! Вот если бы на моем месте была Берта, она обязательно смошенничала бы, да еще и приготовила невкусный обед! А я-то беру у мясника, что стоит возле моста каждый день, и он знает меня...

– Да замолчишь ты или нет?! – возопил я, прерывая ее словоизвержение.

Невероятно: и эту женщину я считал молчаливой?! Кто же тогда болтливая по сравнению с ней?!

– Зачем ты должна пойти со мной?

– Я не знаю! – Молли замотала головой. – Но господин Якоб обещал мне хорошо заплатить, если я помогу вам.

Подумав, я решил, что ничего не теряю от ее присутствия, а Молли и впрямь может быть полезна. Так что я разрешил ей зайти. Оставалось совсем немного времени до того часа, когда мы должны были покинуть башню.

Когда над Прагой сгустилась ночь, я поднял мешок, закинул его за плечо и сделал Молли знак: «Выходим». Меня не покидало ощущение, что я выступаю в долгий поход, а маленькая служанка – мой оруженосец.

С первых же шагов ночной город ощерился на меня каменными пастями львов и горгулий, оглушил меня неестественной тишиной. Никогда прежде, идя по Праге ночью, не слышал я такого безмолвия. Песни гуляк, ругательства подвыпивших нищих-забуддыг, окрики стражи, вздохи и стоны в укромной подворотне – вот колыбельная любого места, где живут люди. Но нынче ночью она не звучала.

Вместо этого нас с Молли всю дорогу сопровождала протяжная, жалобная песня ночного ветра. Он подкрадывался к нам исподтишка, забирался под одежды, вызывая озноб. Ветер сбивал с ног, вылетая из-за угла, и ловил нас в подворотнях, задувая с такой силой, что приходилось жаться к стене. Плащ мой оказался слишком легок, и я мерз в нем; Молли зябко ежилась в своей тонкой накидке, но не жаловалась.

Тяжелый мешок за моей спиной не давал идти быстро, и мы брели, как два уставших пилигрима, ищущие ночлег.

Никто не встретился нам по пути: ни лихие люди, которых много бродит по западной окраине города, ни караульные, ни дешевые потаскухи из тех, что собираются по ночам возле моста на той стороне Влтавы. Против воли я подумал, что обрадовался бы любому встреченному человеческому существу, даже бродяге, решившему выпросить у меня пару медяков. Но и бродяги исчезли в ту ночь из Праги.

Когда мы приблизились к жилищу Якоба, я поставил мешок на землю у ног и огляделся. Никого не видно. Прислушался, пытаюсь уловить, не раздастся ли в кустах шепот затаившихся грабителей, но услышал лишь насмешливое посвистывание ветра. В «Хромом Копыте» тускло светилось незаколоченное окно, и было похоже, что дом смотрит на нас единственным глазом, подобно своему хозяину.

За спиной тихонько вздохнула Молли, молчавшая всю дорогу.

– Прошу вас, давайте вернемся! – зашептала она. – Утром я видела, что господин Якоб достал откуда-то ту самую книгу, над которой он бился столько времени. Честное слово, не к добру это! Она принесет беду и вам, и ему, я это чувствую!

– Достал книгу?! – Я обернулся к ней, будто ужаленный. – И что сделал с ней?

– Кажется, унес в подвал... Но я не знаю точно.

Я подхватил мешок и решительно двинулся к дверям, не обращая внимания на нытье Молли за спиной. Необдуманно брошенные ею слова

лишь вселили в меня уверенность. Где-то там, в глубине дома, меня ждала книга – почти моя! – и никто на свете не смог бы остановить меня в эту минуту.

Вездесущий ветер услужливо приоткрыл перед нами дверь и первым просочился в щель. Мы вошли в дом, и я запер засов – не хватало еще, чтобы кто-нибудь наведалься к старику в неподходящее время и помешал нам.

В комнатах горели свечи, и тени плясали на полу и стенах. Странно, но огоньки, приносящие тепло и свет везде, где бы их ни зажгли, делали дом Якоба еще более мрачным. В их неярком мерцании бросалось в глаза запустение, царившее в гостиной, и анфилада уходящих вглубь комнат, казалось, таила опасность.

Молли схватила меня за руку ледяной ладонью.

– Неужели все это господин Якоб зажег? – прошептала она. – Что-то не верится...

Стоило ей выговорить это, как и я поймал себя на том, что не могу представить старика, бредущим от свечи к свече, терпеливо зажигающим каждую из них. Молли высказала вслух то, что я смутно ощущал: в этом доме не чувствовалось присутствия человека, словно свечи загорались сами собой, и сами собой же и гасли.

– Прекрати! – сердито приказал я служанке. – Зачем только старый дурак велел тебе притащиться со мной?!

Я припомнил, что сказал мне Якоб. Не зажигая свечей, спуститься в подземелье, где будет ждать книга – на столе слева. Нет, на столе я должен оставить деньги! А про книгу старик ничего не сказал...

Что ж, нужно следовать его приказу.

– Я пойду вниз, – вполголоса предупредил я Молли. – Жди меня здесь.

– Вот уж нет! Я пойду с вами. Ни за что здесь не останусь!

В черных глазах служанки вспыхнуло упрямство, и я решил не спорить. В конце концов, она и так знает, чего я добиваюсь, а потому можно не скрываться от нее.

– Хорошо, но только веди себя тихо. Если испортишь мне все дело... Клянусь, придушу тебя своими руками!

Я поднял мешок и подошел к двери, за которой скрывалась лестница, ведущая в подземелье. Мне показалось – или же изнутри и впрямь донесся приглушенный смех? Что так развеселило помешанного старика, что он хохочет, находясь в полном одиночестве? Сжав зубы, я толкнул дверь и оказался в крошечной тьме, где не горела ни одна свеча.

Только я собирался приказать Молли принести свечу, как вспомнил

предупреждение Якоба: «Свечей не зажигай, я позабочусь об этом».

– Позаботился он, как же! – сквозь зубы процедил я. – Даю голову на отсечение, это сделано не случайно.

– Но как же мы спустимся? – обескураженно спросила Молли, заглядывая через мое плечо в подвал.

Оттуда снова, на сей раз вполне отчетливо, раздался смех. Меня охватила уверенность, что старик издевается над нами. Он знает, что я стою здесь, не решаясь сделать шаг, и душа его радуется!

– Смотри же, я не предоставлю тебе больше поводов для веселья, – зло пообещал я и, перехватив мешок покрепче, поставил ногу на ступеньку.

Идти оказалось тяжелее, чем я предполагал. Ступени были скользкими, будто их намазали свиным жиром, и я боялся упасть и переломать себе ноги. Впрочем, останься я безногим, я пополз бы к Якобу на животе – чтоб ему гореть в аду со своими шутками!

Шаг за шагом, держась за стену, мы с Молли преодолели все ступени – мне показалось, их было не меньше сотни, хотя в действительности не набралось бы и двух десятков. Она изо всех сил помогала, и я подумал, что Якоб предложил служанке немало денег, раз она так заботится обо мне.

Но размышлять над этим было не с руки: перед нами высилась вторая дверь, за которой скрывалась лаборатория Якоба. За ней хриплый голос бормотал что-то. Сперва я подумал, что старик напевает песню, но затем прислушался и вдруг понял – он отсчитывает двенадцать ударов. Полночь! Время, когда я должен прийти к нему!

Поспешно толкнул я дверь и вошел, нет, почти вбежал, волоча по полу мешок. Якоб, стоявший посреди комнаты, обернулся ко мне, прищурил свой глаз и нетерпеливо взмахнул рукой:

– Йозеф, это ты? Входи, входи же.

Подземелье не изменилось: для поверхностного взгляда оно по-прежнему выглядело так, словно здесь никогда не ставили опыты, не получали золото из камня... Молли бесшумно протиснулась следом за мной и шмыгнула в дальний угол, где застыла, словно статуя.

Старик не обратил на нее внимания, увлеченный своим делом: он что-то чертил в тетради, лежащей перед ним. Палка, с которой он иногда передвигался по дому, стояла рядом, прислоненная к стене. Вид Якоба был так же дик, как при первой нашей встрече: длинная белая рубаша, больше похожая на ночное платье, нечесаная борода, клочья седых волос, обрамляющих лицо, наполовину закрытое черной повязкой. Полупризрачный, неприкаянный дух этого дома, хранящий свое сокровище в неприкосновенности... Неужели он наконец-то отдаст его

мне?

– Я принес деньги, – сказал я, взгромоздив мешок на стол – тот, что стоял слева.

Якоб показал мне жестом, что я мешаю ему, и вернулся к своему занятию. Некоторое время я терпеливо ждал, но старик, похоже, забыл про наше присутствие.

– Господин Якоб! – позвал я осторожно.

Он снова махнул рукой, на этот раз раздраженно, и с уст его сорвалось что-то нелестное в мой адрес.

Меня охватило недоброе предчувствие. Что, если я ошибся, считая все увиденное приготовлением к моей встрече? Что, если каждую ночь Якоб зажигает наверху свечи, а на лестнице в подzemелье ему это без надобности, потому что хватает света лампы, чадящей сейчас на столе? Что, если наружная дверь была не заперта лишь потому, что владелец дома забыл задвинуть засов?

Но я заставил себя прогнать эти мысли и сказал негромко, но твердо:

– Господин Якоб, вы помните о нашей сделке? Я жду манускрипт.

Он не ответил. Перо его с шуршанием скользило по бумаге.

– Господин Якоб!

Клякса сорвалась с кончика пера, и старик вскочил, гневно уставившись на меня:

– Как ты смеешь мешать мне?

– Мы заключили сделку! Я отдаю вам семь с половиной тысяч фунтов в обмен на книгу!

– Какую еще книгу?!

– Ту, с помощью которой вы забили золотом свой тайник, что был за платяным шкафом!

Он осекся и некоторое время смотрел на меня, будто вспоминая. По спине у меня сползла струйка холодного пота. Он притворяется?! Играет со мной, подобно кошке, забавляющейся с мышью? Или в самом деле память подвела его, лишив воспоминаний о заключенной нами сделке?

– Да... припоминаю... – сиплым голосом проговорил Якоб, и я едва не вскрикнул от облегчения. – Значит, ты принес деньги?

– Именно так.

Он пожал плечами, наклонился и достал откуда-то из-под стола манускрипт. После чего с небрежностью бросил его на стол возле моего мешка.

У меня перехватило дыхание. Жадно смотрел я на книгу и хотел только одного: взять ее в руки. Вот она, дорога к богатству, почету и

признанию! Но между мной и манускриптом стоял Якоб, витающий в стране своих видений. Теперь, когда я видел свое сокровище, он был не более, чем помехой.

– Наша сделка состоялась? – спросил я у него и, не дождавшись ответа, шагнул к манускрипту, оттолкнув старика. «Сбылось! Наконец-то, сбылось!»

Но мое неосторожное движение словно нарушило равновесие, царившее в темной душе Якоба. Стоило мне прикоснуться к нему, как глаз его сверкнул яростью, и старик отскочил в сторону.

– Ты не тот, за кого выдаешь себя! – прошипел он и проворно схватил манускрипт, прежде чем я успел что-либо сделать. – Прочь! Прочь!

– Но я...

– Нет!

– Возьмите все, только отдайте книгу!

– Забирай свои деньги и уходи! Они не нужны мне!

– Господин Якоб, это же я, Йозеф! – в отчаянии завопил я, отказываясь верить, что все потеряно.

Но страшный перелом, которого я опасался, свершился: старик больше не видел во мне плотника.

– Ты не Йо-о-озеф! – протяжно выговорил он, качая головой. – О нет, только не он. Йозеф умер, а ты надел его платье и использовал личину бедного малого, чтобы втереться ко мне в доверие. Но я не так прост, как ты думаешь! Нет, тебе не похитить ее!

Он прижал книгу к груди, цепко обхватив ее крепкими пальцами. Я смотрел на него, не в силах поверить, что все разрушилось. Я продал все, что имел, брел через весь город, терзаясь от страха, спускался в кромешной тьме к нему в подземелье – и это было зря?! Всего шаг отделял меня от цели – и что же?! Я все потеряю лишь оттого, что Якоб вновь изменил решение под воздействием моего ничтожного промаха? Ни за что!

– Отдай ее мне! – крикнул я, наступая на него. – Отдай! Я сделал все, как ты хотел; я собрал деньги, я терпел тебя! Возьми то, что я принес, слышишь? Ты обещал мне, что сегодня ночью сделка состоится!

– Я обещал это не тебе! – презрительно бросил старик. – Ты недостоин! Убирайся отсюда!

– Ну уж нет, ни за что!

В слепой ярости я бросился на него, но старый мерзавец ждал нападения. С молниеносной быстротой он схватил свою кривую палку, прислоненную к стене, и обрушил на меня град ударов. Один, второй, третий! Я вскрикнул от боли и услышал, как взвизгнула в углу Молли.

– Ты! – приговаривал Якоб при каждом ударе, брызжа слюной. – Ты – ничтожество! Жалкий ублюдок! Отребье шлюхи! Пошел отсюда вон! Книгу он захотел! Как же! Ты получишь лишь свиной навоз, а не книгу!

Он наконец утомился и отбросил свое оружие в угол. Тяжело дыша, старик стоял передо мной, а я с ненавистью смотрел на него, прижимая ладонь к окровавленной губе.

– Отдай! – прохрипел я.

Якоб обернулся, взял манускрипт со стола и фыркнул мне в лицо:

– Никогда! Даже если бы я решился доверить тебе книгу, ты сам доказал, что не можешь стать ее владельцем! Обманщик, прикрывающийся чужим именем! Алчный проходимец, надеявшийся обмануть меня! На что ты рассчитывал?

– Ах вот как! – выдохнул я, и рука моя сама легла на эфес шпаги. – Значит, я не могу стать владельцем?!

Я медленно вытащил клинок из ножен, и металл тускло блеснул в пламени свечей.

– Ты угрожаешь мне? – Высокомерие в голосе Якоба не знало границ. – Ты?! Жалкий неудачник, возжелавший быть алхимиком?! У тебя не хватит духу даже на то, чтобы смиренно уйти из этого дома – нет, ты будешь мчаться, как трусливый заяц. Убирайся!

И он шагнул ко мне, потрясая манускриптом.

Видит бог, я лишь хотел остановить его! Не могу объяснить, как это вышло... У меня и в мыслях не было убивать старика! Он сам напоролся на острие шпаги, которую я выставил перед собой, – только для защиты!

Я вскрикнул и в страхе отдернул ее – но было поздно.

С легкостью сапожной иглы, прошивающей холстину, клинок вошел в грудь Якоба. Треснула рубаха, и из-под нее сразу потекло, обильно и густо, и закапало на пол. Когда я отскочил, сжимая шпагу, кровь полилась еще сильнее, но я смотрел не на кровь, а на лицо старика.

Сперва на нем отразилось удивление, затем он перевел взгляд вниз, на свою рану. Прижав к ней ладонь, старик попытался остановить кровь, но, поняв, что это не удастся, поднял глаза на меня. Содрогнувшись от увиденного в них, я отшатнулся, но Якоб шагнул ко мне, протягивая руку, с которой капала кровь. Шаг, второй... Он был уже почти мертвец, но ненависть, жившая в нем, толкала его вперед, ко мне.

– Ты-ы-ы, – прохрипел он с трудом, – ты... убил...

Он не договорил. Лицо его исказилось, и, выронив манускрипт, старик рухнул на каменный пол.

В подземелье воцарилась тишина. Я стоял посреди комнаты с

окровавленной шпагой, а у ног моих лежало бездыханное тело.

– Святые угодники... Что вы наделали?!

Молли, о которой я забыл, вышла из угла и осторожными шагами приблизилась ко мне, прижимая руки корту.

– Вы убили его, господин Эдвард! Он мертвый, совсем мертвый!

Меня объял ужас. Я перевел взгляд с нее на Якоба, и шпага выпала из моих пальцев, со звоном ударившись о плиты.

Служанка опустилась на колени возле старика, приложила пальцы к его губам и покачала головой:

– Ох, никому не выжить с такой раной...

Красная лужа, натекая из тела, подбиралась к ее подолу, и Молли вовремя отдернула юбки, чтобы не замочить их в крови. Встала, подняла шпагу и сунула ее мне:

– Возьмите, господин Эдвард. Она вам еще пригодится.

От ее деловитости я начал приходить в чувство. Первым делом, наклонившись, схватил манускрипт и спрятал за пазухой. Шпагу сунул в ножны, лихорадочно обтер руки о камзол, как будто на них оставалась кровь, и взглянул на Молли.

– Что же вы теперь станете делать? – спросила она.

– Что? Бежать отсюда и сделать вид, что я никогда здесь не появлялся! Или ты полагаешь, у меня есть выбор?!

– Но тело господина Якоба рано или поздно найдут, – возразила Молли. – Кто знает, вдруг соседи вспомнят о том, что видели вас возле его дома? Вы известный человек в Праге, вас многие знают. Должно быть, вы и не замечаете разных маленьких людей, но они смотрят и думают: «Вот идет Эдвард Келли, алхимик его величества Рудольфа Второго». Эти люди захотят ухватить кусочек от вашей славы, и потому выдадут вас, лишь бы потом рассказать об этом знакомым и родне. А законы нынче очень строги к убийцам!

Что ж, разумно, черт возьми! Она рассуждала очень верно, моя маленькая Молли. Но от ее рассуждений у меня мороз пробежал по коже. Я представил себя болтающимся на виселице, увидел толпу, хохочущую над моими мучениями, и сокрушенное лицо Джона, качающего головой... «Ах, Эдвард, Эдвард! Ведь я предупреждал тебя!»

Нет, ни за что! Будь проклят старый Якоб, из-за которого меня могут вздернуть.

– Я не хочу, чтобы вас повесили! – воскликнула Молли, будто прочитав мои мысли.

– Ты удивишься, девочка, но я хочу этого еще меньше. Остается

вопрос, как избежать виселицы...

Отойдя на несколько шагов от Якоба – вид его мертвого тела мешал мне сосредоточиться – я принялся размышлять. Быть может, старика найдут не скоро, но, найдя, поймут, что стало причиной его смерти. По всему выходило, что Молли права, но толку от ее правоты для меня было немного.

– Нам нужно спрятать его, – внезапно сказала она.

– Что?!

– Спрятать. Подумайте, господин Эдвард, – если никто не найдет тело, то никто не сможет и доказать, что господина Якоба убили! Может быть, он решил уехать в другой город? Или ушел в лес за своими колдовскими травами, и там на него напали разбойники? С ним могло приключиться все что угодно – ведь он был старый и к тому же не в своем уме, об этом всем известно.

Спрятать?! В самом деле! Меня поразило, как такая простая мысль не пришла в голову мне самому.

– Зарыть его в саду? – предложил я. – Или на заднем дворе?

– Нет-нет, это не годится! Нас могут заметить. Копать яму долго, а ведь нам нужно будет скрыть все следы. Если придут искать господина Якоба, то могут осмотреть сад и заметить, что там копали.

– Но что придумать? Что? Не можем же мы с тобой дотащить его до реки и сбросить труп в воду?.. – начал я и остановился на полуслове. Быть может, если мы завернем тело в ковер, то...

Но Молли прервала мои размышления:

– Нам не дойти до реки – стража охраняет мост, нас обязательно заметят. К тому же вы не донесете тело господина Якоба: путь слишком далек. Я придумала кое-что получше.

– Говори же!

– В сарае есть старая тачка. Она небольшая, но и господин Якоб невелик ростом. Я схожу за ней, мы положим в нее тело и закроем сверху старым тряпьем – целая куча его валяется наверху, в гостиной и в спальне. Лосиная роща начинается в миле отсюда, мы доберемся до нее и успеем закопать тело в лесу и вернуться до рассвета.

Я быстро обдумал то, что предложила Молли. На первый взгляд, изъянов в ее идее не было...

– Только нужно взять лопаты! – вспомнил я. Приняв мои слова за одобрение всего задуманного.

Молли метнулась к выходу.

– Я быстро! – крикнула она от дверей. – Только прикачу тачку и

поставлю ее возле самого крыльца!

Я не успел ничего сказать ей вслед – на лестнице раздался топот, хлопнула вторая, верхняя, дверь, и все стихло. Я остался наедине с телом.

Якоб лежал, свернувшись, и прижимал руки к окровавленной рубахе. Голова его была повернута вбок, как у спящего. Никогда еще ни один покойник не вызывал у меня такого трепета, как этот, отправленный на тот свет моими собственными руками. Я боялся подойти к нему, боялся прикоснуться, но вместе с тем не мог оторвать взгляда от его лица.

Черная повязка сползла вниз, но по-прежнему закрывала незрячее око Якоба. Движимый странным чувством, я подошел к телу, присел на корточки... Тишина вокруг меня звенела, как комар. Я наклонился и приподнял повязку.

Из-под нее на меня взглянул, как живой, покрытый бельмом глаз, и я содрогнулся от отвращения. Второй, здоровый, глаз покойника был закрыт, и мне подумалось: мертвец смотрит на меня мертвым глазом. Если бы вы видели это бельмо, эти желтые складки века, наползающие на редкие ресницы, вы бы поняли, о чем я говорю. По спине моей пробежала дрожь, и я торопливо опустил повязку на место.

Но стоило мне повернуться к телу спиной, как позади раздалось тихое шуршание. Воображение подсказало, что произошло: убитый поднес руку к лицу и снова поднял повязку, и теперь смотрит немигающим взглядом мне в спину. Я внезапно ощутил необъяснимый прилив страха и несколько минут стоял, боясь обернуться. Наконец здравомыслие взяло верх, и я заставил себя повернуться к трупу.

Если бы повязка на его незрячем глазу оказалась сдвинута хоть на дюйм, я бы повредился в уме. Но она находилась ровно в том же положении, в котором я ее оставил, и я выдохнул, неожиданно почувствовав, что руки мои дрожат.

Я призвал себя отринуть малодушие, и мое обращение к самому себе подействовало – тем более что я не поскупился на бранные слова. Обычно я щедро отсыпаю их другим, на сей же раз они пригодились для меня. В тот же миг послышались торопливые шаги, и в подземелье вбежала запыхавшаяся Молли, неся свернутый гобелен.

– Тачка наверху, – доложила она. – Я принесла это, чтобы вы не испачкались, когда понесете господина Якоба наверх.

Она бросила свою ношу под ноги, и выцветший ковер раскатился по полу. Эта женщина проявляла поразительное присутствие духа, и я почувствовал себя пристыженным. Пора было брать дело в свои руки!

– Бери его за запястья, но постарайся не испачкаться, – распорядился

я, вставая над телом старика. – Я возьму за ноги, и вместе мы переложим его.

Молли лишь покачала головой. Ни слова не говоря, она расстелила гобелен возле тела, обошла мертвеца с другой стороны, наклонилась и покатила с поразительной сноровкой, как если бы катать трупы было для нее привычным занятием. Якоб перевалился с правого бока на спину, снова на бок, на живот – и вот он уже лежит на ковре, а Молли утирает пот со лба.

– Ну вот, – удовлетворенно выдохнула она. – Готово. Понесли?

Если спуск в подzemелье показался мне долгим, что же говорить о подъеме! Тело Якоба я перевалил через плечо – оно оказалось весьма тяжелым, и потащился вверх со своей жутковатой ношей. Молли прибежала со свечой и освещала мне дорогу. Едва не упав на очередной ступени, я решил сбросить старика вниз и волочь его за собой, как мешок, но служанка возразила: «Нет, из него все еще течет кровь, мы оставим на лестнице следы». Я в очередной раз признал, что она права, и побрел вверх, кряхтя и моля Бога о том, чтобы все это поскорее завершилось.

Наверху по-прежнему стояла ночь – а мне-то казалось, прошло столько времени, что уже наступил день. В саду стрекотали цикады, и под их пение мы уложили Якоба в тележку и забросали сверху старыми тряпками. Получилась убедительная гора старья. Если бы не ночной час, мы вполне могли бы сойти за тех торговцев, что бродят по улицам, предлагая свой порою неожиданный товар и скупая вещи.

Я представил себя в роли старьевщика: «Не нужен ли кому мертвец! Алхимик, мертвый алхимик, кому сумасшедшего убитого алхимика?»

– Что с вами, господин Эдвард? – обеспокоенно спросила Молли. – Вы так странно улыбаетесь...

Да, кривая ухмылка на моем лице вряд ли могла бы сойти за улыбку радости. Я подхватил тачку, и старый Якоб навсегда покинул свое жилище в нашей компании. В конце концов, подумал я, компания могла быть и хуже, так что ему не на что жаловаться.

Чем дальше уходили мы от дома старика, тем большее облегчение я испытывал, хотя и понимал: пока тело не будет предано земле, нельзя считать, что мы в безопасности. Но высшие силы, к которым я столько раз взывал, про себя потешаясь над доверчивым Джоном, хранили меня. Нам не встретился ни бродяга, ни стражник, и ничьи глаза не следили за нами из окон домов, мимо которых мы торопились пройти со своим грузом. Даже сторожевые собаки молчали, притаившись в подворотнях.

Любопытный ветер сопровождал нас, то и дело пытаясь заглянуть под

одеяло, под которым было спрятано тело. Когда окольными путями мы выбрались из города, ветер вздохнул свободнее и понесся по дороге, подгоняя нас вперед. Вскоре мы достигли Лосиной рощи и углубились в нее по одной из троп, казавшейся менее исхоженной, чем прочие.

Далеко уйти не удалось: тачка катилась все хуже и хуже и наконец встала. Дальше было не проехать.

Луна освещала небольшую поляну, на которую мы вышли. Я понимал, что времени у нас мало: вот-вот начнет светать, и темнота, наш союзник, покинет нас. Потому схватился за лопату и, выбрав место, вонзил ее в землю.

Копать оказалось легко. Молли пришла мне на помощь, и заступ споро летал в ее руках. Вместе мы вырыли неглубокую яму, и я уже хотел перетащить тело Якоба в могилу, как вдруг Молли насторожилась.

– Тс-с-с... – прошептала она, делая мне знак. Я отложил лопату и прислушался, но ничего не услышал за безумным стрекотом цикад.

– Что такое? – тихо спросил я.

– Мне показалось, я слышала ржание лошадей неподалеку отсюда.

– Лошадей?!

Меня пробил холодный пот. Лошади могли означать лишь караульных, но что караульным делать возле Лосиной рощи, в то время как они должны нести свою службу в городе? Значит, они выследили нас.

– Быстро! – приказала Молли. – Помогите мне! Она сбросила тряпье из тележки и подхватила старика под руки. Я подчинился ее приказу, и вместе мы донесли его до выкопанной ямы. Тело легло в сырую землю, и я уже схватился за лопату, чтобы скорее забросать его землей, но по выражению лица Молли понял, что до нее опять доносятся какие-то звуки.

– Лошади? – беззвучно спросил я, доверяясь ее слуху.

Она покачала головой, и лицо у нее было испуганным:

– Я не понимаю. Мне кажется, они приближаются.

– Что?!

– Чш-ш!

Она схватила меня за руку и заставила присесть в траву. Как ни напрягал я слух, но разобрать ничего не мог.

– Нам придется разделиться, – зашептала Молли после недолгого молчания. – Вы идите к дороге и проверьте, нет ли там кого. А я пока забросаю могилу землей. Ну же, ступайте! Я справлюсь здесь быстрее вас.

Маленькая служаночка уже доказала сегодня, что умеет принимать верные решения. Я вскочил и, пригибаясь, пошел по тропе, напрягая слух. Один раз мне показалось, что с дороги доносится человеческая речь, но

затем я решил, что ошибся, – или же те, кто стоял возле Лосиной рощи, ушли. Как бы то ни было, когда я осторожно выглянул на дорогу, она была пуста.

Я постоял там, глядя, как над полем ночная чернота неба сменяется синевой. Рассвет был близок – следовало торопиться.

Я вернулся к Молли и успокоил ее, сказав, что все тихо. Она уже забрасывала ветками и вырванными из земли цветами болиголова то место, где упокоился старый Якоб. Я присел над его могилой и порадовался, ощутив, что в душе моей ничего не дрогнуло. Покойный заслуживал смерти, и, раз уж он принял ее от моей руки, значит, такова была воля Божья.

На обратном пути Молли сказала:

– Я вернусь в дом, приберу там все, замою следы крови. А вы, господин Эдвард, ступайте к себе. На вас смотреть страшно.

Я согласно кивнул. Мне и самому меньше всего хотелось возвращаться в «Хромое Копыто». Теперь, когда манускрипт был в моих руках, я мог думать лишь о нем, и воспоминания о смерти старика таяли с каждым шагом, отдалявшим меня от его могилы.

– И тачку я доведу сама, – добавила Молли. – Она так гроыхает по камням – избави бог, кто-нибудь проснется и увидит вас с ней! Наговорят дурного, потом не отмоетесь! А уж я-то в оправдание себе что-нибудь придумаю.

На развилке двух дорог мы с ней разошлись: Молли повезла тачку с тряпьем к дому старика, я свернул к башне. Манускрипт я еще раньше вынул из-за пазухи и обмотал плащом. Не могу объяснить, зачем сделал это... должно быть, меня страшила возможность потерять его, выронив случайно. О, то была бы жестокая насмешка судьбы! Убить ради этой книги человека – и лишиться ее! Потому-то я жадно прижимал ее к себе, борясь с желанием развернуть плащ и убедиться, что она все еще со мной.

Мне слышались шаги, слышалось тяжелое дыхание преследователей, догоняющих меня, слишком медленно идущего по мокрым камням мостовой. То и дело я оборачивался в страхе, хватаясь одной рукой за шпагу, готовый сражаться до последнего за свою бесценную ношу. Мне чудились страшные бледные лица в подворотнях, провожающие меня звериными взглядами, а за каждым поворотом я предчувствовал опасность.

Но улицы города были пусты. Ни крики, ни громкие шаги не будили Прагу. Лишь на крыше возле ратуши со скрипом вращался старый ржавый петух, да, когда я подходил к своей башне, в соседнем доме громко заплакал младенец.

Вверх по лестнице – быстрее, быстрее, с неизвестно откуда появившимися силами! Я запер дверь, развернул плащ и бережно положил манускрипт на стол.

Не могу выразить словами, какое чувство охватило меня, когда я смотрел на книгу. Я ощущал себя всемогущим и одновременно ничтожнейшим из людей, но в этом самоуничижении был привкус упоительной сладости. Я вдруг понял тех безумцев, что выбирают предмет вроде драгоценного камня или высеченного из скалы изображения божества и всю свою жизнь кладут на алтарь служения ему. Книга, лежащая передо мной, достойна этого куда больше всех драгоценностей, сводящих с ума своим блеском... Но я не стану ее слугой – лишь тем, кто получит благодаря ей заслуженную награду. С меня хватит и этого.

Я смеюсь, представляя, как изменится моя жизнь отныне. Завистники, шипящие мне вслед о «безродном Келли», проглотят свои языки. Я знаю, *что* просить у Рудольфа!

Но все это завтра, завтра... Я должен выспаться перед аудиенцией у короля. Сон смежает мне веки, и я засыпаю, уронив голову на стол рядом с манускриптом, положив на него ладонь.

Глава 9

– Вставай!

Тошку трясли за плечи, а она никак не хотела выныривать из своего сна. Ей снилось что-то нехорошее... Какая-то странная мутная река, в которой кто-то то ли тонул, то ли уплывал от нее. Но что бы ни происходило во сне, явь была еще хуже. В этом Тошка убедилась, стоило ей открыть глаза.

– Вставай, тебе говорят!

Над ней склонился Синий, и Тошка отпрянула в испуге – рожка у него была перекошена, словно он собирался придушить ее.

– Показывай! Ну?!

– Что показывать? – едва выговорила она. Шею ломило, все тело затекло...

– Хорош дурой притворяться! Показывай, где расшифровка! Ты чего полдня делала? Дрыхла, что ли?

Тошка не заметила, как уснула, и уж тем более не знала, сколько прошло времени. «Полдня... Сколько же я здесь уже сижу?»

– Тебе чем сказано было заниматься?! а?!

Он орал, наклонившись к ней, и Тошка вдруг пришла в ярость:

– А ну не кричи на меня! Понял? Не смей кричать! Она вскочила, сбросив остатки сна, выставила перед собой крепко сжатые кулачки, понимая, что выглядит смешно и глупо. Но Синий даже не улыбнулся.

– Не понял... – недоуменно протянул он, отступая. – Это чего, а? Типа, ты мне так угрожаешь?

– Нет, это ты мне угрожаешь! Я твоему боссу пожалуюсь, что ты меня пугаешь, и я из-за тебя ни слова в записке расшифровать не могу.

Синий нехорошо прищурился:

– Боссу пожалуешься? Не много на себя берешь, а?

Он шагнул к ней, и Тошка увидела по его глазам, что охранник не в себе. Глаза у него стали дурные, мутные, как та река, что ей снилась. «В самом деле придушит», – мелькнуло у нее в голове, а в следующую секунду, не задумываясь, она выставила перед собой вместо кулачков правую ладонь. Пальцы левой руки спрятались за спиной, сложились в сложную фигуру, которую Тошка умела делать с детства: все пальцы перекрещены друг с другом – знак защиты.

Синий усмехнулся этой выставленной ладошке, и тут дверь

распахнулась и вошел Гарик-Черный.

Увидев второго охранника, Тошка едва не бросилась ему на шею, но вовремя удержалась. Еще неизвестно, зачем он явился...

– Ты чего тут... – начал вошедший и не договорил – Синий перебил его:

– Она еще с шифром не разобралась! – враждебно бросил он в сторону Тошки, но все-таки отошел от нее. – Сечешь?

– Мне нужно время! – упрямо сказала Тошка. – Я все сделаю, только дайте время.

– Нету у тебя времени! – повысил голос Синий. – Вышло твое время, ясно?!

Девушка перевела взгляд на Черного и по его лицу поняла, что он пришел за тем же, за чем и первый охранник – за результатом. Им нужна готовая записка, и нужна немедленно. Синий сказал правду: ее время действительно вышло. Что бы ни подгоняло этих людей и того, кто отдавал им приказы, но тянуть с расшифровкой она больше не могла.

Тошка знала, что написано в записке Максима Арефьева – знала через пять минут после того, как увидела ее. Конечно, можно было сказать правду и надеяться на то, что ее оставят в живых... Но она знала, что правду не скажет им никогда. Они все равно убьют ее, так пускай ничего не получат в итоге! Но кое-что все же можно было попробовать сделать...

– «В подвале соседнего дома, справа», – торопливо проговорила Тошка. – Вот что там написано!

Оба охранника вытаращились на нее:

– Чё, правда?!

– Почему раньше молчала?!

– Правда! Я не была уверена, что правильно расшифровала...

Наступило молчание.

– Ну, это... – сказал наконец Черный, доставая телефон. – Надо тогда звонить, ехать...

– Тихо, – остановил его Синий. – Не торопись.

Он подозрительно глядел на Тошку, и на лице у него отображалась напряженная работа мысли. «Может быть, он и дурак, но он мне не поверил, – обреченно поняла девушка. – Что-то не так...»

– Не может такого быть, чтобы в подвале соседнего дома, – выговорил наконец охранник. – Нету там домов ни справа, ни слева. Соврала, стерва!

Он в бешенстве ударил кулаком по столу. Хлипкий стол треснул, проломился, и в трещину с шелестом съехали все тетрадки, в которых без конца писала Тошка, имитируя работу по расшифровке. Она вскрикнула и

попятилась, представив, что этот кулак обрушится ей на голову.

– Я тебя сейчас...

Что он сделает с Тошкой, Синий не успел договорить – в комнатке внезапно громко запел гнусавый голос, от которого все трое вздрогнули. «Господи, это же его телефон...»

Охранник вытащил черную трубку и прижал к уху:

– Алё. Я. Да нет, блин, все мозги компостирует! – Он метнул ненавидящий взгляд на Тошку. – Нет. Нет. Чего-о-о?! Да ты чё, спятил, что ли? Я? Да ты меня под статью подвести хочешь!

В разговоре наступила пауза, во время которой девушка напряженно прислушивалась, пытаясь уловить хоть слово. Но слышала лишь равномерное бормотание. «Под статью подвести хочешь» – значит, ему приказали меня убить. А он не хочет. Вовсе не потому, что ему меня жалко...»

– Раз ты такой умный, сам это и сделай, – сказал наконец охранник, медленно выговаривая слова. – А я на это дело не подписывался... А, даже так, значит? Ясно. Сами тогда разгребайтесь!

Он сунул телефон в карман, потоптался на месте, ни на кого не глядя, развернулся и вышел. Шаги протопали в коридоре и стихли.

Второй охранник некоторое время стоял, озадаченный, явно ожидая, что приятель вернется, но, не дождавшись, выскочил за ним следом. Торопливо провернул ключ в скважине, и Тошка снова осталась в одиночестве.

– Что происходит? – тревожно спросила она, обращаясь в никуда.

Побег Синего испугал ее едва ли не больше, чем его ярость. Девушка провела рукой по сломанному столу и вскрикнула, отдернув ладонь, – в палец вонзилась заноза. «Господи, да что ж такое-то!» – Она с трудом удержала слезы. Приступ внезапной храбрости прошел, и на нее вновь навалились тоскливый, сосущий под ложечкой страх и усталость. «Скорее бы уже все закончилось».

Будто в ответ на ее пожелание вновь проскрипел ключ – вернулся Черный. Показалось ли ей, или лицо у него и впрямь было растерянное, но это выражение быстро исчезло, сменившись сосредоточенностью.

– Вот что, – распорядился он. – Тебе дали еще пятнадцать минут.

– Кто мне их дал? – тихо спросила Тошка.

– Не твое дело. Садись и разбирай этот чертов шифр! Тошка покорно села за сломанный стол, подняла упавший на пол учебник.

– А где тот, второй? – осторожно спросила она.

– Ушел. Скоро придет. Не задавай глупых вопросов, делай, что тебе

сказано.

Тошка машинально выводила на листе закорючки, размышляя над тем, откуда же взялась в ней уверенность, что Синий больше не придет... Его стремительный уход не обещал ей ничего хорошего, она чувствовала это, но не могла объяснить, почему.

Время шло, и Тошка видела, что охранник нервничает все сильнее. Сидя на корточках возле двери, он похлопывал себя ладонью по колену. Похлопывания становились все чаще, хотя сам он, по-видимому, не замечал этого. В другой руке у Черного был зажат телефон, на который он бросал взгляд каждые полминуты.

Тошка физически чувствовала утекающее время. Оно сочилось, но не как песок, а подобно воде, и вновь ей вспомнился недавний сон. Что же в нем такое было?.. А впрочем, какая разница! Девушка покрепче перехватила карандаш и заметила, что пальцы мелко дрожат.

– Ты закончила? – спросил Гарик, вставая.

Она покачала головой. Нет, не закончила и никогда не закончит – даже если они дадут ей еще пятнадцать лет, а не пятнадцать минут.

В тишине прозвучал телефонный звонок. Тошка вскинула перепуганный взгляд на охранника, мигом забыв про свое намерение геройствовать до последнего, не выдавая им тайн Макса. Если бы существовал хотя бы призрачный шанс, что это ее спасет! Но Тошка знала, что такого шанса нет. Пока серебристая коробочка в руке Черного надрывалась, они смотрели друг на друга. Прошло не меньше тридцати секунд, и наконец мужчина отвел глаза и поднес трубку куху.

– Алло, это я. Нет. Нет, кажется. Ты разобрала шифр? – обратился он к Тошке, и та медленно покачала головой. – Нет, не разобрала. Сеня? А он ушел.

И на этот раз Тошка не слышала ни слова, но шестым чувством уловила, что тот, на другом конце провода, не поверил.

– Он ушел, – тупо повторил Гарик. – Вот так, взял и ушел. Нет. Не знаю. Не знаю. Сейчас, подожди.

Наступило молчание. Видимо, охранника инструктировали, потому что он внимательно слушал, кивая. Но затем ему сказали что-то такое, отчего он побледнел. Взгляд его остановился на Тошке, скользнул в сторону, и ей стало по-настоящему страшно. Почему он отводит глаза?!

Словно против воли, Гарик приблизился к ней и остановился. Теперь Тошке стал слышен голос в трубке, и она слышала, что говорит человек отрывисто, – вот только слов по-прежнему не разбирала.

– Не, подожди, – сдавленно сказал Гарик. – Слушай, так нельзя...

Собеседник, видимо, убеждал его, что можно.

– Ты чё... – забормотал охранник в трубку и попятился от Тошки. – Я не смогу, ты чё!

В трубке заговорили тихо и вкрадчиво, но Черный только мотал головой, не глядя на Тошку:

– Не, ты это зря придумал. Плохо придумал, говорю... Кому выдаст?

Тошка сжалась в комочек. Вот и все. Тот, кто командует Гариком, убедит его, и никакие мольбы не помогут.

Но охранник повторял одно и то же, словно автомат, и в Тошке начала просыпаться надежда.

– Не, я не смогу, – твердил Гарик. – Ты плохо придумал. Да она не выдаст! Точно не смогу...

И вдруг замолчал. Тошка с силой сжала пальцы в кулак, стараясь унять дрожь. Мысли металась в голове. «Господи, надо закричать. Надо сопротивляться. Вдруг кто-нибудь услышит! У меня есть шанс. Я закричу и укушу его, а потом ударю стулом».

Но чем ярче представляла она, что нужно сделать, тем большая слабость охватывала ее. Как будто все силы, что оставались у Тошки, ушли на поддержание ее фантазий. А тело отказывалось повиноваться. Захоти Тошка встать на ноги, она не смогла бы сделать этого.

– О, вот это дело! – обрадованно сказал охранник. – Ну, сразу бы так. А то... Ладно. Через сколько будешь? Угу. Нет, я с ней, тут без вариантов.

Он убрал телефон и облегченно выдохнул:

– Короче, расслабься – сейчас тебе помогут твой шифр разобрать. Приедет один человек, вы с ним вдвоем справитесь. Можешь не волноваться.

Гарик прошелся по комнатухе, явно довольный собой. Тошка ошеломленно глядела на него, не веря себе. Неужели этот человек настолько глуп и слеп?! Он что, ничего не понимает?!

Она заставила себя встать, хотя ноги подкашивались, вцепилась в край стола.

– Слушай, – голос ее звучал умоляюще, – отпусти меня, а?

– Это... ты чего?! – остолбенел охранник. – Куда я тебя отпущу?

– Туда! – Тошка махнула рукой в сторону двери. – Как ты не понимаешь, он меня убьет! Гарик, пожалуйста! Он меня убьет, а тебя сделает соучастником убийства!

– Да он нормальный мужик, Синеглазка, чё ты...

– Прощу тебя! Гарик, он едет сюда, чтобы закончить все со мной, клянусь! Поверь мне!

- Это... Сядь на стул!
- Пожалуйста! Умоляю!
- Сядь, я тебе сказал!

Тошка открыла рот, но по лицу охранника поняла: любые слова будут напрасны. Ей не убедить его, не вымолить пощады, потому что он создал свою картину происходящего и будет цепляться за нее до конца. А она, Тошка, пытается ее разрушить.

– Сиди и не вякай больше! – зло приказал Черный. – Вот так обращаешься с вами как с людьми, а вы...

Девушка бессильно опустила голову на руки и замолчала. Гарик удовлетворенно хмыкнул, прислонился спиной к двери и стал ждать человека, который должен все решить.

* * *

Под ногами у Максима хлюпала вода. Весь берег был затоплен, а оборачиваться он запретил себе уже давно, догадываясь, что ничего хорошего за спиной не увидит. Когда он в последний раз взглянул на то, что называл прежде лесом, там сновали стремительные серебристые силуэты. И Максим знал, что это не птицы.

Нырять становилось все труднее, потому что вода загустела, как хорошо уварившийся сок. Но Максим упорно продолжал и каждый раз, выныривая, со страхом отводил глаза от нависающего совсем низко неба, которое уже не было небом, – так же, как и лес теперь не был лесом. После очередной неудачи Арефьеву пришло в голову, что можно уже наконец бросить эту затею – все равно монету он не достанет со дна, это ясно. Но так же ясно было и то, что без монеты в этом странном месте ему быстро придет конец.

Один раз, едва лишь вынырнув, он снова увидел обрыв, а на нем – девушку Пашу, бегущую навстречу дюжине верховых. Когда верховые приблизились, Арефьев рассмотрел, что лица их мрачны.

– Ой, беда, родненькие! – заголосила девушка, не успели они окружить ее. – Ольга Павловна! Она! Ох... Сказать не могу!

Девушка опустилась на колени, перекрестилась.

Где она?! – рявкнул спешившийся первым мужик в широкой красной рубахе. – Ну?! Где?!

Маркиз ее сбросил! Испужался на краю, вскинулся, она и вылетела из седла! И вниз покатилась, бедная... В воду упала – и понесло ее, а потом и

вовсе водой накрыло!

Остальные всадники тоже слезли с лошадей, двое подошли ближе к обрыву, осматривая землю.

– Михай, глянь, – хмуро позвал один. – Тут следы. Вот здесь конек на дыбы встал – а туда, значит, она, гадина, и полетела...

Он указал рукой вниз, где черная река кружила ветки. Остальные подошли, приглядываясь, осторожно вытягивая шеи.

– Утопла, выходит... – протянул один.

– Небось, шею свернула, – отозвался другой.

– Туда ей, гадине, и дорога.

– А цацки-то, цацки – неужто с собой под воду утащила? Слышь, девка! – говорящий обернулся к плачущей Паше. – Ты смотри, как бы мы тебя следом за хозяйкой не скинули. А ну, говори живо, где все ее золото?!

– Ох, я скажу, скажу! – всполошилась Паша, вытирая слезы. – Дядечки, добренькие, только за что же меня в реку-то, а? Я ж девушка подневольная – что мне скажут, то и делаю! Сказала Ольга Павловна за ней скакать – я и поскакала...

– А лошадь твоя где? – перебил ее хмурый мужик.

– В лес убежала за Маркизом. Он, подлый, как Ольгу Павловну сбросил, так сразу и ускакал. Я спешила, а повод-то бросила со страху, вот Лунка и подалась за ним следом.

Хмурый обернулся и приказал:

– Ваня, Семен! Лошадей найти: они нам не лишние будут. А ты говори живо, где золото.

– Так дома осталось, в тайнике! Я покажу!

– Смотри, если врешь!

Мужик занес над Пашей плеть для удара, и та подняла руку, защищаясь:

– Не вру, побожиться могу! Да что ж вы, родненькие, делаете-то?! За что не верите?!

Она снова заплакала.

– Верим, верим, – успокоительно проговорил другой. – А ну, садись ко мне, поехали обратно.

– А как же Ольга Павловна? – всхлипывая, спросила Паша, и вокруг засмеялись.

– Вот же ты дура, девка, – почти ласково разъяснил кто-то. – Ольгу Павловну твою раки объедят. А ты забудь про нее. Поехали, мужики!

Над рекой разнесся свист, и усталые лошади поскакали назад, к усадьбе.

Борис Осипович сидел в реанимационной палате, куда на этот раз его пропустили только по разрешению хирурга, и ласково поглаживал по руке спящего Максима. Когда ему сказали, что операция прошла успешно, он лишь сдержанно кивнул в ответ – конечно, иначе и быть не могло. Танюшин сын не мог умереть.

Голова у Макса была замотана бинтами, и Борис Осипович осторожно убрал белую ниточку, которая щекотала Максиму лоб. Он не знал, что бы еще ему сделать полезного... Прошли уже сутки после операции, а Макс все никак не приходил в себя.

В палату заглянули два врача, один из которых был тот самый хирург, удалявший гематому, а за ними прибежала медсестра, и все трое окружили койку Максима, озабоченно переговариваясь. Борис Осипович нарочно отошел в сторону и не стал прислушиваться – он не хотел избыточных знаний. Мальчик вот-вот проснется, и он не должен в этом сомневаться.

Но кое-что до его слуха все же донеслось.

– ...совершенно никаких изменений, – вполголоса проговорила женщина.

– Игорь Васильевич, с чем, ты думаешь, связано...

Борис Осипович торопливо покинул палату и не услышал окончание вопроса и ответ нейрохирурга. Он дождался, пока врачи выйдут, выслушал несколько дежурно-утешительных фраз, сказанных медсестрой, и вернулся к Максиму. Лицо у того было бледное, брови страдальчески сведены.

«Просыпайся уже, а, Максимыч», – мысленно попросил Борис Осипович. Он не мог говорить вслух со спящим, но и молча сидеть не мог тоже. С сыном происходило что-то неладное, и, как ни старался он отгонять нехорошие мысли, они настойчиво лезли в голову. «Совершенно никаких изменений. – С чем, ты думаешь, связано?.. – Еще немного подождем...»

«Но операция-то прошла успешно, – сам себе сказал Борис Осипович. – Почему же он не просыпается?»

Ему снова остро захотелось курить. Он расстегнул карман, достал монету и стал вертеть в пальцах, не отрывая от нее взгляда. Правая кисть Максима свисала с койки, и Борис Осипович, заметив это, поправил ее – уложил на простыню, снова погладив шершавые обветренные пальцы. И, не отдавая отчета в своих действиях, вложил монету в полураскрытую ладонь.

В следующую секунду Максим вынырнул из реки, сжимая в кулаке золотой кругляш. Откашливаясь, он увидел, как на противоположном берегу женская фигурка, только что выбравшаяся из воды, падает, встает и снова падает на песок. Наконец она поднялась и нетвердыми шагами побрела в глубь берега.

Тогда небо над Максимом стало стремительно подниматься, светлея на глазах и затвердевая, пока не превратилось в белый потолок. Макс на секунду прикрыл глаза, а когда открыл, над ним склонилось родное лицо.

– Максим, – позвал Борис Осипович, не веря себе. – Максимыч! Проснулся!

Лицо отца исчезло, кто-то совсем рядом протопал так громко, что шаги отдались у Арефьева в голове, и над ним склонился другой человек, незнакомый.

– Ну-ка, давай посмотрим на тебя, уголовник, – весело сказал человек. – Ага, трубочку можно вынуть – слышишь, Маш?

Женский голос сзади подтвердил, что слышит.

– Голова кружится? – спросил назвавший Макса уголовником. – Моргни два раза, если да, не говори ничего. А если нет, то один раз. Эх, любо-дорого посмотреть – вот что значит крепкий организм!

Вокруг Максима забегали, неожиданно запахло творогом – совершенно деревенским, полузабытым запахом свежего творога, прикрытого марлей в миске, – затем с головы ему что-то сняли и умыли лицо теплой губкой.

– Телефон... – прохрипел Арефьев, как только почувствовал, что может говорить. – Дайте телефон!

– Зачем? – нахмурился врач. – Голубчик мой, тебе сейчас волноваться нельзя, да и говорить нежелательно.

– Телефон! – Макс сделал попытку приподняться, и ему это удалось. – Мне нужно позвонить, срочно!

– Эй, эй! Тихо!

– Да ты что, голубчик?!

Вокруг заговорили сразу все, оглушив Максима на время, и среди насмешливо-возмущенных возгласов он разобрал голос отца:

– Кому тебе нужно позвонить, Максимыч?

– Тошке...

– Максим, сейчас нет смысла звонить Наташе... – тщательно подбирая

слова, начал Борис Осипович, но сын перебил его:

– Что с ней? Она жива?

– Жива, но...

– Но что?!

– Но найти ее пока не могут.

Максим откинулся на койку, ощущая странное гудение в голове, словно через нее протянули высоковольтные провода.

– Я знаю, где ее искать, – выговорил он, с трудом ворочая языком. – Пожалуйста, дайте телефон. Мне нужно позвонить в милицию.

* * *

– В конце концов, – мрачно сказал Бабкин, – это может быть вообще не то, что мы думаем.

Поспать им с Макаром этой ночью почти не удалось: Илюшин поставил перед собой задачу расшифровать записи Наташи Куликовой и бросил все силы на достижение этой цели. Время приближалось к обеду, голова у Сергея распухла от того количества шифров, которые Илюшин пытался применить к «квадрату с одуванчиком» – так Бабкин назвал эту картину.

– Тебе не приходило в голову, что девчонка просто рисовала? – зевая, спросил он. – Она художница! Изобразила свое видение манускрипта. Никакого смысла в рисунок не вкладывала. Макар, мы с тобой не тем занимаемся!

– Рисовала она на другой стене, – отозвался Илюшин, откладывая в сторону очередной лист со своими каракулями. – Да, этот шифр тоже не подходит. А этот здесь просто неприменим... Если только она не использовала латиницу, подмененную буквами из алфавита рукописи...

– Слушай, ну признайся уже, что тебе просто нравится играть в индейцев! – не выдержал Бабкин.

Макар заинтересованно посмотрел на него, и Сергей поправился:

– То есть в шпионов! Ничем иным не могу объяснить твою фанатичность. Если честно, первый раз вижу, чтобы ты так вел расследование.

– «Так» – это как? – задумчиво спросил Илюшин.

– Так – это неправильно. Ты впустую тратишь время.

– Как раз нет. Я трачу время на то, чтобы разобрать послание Куликовой, потому что она считала это важным – иначе не оставила бы

его, – живо возразил Макар.

Сергей вполголоса выругался и мысленно назвал напарника непробиваемым ослом:

– Тебе три – три! – специалиста сказали, что шифр не раскодировать без решетки. Квартиру Куликовой мы перерыли – там нет ничего, что даже отдаленно напоминало бы эту решетку. Так зачем ты бьешься в закрытую дверь?!

– Это ты бьешься в дверь, – заметил Илюшин, – когда пытаешься меня отговорить. А я, мой скептически настроенный друг, с каждым шагом приближаюсь к цели.

– Неужели?!

– Именно так. Перестановки ничего не дали – значит, Куликова не пользовалась ими, когда зашифровывала свой текст. Переходим к следующему этапу. Так, постепенно, отбрасывая один неподходящий вариант за другим, мы приблизимся к тому единственному, который окажется правильным.

– Железобетонная логика... – пробормотал Бабкин. – Здравый смысл пасует перед ней. А ты случайно не прикидывал, сколько времени у тебя уйдет на это? Нет?

– Значительно меньше, чем кажется, если я не буду поддаваться твоим нигилистическим настроениям, – язвительно отозвался Макар. – А также отвлекаться на пессимистические прогнозы. Лучше скажи мне, почему мы не можем составить предложения из тех выделенных нами букв, которые не относятся к алфавиту манускрипта? Я уверен, что именно это был правильный путь! Но почему ничего не получается даже при помощи перестановок – вот в чем вопрос...

– Потому что их слишком мало, чтобы из них могли получиться слова, – буркнул Бабкин, не размышляя ни секунды, просто чтобы Илюшин отстал от него. Он сердился и не собирался этого скрывать.

– Допустим... – медленно протянул Макар. – Но где тогда недостающие?

Сергей задумался.

– Там же? – наугад предположил он.

– В смысле? Мы с тобой уже наизусть выучили эти значки – ни кириллица, ни латиница там больше не встречается.

– Ну и что? – Бабкин пожал плечами. – Сдались тебе кириллица с латиницей!

Илюшин озадаченно посмотрел на него и вдруг изменился в лице:

– Серега, ты гений! Ну конечно! А я идиот!

– О! Вот он, голос истины.

– Разумеется, Куликовой не имело смысла использовать лишь буквы, отличающиеся от алфавита манускрипта, – тогда шифр можно было слишком легко прочесть, а она, видимо, опасалась этого. Какие-то из тех, что есть в манускрипте, должны были подходить ей.

– Похоже на правду, – согласился Бабкин. – Осталось их найти.

Илюшин нахмурился и углубился в изучение «квадрата» Куликовой. Поколебавшись, Сергей последовал его примеру. Несколько минут обоим хватило, чтобы прийти к одному и тому же выводу. Озвучил его Макар:

– Почти любой символ может быть использован в русском слове и вполне впишется в него, – констатировал он. – Кроме разве что последней закорючки во втором ряду и ей подобных. Допустим, она брала символы, стоящие рядом с теми, что мы нашли...

Он быстро выписал значки, прибавив к ним новые, и застыл над страницей.

– Получается? – с жадным любопытством спросил Сергей, против воли увлекшись задачей.

Илюшин отрицательно покачал головой:

– На первый взгляд – нет. Давай попробуем перестановку...

Но перестановка тоже ничего не дала. Значки не хотели складываться в слова, и ни в каком сочетании из них не получалось осмысленного текста.

– Снова абракадабра. – Бабкин почесал в затылке. – Ну сколько можно, а? Опять ошиблись.

– Нет, не ошиблись. Мы просто не знаем, какие символы нам подходят. Я же выбрал их практически наугад, а Куликова должна была чем-то руководствоваться...

– А давай зайдём с другой стороны, – предложил Сергей. – Что мы упустили в этот квадрат, как две совы? Не складываются у нас значки и закорючки, и черт бы с ними.

– Свежий взгляд на вещи, – признал Илюшин. – В какой-то мере это действительно значит «подойти с другой стороны».

– Да я не об этом! Как мы назвали все эти каляки-маляки? «Квадрат и одуванчик». Так? Тогда почему мы занимаемся исключительно квадратом, в то время как одуванчик растет себе, не охваченный нашим вниманием, подобно сорной траве? Ты предположил, что он нарисован для отвода глаз.

– Пожалуй, я ошибся, – признал Илюшин. – Сомнительное объяснение.

– Вот-вот. Нет, этот странный цветочек с кривыми листиками здесь зачем-то нужен! Весь вопрос – зачем? Кстати, с чего мы вообще взяли, что

это одуванчик?

– Понятия не имею. Видимо, с того, что на розу он похож еще меньше.

– Тогда уж чертополох... Количество букв в названии цветка ничего нам не дает?

Макар разочарованно щелкнул пальцами:

– В том-то и дело, что нет! Это я уже пробовал.

– Ну хорошо... – Сергей ухватился за свою идею и не хотел сдаваться. – А зачем нужны цветы в самом манускрипте? Что они означают? Ты что-то говорил про рецепты, правильно?

– Да, есть версия, что все страницы с изображениями растений – это инструкции по приготовлению каких-нибудь аптекарских настоев. Но она не объясняет, почему растения такие необычные. Для травников важен точный рисунок, отображающий все верхушки-корешки в том виде, в каком они существуют на самом деле.

– А если пофантазировать и предположить, что книга писалась колдунами и для колдунов? – вслух подумал Бабкин. – В смысле, знахарями.

– Что это меняет? Полагаю, им тоже нужна была точная рецептура. Разве что они выращивали для своих нужд дикие гибриды... Но что-то мне такая версия не кажется правдоподобной.

Бабкин был вынужден согласиться.

– А другие объяснения этим лютикам-цветочкам есть? Если идея с фармацевтическим справочником не подходит, то зачем еще они могут быть нужны?

– Есть. Это может быть учебник. Автор не ставил перед собой задачу достоверного изображения объектов, рисовал, как бог на душу положит. Ну не был он знаком с флорой своей местности!

– С хомо сапиенсами тоже, получается, не был знаком? – проворчал Сергей. – Иначе что он хотел показать всеми этими пузатыми тетеньками?

– Про тетенок разговора не было! – запротестовал Илюшин. – Давай сперва с цветочками разберемся.

– Ну хорошо... А еще? На учебник этот манускрипт ничуть не тянет, по-моему. И потом, зачем шифровать учебник?

– Чтобы ученики не поумнели раньше времени. Если ты хочешь еще вариантов, то вот, пожалуйста: растения – вовсе не растения, а закодированные в рисунке карты, показывающие дороги к скрытым в лесах молитвенным домам. Вот только не помню, какой религии...

– Молитвенным домам? – изумился Бабкин. – Одна версия хлеще другой... Что ж не к сокровищам Монте-сумы?

– Неплохое предположение. Такого, по-моему, еще не было. Если серьезно, самым здравым мне видится следующее объяснение: растения специально нарисованы так, чтобы с трудом можно было определить их название. Непосвященным оно и вовсе не открылось бы. А название фигурирует в тексте каждой страницы рядом с рисунком, то есть является своего рода ключом к шифру. Понял, какое растение – нашел подходящее слово (например, по количеству букв) – перевел его – получил ключ.

– Звучит убедительно, – признал Сергей. – Или название растения – это первое слово на странице.

– Вполне возможно.

– Чем мне нравится эта идея, – продолжал Бабкин, – так это тем, что в таком случае не текст является пояснением к рисунку, а в рисунке сидит ключ к тексту. Красиво придумано, скажи? А все ломают головы над... Эй, ты чего?

Илюшин изменился в лице:

– Что ты сейчас сказал? Не текст является пояснением к рисунку...

– А в рисунке сидит ключ к тексту. Это не я сказал, а ты. Только что, рассказывая о шифровке.

Ни слова не говоря, Илюшин вырвал у него лист с посланием Куликовой и уставился на него. С минуту Макар молча изучал рисунок и квадрат с буквами, перебегая взглядом с одного на другое. Бабкин сидел тихо, опасаясь пошевелиться. Наконец Илюшин оторвался от шифра и поднял глаза на друга. Вид у него был ошарашенный.

– Ключ к тексту... – повторил Макар. – Серега, до чего же просто! Как можно было сразу не догадаться?! Все было у нас на виду! Я должен был понять, в чем дело, еще тогда, когда ты говорил про избыточную детализацию рисунка! Ведь понятно, что не просто так Куликова тратила время на прорисовку всех этих листиков...

– Стоп, стоп! Ты что, понял, как его читать?!

– Думаю, что да. Вот, погляди: видишь, колючки у листьев одуванчика нарисованы неравномерно?

– Какие еще колючки?!

– Пусть не колючки, пусть шипы – назови как хочешь! Вот эти выступы, которых строго по десять штук на каждом листике. Причем на первом, нижнем, удлиненных шипов нет вообще, на втором один сверху и один снизу, на третьем они есть только на конце... Листов всего десять, по пять с каждой стороны стебля.

– Вижу... И что?

– Серега, это же решетка!

Сергей посмотрел на Илюшина так, что тот засмеялся:

– Спокойно! Я пока не сошел с ума. Но мой идиотизм заслуживает памятника. Никакого адресного шифра не существовало – девочка оставила текст с готовым ключом, нужно было только понять, как он работает. Есть десять строчек, для которых мы должны найти решетку, так?

– Так...

– А что есть решетка Кардано, как не вырезанные в определенных местах дырки? Ты сам сказал – перфокарта!

– Подожди... – Бабкин внезапно прозрел. – Получается, что шипы на листьях – это указание, в каких местах прорезать дырки на строке из десяти букв?!

– Разумеется! О чем я тебе и твержу уже пять минут! Дай-ка чистый лист...

– Нет уж, я сам нарисую эту чертову решетку! – Сергей вырвал лист и торопливо расчертил его на квадраты, стараясь, чтобы размер совпал с шифром Наташи Куликовой. – Готово: десять на десять. Только я не понимаю, как отсчитывать листики на рисунке – снизу вверх или сверху вниз?

Макар, поразмыслив, сказал:

– Считается, что манускрипт написан слева направо, так что давай пока будем идти в том же направлении. И снизу вверх. Поехали: первая строчка сплошная. Во второй вырезаем третью букву и седьмую. В третьей – пятую. В четвертой – первую, вторую и четвертую. В пятой...

Закончив, Сергей выписал буквы в ряд. Их оказалось совсем немного. И они складывались в недвусмысленное указание:

– «Меня везут в интернат», – прочитал Илюшин. – Серега, мы ее нашли.

– Вот, значит, где ее держат... – недобро протянул Бабкин, прищурившись. – Макар, я звоню следователю! Собирайся! Будем надеяться, что девочка не ошиблась...

«Будем надеяться, что девочка еще жива», – про себя поправил его Илюшин.

Застегивая куртку, он слышал обрывки разговора Бабкина со следователем. «Сам позвонил?.. А кто другие двое?.. Ясно, спасибо!»

– Все сходится, – сказал Сергей, вернувшись. – Максим Арефьев пришел в себя и связался с прокуратурой, рассказал о том, кто на него напал. Кстати, он сейчас едет сюда.

– Кто? – не понял Макар.

– Максим Арефьев.

– Как?! Его отчим вчера утром сказал, что парню сделали трепанацию черепа!

– И тем не менее. Только не спрашивай меня, как ему это удалось, – я не знаю. Все, пойдем, живее!

Сергей набросил свободную куртку, закрывающую кобуру, и оба быстро вышли из квартиры.

* * *

Сон мой был долог, но тревожен. Во сне я приходил к Рудольфу, но вместо него меня встречал Якоб, и я в страхе бежал из дворца, но неизменно оказывался в подземелье. Там хлопотала Молли, украшая окровавленный пол цветами, и я кричал на нее, взбешенный тупоумием служанки, но вдруг замечал, что это цветы болиголова – те, которыми она засыпала могилу старика. Куда бы я ни шел, везде под ногами у меня оказывались эти цветы, и запах их преследовал меня даже во сне.

Только книга не появлялась в моих видениях. Но когда я пробудился, рука моя так же лежала на ней – уголок одной страницы смялся оттого, что я слишком сильно сжал ее.

За окном уже садилось солнце. Я торопливо привел себя в порядок, поел, не испытывая голода, лишь затем, чтобы после не отвлекаться на ужин, и, принеся тетрадь и чернильницу, уселся над манускриптом, внимательно изучая записи и рисунки.

Откровенно говоря, в душе я лелеял надежду, что старик обманул меня, нарочно усложнив сложность предстоящей задачи. В таком случае я мог бы сам расшифровать, что написано в манускрипте, чтобы явиться к Рудольфу с готовым рецептом. Но, рассмотрев книгу, я стал подозревать, что был далек от истины.

Никогда прежде не видел я ни подобного языка, ни таких странных изображений. Как я ни бился, переставляя буквы в словах, всматриваясь в страницы и пытаясь разглядеть знакомые образы, все мои старания были бесплодны. Я исписал добрую кипу листов возможными вариантами толкований, но ни один из них никуда не годился. Один раз показалось, что я нащупал верный путь – когда в первой строке четвертого листа вдруг отчетливо сложилось, хоть и с ошибками: «да возьми две меры серебра»... Но примененный мною способ перестановки более ничего не дал – ни на одной странице не смог я получить осмысленного текста. В конце концов пришлось признать, что лишь случайность заставила буквы встать в таком

порядке.

Одни слова были, казалось, написаны по-латыни, пусть и с некоторыми отклонениями от общепринятого написания; другие же вились арабской вязью. Я долго всматривался в зодиакальные круги, надеясь набрести на отгадку в знакомой сфере, но снова ничего не добился.

Чем дальше изучал я манускрипт, тем большее удивление охватывало меня: кто же создал его? Прежде я не задумывался над этим, поглощенный одним желанием: стать его владельцем. Но теперь меня снедало любопытство. Эти рисунки, начертанные неумелой рукой, – с какой природы списаны они? Я спустился в библиотеку, принес справочник растений – ценное издание, подаренное мне Джоном, – и пересмотрел его от начала до конца, сверяя изображения с теми, что были в манускрипте.

Пожалуй, кое-какое сходство я все же обнаружил... Масличный подсолнечник был узнаваем, и еще пара цветов, за исключением некоторых частностей. Но остальных растений не знал ни я, ни справочник Джона, составленный монахами.

Возможно, озарение пришло бы ко мне, посиди я еще пару дней или месяцев над книгой... Но ждать я не хотел. Покойный Якоб говорил о том, что у него ушло десять лет на расшифровку книги. Но при дворе Рудольфа есть одаренные шифровальщики, которым не составит труда разобрать загадочный код во много раз быстрее! Даже если на то, чтобы понять его, уйдет не меньше года – что ж, разве это срок?

С этой мыслью я встал, готовясь отправиться в королевский замок. Я должен был одеться подобающим образом, чтобы никто не посмел упрекнуть Эдварда Келли ни в небрежности, ни в чрезмерном внимании к своему облику. Как-никак, мне предстояло войти в летописи, и я хотел выглядеть так, чтобы потомки проникались благоговением, читая обо мне.

Я как следует продумал, что расскажу Рудольфу, и решил, что буду избегать лжи. История приобретения рукописи сложилась сама: я встретил отшельника, который показал мне, как извлекать золото из камня, и я убедил его продать мне манускрипт, рассчитывая преподнести его королю. Заключив сделку, отшельник немедленно покинул Прагу, и где он находится сейчас, я не знаю.

Проговорив свою речь вслух, я вдруг замер посреди комнаты и вскрикнул, точно укушенный. Мешок! Деньги, мое состояние, вырученное от продажи всего, чем я владел, – он остался в подземелье! Поразительно, но я и не вспомнил о нем, поглощенный рукописью. Я поспешно выбежал из дома и устремился в «Хромое Копыто», молясь про себя, чтобы Моллихватило смекалки спрятать мешок в доме, а не оставлять его на виду.

Забавно устроен человек... Еще день назад я готов был отдать все, что скопил за свою жизнь, в обмен на рукопись – и считал бы, что совершил удачную сделку. Но теперь, уже владея манускриптом, я начинал сыпать проклятиями при мысли о том, что мои деньги могут достаться кому-то другому – вору или грабителю... Мне вовсе не хотелось расставаться с ними! Я забыл об осторожности, о том, что нельзя больше появляться возле дома Якоба, и думал лишь об одном: о мешке, что лежал на столе в подземелье.

Но, к счастью, мне не удалось осуществить свое рискованное намерение – проникнуть в дом старика и разыскать там свои деньги. На полпути меня окликнул женский голос, и я увидел Молли, спешащую ко мне изо всех сил.

– Полдороги бегу за вами, господин Эдвард, – пожаловалась она. – А вы так несетесь, словно за вами черти гонятся. Не иначе... – тут она посмотрела по сторонам и понизила голос, – в дом покойника?

– Деньги... – начал я, но служанка замахала руками, не дав мне договорить.

– Ох, об этом и не печальтесь! Я все сделала в лучшем виде!

– Где они?!

– Я погрузила ваш мешок в ту же тачку... ну, вы знаете, о чем я... и увезла к себе. Конечно, оно тяжеловато мне далось – тащить такую тяжесть по лестнице из подземелья, но подумалось: вот оставлю я мешок здесь, а ну как кто-нибудь объявится раньше времени у господина Якоба? И наткнется на монеты? Вот от греха подальше и прибрала его, чтобы сберечь ваше добро.

Если бы не гудящий вокруг человеческий улей, я бы расцеловал Молли в обе щеки. Ее преданность растрогала меня, и я во второй раз подумал, что становлюсь сентиментальным. Встреться мне Молли раньше, и мы могли бы горы своротить! Послушная женщина, хорошенькая, неглупая, да еще и не теряющая присутствия духа ни при каких обстоятельствах – разве мужчине нужно что-то большее?

– Ты моя голубка! Без тебя мне бы пропасть, крошка, – ласково сказал я, и она расцвела, довольная похвалой.

Вглядевшись в ее лицо, я заметил, что она выглядит усталой и изможденной. Немудрено, если вспомнить, что ей пришлось проделать прошлой ночью. Не всякий мужчина способен на такое!

Я мысленно поклялся вознаградить служанку по заслугам, а пока направился к ее дому – Молли жила неподалеку, снимала комнатку у одной ворчливой вдовы.

– Послушай, – сказал я ей, развязав мешок, – мне хотелось бы вознаградить тебя за твою преданность. Вот, возьми. – С этими словами я протянул Молли изумрудное ожерелье, доставшееся мне от Джейн Ди.

Увидев, что я ей предлагаю, служанка изменилась в лице.

– Бери, бери! – Я почти насильно вручил ей драгоценность. – Оно твое. Поступай с ним как хочешь.

Молли спрятала мешок в огромный кованный сундук, стоявший возле окна и служивший ей скамьей. Я попробовал поднять его и не преуспел. Подумалось, что нет никакого смысла волочить на виду у всей Праги мое золото, если здесь оно пребывает в сохранности. Молли верна мне и честна, на нее можно положиться, а никому из воров не придет в голову, какие ценности могут храниться в сундуке у простой служанки. Так что, поразмыслив, я сообщил малышке, что пока оставлю мешок у нее, но вскорости заберу.

Она едва кивнула, ошеломленная моим щедрым подарком, и я видел, что девчонка глаз не может отвести от зеленых камней. Усмехнувшись, я распрощался с ней и отправился назад в свою башню, не привлекая ничьего внимания.

Определенно, ангелы благоволили мне в этом деле.

* * *

Говорить ли о том, как воспринял король мой рассказ? Видя по настойчивости, с которой я добивался срочной аудиенции, что дело мое и впрямь серьезно, он ожидал чего-то необычного... Но и его воображения не хватило на то, чтобы представить, с чем я пришел.

Сперва он отнесся к моим словам недоверчиво и даже выразил досаду тем, что я посмел требовать монаршего внимания по столь вздорному поводу. Но чем дальше я рассказывал, тем внимательнее слушал Рудольф. Когда я упомянул о золоте, спрятанном в тайнике, глаза его сверкнули, но он промолчал. Когда я признался, сколько потребовал от меня владелец манускрипта (здесь я не стал хитрить), Рудольф изменился в лице, но промолчал. Но когда я поведал о том, как с невероятными трудностями уговорил старика продать мне манускрипт, король не выдержал:

– Где он? Говори же – он у тебя?! С поклоном я подал ему рукопись:

– Вот эта книга, ваше величество. Я счастлив преподнести ее вам!

И я почти не лукавил, произнося эти слова.

Рудольф так и впился глазами в первую страницу, забыв то, что я

говорил о шифре. На лице его отразилось удивление, а затем он начал медленно переворачивать одну страницу за другой, полностью углубившись в изучение манускрипта и позабыв о моем присутствии. Я безропотно ждал. Дойдя до конца, король закрыл книгу и замер, погружившись в раздумья. Когда же он поднял на меня глаза, я увидел в них ликование.

– Это невероятно... – проговорил Рудольф. – Скажи мне, точно ли ты видел золото, сделанное по рецепту из этой книги?

– Ваше величество, я видел тайник в стене, заполненный золотом от пола до потолка. Что же касается самого превращения, то мне, увы, не довелось быть его свидетелем.

– Если бы кто-то другой пришел ко мне с подобной историей, я приказал бы бить его палками как наглого лжеца... Но тебе я не могу не верить.

Я вновь склонился в глубоком поклоне.

– Ваше величество, я признателен...

Но он не дал мне договорить:

– Я прикажу начать расшифровку этой книги сегодня же! Надеюсь, с Божьей помощью нам удастся понять, что в ней написано.

Рудольф выпрямился и устремил взгляд вдаль, словно прозревая будущее.

– Любой из монархов отдал бы многое за обладание знанием, сокрытым в этой рукописи. Но она в моих руках, и это не случайность! Я знал, что такой день настанет!

«Бог мой, сколько патетики», – подумал я, изображая на лице подобающее случаю выражение. В этот миг Рудольф был похож на одного из великих королей древности, какими рисуют их легенды и сказания. Сохраняя на лице восхищение, я не забывал размышлять и о том, когда же он перейдет к более приземленным вещам. И король не заставил меня долго ждать:

– Ты будешь вознагражден за свою преданность. Подойди ко мне, Эдвард, и знай: отныне нет при дворе человека, которого я ценил бы так же высоко, как тебя.

О, какой музыкой прозвучали королевские слова для моего слуха! «Нет при дворе человека, которого я ценил бы так же высоко...» Перед тем как припасть к королевской длани с изъявлениями благодарности, я успел подумать о том, что все же обскакал старого Джона Ди вместе с его орденом алхимиков!

Я вознесся так высоко, как и мечтать не мог десять лет назад, входя в дом знаменитого алхимика Англии с намерением изобразить глуповатого юнца, со всех сторон осаждаемого ангелами. Я осыпан милостями короля, и богатство мое успело стать притчей во языцех. Мне принадлежат земли, ежегодно приносящие две тысячи фунтов дохода, замок, золотой рудник в Богемии – подарок Рудольфа, намекающий на то, что и я могу извлекать золото в неограниченных количествах. Почти неограниченных.

Но самое главное – то, что больше всего греет мне сердце, – отныне я именуюсь не Эдвардом Келли, а сэром Эдвардом Келли де Иманьи, бароном богемским! Ибо я возведен в рыцарское достоинство императором Рудольфом Вторым. Когда возник вопрос о моей родословной (ведь и королю нужно основание для пожалования мне титула), я припомнил, что предки мои проживали в Ирландии, где владели землями испокон веков – им принадлежало графство Коннаут. Одних слов оказалось достаточно – подтверждения этому факту никто не потребовал, поскольку в моей честности не было сомнений. А я в который раз убедился, как выгодно считаться честным человеком. Так что все разрешилось ко всеобщему удовлетворению, и возмущены могли быть разве что завистники (коих при дворе всегда хватало) да мои покойные предки, ворочающиеся в своих могилах в сырой земле Корнуолла.

Джон Ди, похоже, не слишком обрадовался моему возвышению. Король так увлекся манускриптом, что про его проекты и думать забыл! Старикашка Джон сидел в Праге, проводя время между аудиенциями либо у меня в лаборатории, либо закрывшись в своем доме.

– Ты хитрец, Эдвард, – как-то сказал он мне, выпив слишком много местного пива. – Ты утаил от меня, что за книгу хочешь купить у того пропойцы... как его... Ян? Или Адам?

Якоб не был пропойцей, но я не стал говорить об этом Джону. Мне не хотелось вспоминать о старике.

– Как же его... Ну же, Эдвард! Как его звали, твоего продавца? Не могу поверить, что он продал тебе книгу... Делай со мной что хочешь, но не верю! Зачем же ему было продавать ее? А?

Я насторожился. Мне пришлось не по душе, что разговор принял такое направление, но Джона было уже не остановить. Потягивая пиво и морщась при каждом глотке, как будто кто-то заставлял его пить отраву, он рассуждал вслух, и я мрачнел с каждой минутой.

– Что ты молчишь, Эдвард? Мне кажется, что дело здесь нечисто... Если он извлекает золото из камней, то зачем ему деньги? Если он пользуется книгой, для чего ему продавать ее? А если все и впрямь было так, как ты рассказываешь, отчего же он так быстро исчез из города, будто сбежал в страхе? Ох, Эдвард-Эдвард, что-то здесь не так!

Пока Джон разглагольствовал, сидя в кресле, меня терзало смутное ощущение его сходства с кем-то, хорошо мне знакомым. Но как я ни приглядывался, не мог понять, кого он напоминает. Но вдруг он вполухутку-вполусерьез обличительно ткнул в меня пальцем, и я увидел! На Якоба – вот на кого был похож Джон! Сходство это показалось до того чудовищным, что у меня пересохло во рту; как если бы оживший труп, облагородив свой облик, пришел ко мне в гостиную и расселся в кресле, притворяясь моим наставником. Эта длинная белая борода, седина, сухопарость... Я понимал, что причина гнусной иллюзии – отсветы от огня, играющие на лице и одежде Джона. Но даже после того, как он ушел, я еще сидел некоторое время неподвижно, пытаюсь избавиться от наваждения: Якоб, беседующий со мной в моей собственной гостиной о своей смерти.

Да и сам разговор с Джоном взволновал меня. Однако, подумав, я успокоился. Никто не может выдать Эдварда Келли: тело Якоба гниет в земле, Молли преданна мне и будет молчать. А Джон наутро не вспомнит ни слова из того, что говорил. Кажется, так оно и случилось, потому что больше он не упоминал о старом алхимике.

Счастье мое было бы полным, если бы наконец свершилось то, чего я долго ждал – манускрипт выдал бы свои тайны. Однако шифровальщики короля бились над ним день за днем, применяя новые, неизвестные мне способы изучения засекреченных текстов, – и не могли прочесть его. Король неохотно говорил со мной об этом, однако я видел недовольство в его взгляде, и мне становилось не по себе. Конечно, рано или поздно ученые доберутся до разгадки, но если это затянется, то на кого будет злиться Рудольф все это время? Уж конечно, не на тех, кто не может справиться с его поручением... Нет, он будет злиться на меня, такова уж человеческая природа, в том числе и королевская.

Дни шли за днями, не принося с собой никаких изменений, и я решил наслаждаться своей новой жизнью, выкинув из головы и короля, и Якоба, и Джона с его глупостями. Но чтобы лишний раз не попадаться на глаза раздосадованному очередной неудачей Рудольфу, я на время покинул Прагу и отправился осматривать свои рудники.

В разъездах прошли четыре месяца, и в конце лета, наладив все дела, я

стал подумывать о том, чтобы возвратиться в свой город – ибо Прагу я считал своей. Именно в ней свершались самые важные события в моей жизни. Но сперва из осторожности я написал письмо одному из осведомленных людей, в котором будто мимоходом интересовался, что слышно об опытах короля и не добился ли он успеха с манускриптом.

Ответ на второй вопрос я знал и сам: если бы Рудольф расшифровал рукопись, об этом стало бы известно повсюду. Цель моих расспросов была иная: выяснить, не затаил ли король на меня обиду за то, что я принес ему в дар слишком крепкий орех? Пускай я руководствовался лучшими намерениями – примет ли он это во внимание? Впрочем, четыре месяца – не слишком долгое время, и я надеялся на благоразумие короля.

Ответное письмо подтвердило мои мысли. «Хоть его величество и не добился успеха, – говорилось в нем, – но он терпеливо продолжает изучать рукопись, полагая, что расшифровка – лишь вопрос времени. Что касается вас, то император не раз высказывал сожаление о том, что лишен вашего общества».

Что ж, самое главное я выяснил – Рудольф не будет рассержен, увидев меня. И потому с легким сердцем отправился обратно в Прагу.

Ей-богу, за время недолгих странствий я и забыл о том, что это город сквозняков! Меня продуло насквозь сразу, едва только я въехал в ворота, а ведь стоял конец апреля! Природе стоило бы быть более благосклонной к своим чадам.

Путешествие мое проходило в сопровождении штата слуг. Разбогатеv, я окружил себя теми, кто готов был исполнять каждое мое желание по одному знаку хозяина. Мне доставляло ни с чем не сравнимое наслаждение видеть, как кто-то выполняет за меня те простые действия, которые я всю жизнь совершал сам.

Разумеется, меня сопровождали и женщины. Последнее время в моду вошло держать домашних собак, которых владельцы используют не только на охоте, но и в качестве живой игрушки. Однако я никогда не понимал, к чему заводить собак, когда есть женщины? У хорошего хозяина, уж поверьте мне, они ничем не отличаются.

Мне вспомнилась Молли, которую я не видел со дня отъезда. Бедняжка так плакала, узнав о том, что я уезжаю, что я растрогался и добавил к ее вознаграждению еще десять фунтов. После чего она тут же успокоилась, немало развеселив меня.

Сперва я хотел поселиться, как и прежде, в своей башне... Но тогда всех слуг пришлось бы размещать по соседству, а это меня не устраивало. Челядь должна быть на виду у хозяина. Поэтому я приобрел просторный

дом, в который въехал с большой помпой, словно наследный принц. Толпа зевак собралась посмотреть, как знаменитый Эдвард Келли под приветственные крики войдет в двери, украшенные цветами. На окна поставили клетки с певчими птицами, и они услаждали слух собравшихся нежным пением. Правда, крики заглушали его, поэтому райской музыки, как я задумывал, не получилось.

Зато потом, когда я выглянул из окна, толпа затихла в ожидании. Они думали, что я сообщу им что-нибудь – например, когда наступит конец света... Но вместо слов я простер вперед руку, в которой была зажата чаша, а второй прикоснулся к ее поверхности. Тотчас же ярко вспыхнул синезеленый огонь, и толпа дружно ахнула.

Я мысленно рассмеялся. Детский фокус, который способен показать любой химик-самоучка – но он неизменно вызывает восторг у плебеев! Не стану лукавить: мне так нравится почесывать свое самолюбие об этих мелких людишек, что я готов делать это снова и снова.

Новость о том, что Эдвард Келли вернулся в Прагу, быстро разнеслась по городу. Любопытные часами стояли у ограды, высматривая, не мелькнет ли моя фигура за окнами. Но я ждал не их. Ко мне вот-вот должны были нагрянуть толпы придворных, желающие приветствовать любимца короля. Но сколько я ни ждал, никто не приехал. Лишь Джон прислал записку, в которой говорилось, что он рад моему возвращению, но из-за болезни не может встретить меня. Я пожал плечами и подумал, что старик совсем расклеился. Чуть позже в голову пришло, что, возможно, Джону невмоготу видеть бывшего помощника вернувшимся счастливым и полным жизни, да еще и куда богаче его самого. Я тотчас решил, что непременно нужно навестить к нему во всем блеске моего нынешнего великолепия. Пусть завидует, несостоявшийся глава несуществующего ордена алхимиков!

Я полагал, что ученые собратья тоже навестят меня. Но прошло два дня, а никто из них не переступил порог моего нового дома.

На третий день я собирался прийти к Джону, однако посланный мною вперед слуга вернулся обратно с известием, что болезнь сэра Ди, как видно, заразна, и потому к нему никого не пускают.

– Да что у него, проказа или чума? – взвился я, услышав об этом.

Слуга вновь повторил то, что ему было сказано, и я раздраженно махнул рукой – его объяснение я уже слышал. На миг меня охватило желание явиться лично к Джону и потребовать, чтобы меня впустили. Но я быстро опомнился. Ведь могло случиться так, что двери его дома не открылись бы и передо мной. Не хватало еще выставить себя на потеху сброду!

Поразмыслив, я распорядился выпустить меня через черный вход – чтобы не преследовали те, кто отирался у ограды, – и отправился бродить по городу. Неподалеку от площади, где я жил, располагался небольшой трактирчик, и я спустился в подвал, чтобы выпить пива и поужинать.

Хозяин, сам прокопченный, подобно висевшим под потолком окорокам, узнал меня и рассыпался в льстивых приветствиях. Трех посетителей тут же выставили вон, и для Эдварда Келли освободили лучшее место. Трактирщик взялся сам обслужить меня, шуганув мальчишку, что разносил тарелки с едой. Я откинулся на спинку стула и вознамерился предаться чревоугодию.

Но внезапно меня охватила тревога. Я и сам не понял, отчего настроение изменилось, но мне захотелось бежать прочь из этого трактира, подальше от смуглого хозяина, и от косоглазого мальчишки, испуганно косящегося на меня, и от прочих людей, что сидели в подвале.

Я помедлил, желая понять, что стало причиной моего беспокойства. На первый взгляд, никакой опасности вокруг не было. Внимательно рассмотрев каждого посетителя и не найдя в них никакой угрозы, я выдохнул и поднес к губам кружку пенящегося напитка. Тотчас же хлопнула дверь, и четыре человека, громыхая сапогами, спустились вниз по лестнице.

Королевский патруль! В другое время я подумал бы, что капитан захотел отведать местного пива, но сейчас отчего-то мне было ясно, что это не так. В желудке болезненно сжалось, и я отвернулся в сторону, будто не замечая вошедших.

Сапоги прогремели по полу и остановились возле моего стола. Волею-неволей пришлось повернуть голову. Капитан, коренастый рыжий человек со светло-голубыми глазами, мутноватыми, как у пьяницы, смотрел на меня с плохо скрытым презрением.

– Эдвард Келли?

И не успел я ответить, как он прибавил:

– Вы арестованы по приказу его императорского величества!

* * *

Когда дверь темницы закрылась за мной, я рухнул на деревянную скамью, мучаясь в догадках: что стало причиной ареста? Где обещанная благосклонность Рудольфа? В чем я провинился, если меня как преступника ведут под конвоем на глазах всего города и бросают в тюрьму

к душегубам и ворам? Смешанные чувства обуревали меня – и негодование, и страх, и надежда на то, что вскоре все станет ясно.

Так оно и случилось. Не успел я мысленно перебрать перечень своих прегрешений и придумать оправдание на каждое из них, как дверь снова отворилась, и грубый окрик известил меня о том, что я должен выйти наружу.

Мрачными темными коридорами шел я, сопровождаемый двумя охранниками, и вслед мне доносились крики из застенков. Мы поднимались по ступеням, края которых стерлись от сотен топтавших их подошв, проходили мимо дверей, из-за которых раздавались нечеловеческие крики, миновали один пост за другим. Темница охранялась на славу – не зря говорили, что сбежать отсюда невозможно. Когда она осталась за моей спиной, я вздохнул свободнее: даст Бог, мне не придется больше оказаться там. Нет сомнения, что произошла ошибка, и сейчас все разъяснится.

Когда я предстал перед императором, то всем своим видом изобразил готовность посмеяться над тем, какая нелепая ошибка произошла со мною.

– Ваше величество... – начал я, сделав шаг вперед, но взгляд короля заставил меня замолчать, а скрещенные пики стражи – остановиться.

– Мне приятно видеть тебя, – без всякого вступления сказал король. Я промолчал – даже поклон был бы сейчас крайне неуместен. – Давно хотел посмотреть в глаза человеку, попытавшемуся обмануть меня.

– Ваше вели...

Чувствительный удар сзади подсказал мне, что лучше сохранять молчание.

– Дни и ночи, – очень спокойным голосом продолжил Рудольф, – двенадцать ученых пробовали прочесть рукопись, принесенную тобой, но ничего не добились. Ни рисунки, ни текст не поддаются расшифровке. В чем же причина? Я полагаю, что ты, подобно многим до тебя, решил нажиться на моем стремлении обрести философский камень. С этой целью ты изготовил поддельную рукопись и придумал историю, которая должна была заинтриговать меня. Я признаю, что ты добился своей цели. Много месяцев я пытался извлечь рецепт из манускрипта, но теперь твердо знаю: это невозможно. Ты совсем потерял осторожность, раз осмелился вернуться в Прагу. Правда, не стану скрывать, что я втайне от тебя поспособствовал этому... Мне было бы неприятно думать, что ты ушел от возмездия.

– Но, ваше императорское величество! – взмолился я. – Разве само возвращение не служит доказательством моей невиновности?! Как мог бы я

предстать перед вами, если бы и впрямь был мошенником? Забота о себе заставила бы меня бежать как можно дальше, я же не сделал этого!

– Что в равной степени может говорить как о твоей невинности, так и о твоей наглости, – отрезал король. – Или же об алчности – выбери, что тебе больше по нраву. Ты опрометчиво решил, что сможешь еще раз воспользоваться моей казней.

– Ваше величество, это не так! – воскликнул я в ужасе. – Клянусь вам, мой манускрипт – не подделка!

Император наклонился ко мне, и в серых глазах его был лед.

– Тогда отчего же мы не можем расшифровать его? Расскажи мне, куда отправился человек, продавший его тебе и владеющий тайной трансформации! Направив людей по его следу, мы разыщем его и расспросим обо всем. Возможно, ты виновен меньше, чем мне кажется... Твое спасение – в твоих руках.

Он замолчал, ожидая моего ответа.

Только теперь передо мной открылась глубина пропасти, на краю которой я стоял. Я не мог открыть Рудольфу обстоятельств, при которых дьявольский манускрипт оказался у меня, ибо признание обрекло бы меня на смерть: убийцы по нынешним законам караются сурово. Но я не мог и смолчать, поскольку знал, что поиски Якоба ничего не дадут. Я мог выиграть лишь время, но зачем лишнее время тому, кто проводит его в тюрьме?

Император смотрел на меня и ждал. Обманывать его снова смертельно опасно – не найдя и следов Якоба, он разъярится настолько, что прикажет повесить меня без всякого разбирательства! И я решился.

– Мне горько говорить об этом, ваше величество, но мой рассказ и в самом деле был не совсем правдив. Все, что касается манускрипта, – истинная правда. Но судьба человека, продавшего его мне...

Я без утайки поведал обо всем, что случилось в доме Якоба, лишь немного изменив события. В моем изложении история выглядела так: сумасшедший старик решил оставить себе и книгу, и деньги, что я принес, а потому напал на меня, желая убить. Защищаясь, я нанес ему смертельную рану и, устранившись наказания, закопал труп в лесу.

Король слушал, не перебивая. Когда я закончил, то взглянул на него, но лицо Рудольфа было непроницаемо.

– Кто может подтвердить твой рассказ? – спросил он.

– Молли Сайрус, моя бывшая прислуга, – не задумываясь, ответил я. – Она присутствовала при всем, что происходило в ту ночь.

Конечно, не слишком хорошо с моей стороны было впутывать в это

дело малышку Молли. Но выбор прост: либо я, либо она. Надеюсь, за пособничество в убийстве ей не грозит виселица.

Недовольный тем, что я призываю в свидетели столь ничтожную особу, король нахмурился, и я торопливо добавил:

– Еще сэр Джон Ди, известный вам, ваше величество. Я разговаривал с ним незадолго до того, как отправиться к Якобу, и рассказывал о сложностях, с которыми мне пришлось столкнуться. Мой наставник дал мне несколько советов, которыми я собирался воспользоваться... Но, увы, не смог.

Рудольф в раздумье смотрел на меня, и его взгляд не сулил мне ничего хорошего.

– Помнишь ли ты место, где зарыл тело? – спросил он наконец.

– Я не забыл бы его, даже если бы захотел, ваше величество.

– Правдивость твоего рассказа проверят. Если ты не солгал... Но об этом рано говорить.

Он подал знак, и стража, окружив, увела меня.

Началось следствие. Меня расспрашивали о том, что произошло в ту ночь, когда умер Якоб, и записывали каждое мое слово. Я повторял то, что сказал Рудольфу, ибо понимал – лишь в этом путь к спасению.

О, кто бы знал, какие проклятия я призывал на голову моего знакомца, который по приказу короля – теперь это было вполне ясно – написал мне ответное письмо, в котором упоминал о благосклонности Рудольфа. Хитрый шаг! Я поверил, и сам зашел в ловушку, приготовленную королем.

Но все еще можно изменить! Я смогу убедить монарха в том, что мною руководило лишь желание передать ему тайну, которой владел хозяин манускрипта. И тогда он простит меня.

* * *

Меня привели не в ту камеру, где я был, а в комнату для допросов. Я понял это, увидев в углу писца, перед которым возвышались исписанные кипы листов. Крики, доносившиеся до моих ушей через стены, мешали собраться с мыслями. К тому же здесь стоял тяжелый, гнилостный дух, от которого даже мне, привыкшему к разнообразным запахам, хотелось заткнуть нос.

Допрашивал меня высокий узкоскулый офицер, чем-то неуловимо похожий на капитана, что арестовывал меня. Присмотревшись, я понял, что роднило их презрение, которое они не давали труда как следует скрывать. Я

еще не был осужден, но в глазах этого человека уже стал преступником.

Писец записал с моих слов все, что я рассказывал о Молли и Джоне, и офицер, взяв у него лист, ушел. Меня же отвели в ту самую камеру, в которую я надеялся больше не возвращаться. Первый раз я провел в ней не слишком много времени и не успел заметить, какая сырость там царит. По стенам сочились капли влаги, земляной пол под ногами неуловимо пружинил, как бывает на берегу болота или заросшего пруда. Прутья дверной решетки, что преграждала мне выход, изъела ржавчина, но они все равно оставались прочны.

Я пробыл там долго. Сперва я вздрагивал от каждого крика, доносившегося из соседних камер, но в конце концов, обессилев, заснул на скамье, укрывшись плащом. К счастью, меня не раздели, как сидевших здесь преступников, и это вселяло надежду.

Проспал я долго. Думаю, что прошла целая ночь. Точно сказать я не мог, поскольку дневной свет не проникал в это подземелье – оно освещалось лишь чадившими в коридоре свечами. Мне принесли еду, которой побрезговала бы и крыса, и я, еще вчера вкушавший яства, в конце концов поел немного – иначе одолевавший меня голод не дал бы покоя.

Офицер, допрашивавший меня накануне, вошел в камеру, когда я не ожидал его. Мне казалось, что для допроса меня снова направят в комнату с писцом, но на этот раз никто не стал водить меня по узилищу.

– Твои слова проверены, – сухо сказал офицер, в руках у которого было несколько листов, исписанных ровным, почти каллиграфическим почерком. – Дело твое является делом особой важности, поэтому все показания записаны. Первой была найдена и допрошена Молли Сайрус, кухарка. Она показала, что никогда не заходила с тобой в дом, называемый «Хромое Копыто», не знает алхимика по имени Якоб, не видела манускрипта, написанного на неизвестном языке, и никогда не принимала участия в сокрытии трупов. Тебе есть что сказать?

Остолбнев, я слушал его, а дослушав, разразился ругательствами. Мне стало ясно, что произошло. Молли струсила! Испугавшись наказания, она отказалась подтвердить мой рассказ – в противном случае ей грозил бы суд как сообщнице. Черт возьми, я надеялся, что у нее не хватит ума сообразить это! Но она сообразила.

И еще мои деньги! Мешок, который так и остался у нее в сундуке – я не забрал его, ибо Рудольф вознаградил меня достаточно, чтобы я мог забыть о нем. Не иначе, Молли Сайрус решила присвоить его.

– Я хочу видеть ее! – крикнул я офицеру, брезгливо смотревшему на меня. – Слышите, вы?! Она солгала, маленькая дрянь! Клянусь, она

солгала! Поговорите с ней... Нет, лучше пытайте ее! Под пытками она покажет правду!

У меня запершило в горле, и я зашелся в жестоком кашле. Чертова сырость! Она сведет меня в могилу куда раньше, чем это сделает подлая служанка, предавшая своего покровителя.

Сотрясаясь в приступе, я вспомнил о Джоне. Вот кто станет моим спасителем! Пусть он не может предъявить ничего, кроме моих слов, но и это перевесит чашу весов в мою пользу! Я сказал об этом офицеру, когда кашель утих.

Он усмехнулся, и усмешка его не понравилась мне. Что такое? Уж Джону-то нечего бояться, и потому он мог позволить себе быть правдивым.

Офицер достал желтый лист бумаги, исписанный тем же каллиграфическим почерком, и начал читать. Я слушал его и не верил своим ушам.

«Джон Ди показывает, что в то самое время алхимик, называющий себя Эдвардом Келли, заговорил с ним о некоем манускрипте. Эдвард Келли собирался преподнести его королю. Но слова его были туманны, а намерения не ясны. Джон Ди показывает, что пытался отговорить Эдварда Келли. Однако Келли заявил, что не отступится. Джон Ди показывает, что требовал рассказать о манускрипте. Келли в ответ отказался сообщать что-либо и исчез. Джон Ди показывает, что с тех пор видел его один раз и не имел долгих разговоров. Джон Ди показывает, что ему неизвестно происхождение манускрипта и способ его прочтения».

– Старая сволочь... – бессильно выдохнул я, дослушав до конца. – Паршивый мул! Чтоб его оскопили! Чтоб его зубы...

– Тихо! – остановил меня офицер. – Подумай, что еще ты можешь добавить. Никто не подтверждает твоих слов. Отказываешься ли ты от них?

– Нет!

Подумать только, и я еще жалел мерзавца! Я испытывал к нему нежность – я, прежде лишь насмехавшийся над ним! Меня переполняли проклятия в адрес Джона, и самым мягким было пожелание, чтоб его заживо погребли в коровьем навозе. Но, подумав об этом, я вспомнил о самом главном, что заставило меня выкинуть из головы и завистливого ублюдка Джона, и трусливую дуру Молли:

– Тело! Я отлично помню, где мы зарыли его! И в доме Якоба найдутся доказательства, что он был алхимиком. «Хромое Копыто»! Нам нужно туда.

Офицер поразмыслил, едва заметно кивнул и распорядился, обернувшись:

– Двух солдат с нами. И пускай возьмут с собой лопаты.

Наша кибитка тряслась по изъезженной колее. Рук мне не связали, и, уцепившись за край окна, я мог в полной мере наслаждаться веселым и беззаботным днем уходящего лета. Но мне было не до любования пейзажами – в памяти одно за другим всплывали воспоминания: вот Молли помогает грузить тело Якоба в тачку, вот я забрасываю старика тряпьем, вот мы, изо всех сил напирая на тачку, катим ее по улицам, и пот течет по нашим лицам, высыхая на холодном ветру. По ночной дороге, которая сейчас ярко освещена солнцем, мы то шли, то бежали, не замечая ни полей вокруг, ни искривленных дубов, простирающих корявые ветви над обочиной.

Поворот, за которым мы с Молли свернули в Лосиную рощу, был все ближе, и вот наконец взгляду моему открылись две тропы, по одной из которых мы катили тачку с бездыханным телом алхимика. Выйдя из кибитки, я пошел вперед, указывая дорогу, а за мной шли солдаты с лопатами и спешившийся надменный офицер.

Вот и поляна, где закопан Якоб! За прошедшие месяцы трава и цветы густо разрослись на месте могилы.

Я указал, где копать, и приготовился увидеть разложившееся тело.

Заступы ударили в землю, и комья полетели в сторону. Мы ждали... Понемногу меня начало охватывать удивление: могила, вырытая нами с Молли, была совсем неглубока. Отчего же тело Якоба не показывается из земли?

– Что такое? – нетерпеливо спросил офицер, бросив на меня взгляд. – Ошибся местом?

Я отрицательно покачал головой.

– Не... Яма-то – вот она! – подал голос один из солдат. – Точнехонько в нее мы и попали.

– Верно, – поддержал его второй. – Забрасывали, видать, наспех, все так и осталось рыхлое.

– Только вот никаких покойничков здесь нет.

– Верно, нету! Земля как земля, червяки да корни...

Офицер снова посмотрел на меня. Я спрыгнул в яму, взял у одного из солдат лопату и принялся копать. Тот не сказал ни слова, лишь отошел в сторону. Удар, еще один, еще, еще... Я взмок насквозь, но солнце ли было тому причиной? Копать, копать, копать...

– Где же ты?.. – бормотал я себе под нос, плохо соображая, что

говорю. – Ну же, Якоб, старый негодяй, – покажись! Вылези из землицы, помаша нам рукой! Где ты, а? Вылезай, тебе говорят!

Яма становилась все глубже, земля летела во все стороны, мне уже мешали глубоко залегающие корни деревьев, до которых – я помнил точно! – мы с Молли не дорыли. Ударившись об один из них, лопата так подскочила в моих руках, что древко стукнуло меня в подбородок.

– Это твои проделки, Якоб?! – хрипло спросил я, потирая челюсть. – Где ты прячешься, старый черт?! Признавайся! Не может быть, чтобы тебя всего съели черви... Где твои кости?! Высунь хоть одну! Покажись!

Я бешено заколотил лопатой в землю, оставляя зазубрины на корнях.

– Хватит! – заорал офицер, прыгнув в яму и схватив меня за рукав. – Довольно! Или ты не видишь – здесь его нет!

Я бросил лопату, выбрался наверх и опустился на кучу свежевырытой земли:

– Ничего не понимаю... Он должен быть здесь!

– Ты не мог ошибиться? – с сомнением спросил офицер. – Другое место? Поляна большая, или же мы свернули не на ту тропу...

Я покачал головой. Место было то самое. Солдаты, сказавшие о рыхлой земле, подтверждали это. Но Якоба не оказалось в могиле.

«Черт раздери старика, мне нужно его тело! Молли и Джон не стали играть на моей стороне, мне одному предстоит доказывать свою правдивость императору... Но как сделать это, если нет ни одного подтверждения моим словам?»

– Куда он мог деться? – вслух подумал я. – Никто не знал, что мы закопали его здесь...

– Возможно, ты ошибаешься, – заметил офицер. Я обратил внимание, что в голосе его появилось подобие сочувствия, – похоже, мое поведение убедило его, что я не лжец. – За тобой кто-то мог скрытно следить от города, а затем, когда ты покинул поляну, выкопать тело.

– Но зачем? – спросил я, и тут же сам понял, где ответ на мой вопрос. – Кровь покойника! Зубы, пальцы и волосы!

– Верно, – кивнул офицер, довольный моей догадливостью. – Не был ли твой старик рыжим?

– Нет, он был седым... Но для многих и седина не стала бы помехой.

Я приободрился. Как же я не подумал о том, что в Праге достаточно безумцев, полагающих, что части тела умерших насильственной смертью излечат их от заболеваний! Конечно, больше всего ценились волосы и уши рыжеволосых, желательно – повешенных, но и на Якоба нашлись бы желающие. Отрубленные пальцы висельника, сваренные в крапивном

настояе, избавляют от бесплодия, а истолченный череп убитого излечивает бесовские припадки, известные также под названием падучей. Возможно, мы с Молли и впрямь не заметили прохожего, который проследил за нами. Или же простая случайность привела к тому, что кто-то наткнулся на зарытое тело и решил использовать его.

Как бы то ни было, одним доказательством у меня стало меньше. Однако оставалось самое главное – дом под названием «Хромое Копыто»... Теплилась надежда, что нам удастся разыскать в нем золото. Тогда уж я точно смогу убедить Рудольфа в чистоте своих помыслов!

Солнце стояло еще высоко, когда наша кибитка подъехала к жилищу Якоба. Я первым выпрыгнул из нее и быстрым шагом направился к двери, словно и не быш арестантом. Офицер, бросив поводья своему подчиненному, поспешил за мной следом. Мне не терпелось войти внутрь! Дом, который когда-то пугал, теперь манил, звал к себе, обещая скорое завершение моих несчастий.

Перед крыльцом я замедлил свой бег, сообразив, что ключа у меня нет. Но обогнавший меня офицер, приглядевшись, толкнул дверь – и, к моему удивлению, она отворилась.

Мы вошли. За нами, сопя и топоча, проследовали солдаты и застыли возле входа запыленными стражами. Забыв о них, я пошел по коридору, направляясь к лестнице в подzemелье.

Однако дошел я лишь до половины пути, поскольку движение мое все замедлялось, замедлялось и в конце концов прекратилось вовсе. Недоверчиво оглядывался я вокруг, лишь теперь заметив то, что не бросилось в глаза сразу, как только мы вошли.

Все окна были зашиты досками, но в щели падал солнечный свет. В его лучах виднелись нагромождения старой мебели, ворохи полусгнившего тряпья, невесть как оказавшиеся здесь груды камней и высохшей земли. Ничего этого не было прежде, когда я навещал Якоба – по крайней мере, в таком количестве.

Я зашел в комнату, где старик любил сидеть в кресле возле окна. Вместо кресла стоял стул со сломанной спинкой, из которой угрожающе торчали гвозди, а от столика, на котором обычно лежал манускрипт, осталась одна столешница, небрежно прислоненная к стене.

Но более всего поразило меня окно.

Оно было заколочено. Меж досок жирный паук сплел свою паутину.

Подобно сомнамбуле, приблизился я к отвратительному насекомому и провел пальцем по одной из досок. На пальце остался бурый след от пыли.

Развернувшись, я бросился к лестнице, что вела вниз, в подвал.

Офицер по-прежнему молча следовал за мной, как тень. Распахнув дверь, я скатился по ступеням, влетел в лабораторию Якоба и едва не запнулся о балку, что лежала на полу. Я поднял голову и окаменел.

Крыша над моей головой была проломлена в нескольких местах, под ногами валялись обломки черепицы. Зеленые листья виднелись в просветах, а побеги хмеля заползали внутрь, обвивая сломанные балки, подобно змеям. Ни столов, ни печи, ни даже осколков разбитых реторт...

Дом был пуст. Дом был безлюден. Дом был заброшен, как только могло быть заброшено жилище, куда годами не ступала нога человека.

Никогда за всю свою жизнь не испытывал я такого потрясения. Медленно-медленно пошел я вдоль стены, ведя по ней рукой, а дойдя до того места, где когда-то была печь, обернулся.

– Как же так... – выговорил я. – Клянусь, здесь жил алхимик...

Но в глазах офицера, прежде сочувствовавшего мне, я увидел недоверие.

– Иди наверх, – приказал он.

Я стоял на месте, будто не слыша, что мне говорят. Странное оцепенение приключилось со мной: я понимал, что было произнесено, но ноги отказывались двигаться. В голове металась мысль вперемешку с воспоминаниями; я был близок к тому, чтобы сойти с ума – второй раз в жизни, и снова – на том же самом месте! Что за проклятие довлело надо мной?!

– Ты, старый колдун! – выговорил я, обводя взглядом подземелье. – Тебе меня не одолеть! Хочешь бросить мне вызов?! Что ты сделал со своим жилищем?!

– Наверх! – с угрозой повторил офицер, и на этот раз я подчинился.

Солдаты вышли первыми, я – за ними. Спустившись с крыльца на тропу, я остановился и огляделся вокруг, рассматривая все будто в первый раз. О, что за зрелище предстало моим глазам!

Одичавший сад извивался зелеными побегами, хмель оплетал стены, рухнувшая яблоня проломила крышу – это ее ветви я видел в подвале сквозь дыру в кровле. Любому с первого взгляда стало бы ясно, что никто не живет здесь уже много лет, и только прочность стен хранит дом от полного разрушения. Тропа заросла травой, и будь я внимательнее, заметил бы это сразу.

Один из солдат подтолкнул меня в спину по направлению к кибитке, стоявшей на дороге. Я машинально сделал несколько шагов, но тут новая мысль озарила меня.

– Соседи! Вам нужно поговорить с ними. Они не могут не знать о

Якобе!

Офицер отрицательно покачал головой, но я настаивал. Конечно же, они должны были видеть и старика, и меня, ежедневно приходящего к отшельнику! Я припомнил, что пару-тройку раз замечал за оградой соседнего дома бабу, то развешивавшую белье, то хлопочущую в саду. Тогда мне казалось, что она смотрит на меня с любопытством, и я злился – ее внимание было мне некстати. Но как же я радовался сейчас!

Я применил все свое красноречие, уговаривая офицера, и наконец он согласился. Обогнув ограду, мы зашли во двор, и на стук из дома вышла та самая женщина. Выражение лица туповатое, щеки толстые, лоб по самые глаза закрыт платком, а не чепцом – с такими нужно сразу брать быка за рога.

– Помнишь ты меня? – спросил я строго.

Она испуганно взглянула на моего спутника и отрицательно покачала головой. Я чуть не выругался, но в последний миг сдержался. Бестолковая простолюдника от страха могла и вовсе замолчать.

– Я приходил к твоему соседу, Якобу, – терпеливо сказал я. – Было это по весне. Ну же, вспоминай! И скажи этому господину, что ты меня видела.

Она снова замотала головой, уставившись себе под ноги.

– А ну посмотри на меня, корова! – рявкнул я, и баба подскочила на месте от моего окрика. – Я тебя видел, и ты меня видела. Никто не будет тебя ни за что наказывать, ясно? Только расскажи про Якоба и подтверди, что я частенько бывал у него.

– Что ж это такое вы говорите, – удивленно протянула она, вытаращив на меня глаза. – Какого такого Якоба?

– О, дьявол! Твоего соседа! Или ты забыла, как его зовут? Нелюдимого старика, что жил в «Хромом Копыте». – Я показал рукой в сторону дома алхимика.

Баба вытаращила глаза еще больше.

– Воля ваша, добрый господин, – пробормотала она. – Только никаких стариков в «Хромом Копыте» отродясь не было. Вот уже пару лет, как прежний его хозяин, Петр, умер, а жил-то он бобылем. Вот с тех самых пор дом стоит пустой. Да кому там жить-то? Только собаки бродячие туда заходят, а внутри воришки да нищие растащили все, там ничего и нету... И про Якоба вы напутали что-то. На нашей улице ни одного Якоба отродясь не рождалось.

Она покосилась на офицера, настороженно оглядела меня и добавила:

– И вас, господин, я вижу первый раз. Говорите что хотите, да только глаза у меня хорошие, и на память пока не жалуюсь. Если б я вас хоть один

разочек углядела, так запомнила бы, уж поверьте! Да что запоминать, если возле Петрова дома никого не бывает. Разве что гуси Аннины забредут, так она их оттуда хворостиной! А кроме Анны, никто и не приходит туда...

Офицер махнул на нее, и баба притихла. Я тоже стоял молча, пытаюсь понять, откуда этот странный звон в голове... «Вот уже пару лет, как прежний его хозяин, Петр, умер... На нашей улице ни одного Якоба отродясь не рождалось...»

– Сколько... лет... Сколько лет было Петру? – выдавил я.

– Петру? Да кто же его знает, Петра... Так-то вроде нестарый, может, четвертый десяток пошел. Он, понятное дело, и дольше бы жил, только под лошадь попал, и что-то у него в грудине повредилось. Копытом лошадиным, вот как. Он, бедный, так уж хрипел после этого, так хрипел! Четыре дня пролежал, а на пятый взял да помер. Ну, муж мой на это сказал: «Пожалел Господь, прибрал, чтоб не мучился». А и то правда. А то некоторые, бывало-ча, как свалятся, так и лежат месяц за месяцем. Хорошо, если дети есть, чтоб ухаживали, а если детей нету? Вот как у Петра. Ему ведь Бог не дал детишек! Да и откуда они возьмутся, раз не женился? Сколько раз, помню, предлагала я Петру хорошую девушку, работающую, а он все отказывался. Другой бы, может...

– Замолчи! – Я заткнул ладонями уши, чтобы не слышать про ненавистного Петра.

Баба отодвинулась, с тревогой глядя на меня.

– Друг-то ваш здоров ли? – обратилась она к офицеру. – Смотрит, как будто вот-вот бросится!

Тот тронул меня за плечо:

– Пойдем.

Не помню, как дошел до кибитки и сел в нее. В себя я пришел лишь тогда, когда дверь камеры захлопнулась за мной. У меня было ощущение, будто что-то изменилось за время моего отсутствия, но понял я это не сразу. Мне потребовалось сперва оглядеть помещение, в котором я находился, а затем, не обнаружив в нем ничего нового, себя самого.

И тогда я увидел. Меня переодели в одежду заключенного – длинную серую рубаху из дерюги, очень похожую на ту, что была у Якоба.

Глава 10

Борис Осипович вел машину так осторожно, как будто вез новорожденного ребенка. Максим лежал на заднем сиденье, прикрыв глаза, и только морщился на ухабах.

«Уму непостижимо, – подумал Борис Осипович, плавно входя в очередной поворот. – Как я мог на это согласиться? Как мы все могли на это согласиться?!»

В голове у него звучал рассерженный бас нейрохирурга: «Под вашу ответственность! И расписку мне напишете, ясно вам? Все понимаю, но хотя бы сутки должны пройти! Сутки, а не шесть часов! Ты меня слышишь, бритоголовый?»

Все было напрасно – переубедить Максима не удалось никому. Борис Осипович предпринял отчаянные попытки, но, когда Макс пригрозил, что уйдет из больницы пешком, он сдался.

«Я должен там быть! – упрямо твердил Макс одно и то же. – А если он ее захватит в заложники?»

«И чем же тогда ты поможешь?»

«Я его знаю. Я смогу найти слова, которые его убедят. Мне нужно быть там».

Борис Осипович подписал кучу бумаг, в которых обязался не предъявлять претензий в случае, если... После слова «если» он не стал читать. Максим своим упорством заразил окружающих: все вдруг поверили, что ему и в самом деле как можно быстрее нужно прибыть в Москву.

– Вы сильно так не беспокойтесь, – шепотом сказала Борису Осиповичу медсестра, отловив его возле очередного начальственного кабинета. – Понятное дело, операция, но у нас были случаи, когда пациенты своими ногами уходили сразу же, как только просыпались от наркоза. Переломы вашему мальчику загипсовали, так что больно ему не будет. Вы только следите, чтобы он корсет не снимал – четыре ребра сломаны, это не шутки.

– За ним проследишь... – не удержался Борис Осипович. – Вы же видите, какой он!

– Ох, да они все такие! Ничего, обойдется, дай бог вам всем здоровья...

Вернувшись в палату, Борис Осипович застал Максима совершенно

готовым к отъезду.

– Максимыч, ты напрасно это затеял, – безнадежно начал он. – Там милиция, ты совершенно не нужен! От тебя будет больше пользы, если ты отлежишься после операции. Через три часа мама прилетает – что мы ей станем объяснять?

– Пап, – сказал Макс. – Это все лирика. Поехали, пап, а?

И они поехали.

* * *

Александр Сергеевич Арефьев по прозвищу Пушкин вышел из кабинета в самом отвратительном настроении. В коридоре царила странная, удивительная тишина. Он взглянул на часы: десять минут пятого. «Даже ночью так тихо не бывает, – подумал Александр Сергеевич. – Что-то здесь не так». Он подозрительно огляделся, предположив, что мальчишки затеяли какую-нибудь гадость... «Я им устрою веселые часы подъема, – мысленно пообещал Арефьев, наливаясь злобой, хотя ничего противозаконного пока не обнаружил. – Будут у меня плясать, как...»

Придумать, как будут плясать его воспитанники, Александр Сергеевич не успел – кто-то, бесшумно подошедший сбоку, вынул из ладони Арефьева ключ, которым тот собирался запереть кабинет, и мягко подтолкнул его в услужливо приоткрывшуюся дверь. Александр Сергеевич не успел даже понять, что произошло: только что он вышел в коридор – и вот снова стоит в своем собственном кабинете. А рядом с ним – невысокий стриженный человек в круглых очках, за спиной которого возвышаются три фигуры.

– Александр Сергеевич, нам бы с вами поговорить, – негромко сказал человек, показывая открытое удостоверение. – Только без шума, договорились? Шум нам с вами ни к чему, мы же воспитанные люди...

Онемевший Арефьев дернул подбородком.

– Покажите нам быстренько на плане все подсобные помещения, находящиеся на территории, – попросил очкарик, расценив этот жест как знак согласия, и, не оборачиваясь, добавил: – Паш, давай глянем...

Рядом вырос человек в пятнистой серо-зеленой куртке. Александр Сергеевич взял протянутый ему план, развернул и некоторое время смотрел, не понимая, что за значки видит перед собой.

– Ну же, – поторопили его. – Показывайте, что где находится. Ничего не пропускайте.

Александр Сергеевич, запинаясь, назвал все помещения. Каждое его

слово сопровождал кивок пятнистого, и от этого директор чувствовал себя учеником, отвечающим на экзамене. Очень важно было не ошибиться.

– А девушка где? – ласково спросил человечек.

– К-к-к-какая девушка?

– Не знаем, какая девушка? – удивился тот. – Ну что же вы, Александр Сергеевич. Наталья Куликова, вот какая.

– Где она?

– Это мы у вас спрашиваем, где она.

– Уже не спрашиваем, Петр Петрович, – поправил его сзади пятнистый. – Все совпадает, надо брать.

– Надо – значит, надо, – вздохнул человечек и поправил очки. – Вы, Александр Сергеевич, пока подождите в своем кабинетике. Ребятки все закончат, и нам с вами придется кое-что обсудить. Не возражаете?

Директор и не думал возражать.

– А что случилось? – осмелился спросить он, но вопрос остался без ответа: трое, стоявшие у стены, выбежали вслед за пятнистым, а стриженный человечек подошел к окну.

– Я думаю, все-таки склад, – сказал он, и Александр Сергеевич сперва решил, что обращаются к нему. Но стриженный прижал палец к уху, повторил: – Склад, говорю...

И директор понял, что с ним в ближайшее время никто не станет разговаривать. Он на цыпочках отошел в сторону и сел на стул для посетителей, стараясь сделаться как можно незаметнее.

* * *

Тошка ни о чем больше не просила своего охранника – все прежние попытки оказались напрасны. Он не согласился убить ее, но не шевельнул бы и пальцем, чтобы помешать тому, кто придет сделать это вместо него.

Она догадывалась, как все будет. Ее убьют здесь, потому что выводить наружу опасно – она поднимет крик или найдутся свидетели... Выстрел исключен, от него слишком много крови, а им несподручно отмывать помещение. Значит, веревка или нож. Но если так, убийце придется подойти вплотную... Ну что ж, пусть попробует. Она знала, что шансов нет, но встречать смерть подобно овце, ведомой на заклание, не собиралась.

Но все вышло не так. В дверь стукнули снаружи четыре раза, и они с Гариком одновременно вскочили. «Господи... Неужели – все?!»

– Не открывай... – проговорила она помертвевшими губами. – Не

делай этого...

Он упрямо мотнул головой, будто отгоняя надоедливую муху, и вышел из комнаты.

Оставшись одна, Тошка попыталась закричать.

– А-а-а-а... – глухо сказала она. – А-а-а-а!

Слабый звук, который получился у нее, вряд ли донесся дальше двери. Тошка попробовала придумать защиту из своих маленьких оберегов, но теперь от них остались только слова, пустая оболочка, за которой ничего не было. Страх ли был тому причиной, или близость смерти, но только маленькое волшебство, которое Тошка умела делать из ничего, исчезло.

В приступе отчаяния она подтащила сломанный стол к двери и перегородила выход. Но что толку, если дверь открывалась наружу! На всякий случай Тошка взгромоздила сверху стул, а сама прижалась к стене слева от входа, схватив оставленное ей на ночь ведро.

У нее хватило сил подшутить над собой. «Девушка с ведром... Жаль, оно без содержимого».

Она не услышала, а почувствовала по сквозняку, что дверь открыли. Кто-то наткнулся на стол и выругался – должно быть, Гарик.

– Э-э, Синеглазка, – позвал он. – Выдь-ка сюда. Иди, не бойся.

Голос у него был сдавленный и лишенный интонаций. «Отчего он не заходит? Боится меня?»

– Выдь, а? Мы тебя отпускаем!

Раздался скрежет – стол поехал по полу. Гарик сунулся внутрь, увидел Тошку, прижимавшую к себе ведро, и словно нехотя поднял то, что было у него в руке – длинноствольный черный пистолет, очень похожий на зажигалки, которые Тошка видела в магазинах подарков. Только на этом, в отличие от зажигалок, была накручена какая-то шайба – круглая, почти на конце ствола. Дуло ходило вверх-вниз, словно оружие само выбирало, куда ему стрелять. Девушка сползла на пол, прижимаясь спиной к стене, и дуло опустилось за ней следом.

– Ну, ты это... Подойди поближе! – попросил Гарик, взводя курок.

Его просьба придала всему происходящему налет полнейшего абсурда.

– Что, боишься промахнуться? – осипшим голосом спросила Тошка. Краешком сознания она изумилась тому, что еще способна говорить. – Может, попросишь меня саму в себя выстрелить?

Охранник не ответил. Ему что-то сказали из-за приоткрытой двери – Тошка не видела, кто стоит за ней, – и Гарик словно окаменел. В эту секунду он стал похож на хорошо исполненную восковую куклу – полуоткрытый рот, стеклянный взгляд, устремленный на Тошку... Ничего

живого, человеческого в нем не осталось – только готовность стрелять по приказу человека, скрытого от нее створкой двери.

В последний миг она не выдержала и зажмурилась, ожидая выстрела. Однако вместо глухого хлопка послышался удар, что-то тяжелое упало на пол, и девушка вжала голову в плечи. Она была уверена, что Гарик уронил стол, зашел внутрь и теперь стоит в двух шагах от нее, нацелив свое оружие ей в голову.

– Сань, вроде цела, – сказали прямо перед ней, и Тошка открыла глаза.

Гарика в комнате не было. Перед Тошкой сидел незнакомый парень с простоватым лицом и внимательно смотрел на нее. Она громко вскрикнула, и тут же рядом появился еще один, похожий на первого. Теперь она разглядела, что оба в защитной форме цвета хаки, на головах – закатанные черные шапочки.

– Носилки нужны? – озабоченно спросил второй, поглядев на Тошку сверху вниз. – Или сама выйдет?

– Носилки тебе нужны? – перевел первый. – Или сама выйдешь?

– Сама... – вытолкнула из себя Тошка, ошеломленная происходящим, и второй поднес ко рту рацию, в которой что-то шипело:

– Она внутри, носилки не нужны, отбой. Отбой, говорю!

Рация прошипела в ответ и отключилась.

– Что происходит? – прошептала Тошка.

– Спокойно, не дергайся, – сказал парень и вдруг быстро оцупал ей руки и ноги, слегка надавливая. – Так, здесь все нормально. Встать точно можешь?

– Могу. А где... эти? – по-прежнему шепотом спросила Тошка, начиная понимать, что все плохое, кажется, закончилось. – Гарик и еще один... Я его не видела.

– Не видела – так посмотришь. Вставай! На, держись.

– Нет! – Тошка ожесточенно затрясла головой, вцепилась в руку спасителю. – Я не хочу! Я не пойду! Он меня убьет!

– Тише, тише! Никто тебя не убьет! Их всех взяли, так что можешь никого не бояться.

– Взяли? – чуть не плача, переспросила она.

– Взяли, точно тебе говорю. Так что иди, не трусь.

По-прежнему держась за руку парня, Тошка осторожно вышла из комнаты. Длинный коридор был заполнен людьми в такой же форме, что и ее сопровождающий. Она заметила лежащего на полу Гарика – кажется, без сознания.

А в конце этого коридора стоял Лешка Баренцев, и руки у него были

скованы наручниками.

Тошка встала как вкопанная, не сводя с него глаз.

– Вот этот товарищ, которого ты так боялась, – сказали сзади. – Узнаешь?

Тошка сделала несколько шагов. Ей захотелось сказать, что произошла ошибка, что такого не может быть, что все эти люди в форме и с оружием должны немедленно, сейчас же отпустить Баренцева! Это же Лешка!

Она не понимала, почему он сам молчит и не пытается оправдаться. Поэтому Тошка позвала, не дойдя до него:

– Леш! Леш, ты чего?!

Он поднял на нее взгляд, и Тошка словно споткнулась.

Лешка стал – выгоревший. Только раньше он был выгоревший снаружи, а теперь стал – изнутри. За его голубыми глазами Тошка видела черное, сожженное дотла, пустое и страшное.

– Леш... – беспомощно повторила она. – Ты чего? Зачем, Леш?

Баренцев отвернулся.

– Забираем их, – сказал кто-то у Тошки над ухом; она вздрогнула и обернулась.

Ей снова показалось, что вокруг невероятно много людей, – она даже не смогла понять, кто отдал приказ, – хотя в коридоре находилось не больше пяти человек. Когда же Тошка повернулась обратно, Баренцева уже не было. Вместо него к ней приближались трое. Двоих, идущих впереди, она никогда не видела раньше: высокого широкоплечего здоровяка, чем-то похожего на медведя, и худощавого парня с копной взъерошенных светлых волос. А следом за ними, крутя замотанной бинтами головой и явно не замечая ее, быстро шел...

– Максим! – закричала Тошка, кто-то шарахнулся от нее в сторону. «Во голосина прорезался...» – услышала она.

– Тошка!

Растолкав здоровяка и светловолосого, Максим бросился к ней, подхватил, прижал к себе, ощупывая ее трясущимися руками:

– Здесь больно? А здесь? Тоша, где болит? Скажи мне, не молчи! Тебе врач нужен? Тошенька, маленькая моя, я тебя сейчас в больницу отвезу, и там врач тебя посмотрит! Ты только не бойся ничего, поняла? Прямо сейчас поедem... там врачи хорошие... Знаешь, какие хорошие? Мне перелом за две недели вылечили! Помнишь, я зимой на физкультуре руку сломал? Господи, ну что ты плачешь!

– Арефьев, – сказала Тошка, глотая слезы, – ты посмотри на себя. Как дурак себя ведешь, честное слово. Почему у тебя вся башка в бинтах?

Он замолчал, тяжело дыша, и вдруг отпустил ее, ссутулился, бессильно повесив руки вдоль тела.

– Макс, ну ты чего! – перепугалась она. – Макс! Со мной все в порядке, честное слово! Ну что ты, Максим?

– Я... боялся, – проговорил он, с трудом выталкивая слова из глотки. – Тоша... ты... То есть...

Он оборвал фразу. У него вдруг не осталось сил даже не то чтобы сказать что-нибудь.

Тошка обняла его, уткнулась лицом ему в плечо.

– Я тебе записку оставила, – сказала она. Из-за того, что все слова уходили ему в рубашку, голос получался совсем глухой. Слезы текли сами, и на рубашке расплывалось мокрое пятно.

– Записку... – повторил Максим, и вдруг слабость его исчезла так же внезапно, как появилась, и он почувствовал, что его охватывает ярость – первый раз в жизни. Он схватил Тошку за плечи, борясь с желанием встряхнуть ее как следует: – Записку она мне оставила! Чтобы никаких записок больше, поняла? Ты со своими идиотскими затеями!.. Чтоб никогда больше, ясно?.. Все! Хватит! Будешь рядом сидеть, супы варить, пеленки стирать!

– Какие еще пеленки? – изумилась Тошка, быстро-быстро моргая промокшими ресницами. – Чьи?!

– Мои! – рявкнул он. – Какая разница?! Все будешь стирать! Все, какие найдутся!

– Да у тебя даже тазика нет! – выпалила она, шмыгнув носом.

– У меня до фига тазиков! Вся квартира увешана этими тазиками! Я, если хочешь знать, ем из тазика! И сплю в тазике!

Он перевел дыхание, готовясь сказать что-то еще, и тут Тошка засмеялась. Максим озадаченно посмотрел на нее, и у него мелькнула мысль, что это истерика и в таких случаях, кажется, нужно давать пощечину, но он не сможет... А затем засмеялся сам. Обнял, с силой прижимая к себе, и почувствовал, как шеи коснулись теплые губы.

– Я согласна с тобой всю жизнь есть из тазика, – сказала Тошка. – Только давай пойдем уже, а то здесь пахнет плохо.

– Лишились, значит, налета беззаветной детской преданности друг другу... – сказал Бабкин, глядя на них. – Угу, как же.

– Ты о чем? – непонимающе посмотрел на него Макар и тут же вспомнил: – А, это Куликов так сказал о них! Ошибся, бывает. Где он, кстати?

– Уже едет.

– Это хорошо. А беззаветная детская преданность никуда не исчезает, Серега. Поверь мне, старому морскому волку.

* * *

– А как же Баренцев? – спросил Сергей.

Они снова обходили лужи – но только на этот раз дождь, пролившийся накануне, был теплым. Холода окончательно ушли из Москвы, и снег исчез вместе с облетевшими лепестками черемухи. Старый дворик, в котором жила Наташа Куликова, проснулся, и обитатели его выползли наружу, с любопытством разглядывая неторопливо идущих Макара и Бабкина.

– Что – Баренцев?

– Помнишь, в тот день, когда спасли Куликову, ты сказал, что детская преданность не исчезает? Но Баренцев был другом ей и Максиму. Не зря же и Куликов, и отчим Арефьева рассказывали об этом.

Макар сбил капли с нависающей над тротуаром ветки, и Сергей еле успел отскочить, чтобы не попасть под душ.

– Двое дружили бескорыстно, а третий нет, вот и все объяснение, – сказал Илюшин. – Борис Осипович упоминал о том, что Лешка тянулся за Максимом и Наташей. Наверное, он что-то получал от этой дружбы – вспомни хотя бы плеер. Если бы Макс не отдал ему монету, Баренцев не смог бы купить его.

– По-моему, ты все-таки ошибаешься, – подумав, сказал Сергей. – Не в плеере было дело. Видал я таких парней, как этот Баренцев. Он будет по-настоящему хорошим другом, но только до тех пор, пока не увидит перед собою цель. К цели эти люди идут, круша и ломая все на пути.

– Ты приписываешь слишком сложные чувства человеку, который чуть не угробил двоих друзей ради того, чтобы найти сомнительной ценности клад.

– Ничего себе сомнительной! – присвистнул Сергей. – Ты не понимаешь! Клад – это дверь в совсем другую жизнь! Он же мелкий предприниматель, этот Баренцев, крутится-крутится, работает без конца, а результата все нет и нет. Точнее, есть, но его не устраивает.

– Из таких людей получают грабители банков, – хмыкнул Илюшин.

– У таких людей все зависит от случая, – поправил его Бабкин. – Подвернется подходящий случай – ограбят банк. А если нет, могут всю жизнь прожить добропорядочными товарищами. И про них тоже будут говорить – детская преданность, отголоски старой дружбы... А им просто

не представился случай проявить себя с другой стороны. Баренцеву представился, и он себя проявил. Одно мне непонятно...

– Что именно?

– Почему Лешка, избавившись от Максима, не пришел к Куликовой сам? Показал бы зашифрованный текст, попросил по-дружески помочь... Наталья разобрала бы код в две минуты.

– Баренцев никак не мог сделать этого! Ведь он был уверен, что Максим Арефьев мертв. А раз так, Тошка, рано или поздно узнав о смерти друга, вспомнила бы про зашифрованную записку, с которой заявился к ней Лешка, и сопоставила бы одно с другим. Так рисковать он не мог.

– Интересно, если бы Куликова разгадала шифр, что бы он сделал с ней?

– Убил, – без тени сомнения ответил Макар. – С той секунды, как Лешка ввязался в эту игру, он не мог не убивать. Мне странно другое: почему же он сам не разгадал послание Макса, которое тот писал самому себе?

– Как бы у него получилось? – возразил Бабкин.

– Ты ведь помнишь, что Максим с Наташей в юности занимались кодом манускрипта Войнич, и когда придумали свой шифр, то он получился похожим на шифр манускрипта. Все то же самое: текст, рядом рисунок. Шифр очень простой, если догадаться, что не в тексте ключ к рисунку, а наоборот – в рисунке ключ к тексту. Удивительно, что Баренцев не запомнил этого! Ведь наверняка многие разговоры велись при нем – вряд ли Наташа и Максим скрывались от лучшего друга.

– Может быть, и скрывались. Но, скорее всего, самому Баренцеву все эти детские игры были неинтересны, вот он и не узнал, как Арефьев и Куликова могут переписываться. Ему не позавидуешь: убить друга и остаться с писулькой, которую не можешь разобрать! Кстати, мы пришли.

Дверь квартиры им открыла улыбающаяся Тошка.

– Это я заставила папу позвонить вам, – призналась она. – Мне хотелось, чтобы вы тоже на это посмотрели!

В гостиной с крылатыми синими бегемотами, нарисованными на стенах, ждали Максим Арефьев, его отчим и Аркадий Куликов. Обритый налысо Максим в ярко-оранжевом свитере – веселый, счастливый, ничуть не похожий на того полуживого от усталости парня, которого Илюшин и Сергей перехватили возле склада Баренцева, – ходил за Тошкой как послушный пес. Голова его была покрыта нашлепками пластыря.

– Макс, пойдём! – скомандовала Тошка. – На пять минут!

Пока она шепталась с Максимом в соседней комнате, завязался

разговор, быстро возвратившийся к тому же предмету, который обсуждали по пути Макар и Сергей.

– Скажите мне, Макар Андреевич, – попросил Борис Осипович, – зачем Леша так рвался приехать в больницу к Максиму? Мне хотелось бы надеяться, что в нем проснулось сочувствие...

– Боюсь, в нем проснулось лишь желание избавиться от Максима как можно быстрее, – с сожалением сказал Илюшин. – Смотрите: Баренцев ожидает от Наташи результатов расшифровки и внезапно узнает, что ваш сын жив. Максим может умереть, но может и прийти в себя, и тогда задержание Алексея становится вопросом времени. В этой ситуации у него было два выхода: первый – убрать угрозу в лице вашего сына. Но в телефонном разговоре вы сказали ему, что он не попадет в реанимационную палату, и Лешка решил, что этот план слишком сложен и опасен. Можно пойти другим путем: как можно быстрее расшифровать записку, чтобы найти ожерелье, – и бежать. Выживи Максим, и Баренцеву пришлось бы бежать в любом случае, но он не собирался проигрывать. То, ради чего он затеял всю эту игру, должно было достаться ему.

– Это счастье, что вы отговорили его приезжать в госпиталь, Борис Осипович, – подал голос Бабкин.

– Нет сомнений, что, появившись он там, шансы Максима проснуться после операции были бы ничтожно малы, – согласился Макар. – И к Наташе группа успела в последний момент...

– Вспомнить страшно, – сказал молчавший до этого Аркадий Ильич. – Макар Андреевич, если бы не вы с Сергеем... Ведь никто не обратил внимания на этот лист, который Тоша оставила для нас. Даже я.

– Меня он отчасти ввел в заблуждение, потому что я решил, будто ваша дочь расшифровала манускрипт. Я не смог найти связь между ее похищением и покушением на Максима – по правде сказать, никто бы не смог, потому что никто не знал о его привычке писать самому себе «счастливые» письма. Вот я и пошел самым очевидным путем.

Куликов улыбнулся, покачал головой:

– При всем уважении к способностям моей дочери, боюсь, расшифровать рукопись Войнича ей не под силу.

– Зато этот неправильный посыл заставил нас разбираться с ее шифром, – заметил Илюшин. – Хотя и тут, надо признать, мы наделали много глупостей.

Максим, вошедший в гостиную, услышал последнюю фразу Макара.

– Больше всего глупостей наделал Лешка, – спокойно сказал он, – когда решил, что Тошка ничего не поймет и будет послушно

расшифровывать для него мою записку. И еще когда привез ее в свой склад.

– Ну послушай, Максим, а что еще он мог сделать? – спросил Борис Осипович. – С твоим дядей у него прекрасные отношения, тот не лезет в его помещения и не проверяет, что Лешка там хранит. Самое безопасное место для того, чтобы спрятать человека! Между прочим, – добавил он, обращаясь к Макару и Сергею, – вы знаете новости об Александре Сергеевиче?

– Нет. Что за новости?

– Мой дядя самых честных правил, – вместо отчима ответил Максим, – решил, что у него зря пропадает дармовая рабочая сила. И начал с ее помощью производить... Будут предположения?

– Неужели наркотики?

– Ну что вы! Нет, дядю Сашу невозможно представить в роли наркоторговца! Куда больше он похож на кофейного плантатора.

– В каком смысле? – не понял Илюшин. Бабкин усмехнулся:

– Пожалуй, я знаю, о чем идет речь. Неужели Пушкин устроил подпольный цех по производству и расфасовке? Помнится, мы такие закрывали еще лет десять назад... Молотый кофе в лучшем случае делался из порошка цикория, в худшем – из натуральных подкрашенных опилок.

– Дядя Саша использовал цикорий, – подтвердил Максим. – Коробки для кофе клеили сами подростки, он им неплохо платил за это. Дядя во всем признался следователю после того, как взяли Лешку. Думал, что столько суматохи из-за него одного, и решил, что чистосердечное признание облегчит наказание.

– А учителя ничего не знали? – вскинул брови Илюшин.

– Ох, Макар Андреевич, наивный вы мой человек! – воздел руки к потолку Борис Осипович. – Знали, конечно! И все молчали, потому что сейчас поставят нового директора интерната, и еще неизвестно, окажется ли он лучше. Как-никак, Александр Сергеевич по-своему заботился о воспитанниках, хотя иногда превратно понимал их выгоду.

В комнату заглянула Тошка с обувной коробкой в руках:

– Можно, Макс?

– Тош, прости! – спохватился тот. – Вот. – Он выставил на середину комнаты маленький столик, стоявший в углу. – Прощу!

Все собрались вокруг. Тошка поставила коробку на стол и без предупреждения, без всяких предварительных речей откинула серую картонную крышку.

Сергей громко свистнул, а Макар не смог сдержать изумленного восклицания.

– Это то, что я думаю? – недоверчиво спросил он, наклоняясь к содержимому коробки.

– Оно! – подтвердила Тошка. – Да вы возьмите, Макар Андреевич, не бойтесь!

Илюшин взял украшение, поднял его, и солнечный свет заиграл на двенадцати темно-зеленых камнях. На них хотелось смотреть, не отрывая взгляда, как на морскую воду. Грубая почерневшая оправка, местами изъеденная коррозией, почему-то казалась удивительно подходящей для изумрудов.

– Скоро из музея приедут забирать ожерелье, – со вздохом сожаления сказала девушка. – Хотели вам показать, пока не поздно.

– Как вы его нашли?! Рассказывайте сейчас же! – потребовал Илюшин.

– Мне очень помог один старик, который живет в Шаболино, – ответил Максим, довольный произведенным эффектом. – Если бы не он, я бы никогда не сообразил, куда Ольга Провордина могла спрятать клад.

Максим вспомнил лицо Николая Ефимовича, когда его гость снял со стены столетнее седло и положил на рогожу, расстеленную на столе. Нож и прочие инструменты они с Тошкой приготовили заранее. Ему оставалось только аккуратно разделить слои кожи, войлока и дерева.

– Самое смешное, что я читал о таких тайниках раньше, – с досадой признался Максим. – И мог бы сообразить – ведь было известно, что Ольга перед побегом много времени провела в конюшне. Но если изумрудов в здании не нашли, то что она делала там так долго? Она возилась с седлом – пристраивала свой мешочек поудобнее, чтобы он не мешал лошади! Седло смастерили так хитро, что под сиденьем, сзади, у него осталось свободное место. А кожаную полосу пришили таким образом, чтобы толстые нитки можно было быстро распустить, а потом снова затянуть. За сотню лет они сгнили, но кожа и войлок спрессовались, и получилось, что ожерелье утоплено в войлоке. Поэтому оно отлично сохранилось – сами посмотрите!

– Получается, все эти годы оно провалялось в земле? – Бабкин забрал у Макара ожерелье, оказавшееся довольно тяжелым, и рассматривал один камень за другим.

– Нет, ведь его нашел Николай Ефимович и принес домой. Вернее, не его, а седло!

– Оно столько лет висело у него на стене... – проговорила Тошка, любуясь игрой света на изумрудах, – кто бы мог подумать...

– Кстати, старикан был яростным противником того, чтобы отдавать нашу находку государству, – усмехнулся Макс.

– Неужели хотел продать на черном рынке? – заинтересовался

Илюшин.

– Нет, вы плохо знаете Онищева! Ожерелье он хотел повесить в шкафчик, чтобы оно обогатило его коллекцию старинных украшений.

– Между прочим, – заметила Тошка, – оно бы прекрасно смотрелось среди бусиков из бисера.

– Максим, а что же было в той записке? – вспомнил Бабкин. – Теперь-то об этом можешь рассказать?

– Ну конечно! Я написал: «клад в седле». Вот и все. Все замолчали, глядя на ожерелье, снова перешедшее к Тошке.

– Мне очень жаль его бывшую хозяйку, – задумчиво сказала она. – Такая нелепая смерть... Как ее звали, Макс? Ольга... А фамилия?

– Провордина. Только она не умерла.

Он взял у девушки ожерелье, не обращая внимания на вопросительные взгляды, и осторожно положил в коробку.

– Горничная, бежавшая с ней, рассказала, что Ольгу сбросил конь, она упала с обрыва и сломала шею, – сказал Максим, ни на кого не глядя. – Но тело Провординой не было найдено. Я уверен, что она не погибла. Ожерелье Ольга спрятала в седле, но не успела ни взять его, ни предупредить горничную – у них не осталось на это времени. Ее преследовали, и они со служанкой разыграли спектакль, понимая, что не смогут ускакать от погони. Горничная соврала про коня, сбросившего Ольгу, и увела преследователей к настоящему тайнику, в котором остались прочие украшения – ведь Шаболин дарил их любовнице без конца, – а девушка выплыла на другом берегу реки. Коня после поймали, седло осталось у новых хозяев, а сто лет спустя попало в руки Николаю Онищеву. Вот и вся история ожерелья.

– А Ольги? – одновременно спросили Тошка и Сергей.

Максим покачал головой:

– Про Ольгу ничего не знаю. Она выжила тогда, но что с ней стало потом...

– А ее горничная? – живо спросила Тошка.

Служанку не тронули. Она ведь показала тайник. И потом, не чуждый классово элемент, а своя, беднота... Хотелось бы верить, что она жила долго и счастливо, но, боюсь, время было неподходящее для долгой и счастливой жизни.

– Все равно... – упрямо помотала головой Тошка и хотела добавить что-то еще, но раздался звонок. – Ой, это из музея приехали! За ожерельем!

* * *

Стоило Макару и Сергею выйти из подъезда, как поднялся сильный ветер – он вымел начисто весь двор, согнав пыль и мелкий мусор к обочине. Где-то громко хлопнула оконная створка, а развешанные под окнами соседнего дома простыни надулись разноцветными пузырями.

Бабкин бросил взгляд на детскую площадку, хмыкнул и позвал Илюшина:

– Глянь-ка на лягушатину!

Пластмассовое пресноводное по-прежнему сидело на возвышении – кто-то сложил для него высокую горку из песка взамен растаявшего снега. Но теперь лягушка держала в пасти палочку, к которой с одной стороны был примотан пучок перьев, трепещущих на ветру. Макар не сразу догадался, что эта конструкция символизирует стрелу.

– Принца ждет, – уважительно сказал Сергей. – И ведь дождется!

* * *

Королевский суд свершился быстро. Я был объявлен мошенником, злоупотребившим доверием короля, и приговорен к пожизненному заключению. Имущество мое было конфисковано, все: от рудников до земель.

Я пытался оправдаться, уверяя, что стал жертвой обмана, но никто мне не верил. Самое же страшное заключалось в том, что я сам не верил себе.

По ночам меня охватывали мучительные подозрения: что, если я сошел сума? Я слышал о больных, которых обуревали видения, неотличимые от действительной жизни. Под их воздействием больные были способны на самые дикие действия, непонятные окружающим. Примеряя к себе их заболевание, я не находил ни одной причины, почему эта напасть не могла бы одолеть и меня.

Но днем, когда ум мой не сдавался сну, я вновь перебирал воспоминания, будто четки, и казалось невозможным, чтобы все, случившееся у Якоба, оказалось лишь игрой воображения. Я никогда не отличался склонностью к неумемному фантазированию, даже в детстве, – так откуда было вырасти этой болезни? Но самое главное заключалось даже не в этом. А в том, что болезнь не объяснила бы, откуда взялся у меня манускрипт.

В том, что сам я не способен создать подобную рукопись, я не сомневался ни мгновения. Но кто же был ее творцом? Все больше убеждался я в том, что здесь не обошлось без дьявольских козней, но и у дьявольских козней должна быть цель! Неужели враг рода человеческого хотел лишь загнать Эдварда Келли в тюрьму? Безусловно, мне польстило бы подобное внимание, но вряд ли дьявол выбрал для этого столь сложный способ... Иной раз я целыми днями размышлял о том, что случилось со мной, и постепенно события начинали путаться в голове. Темнота, постоянный голод и сырость, от которых я чувствовал себя все хуже и хуже, немало способствовали этому.

В один из подобных дней меня вывел из полузабытья стук миски, брошенной стражником в дыру под дверь. Я нахожусь в том же тюремном корпусе, что и раньше, но в другой камере. Она считается более удобной, чем те, куда бросают обвиняемых до суда: в ней на каменном полулежат четыре охапки сена, которые меняют каждые десять дней, и какое-никакое одеяло. Так что постелью я обеспечен. Дыра в полу да тонкая, торчащая из стены трубка, из которой по утрам ручейком бежит холодная вода – вот и все, что есть в моем новом пристанище.

При слове «удобная» я бы рассмеялся, если б не язвы в уголках рта – они причиняют мне боль и мешают растягивать губы. С каждым днем кашель мучает все сильнее, а кожа на пальцах потрескалась и кровоточит.

Говорят, вскоре меня должны перевезти в другое узилище, где я и проведу остаток своих дней. Север Богемии, замок Гневин – вот что ждет Эдварда Келли. Посмотрим, так ли сыры его подземелья, как эти.

Сидя над миской, я вылавливал из нее куски жира и откладывал в сторону – пригодятся, чтобы смазывать мои раны. В коридоре слышались шаги, проскрежетал засов, и дверь камеры отворилась. В проеме, широко расставив ноги, стоял бородатый рыжий солдат и скалил зубы.

– Что, пора собираться? – спросил я, предположив, что меня перевозят в Гневин.

– Э, нет, – ухмыльнувшись еще шире, ответил он. – Нынче тебя ждет другое развлечение.

Я отставил недоеденную похлебку в сторону и встал. Черт возьми, что за развлечения мне уготованы? Крысы сожрут еду в мое отсутствие, это уж как пить дать. Но выбора не было, и я поплелся следом за солдатом.

Меня повели незнакомым путем, и вскоре из подземелья, где я содержался, мы поднялись в здание тюрьмы. Это настоящая крепость, сложенная из серого камня, и, говорят, в стенах ее замурованы казненные.

Миновав два сторожевых поста, мы прошли через небольшой зал, в котором чадили факелы, свернули в почти незаметную арку – и наконец оказались в длинном прямом коридоре, совершенно пустом. Коридор заканчивался железной дверью, возле которой дремал еще один охранник, отвесив нижнюю губу.

При звуке наших шагов он дернул головой, словно ему на макушку села муха, и проснулся. Солдаты обменялись непонятными мне словами, первый поставил какую-то закорючку на невесть откуда взявшемся листке, и стражник у двери тут же свернул его в трубку и спрятал. Затем, открыв дверь, он подтолкнул меня внутрь.

Я оказался в небольшой комнате с единственным стулом, стоявшим у стены, и зарешеченным окном. Сквозь него я увидел поседевшие от инея холмы и деревья, а над ними – холодное голубое небо, яркое, будто светящееся. Мои глаза, не привыкшие к дневному свету, заслезились, пришлось вытереть их скованными впереди руками. Я ожидал оклика охранника, но его не было, и, обернувшись, я обнаружил, что меня оставили в комнате одного. Что за странности! Я приготовился к неприятным неожиданностям, но, когда дверь снова отворилась, внутрь вошел человек, которого я меньше всего ожидал здесь увидеть.

В том же чистеньком чепце с вышивкой, в котором я увидел ее первый раз, передо мной стояла Молли Сайрус.

Вот когда я пожалел, что руки у меня скованы! Будь моя воля, вытряс бы из мерзавки всю душу, а затем заставил поклясться на Библии в присутствии десяти свидетелей, что рассказ мой о доме Якоба – чистая правда.

– А-а, это ты! – вкрадчивым голосом протянул я, приближаясь к ней.

Молли проворно отскочила в сторону и встала за стулом:

– Господин Эдвард... Как вы изменились!

Я с ненавистью посмотрел на подлую бабенку, трусость которой стоила мне свободы:

– Проведи в тюремных подземельях столько времени, сколько провел я, и посмотрим, насколько изменишься *ты*, малышка!

– Боже меня упаси! – Она перекрестилась с искренним чувством. – Надеюсь, я пришла сюда в первый и последний раз.

– И зачем же, скажи на милость, ты явилась? Убирайся, подлая тварь! Видеть тебя не хочу!

Я зашелся в кашле. Молли смотрела на меня во все глаза, и на миг у меня мелькнула надежда, что мне удастся разжалобить ее.

– Посмотри, на что я стал похож! А ведь мне до конца жизни

предстоит гнить в тюремных подземельях! Молли, моя малютка Молли, вспомни, как хорошо было нам с тобой когда-то! Неужели ты не хочешь все вернуть? Неужели ты позволишь, чтобы твой возлюбленный погиб из-за глупой ошибки?! Ведь ты можешь все исправить! Прошу тебя, умоляю, расскажи о том, что случилось в ту ночь, когда погиб Якоб! Этим ты спасешь меня!

Но она покачала головой. Я вдруг подумал о том, что причиной ее отказа может быть вовсе не трусость... Возможно ли такое, что Молли искренне не понимает, о чем я говорю? И видит во мне лишь помешанного, который бредит, прося ее о чем-то невыносимом?

– Ты знаешь о том, что тела Якоба не было в могиле? О том, что дом его оказался заброшен, и ни единого следа пребывания в нем алхимика мы не нашли? – хрипло спросил я, со страхом ощутив, что вот-вот погружусь в сумасшествие. Если сейчас она скажет, что ничего из сказанного мною ей не ведомо...

Но Молли кивнула, и я испытал невыразимое облегчение. Так, значит, все это было на самом деле! Вот он, живой свидетель произошедшего – стоит передо мной! Глаза у нее блестят, будто от слез, но я-то вижу, что они не заплаканы.

– Ты знаешь?! – Мне потребовалось время, чтобы осмыслить это. – Но откуда?!

– Я приходила в «Хромое Копыто» после той ночи.

– Значит, ты видела, что случилось с домом... Я мучился несколько месяцев, но так и не смог найти объяснения! А впрочем, какая разница... Ты отказываешься свидетельствовать в мою пользу, тем самым обрекая меня на долгую смерть. Так зачем ты явилась сюда?

– Захотела сказать тебе о своих чувствах, – тихо ответила Молли.

Мне стало смешно. Вон оно что! Малышка Молли оказалась сентиментальной и не смогла упустить возможность повидать бывшего любовника в заключении. Я не удивился бы, если б она напоследок решила признаться мне в любви! Но признание не мешает ей молча смотреть, как меня повезут в тюрьму замка Гневин, и ни словечка не сорвется с ее розовых губок, ибо моя бывшая служанка хорошо чувствует, где ее выгода. Она на редкость практичная особа, малютка Молли...

Я подумал о том, что мог бы придушить ее в отместку за предательство. Сделать это не так уж сложно, даже со скованными руками. Нужно только усыпить бдительность Молли, подойти вплотную и набросить руки ей на шею. Глядишь, и мои предсмертные мучения сократятся на несколько лет, ибо я окончу свою жизнь с петлей на шее, как

и положено убийцам.

Но, взглянув на служанку, я понял, что затея моя неосуществима. Молли смотрела на меня так внимательно, да еще и отгородившись стулом, что мне не удалось бы подойти к ней. А жаль – я уже представил, как сжимаю руки, силясь сломать ее шейку.

Что ж, в таком случае Молли Сайрус вместе с ее любовью не должна занимать меня. Я не знал, сколько времени нам отпущено на разговор, но тратить его на эту безмозглую курицу больше не собирался. Куда больше меня интересовал вид из окна. Я подошел ближе и задумался над тем, какой же сейчас месяц... Сидя в камере, я потерял счет времени.

– Эдвард! – тихонько окликнула меня Молли.

Я даже не повернул головы в ее сторону.

– Послушай! – Она чуть повысила голос. – Посмотри на меня.

Я едва взглянул на нее и отвернулся к окну. Сентиментальные прощания не по мне.

– Эдвард! *Посмотри на меня!* – позвала она снова.

Нет, не позвала. Приказала.

Удивленный, я обернулся к ней. Но изумление мое было вызвано не тоном Молли, а некоей странностью в ее словах... Странность эта прежде дошла до моих ушей, и лишь затем я осознал ее.

Молли говорила без акцента.

Простонародный выговор исчез, сменившись правильной речью. Даже голос у нее изменился, став ниже.

Я уставился на Молли во все глаза, пытаюсь понять, куда делась простушка-служанка, обращавшаяся ко мне «господин Эдвард»? Когда она стала говорить со мной на равных? Но самое главное – что случилось с ее обликом?!

Молли выпрямилась, и я заметил, что она выше, чем мне казалось. Черные глаза, блестящие, как виноградины, смотрели на меня так странно, что я даже не смог определить, какое чувство таится в этом взгляде. Сжав губы, Молли Сайрус поднесла руки к завязкам чепца и потянула за них. Чепец свалился с ее головы, Молли тряхнула кудрями, и вдруг мне почудилось что-то отдаленно знакомое в ее облике.

– Ты не узнаешь меня, Эдвард? – спросила она.

Личико у нее побледнело, и тем ярче стали казаться на нем глаза. Именно этот взгляд вызвал во мне смутное, давно забытое воспоминание...

– Посмотри на меня внимательно, Эдвард!

Повинуясь ее голосу, я отрешился от всего, что могло помешать мне, и изо всех сил попытался вспомнить, где же я видел Молли Сайрус прежде.

Теперь у меня не было сомнений, что мы встречались и до того, как я переехал в Прагу.

Воспоминание властно звало к себе. Я подбирался к нему все ближе и ближе; память моя снимала, точно слюду, один слой возраста за другим с облика стоявшей передо мной женщины, и в воображении моем она становилась моложе, моложе, превратилась в девушку... Пока, наконец, не стала совсем юной.

Детские полуоформившиеся черты проявились в лице, на которое я смотрел, расширив глаза, и из него, будто из окна, выглянула худая девчонка – одни косточки да ребрышки, – что когда-то пришла ко мне, умоляя оставить поместье ее старому отцу. В памяти прозвенел ее отчаянный крик, я услышал свист кнута и вспомнил, как свалилась она в придорожную канаву и осталась лежать неподвижно, потеряв сознание – то ли от удара, то ли от беспомощной ярости.

– Ты?! Не может быть!

Я отшатнулся. Удовлетворенная улыбка появилась на лице Молли – нет, не Молли, а той девчонки, выросшей, похорошевшей!

– Отчего же не может быть, Эдвард? – мягко спросила она. – Ты, превративший меня в нищую обесчещенную побирушку, – неужели ты никогда не думал, что отмщение настигнет тебя? Ты никогда не вспоминал меня? Не отвечай. Знаю, что нет, ибо в противном случае ты узнал бы служанку, явившуюся к тебе под именем Молли Сайрус.

– Как тебя зовут на самом деле?

– Разве это имеет значение? Тебя должно волновать другое – сколько еще ты проживешь, страдая, прежде чем умрешь.

Ошарашенный, я вглядывался в ее черты, отмечая, как изменилась она за эти годы. Тело ее налилось, руки загрубели, и лишь кудри остались такими же густыми, как прежде, и в них не появилось ни одного седого волоска. Как же ее звали, ту девчонку?! Черт с ним, с именем... Выходит, все эти годы она хотела отомстить мне!

Я постарался взять себя в руки, хотя это было нелегко – ее глаза прожигали меня насквозь, – и бросил как можно более надменным тоном, желая уязвить ее:

– Ну так что же, малышка Молли, оно того стоило? Раздвигать ноги в моей постели, драить мой дом, готовить мне еду – и все лишь ради того, чтобы полюбоваться на меня в наручниках?

Я ожидал, что она выйдет из себя. Но вместо этого, к моему изумлению, она засмеялась, и смех ее был звонок, как у ребенка.

– Так ты ничего не понял, бедный Эдвард? Ты полагаешь, я пришла,

чтобы насладиться страданиями когда-то великого алхимика, заключенного в тюрьму? И только? Нет же, Эдвард! Я здесь не за этим.

От последних слов ее меня отчего-то передернуло.

– Я расскажу тебе сказку, мой милый Эдвард, – ласково сказала Молли, новая, неузнаваемая Молли. – Сказка моя будет о девочке, потерявшей семью, обнищавшей и вынужденной зарабатывать себе на пропитание самой черной работой. Вскоре после твоего отъезда я похоронила отца, а несчастный случай с тетей лишил меня последнего близкого человека. И тогда мне пришлось покинуть наши края и отправляться туда, где я могла бы найти простую работу – ведь никто не приучал меня с детства мыть полы и чистить горшки. Я не гнушалась ничем. Но одинокой девушке в наши времена приходится тяжело, и, если у нее нет заступника, ей не приходится рассчитывать на спокойную жизнь. Вряд ли ты можешь представить, что мне довелось пережить. Но существование мое облегчилось, когда я встретила союзника.

– Союзника? – неестественно спокойным голосом переспросил я. – Кто же он таков? Какой-нибудь нищий, подобранный тобою?

– Молчи. Этот человек спас меня, хотя погибал сам. Вместе с ним мы смогли выжить. Не стану рассказывать, как долго мы скитались... Но в один прекрасный день наши скитания окончились, ибо я узнала в случайно увиденном на площади алхимике того самого человека, который приезжал в наше поместье. Тебя, Эдвард! Тебя!

– Ты подкупила Марту... – вслух подумал я.

– Да, именно так. Прочее было в моих руках.

В ее руках! О, да! Все, что делала Молли, предстало теперь предо мной в новом свете. Ее уступчивость, ее готовность спать со мной, ее ласковость и безотказность – все это понадобилось ей лишь для того, чтобы подобраться ко мне. И я, похотливый дурак, сам подпустил ее так близко, как не подпускал никого!

– Ты похотливое животное, Эдвард, – отозвалась Молли, слово в слово повторяя мои мысли. – Про тебя говорят, что ты не способен пропустить ни одной юбки. А потому мне не пришлось прикладывать много усилий. А уж как легко ты заглотил наживку с Якобом – я только диву давалась!

Она вновь рассмеялась. До меня же не сразу дошел смысл сказанного ею. «Наживку с Якобом»? Святитель и угодники, о чем говорит эта тварь?!

– Вижу, что тебя гложет тревога, – проговорила Молли. – Ах, до чего же ты оказался доверчив, Эдвард! Мне достаточно было узнать, какие тайные желания владеют тобой... А ты всегда был разговорчив и не стеснялся меня, не правда ли?

– Что значит – наживку? – почти выкрикнул я. – Отвечай!

Улыбка исчезла с ее лица. Перегнувшись через кованую спинку стула, Молли Сайрус наклонилась ко мне и отчеканила:

– Наживка пряталась в подzemелье, и ты попался на нее! Глупый жирный Эдвард, неужели ты до сих пор ничего не понял?!

Она замолчала, глядя насмешливо и торжествующе. И тут внезапно я сообразил, какая странность тревожила мои чувства все время, что я находился в доме Якоба, и страшная догадка озарила меня.

Там не было запаха.

Любой, кто хоть раз заходил в жилище алхимика, знает о том, какой тяжелый дух надолго застаивается в нем. Он неизбежен, этот запах, он впитывается в балки и перекрытия, и достаточно двух месяцев каждодневных опытов, чтобы он въелся в дом навсегда. Химикалии, растворы, растительные яды и прочие вещества, с которыми имеет дело ученый, – все они источают свой аромат.

Но дом, в который привела меня Молли, не пах! Дьявол и все его приспешники, как я мог не заметить этого?! Мне рассказывали о химике, проводившем опыты в подвале, но я не учуял и доли тех запахов, которые должны были витать вокруг меня!

Ложь, черт возьми, все это было ложью!

Я попался в ловушку. И позволил себе быть обманутым.

– Ты все это придумала... – ошеломленно выговорил я, только теперь осознав размах ее замысла. – Никакого алхимика Якоба не существовало!

– Ну конечно, не существовало. – Молли покачала головой, будто удивляясь моей доверчивости. – Он нужен был лишь затем, чтобы ты забрал у него манускрипт.

– Манускрипт... – эхом отозвался я.

– Я долго думала, как мне справиться с тобой... Но все мои замыслы разбивались о твое могущество. Сила твоя, Эдвард, была слишком велика. Ни интриги придворных, о которых ты рассказывал мне, посмеиваясь, ни слова ученых, утверждавших, что ты всего лишь мошенник, не могли повредить тебе в глазах Рудольфа. Кто смог бы справиться с великим Эдвардом Келли, любимцем самого императора? Я нашла ответ на этот вопрос. Только сам император! Он один мог бы лишить тебя всего, и только в его власти было заточить тебя в тюрьму. Но для этого ты должен был сделать что-то, что вызвало бы гнев правителя.

Будь руки мои не закованы наручниками, я обхватил бы себя за голову – до того яснее с каждым ее словом представлялось мне все произошедшее.

– Я могла бы убить тебя, спящего, но твоя смерть была мне ни к

чему, – продолжала Молли. – Я могла сделать так, чтобы тебя обвинили в мошенничестве, – но что тебе было бы с тех обвинений! Если только ты не попытался бы обмануть самого императора. И ты сделал это! Ты поверил в то, что в рукописи записан вожделенный тобою рецепт. Разбросанный по полу золотой песок и пара слитков, спрятанных в тайнике за шкафом, вполне убедили тебя, и ты готов был отдать все за право владения манускриптом. Знал бы ты, как я смеялась над тобой, когда изо дня в день ты приходил к Якобу и уговаривал его продать тебе манускрипт! Твоя страсть распалялась сильнее с каждым новым отказом. Когда же ты заглотил наживку окончательно, мы дернули за нитку...

Я скрипнул зубами, слушая ее. Все, все сходилось... Каким же дураком я оказался! Они нарочно посыпали мелким песком столы в подземелье, чтобы неуклюжесть их попытки бросалась в глаза и наводила на мысль, что в подвале и впрямь была лаборатория. Следы золотого песка на полу убедили меня в том, что из комнаты вынесли золото. Сам же Якоб разыграл умалишенного: «забывал» о том, кто я такой, выводил меня из себя, то прогоняя, то вновь пуская к себе, и в конце концов я впал в подобие лихорадочного состояния, окончательно помутившего мой разум.

Этого-то они и добивались.

– Некоторое время я опасалась, что, отдав манускрипт Рудольфу, ты сбежишь из Праги... Но твоя самонадеянность слишком велика, Эдвард. И потому ты вернулся. Должно быть, ты полагал, что рукопись вот-вот прочтут, а может быть, она уже расшифрована и рецепт извлечен из нее... Но манускрипт НИКОГДА не будет расшифрован! Ты слышишь?! Никогда! Он родился из шутки, из легкомысленной задумки, из моего неумения рисовать и способности Джейкоба выводить несуществующие символы! Поверь, у нас было достаточно времени, чтобы подготовить эту книгу. Возможно, тебе будет небезынтересно узнать, что она третья по счету – первые две мы сочли недостаточно убедительными для тебя. Эта же удалась на славу! Все это время ты держал в руках подделку.

Впрочем, Эдвард, не стану скрывать от тебя – кое-что в манускрипте все же записано. Но к золоту, которое ты так вожделеешь, наша шутка не относится. А код так прост и одновременно так сложен, что, я уверена, разгадать его будет не под силу всем ученым Рудольфа! Если же один из них все-таки догадается, как прочесть рукопись, и сделает это, то будет молчать до самой смерти, не выдав императору секрета.

Я вспомнил о том, как вместе с офицером пытался выкопать тело, а затем осматривал пустой дом.

– Труп Якоба – тоже твоих рук дело?

– А как же? – удивленно отозвалась Молли. – Эдвард, ты все еще не понял? Я знала, что произойдет, я предвидела твои поступки и поступки тех, кто оказывался рядом с тобой. Ты должен был выглядеть лжецом или помешанным, а значит, любое подтверждение твоих слов следовало уничтожить. Ты оказал мне большую услугу, скитаясь далеко от Праги, ибо за время твоей поездки я успела превратить дом в развалины. А Катерина очень помогла нам, когда вы отправились к ней с расспросами. Боюсь, после вашей беседы тебя все-таки сочли умалишенным, бедный Эдвард!

– Толстая баба, соседка, – вспомнил я. – Вот кого я придушил бы с большим удовольствием! Ее ты тоже подкупила, предусмотрительная мерзавка?

Молли покачала головой:

– Она хорошая женщина, Катерина. Однажды ты выставил из дома служанку, которая чем-то не угодила тебе. Конечно, ты не вспомнил ее, увидев во второй раз. Мне повезло – оказалось, что она живет по соседству с «Хромым Копытом». Не пришлось ничего объяснять ей, кроме того, что ее притворство повредит тебе. Этого оказалось достаточно – Катерина тут же согласилась. Я помню, Эдвард, как-то в разговоре со мной ты назвал ее тупоумной коровой... Повторишь ли ты теперь свои слова?

Я молчал.

– Теперь, Эдвард, я могу считать себя отомщенной. Император уверен, что ты – мошенник, подсунувший ему подделку, и тебе никогда не убедить его в обратном! Ты не найдешь ни единого подтверждения своим словам – мы с Джейкобом позаботились об этом. Остаток твоей жизни пройдет в тюрьме, и каждый день ты будешь вспоминать, кому обязан своим падением. Тебя будут грызть мысль, что ты был богат, знаменит, обласкан монархом, и все это пошло прахом! Самое же смешное, Эдвард, состоит в том, что все это время ты был честен с Рудольфом! Кара, которую ты несешь, кажется тебе незаслуженной, и, зная тебя, не сомневаюсь, что ты стонешь по ночам от беспомощной злости на весь мир...

Каждое ее слово попадало точно в цель, ранив меня так, как не ранил бы и кинжал. Эта женщина, будь она проклята, читала в моей душе.

– Быть может, я облегчу твое существование, как ты меня и просил, – сказала Молли. – Знай, что бесславное окончание твоей жизни все же заслужено тобой. Но не событиями последних лет, а тем, что ты сделал со мной когда-то. Утешься этим, если ты способен утешиться.

Она надела чепец и, туго завязав его под подбородком, принялась заправлять выбившиеся волосы. Я следил за ее действиями с таким чувством, с какими приговоренный может следить за действиями своего

палача, проверяющего крепость веревки. Меня охватило желание сказать ей то, что разрушит спокойствие и невозмутимость этой женщины, и вдруг я понял, что это может быть.

– Что ж... Быть может, твоя игра и удалась, малышка Молли, – сказал я с торжеством повешенного, знающего, что и палач вскоре будет приговорен. – Но тот негодяй, твой союзник, которого ты называешь Джейкобом, поплатился жизнью! Пусть тогда я не хотел его смерти, но теперь я готов возносить хвалу Господу Богу каждый день за то, что моя рука не дрогнула! Помню, из него натекло столько крови, сколько не выливается из свиньи, когда ее режут... Ха!

Я усмехнулся, полагая, что наконец-то мне удалось ударить по ее чувствам. Всмотрелся в лицо Молли, ожидая увидеть на нем следы горя или растерянности... Но увидел вовсе не то, на что рассчитывал.

В ее глазах светилось сочувствие.

– Что, что такое? – забормотал я, желая избежать этого сочувственного взгляда, вдребезги разбивающего все мои замыслы. Женщина, потерявшая близкого ей человека, не может так смотреть на его убийцу! Что же я сделал не так?!

– Мой наивный Эдвард, – медленно проговорила Молли. – Ты кажешься таким хитрым... Так оно и есть. Отчего же иногда бывает легче обмануть хитреца, чем несмышленного ребенка?

– Ты не могла обмануть меня в подземелье алхимика! Я никогда не поверю тебе!

– Мне? Что ж, не буду требовать от тебя невозможного. Просто подойди к окну.

Поскольку я застыл на месте, Молли повторила:

– Подойди, не бойся. Ближе, ближе...

Я приблизился вплотную к решетке. Под окном, выходящим на задний двор тюрьмы, была небольшая утоптанная площадка, трава на которой пожухла и съезжилась от холода. А посреди этой площадки, сложив руки за спиной и обратив лицо к нашему окну, стоял человек в длинной сутане – ничуть не похожий на убитого мною алхимика.

– Это не Якоб! – ощутив несказанную радость, воскликнул я. – Кого ты подсовываешь мне, Молли?

Я хотел посмеяться, чтобы хоть в этом одержать над ней победу, но в этот миг бледный солнечный луч упал на лицо человека, стоявшего под окном, и смех застыл на моих губах.

Я узнал его. Я видел его много лет назад – и все же узнал. Моя память на этот раз не подвела – но, клянусь, лучше бы мне оставаться в неведении!

Ибо среди пожухлой травы стоял не кто иной, как священник, которого когда-то я встретил в местечке Треширтон. Тогда он казался юнцом – теперь же это был возмужавший человек с непроницаемым лицом, смотревший в мое окно, не отводя взгляда.

– Конечно же, это не Якоб, – раздался голос Молли за моей спиной. – Якоба никогда не существовало. Была лишь борода Якоба, бельмо Якоба, повязка, рубаха и кровь Якоба. Но его самого не было.

Я хотел закрыть глаза, но проклятое воображение оказало мне дурную услугу, прежде чем я успел это сделать. Против своей воли представил я лик того, кого она называла Джейкобом, обрамленным косматой белой бородой, закрыл ему один глаз повязкой, обрядил его в длинную рубаху – и предо мной предстал Якоб. Нет, не он... Кукла! Лицедей в уличном театре! Играющий в спектакле для меня одного...

Губы мои растянулись в улыбке, и смех начал рваться изнутри – высокий, тонкий смех, столь непохожий на обычное мое фырканье.

– Но кровь... – выговорил я, пытаясь заглушить его, загнать внутрь, – откуда взялась кровь?! Ведь я убил его! Своими руками!

– Твоя шпага проколола пузырь со свиной кровью, – сказала Молли. – Он был спрятан у Джейкоба под рубахой, привязан к телу.

Я вспомнил, как это было, и понял, что у меня не осталось ни одной иллюзии, за которую я мог бы ухватиться. Старик – я все еще мысленно называл его стариком, – нарочно вывел меня из себя, заставил взяться за шпагу. А затем, дождавшись моей угрозы, шагнул и напоролся точно на острие. Даже если бы у меня и в мыслях не было убивать его, все произошедшее выглядело как убийство. В первую очередь для меня самого.

Молли не дала мне осмотреть труп, сказав, что старик мертв. Я тащил наверх живого, вез в тачке живого и рыл могилу для живого. Затем, когда пришло время закапывать его, Молли отвлекла меня, отправив к дороге, а сама наспех забросала яму землей. Голоса, что я слышал, вернее всего, были голосами этих двоих, Молли и Джейкоба.

Священник скрылся в лесу, а я вернулся к могиле, будучи уверен, что в ней похоронен Якоб.

Обман! Все, что эти двое выстроили для меня, было обманом! С дьявольским коварством они сплели сети вокруг того, кто сам считал себя пауком, и мне не разорвать этих пут.

– Ты!.. – Я смотрел на Молли и не находил слов. – Ты... Будь ты проклята!

Она улыбнулась. Этой улыбке мне было не перенести! С криком я бросился на нее, выставив перед собой скованные руки, но Молли

метнулась к двери и заколотила в нее изо всех сил. Дверь распахнулась, и в комнату вбежали солдаты – как раз вовремя для того, чтобы разжать мои пальцы. Я успел вцепиться в горло Молли, и, когда меня оттащили в сторону, на ее коже остались ярко-красные следы.

Но эта женщина не издала ни звука, и в глазах ее не появилось страха. Она даже не прикоснулась к шее, как сделала бы на ее месте любая другая! Скрестив руки на груди, Молли смотрела, как охранники волокут меня к окну, и, пока я изрыгал проклятья, она не проронила ни слова.

Удар под дых заставил меня замолчать.

– Ну что, вроде как хватит? – грубовато спросил мой рыжий солдат Молли. – Раньше он вроде смирный был, на людей не бросался. Хотя, говорят, у него с головой-то не тогось!

– Она всех обманула, – прохрипел я. – Хватайте ее! Вас наградят, олухи!

– Да уж, наградят! – со смехом отозвался второй. – Мы слышали, твое-то золото превратилось в навоз, верно? Заходит его величество утром в казну, а она вся провоняла! Нам такого добра не надо! – И он встряхнул меня так, что я клацнул зубами.

– Я и не знаю, что это на него нашло, – пожаловалась Молли, на моих глазах превращаясь в служанку. – Ох, бедный господин Келли! Я ему все говорила: не надо вам столько сидеть над книгами, от этого ум за разум заходит, а он меня не слушал. Свихнулся, бедняжка – талдычит одно и то же о какой-то рукописи и слышать ничего не желает.

– Так оно всегда и бывает после этих книг, – заметил рыжий солдат.

– Ну что же, прощайте, господин Келли, – обратилась ко мне Молли, изобразив на личике жалость. – Мы с Джейкобом будем молиться за то, чтобы вы...

Она замолчала, окинула меня долгим взглядом, будто желая запомнить навсегда. И выскользнула за дверь.

– За то, чтобы – что? – выкрикнул я ей вслед. – Молли! Вернись! Скажи – о чем вы будете молиться, негодяи?! О чем?! Молли!

Меня, брыкающегося, уже тащили по коридору, а я все выкрикивал ее имя, словно и впрямь обезумев. Эхо отдавалось от каменных стен, повторяясь десятикратно, и весь этот жуткий, огромный серый замок со всеми его узниками, стражниками, крысами и мертвецами, замурованными в стенах, нависая надо мной, ревел, надрывался от истошного крика: «Молли! Молли! МОЛЛИ! МОЛЛИ! МО-О-О-О-ОЛЛИ-И-И-И-И!»

Я пишу эти строки в замке Гневин.

Камера моя не идет ни в какое сравнение с той, в которой я был заточен прежде. Быть может, Рудольф решил проявить милость, а может, начальник тюрьмы, но только в этой комнате есть окно, а перед ним небольшой стол, за которым я могу писать. Кровать узникам не полагается – вместо нее вдоль стены висит прочная сетка, накрытая одеялом. Я многое бы отдал за то, чтобы поспать на настоящей дубовой кровати, застеленной мягким чистым бельем!

По утрам на узкий подоконник садятся голуби, хлопая крыльями, и звук этот тревожит меня. Но прогнать глупых тварей я не могу – мешает решетка, а потому я обречен слушать их.

По моей просьбе мне выдали бумагу и чернила, и я постепенно начал записывать все, что случилось со мной. Я делаю это не для того, чтобы кто-то прочел мои воспоминания, – нет, я знаю, что этого не случится, – но лишь затем, чтобы занять время. Хоть заключенные и работают каждый день, обеспечивая замок водой, времени у нас остается предостаточно.

Мне известно, что Джон Ди вернулся в Англию. Он ни разу не навестил меня в моем заключении. Думаю, я никогда больше не увижу его – равно как и женщину, называющую себя Молли Сайрус. Как ее звали на самом деле? У меня было достаточно времени, чтобы вспомнить это. Имя ее – Элизабет, Элизабет Кроуфорд. Но для меня она навсегда останется Молли.

Восстанавливая события давних лет, я без конца задаю себе вопросы без ответов. Где они встретились, эти двое – священник, не сумевший защитить от меня своих прихожан, и опозоренная девчонка, не сумевшая защитить от меня свою семью? Как они узнали друг друга, по каким приметам? Или же случайный разговор стал началом их связи? Я не могу наверняка знать этого, хотя и желал бы...

Встречалась ли Молли с Джоном, или его собственная ревность заставила старого алхимика солгать Рудольфу и тем самым подтолкнуть меня к гибели? Полагаю, что второе. Вряд ли она раскрыла бы Джону Ди свое истинное лицо. Его никто не видел, кроме ее союзника, напялившего на себя маску лицедея и виртуозно обманувшего меня. Видно, я здорово тогда проредил его паству, раз он столько лет ждал возможности поквитаться.

И дождался. Император отвернулся от Эдварда Келли, а друзей,

способных заступиться за меня перед Рудольфом, никогда не существовало. Мне не выбраться из Гневина, и похоронят меня неподалеку от крепости, так что и в смерти я буду рядом со своей тюрьмой.

Изредка ко мне приходит сон, всегда один и тот же. Сперва мне снится, что я еду в повозке по аллее, а за мной бежит худая девчонка, громко крича на бегу. Я выхватываю у возницы кнут и стегаю ее, чувствуя несказанное удовольствие от вида кровавой полосы, рассекающей ее смазливую мордашку. После отворачиваюсь, и повозка уносит меня прочь, к морю, синеему вдали.

В следующий миг моего сна я оказываюсь на морском берегу, уже один. Нет ни повозки, ни кучера, ни лошадей. Во сне я бреду по берегу, покрытому не песком, а россыпью золота, и вижу вдалеке, на холме, поместье – то самое, откуда я когда-то изгнал старого лорда с его семьей. Неторопливо я приближаюсь к нему, предвкушая, как войду внутрь полновластным хозяином.

Но стоит мне подняться по обветшалой лестнице, как дверь открывается, и навстречу мне выходит Молли Сайрус – взрослая, удивительно красивая. Лицо у нее загорелое и обветренное, а за пышную юбку держится крошечный босой ребенок с темными глазами, блестящими, как виноградины.

– Здесь тебе нет места, – спокойно говорит она, и меня внезапно охватывает страх.

Я отступаю на шаг, спотыкаюсь, скатываюсь вниз по лестнице, бегу прочь по берегу, и ноги мои вязнут в золотом песке, который я и не думаю брать с собой. Откуда-то я знаю, что Молли смотрит мне вслед и волосы ее рвет и треплет ветер. Я спотыкаюсь, падаю в песок лицом вниз и начинаю задыхаться, не в силах подняться и стряхнуть налипшее золото, забивающееся в уши, ноздри, рот...

Просыпаюсь я в поту и в первый миг не могу понять, где нахожусь. Морской берег с домом на холме некоторое время удерживают меня возле границы сновидения. Но затем я постепенно прихожу в себя, отгоняя кошмары, и Молли исчезает – до следующего раза.

Я не знаю, чем объяснить мою уверенность, но меня не оставляет мысль, что так оно все и есть. Молли Сайрус выкупила свое поместье на деньги, что были в мешке, принесенном мной старику Якобу, и теперь живет в нем счастливо вместе со своим мужем. Их младшее дитя похоже на мать, и она баюкает его перед сном, рассказывая ему сказки про колдунов, что умеют добывать золото из песка с помощью заклинаний и удивительных составов. Иногда она упоминает имя Эдварда Келли, и тогда

ночью мне снится сон, в котором я иду по морскому берегу. Но это случается редко, и чем старше становится ребенок, тем реже рассказывает она ему эту сказку.

Скоро они и вовсе забудут обо мне. Я и желаю этого, и одновременно ненавижу их за то, что они посмеют вычеркнуть Эдварда Келли из своей жизни. Ведь, с какой стороны ни взгляни, я немало сделал для того, чтобы их судьбы сложились именно так!

Я начинаю смеяться – и сразу захожусь в кашле. Скоро, скоро он сведет меня в могилу. И я догадываюсь, какое видение промелькнет напоследок перед моим предсмертным взором!

Это будет книга. Тонкая, не толще дюйма, и очень легкая. Рисунки в ней сделаны неумелой рукой, а слова записаны шифром, разгадать который не удалось лучшим ученым императора Рудольфа.

Молли Сайрус и под пытками не признается в том, что же сокрыто в рукописи, – уж я-то ее знаю! Всего два человека хранят тайну, и наступит день, когда они оба покинут этот мир, унося с собой разгадку манускрипта. Истлеют кости, прах смешается с землей, но останется манускрипт – молчаливый свидетель этой истории.

Я предвижу, что когда-нибудь найдется такой счастливец, которому окажется под силу расшифровать его. Это случится не скоро, и пропасть времени, разделяющую нас, не охватить даже мысленным взором. Манускрипт раскроется перед ним, выдавая все свои тайны до единой, но что будет прочитано – покрыто мраком.

Одно я знаю точно.

Эта книга изменит его судьбу.